

Ольга Ярошинская

Ведьма по наследству

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

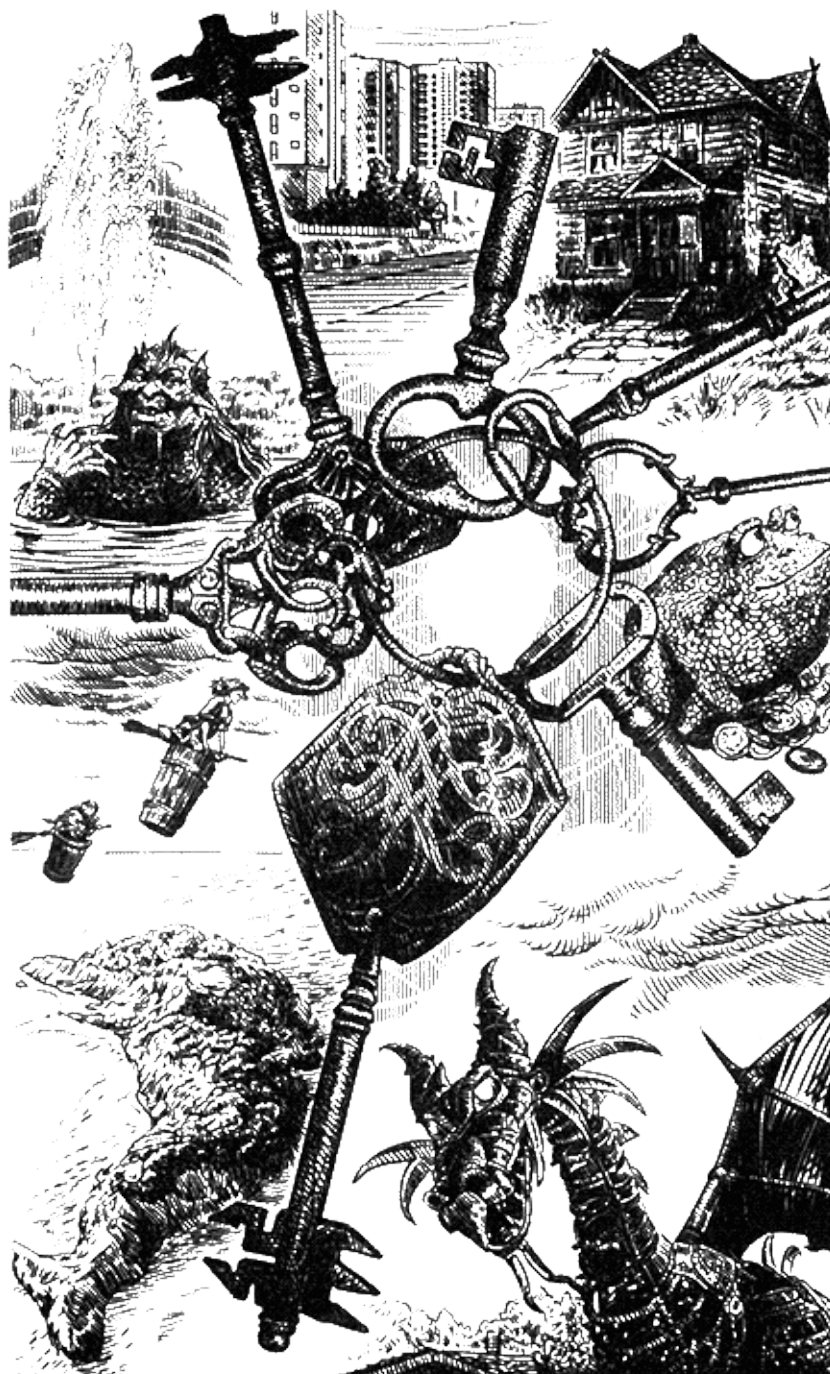
Annotation

Одним прекрасным утром я получила в наследство дом. А в придачу — вредного кота, вязанкудохлых летучих мышей, чучелооборотня и список условий, которые должна выполнять, если хочу, чтобы все это сомнительное богатство стало моим. Моя скончавшаяся прабабка, которую я даже не знала, была ведьмой. Теперь я заняла ее место. Это не так и сложно, когда рядом лучшая подруга и сильный мужчина, готовый встать на мою защиту. Но, похоже, я рано радовалась неожиданному наследству...

- [Ольга Ярошинская](#)

- -
-

Ольга Ярошинская ВЕДЬМА ПО НАСЛЕДСТВУ

Я стояла у плиты, помешивая тягучее варево. Аромат кофе и шоколада

наполнил крохотную кухню так густо, что, казалось, можно зачерпывать воздух ложкой и есть. Осталось совсем немного, и все будет готово. Я насыпала в кастрюльку горсть овсянки, добавила ложку меда и услышала, как кто-то открывает ключом дверь квартиры.

Хозяйка влетела на кухню, даже не сняв ботинки, обшарила взглядом и мой затрапезный халат, и недопитую чашку чая, и грязную тарелку в мойке.

— Бардак разводишь? — Метнулась в комнату и тут же вернулась с несколько разочарованным лицом. — Хахаль уже ушел?

— Нет у меня хахаля, Наталья Борисовна, — обреченно ответила я. — И бардака нет. А вы бы предупреждали, перед тем как приехать.

— С чего это я должна перед тобой отчитываться? Это моя квартира, я сюда могу прийти в любой момент! Кто тебя знает, может, ты тут наркоманский притон устроила. Или бордель.

Я окинула себя мысленным взором: черные кудрявые волосы скручены на затылке в лохматый пучок, пронзенный навылет простым карандашом, на ногах теплые полосатые носки и тапки в виде пушистых зайцев, а довершает образ проститутки ядрено-желтый халат.

Я плотнее запахнула халатик, мрачняя с каждой минутой. Квартира, которую я снимала всего три месяца, находилась почти в центре. Под окном зеленел парк, через дорогу подмигивала вывеска моего любимого спортивного центра, а до общаги лучшей подруги Юльки ходили все троллейбусы. Я отмывала кухню и ванную почти неделю, переклеила обои, ободрав жуткие зеленые цветы с желтыми разводами непонятного происхождения, и теперь квартира полностью меня устраивала, если бы не одно «но» — ее хозяйка.

— Такой бизнес за три дня не раскрутишь, — ответила я. — А вы ко мне на этой неделе уже заезжали.

Наталья Борисовна хмыкнула, расстегнула блестящий алый плащик, уселась на стул, давая понять, что она здесь надолго, потом повернулась к стене и замерла, забыв закрыть рот.

На стене жил город. Узкая мощеная улочка изгибалась вокруг пруда, по поверхности воды плясали солнечные зайчики, яблони протягивали цветущие ветки прямо в кухню, голуби клевали крошки у ног импозантного мужчины, устроившегося на лавочке. Семь метров кухни раздвигались до конца улочки, где виднелась церквушка с витражными стрельчатыми окнами и колокольней.

— Это что?

— Юлька говорит — Прага, — сказала я. — Вы же разрешили все красить-переклеивать, если за свой счет.

Наталья Борисовна задумчиво отхлебнула мой недопитый чай, поморщившись, отодвинула чашку. На фарфоре остался жирный след красной помады.

— Знаешь, Василиса Егоровна, слишком шоколадно ты устроилась, — протянула она. — Живешь тут, как у Христа за пазухой, да еще постные рожи корчишь.

— Рожа уж какая есть, перекраивать не собираюсь, — ответила я и прикусила губу. А вот Наталья Борисовна свои губы, которые с момента нашего знакомства увеличились в размерах втрое, наоборот, надула.

— Еще и огрызаешься, — почти ласково сказала она. — А телевизор из розетки не выключаешь, как я просила.

— Так ведь я дома, — опешила я. — Да и глупо это — каждый раз, уходя из квартиры, все из розеток выключать.

— Конечно, если вдруг замыкание случится, то не твоя квартира сгорит. — Хозяйка хлопнула ладонью по столу. — В общем, со следующего месяца платишь двести.

— Что? — возмутилась я. — Мы же договаривались. Сто пятьдесят — мой потолок.

— Значит, прыгай выше потолка, Василиса, — усмехнулась женщина. Толстые губы растянулись, как два червяка. — А если тебя что-то не устраивает — скатертью дорога.

Она лениво встала, подошла к плите, по-хозяйски зачерпнула ложкой содержимое кастрюльки, подула и, прикрыв глаза, пригубила мой шоколадный шедевр.

Я с наслаждением смотрела, как выпучиваются ее глаза, как пухлая кисть хватается за горло. Наталья Борисовна выплюнула варево в умывальник, лихорадочно набрала в рот воды из-под крана.

— Вы бы хоть спросили, — сказала я. — Это же мыло!

Юлька ответила после четвертого гудка.

— Я на парах, — прошептала она. — Уровень тревоги?

— Красный, — мрачно ответила я.

— Буду.

В телефоне послышались короткие гудки, а я вздохнула и села за стол, на котором остывало шоколадное мыло в фигурных формочках. Даже если я как-то извернусь и смогу платить за квартиру цену, назначенную хозяйкой, так дальше продолжаться не может. А если бы я на самом деле решила привести к себе гипотетического хахаля, а в разгар свидания вломила бы Наталья Борисовна со своей инспекцией? Значит, снова

переезд. Как же мне надоела жизнь на чемоданах! За последние два года я успела сменить четыре квартиры, но мечта о собственном жилье оставалась неосуществимой. Я занималась переводами, репетиторством, делала мыло ручной работы, которое разлеталось, едва успев застыть, но едва сводила концы с концами. Я вытащила из шкафа чемодан, открыла его и положила в центр комнаты. В голодную пасть полетели мои свитера и джинсы.

Юлька влетела в квартиру через полчаса после моего звонка, когда я сидела верхом на набитом чемодане и с тоской смотрела на вещи, разбросанные по комнате. Подруга остановилась на пороге, воинственно перекинула за спину толстую русую косу, вдвое толще ее запястья, обвела взглядом комнату. Я даже умилилась: Юлька — само воплощение нежности и женственности, но сейчас ее голубые глаза сверкали праведным гневом, а на щеках разгорелся румянец — примчалась защищать подругу.

— Каждый раз барахла все больше, — пожаловалась я. — Оно бесконтрольно размножается!

— Это ты только свою косметику собрала? — съехидничала Юлька.

— Святое не трожь!

— Снова переезд? — понятиливо вздохнула она, и я кивнула.

Мы устроились на кухне, и я в лицах пересказала нашу стычку с Натальей Борисовной.

— И знаешь, в этом есть и твоя вина! — обвинила я подругу, забирая у нее тарелку из-под супа, который она выхлебала под аккомпанемент моего рассказа. — Если бы так классно не разрисовала эту стену, моей мымре не пришлось бы в голову завышать цену. Твой талант поднял стоимость аренды!

— Вася, ты точно решила переезжать? — задумчиво спросила Юля, рассматривая творение своих рук.

— А какие варианты? Она за эти три месяца все нервы мне вымотала! Сто раз пожалела, что не заключила официальный договор. Сэкономила, называется. Вот только где мне перекантоваться, пока другую квартиру не найду...

— Может, удастся договориться с комендой, чтобы пустила тебя ко мне в общежитие, — без особой надежды предложила Юля. — В крайнем случае будешь балконами пробираться. Вот недавно рассказывали, к ребятам из сорок первой девчонка по простыням на четвертый этаж залезла.

— Я, конечно, девушка спортивная, но хотелось бы без экстрима.

— Ладно, как-нибудь прорвемся, — махнула Юлька рукой. Она сходила в прихожую, вернулась с портфелем, деловито разложила на столе

краски и кисти, а потом принялась творить.

Я исподволь залюбовалась подругой. Она всегда была симпатичной. Уже в седьмом классе мальчики краснели, заикались и мычали, как идиоты, стоило Юльке поднять на них прозрачные русалочьи глаза. А к девятому классу, когда у подруги внезапно появились формы всем на зависть, от кавалеров отбоя не было. И сейчас, в потоке вдохновения, она была дивно хороша: золотистая кожа подсвечена внутренним солнышком, скулы горят нежным румянцем. Юлька казалась феей, творящей волшебство. Но я знала, что за мягкой внешностью прячется стальной стержень, который удержит ее при любых невзгодах. Мы выросли в небольшом городишке, вместе поступали на учебу в столице. Но если мне сразу посчастливилось пройти конкурс, то Юлька поступила на вожделенный факультет искусств с третьего раза. Она никогда не сдавалась. Засучивала рукава на своих белых ручках и принималась за работу.

Когда она закончила, я села прямо на пол.

— Теперь у меня точно нет дороги назад!

Юлька удовлетворенно осмотрела изменившуюся картину на стене и уселась рядом, вытянув ноги.

Над городом на стене клубился кровавый туман, в нем угадывались вытянутые лица с распахнутыми беззубыми ртами, воздетые в страдальческом безмолвном порыве руки. Трупки голубей валялись у ног господина, вальяжно рассевшегося на лавке. Из-под вздернутой верхней губы мужчины выглядывали клыки. Фасад церквушки оккупировали горгульи. На непроницаемо-черной поверхности пруда плавала одинокая женская шляпка с малиновым цветком.

— Шляпка особенно хорошо получилась, — похвалила я. — Намек на трагедию, недосказанность.

— Мне тоже нравится, — согласилась Юля.

— Может, еще бомжей дорисуешь? — предложила я. — Или гоп-компанию?

— Отличная идея! — Подруга схватила кисти, преисполнившись энтузиазма, а мой телефон вдруг завибрировал, пополз по столу.

— Слушаю. — Я поднялась с пола, сгибая и разгибая затекшую ногу.

— Василиса Егоровна Вороненко?

— Да.

Бесстрастный голос в трубке принадлежал, казалось, женщине без возраста.

— Эльвира Протосовна Мут, нотариальная контора Октябрьского района. Я жду вас завтра в девять часов ровно по вопросу вступления в

наследство.

— Что? От кого? Вы что-то путаете!

— Кабинет номер шесть, девять часов.

В трубке послышались короткие гудки, а я так и стояла, рассматривая бомжа на картине Юльки. Понятно, почему подруге не сразу удалось поступить — пропорции тела мужчины не выверены, рука странно согнута. Но тем не менее мужчина был живой: в чертах лица еще проступала былая интеллигентность, уголки губ трогательно приподнимались, будто ему снилось что-то хорошее. Пустая бутылка лежала у вытянутой руки, поблескивая зеленоватым боком в свете фонаря.

— Наследство какое-то, — пробормотала я.

— Это же здорово! — обрадовалась Юлька, дорисовывая дорожку слюны, стекающую по щеке бомжа и собирающуюся в лужицу. — Вот как подвалят тебе сейчас миллионы!

— Не с моим счастьем, — буркнула я.

Тем не менее ровно в девять часов утра я переминалась с ноги на ногу возле кабинета номер шесть нотариальной конторы. По такому поводу я постаралась одеться официально — черная юбка-карандаш, белая блузка, туфли на каблуках; на плече болталась маленькая черная сумочка, в нее влез лишь паспорт, кошелек и ключи, которые уже через два дня мне нужно отдать хозяйке квартиры. Волосы с помощью подруги удалось укротить, уложив во вполне приличный пучок, зеленые глаза только слегка подведены карандашом. Я надела черную кожаную куртку и пожалела об этом, еще выйдя из подъезда, — с утра подморозило, несмотря на начало мая. Но возвращаться за пальто не хотелось — плохая примета.

Мы с Юлькой весь вечер перебирали варианты, от кого мне могло перепасть наследство. Вспомнили всех: учительницу английского, у которой я была любимицей, соседа по даче, норовившего ущипнуть меня за попу, стоило мне нагнуться за сорняком, заодно перебрали всех бывших.

Я долго не могла заснуть. В кои-то веки был повод порадоваться тому, что я сирота — мне не за кого было переживать. Но кто-то в этом мире оставил мне наследство, значит, как-то выделял среди прочих людей, чувствовал связь, а я даже не знаю, кто это может быть...

Я робко постучала в дверь кабинета.

— Опаздываете, Василиса Егоровна, — отчитал меня уже знакомый холодный голос.

— Ровно девять, — попыталась возразить я, заходя в кабинет, но, увидев нотариуса, поняла, что все слова бесполезны.

Женщина, сидящая за столом, напоминала сфинкса: та же незыблемость, монолитность и невозмутимость. Ее руки лежали на столе параллельно друг другу, большие карие глаза чуть навывкате смотрели сквозь меня, бронзовые локоны одинаковыми спиральками спускались на плечи.

— Приступим, — сказала она. — Моя клиентка, Маргарита Павловна Воронцова, ваша троюродная бабка, недавно отошла в мир иной.

Я молчала, переваривая информацию. Фамилии схожи, имя мне не знакомо.

— Вы не были знакомы лично, — угадала мои мысли Эльвира Протосовна, — но она оставила весьма четкие указания. Вы получаете право пользования всем ее движимым и недвижимым имуществом сроком на год. Если вы выполняете условия, оговоренные в завещании, то через год вступаете в право владения всем наследством.

— Условия? — Я поискала глазами стул или кресло, но так и не нашла, куда опустить свою попу. Кабинет номер шесть не отличался гостеприимством и уютом, стол и кресло Эльвиры Протосовны были единственной мебелью — абсолютно белой, как и стены и потолок. Возле окна, закрытого белыми пластиковыми жалюзи, в глиняном горшке стоял фикус, и я постоянно возвращалась к нему взглядом. Право слово, он казался куда живее нотариуса.

— Здесь всё. — Эльвира Протосовна едва заметно кивнула на большой желтый конверт на краю стола, где стоял лишь маятник с металлическими шариками, прижавшимися друг к дружке круглыми боками, как замерзшие воробьи на веточке. — Ознакомьтесь. Завтра жду вас в это же время.

Я взяла конверт, попыталась всунуть его в крохотную сумочку, поняла, что это бесполезно, и прижала конверт к груди.

— А что за наследство? — спросила я.

— Оно больше, чем вы можете вообразить. — Сфинкс прикрыла глаза, словно забыв обо мне.

Я пробормотала «до свидания», вышла из кабинета, надорвала конверт и вытащила верхний листок.

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, передаю
Василисе Егоровне Вороненко все свое имущество, в том числе:
Дом (переулок Чертополоховый, № 1)...»

Сердце мое оборвалось, а потом заколотилось, как набат. У меня теперь есть дом!

Я влетела в квартиру, на ходу сбрасывая туфли, ворвалась в кухню, сгребла Юльку, колдующую у плиты над сырниками.

— Дом! Дом! Я получила в наследство дом!

Юлька завизжала, мы заскакали по кухне, как две бешеные козы.

— Давай же рассказывай скорее! — Подруга схватила меня за плечи и затрясла, как будто ожидая, что так слова быстрее из меня выпадут.

Я протянула ей конверт.

— Нотариус выдала мне вот это, сказала ознакомиться. А завтра в то же время прийти к ней. Там какие-то условия.

— Какие еще условия? — Спohватившись, Юлька сунула конверт обратно мне, а сама бросилась к сковороде. — Подгорели немного, замаскируем сметаной...

— Я еще не читала.

— А какой размер пошлины надо оплатить? — спросила подруга. — Какие справки предъявить? Там наверняка куча мороки.

Я опустилась на стул, вздрогнула, покосившись на бомжа, нарисованного Юлей как раз на уровне стола.

— Слушай, а ведь она у меня даже паспорт не попросила, — осенило меня. Кровь бросилась в голову, пульс застучал в висках.

— Давай читай, — кивнула на конверт Юля. — Вслух.

Я послушно открыла конверт, вынула лист, исписанный от руки. Чернила были густые, темные, с крупными приставшего песка. Крупный заголовок выделялся наверху страницы витиеватыми закорючками.

— «Условия для наследницы ведьмы», — упавшим голосом прочла я. На кухне повисла пауза, еще более зловещая, чем одинокая шляпка в пруду на стене. Я закусила губу, сдерживая злые слезы обиды.

— Вот сволочи! — в сердцах бросила Юлька. — Что за дурацкий розыгрыш? Хотя ты была бы зачетной ведьмой — буйные кудри, зеленые очи, острый язык...

— А сама? Думаешь, меня обманет твой образ нежного цветочка? Я-то знаю, какие черти водятся в тихом омуте.

— На меня стрелки не переводи, мне ведьмино наследство не предлагают.

— Ладно, проехали. Что там за условия? «Собрать урожай тыкв с огорода, не менее сорока двух штук, использовать в последнюю ночь октября».

— Как использовать? — уточнила подруга. — Сварить тыквенный суп и раздать бедным?

— Написано: «подробнее смотри в книге-чудеснице».

Я заглянула в конверт — пусто. Где эта книга?

— Выбрось какую, — посоветовала Юля. — Кто-то решил поглумиться.

— А вот смотри, последний пункт, наверное, самый важный, написан большими буквами: «Принять участие в шабаше ведьм, надев ведьмин кулон. — Подчеркнуто. Схему прилета смотри в книге-чудеснице». Где эта книга? Я ее хочу! Похоже, там ответы на все вопросы. И что за кулон?

— А метлой, надо полагать, тебя обеспечат. — Юлька села за стол, подвинула ко мне тарелку с сырниками, плюхнула сбоку кляксу сметаны.

— Пункт два. «Кормить кота».

— Без кота честной ведьме никак, — согласилась Юля. — Ешь давай, пока не остыло.

— Не хочется, — вздохнула я, окинула взглядом список. — Понимаешь, когда я прочитала эти строки — «передаю все имущество, в том числе дом», — у меня мозги напрочь отшибло. Такая эйфория охватила! Это было бы решением всех моих проблем.

— Да, как-то подозрительно вовремя это, — заметила Юля. — Может, твоя Наталья Борисовна балуется?

— Если так, то она окончательно свихнулась, — пробурчала я, вставая из-за стола.

— И что теперь? Голодать из-за нее?

— Да все в порядке. Нет аппетита. Бомж и вурдалак как-то не способствуют, — кивнула я, указывая на стену. — Знаешь, а ведь моя мымра на твоём таланте может состояние сколотить. Будет сдавать квартирку желающим похудеть.

Я ушла в комнату. Одежда, не уместившаяся в чемодане, лежала на кресле, книги ровными стопочками перекачались на стол, в пластиковом контейнере устроились свежие кусочки мыла, каждое завернуто в отдельный лоскуток ткани. Что бы я делала без подруги? Я уселась у раскрытого ноутбука, тайком обернулась на дверь, и ввела в поисковик адрес.

Как и ожидалось, Чертополохового переулка не нашлось.

Юлька уехала в общежитие готовиться к семинарам, а я провела день в бытовых хлопотах: собрала вещи, устроила большую стирку, разморозила холодильник. Вымотавшись за день, почти забыла об утреннем происшествии.

Вечером забралась в ванну, от души добавив туда пены. Откинула голову, прикрыла глаза, наслаждаясь успокаивающими ароматами бергамота и можжевельника. Розыгрыш с наследством замаячил на

задворках сознания. Если бы не мои глупые надежды, я бы сразу поняла, что с Эльвирой Протосовной что-то не так. Да у нее даже компьютера на столе не было!

И все же, все же, как бы мне хотелось переехать из съемной квартиры в собственный дом! Стены из бруса, красная черепица, у крыльца кусты пиона с маленькими розовыми тыковками бутонов... Так, не надо про тыквы. Пусть у крыльца будут ромашки, а еще мята. Удобно — вышел на крыльцо, нарвал для чая или мохито... На деревянной двери бронзовый молоток для гостей, ненавижу, когда трезвонят. Пушистая серая кошка ждет меня на подоконнике, таращась в окно желтыми глазищами. Я вздрогнула и открыла глаза. Кошка в моем воображении получилась тощая и злая, как собака. Я села, подтянула колени к груди. А вдруг есть крохотная вероятность, что наследство — настоящее? Вдруг так карты сошлись, что моя далекая чокнутая бабка нашла такого же чокнутого нотариуса? Может, они были подругами, вместе ходили на собрания-шабаши анонимных ведьм, где ели тыквенный суп-пюре и обсуждали нелетную погоду. Тогда где-то в доме номер один в Чертополоховом переулке сидит голодный кот и ждет, когда же наследница явится выполнять пункт номер два — кормить кота.

Я вылезла из ванны, намазалась кремами с головы до пят. Волосы сушить не стала, вечное проклятие кудрявых: переусердствуй с феном, и получи копну на голове в подарок. Вместо этого помяла влажноватые пряди с муссом для укладки, разобрала волосы пальцами. Надев халат, вернулась в комнату и, забравшись с ногами на диван, взяла злополучный конверт. Я вынула лист, повернула другой стороной... и замерла, глядя на карту. Чертополоховый переулок все же есть!

Я шагала по узкой улочке в историческом центре города. Желтые пятна фонарей отражались в лужах, мокрая брусчатка влажно блестела, как рыба чешуя. Я заглянула еще раз в карту, начертанную уверенной рукой. По всему выходило, что Чертополоховый переулок начинается от перекрестка улиц Красивая и Каштановая. Я вышла на указанный перекресток, повертела головой по сторонам. Живописные пешеходные улочки днем расцветали кафешками, любимыми молодежью, здесь часто выступали уличные музыканты, на лавках и прямо на бордюрах устраивались художники. Сейчас только ветер играл с конфетными фантиками да ворошил окурки.

Я поежилась, натянула поглубже шапку, пряча сырые волосы от ночной прохлады. Никакого переулка нет. Значит, все-таки розыгрыш. Я

испытала странное чувство облегчения и разочарования, скомкала листок с картой и собиралась выбросить его в урну, когда мой взгляд упал на рыцарские доспехи, выставленные на углу возле маленького ресторанчика на потеху публике. Рыцарь был укомплектован по полной программе: набрюшник, наколенники, наплечники и прочее, вот только наголовника, то бишь шлема, не было. У меня даже фото есть, где я стою за этими самыми доспехами, подставив вместо отсутствующей рыцарской головы свою. А сейчас над широкими плечами рыцаря, прикрытыми плетеным кольчужным воротом, сияли два желтых глаза.

Я издала тихий сдавленный писк, а потом разглядела кота. Он сидел на плечах рыцаря, сливаясь с ночным мраком; две маленькие желтые луны гипнотизировали меня. Кот вдруг враждебно зашипел на меня, продемонстрировав сломанный клык, спрыгнул с доспехов и юркнул в узкую арку за спиной рыцаря. Стоп! Какая еще арка? Здесь только что была сплошная стена!

Я шагнула за ускользящим черным хвостом, протиснувшись в щель, над головой в лунном свете голубовато блеснула табличка «Чертополоховый пер.». Кот перемахнул через низенький забор и исчез во дворе. Деревья шептались на ветру, пахло прелыми листьями, луна выставила из-за тучи бледную щеку, и дом вырос прямо передо мной.

Я вцепилась пальцами в деревянные штакетины, потянувшись вперед, жадно впитывая детали: стены из бруса, мансарда, над дверью полукруглое витражное окно, на крыше флюгер — женская фигурка верхом на метле. Луна натянула на себя покрывало облаков, и дом словно отступил во тьму. Я выдохнула, разжала пальцы. У меня появилось ощущение, что теперь дом всматривается в меня, осторожно примеряет к себе.

— Я вернусь завтра, — пообещала я. — И мы с тобой познакомимся.

К Эльвире Протосовне я завалилась без стука, бесцеремонно села на край стола, щелкнула пальцами по металлическим шарикам-маятнику.

— Я жажду подробностей, — сообщила я. — Что за ведьмино наследство? Имеет ли какую-нибудь юридическую силу эта бумажка? — Я швырнула помятый листок бумаги на стол. — Что вообще происходит?

Эльвира подняла на меня глаза, рыжие пружинки ее волос вдруг зашевелились, приподнялись, и я аккуратно сползла со стола.

— Доброе утро, Василиса Егоровна, — ответила она, чеканя слоги под равномерный стук шариков. — В документе все написано: ваше наследство — это дом с прилегающим участком, самоходная ступа, а также мебель, домашние питомцы и все прочее, что находится в доме.

— Это же бред, — возразила я. — Моя бабка была не в себе? Старенькая совсем была, наверное.

— Она достаточно пожила, — уклончиво ответила Эльвира Протосовна, — но уверяю вас, сохранила острый ум. Что касается юридической силы документа, поверьте, ваше наследство никто оспаривать не будет. В ваш дом никто не попадет без вашего позволения.

Ваш дом... Слова прозвучали музыкой. Я вспомнила витраж над дверью и запах листьев.

— Так вы согласны? — спросила Эльвира. В глубине карих глаз загорелись белые огоньки, они кружились по спирали, рассыпаясь искрами, затягивая в темную глубину, и я медленно кивнула. — Тогда распишитесь вот здесь. — Голос Эльвиры прозвучал будто из тоннеля, отозвавшись в ушах гулким эхом. — Нет, ручка вам не нужна.

Я почувствовала легкий укол, потом мой палец прижали к листу.

— Поздравляю! — Меня вышвырнуло из водоворота, я ошарашенно осмотрелась, инстинктивно потянула в рот уколотый мизинец. Капля крови алой бусинкой набухла на подушечке пальца. — Теперь вы можете ознакомиться с вашим наследством. — Эльвира брякнула о стол связку ключей. Я сгребла ее, сунула в задний карман джинсов.

— И вот еще — подарок Маргариты Павловны. — Она протянула кулон, качающийся, как маятник, на тонкой серебряной цепочке. В крупном черном камне вспыхивали красные искорки. — Берегите его, он вам пригодится. Именно его вы должны надеть на шабаш.

Я спрятала ведьмин кулон в рюкзак, пошла к выходу.

— И не забудьте, Василиса Егоровна, наследство станет вашим через год, если вы выполните все условия договора.

Последние слова прозвучали уже из-за двери. Я вышла на улицу, майское солнышко окутало меня теплом, и я словно оттаяла. Поднесла к глазам бумажку — договор на пользование имуществом. Внизу листа увидела кровавый отпечаток мизинца. Что это было? Гипноз? Я рухнула на ближайшую скамейку, поморщилась и вынула из кармана ключи, больно впившиеся в попу. Связка была тяжелой и чуть теплой. Один ключ отливал бронзой, головку в форме ромба покрывала хитрая вязь, два желобка шли по штоку, переплетаясь друг с другом, на бородке по обеим сторонам торчали треугольные зубчики. Второй оказался совсем простым: кольцо головки, гладкая ножка и прямоугольный хвостик. Таким мама закрывала одежный шкаф. Она прятала ключ в хрустальной вазочке в серванте, и я всегда клала его на место, перемерив мамин гардероб. От третьего ключа я отдернула руку — он был холодным и немного влажным. Острые черные

зубцы покрывали длинный шток, скалясь во все стороны, прямоугольная головка заржавела. По-видимому, этим ключом бабка-ведьма пользовалась очень редко.

От созерцания ключей меня отвлек звонок мобильного. Я вздохнула, увидев имя, и обреченно поднесла трубку к уху.

— Доброе утро, Наталья Борисовна.

— Кому как, — глумливо ответила хозяйка. — Я смотрю, ты тут уже и вещи собрала.

Я поморщилась, представив, как она ходит по квартире, заглядывает в чемоданы, трогает мою одежду.

— Вы не оставили мне выбора.

— Ой-ой-ой, для такой квартиры, да еще в центре, прекрасная цена. — Она шумно втянула воздух, и я поняла, что она нюхает мое мыло.

— Квартира стала прекрасной после того, как я привела ее в божеский вид.

— Ну так и нанялась бы еще куда полы мыть по вечерам, ты ж девка здоровая, как раз и деньги бы на съем... — Она запнулась и после паузы завопила: — А это еще что?!

Я нажала на отбой. Похоже, она увидела Юлькину фреску. Надо спешить, пока мои вещи не вылетели из окна.

Уезжала я с шумом и помпой. Наталья Борисовна грозила мне страшными карами, взывала к совести, требовала вернуть все как было.

— Это как? — осведомилась я, затаскивая чемоданы в лифт. Хозяйка квартиры была так любезна, что выставила их на лестничную площадку еще до того, как я пришла домой. — Может, снова наклеить обои цвета соплей?

— Зеленый успокаивает!

— Вам бы не помешало, — согласилась я.

Она выдрала у меня из рук ключи от квартиры и гордо удалилась, бухнув за собой дверь.

Я спустилась во двор, в несколько заходов перетащив чемоданы к лавочке, вызвала такси. Дяденька-таксист любезно утрамбовал мой скарб в багажник, уселся за руль.

— Куда едем?

— На пересечение Красивой и Каштановой.

Я несколько раз порывалась позвонить Юльке, но в конце концов спрятала телефон поглубже в рюкзак. Она бы меня в два счета отговорила. Я боялась, что если сейчас не поеду в Чертополоховый переулок, то дом растает, как сон. А вдруг он мне привиделся ночью? Я испугалась до

холода в груди, сжала в руках связку ключей, как талисман. Нет, не может быть. Моего воображения не хватило бы на витражи и флюгеры, это по Юлькиной части. Я нащупала на дне рюкзака кулон, достала его. Крупный овальный камень был темен, как безлунная ночь. Казалось, он поглощает свет, даже в салоне такси будто бы потемнело. Я спрятала украшение глубже в рюкзак — носить подарок бабули совсем не хотелось.

— Где вас высадить? — спросил таксист, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— А вот прямо здесь, — ответила я, завидев знакомые доспехи.

Пока дядька вынимал мои чемоданы, я пыталась разглядеть арку за рыцарем, но солнце нещадно светило, и доспехи сияли так, что было больно глазам. Я расплатилась, подтащила вещи к рыцарю и замерла. Арки не было. Передо мной стояла кирпичная стена без единой трещинки. Я чуть не расплакалась. И что теперь делать? Биться об нее с разгона, как на платформе девять и три четверти?

Я подошла вплотную к рыцарю, ключи тихо звякнули в руке, и стена вдруг поплыла. Кирпичи стали полупрозрачными, будто нарисованными на целлофане, дрожащем на свежем майском ветру. Люди вокруг замедлились, их движения стали тягучими, мальчик на роликах скользил вперед как улитка, завязшая в киселе. Я шагнула назад, и мальчишка вихрем промчался мимо, стена снова стала сплошной. Шаг вперед — и мир застыл. Я подтащила чемоданы вплотную к рыцарю, по одному перебросила их в арку и шагнула следом.

Я поплелась по узкой тропинке, цепляя на чемоданы репы. Обернулась — арка никуда не подевалась, вытянутый проем виднелся в кустах чертополоха, до меня доносился людской гомон. Во внутренний дворик, куда я попала, не выходила ни одна дверь. Стены домов очерчивали ровный прямоугольник, внутри которого спряталась моя избушка. Интересно, что думают о ней соседи?

В окне на первом этаже появилась девушка. Она поливала цветы из пластиковой бутылки и отрешенно смотрела прямо на меня. Я видела розовый страз сережки в ее носу, размазанную тушь под левым глазом, красное пятно на белой майке, прямо на животе, наверное, капнула вареньем. Я помахала ей рукой, но девушка никак не отреагировала. Она посмотрела на безоблачное небо, улыбнулась и скрылась в комнате. Она не видела меня, не видела дома. Кто знает, что за картинка стояла у нее перед глазами, может, глухая кирпичная стена, как позади рыцаря?

А ведь все это существует на самом деле: и наследство бабки-ведьмы,

и гипно-нотариус Эльвира, и таинственный проход в невидимый двор. Вдохнув побольше воздуха, я повернулась к дому. Он не растаял и не испарился: рыжеватые деревянные стены, черепичная крыша, в траве россыпь одуванчиков. Калитка в низеньком заборчике, скрипнув, отворилась. Я не нашла на ней ни шпингалета, ни крючка. Бросив чемоданы прямо на одуванчики, поднялась на крыльцо. На витраже над дверью висел серебристый месяц в звездной пудре. Три ступеньки вели к деревянной двери с бронзовым молотком. Я тихонько постучала, прислушиваясь. Подергала ручку двери — заперто. Простенький ключ вошел в замочную скважину как по маслу, повернулся, и дверь в мой дом открылась.

Под ноги бросилось что-то черное, я отшатнулась, едва не свалившись со ступенек. Кот запрыгнул на забор, зашипел на меня оттуда, выгнул спину и убежал прочь, задрвав хвост.

— Я смотрю, мне здесь рады, — пробормотала я и вошла в дом, озираясь по сторонам.

В доме царили сумерки. В тонких полосах света клубились пылинки, половицы под ногами тихо скрипели. В прихожей на одноногой вешалке уныло поникло зеленое пальто, бордовый шарф высунулся языком из рукава. Две пары калош резко контрастировали с алыми длинноносыми сапожками. Металлическая лестница спиралью закручивалась на второй этаж, но я решила оставить мансарду на потом. Я прошла в комнату и в ужасе застыла на пороге, осторожно шаря рукой в поисках чего-нибудь тяжелого.

На меня скалился огромный волк. Длинные клыки торчали из-под вздернутой губы, нос сморщился. Волк стоял, припав на передние лапы, готовясь к прыжку. Я кинулась за вешалку, схватила сапожок, выставив вперед острый каблук. Волк даже не пошевелился. Я выглянула из-за вешалки, подумав, швырнула в него сапожком. Тот отскочил от головы зверя, шлепнулся на пол. Волк по-прежнему стоял неподвижно. Я осторожно подошла ближе, волк пялился в сторону прихожей. Чучело!

Я облегченно вздохнула и осмотрелась. Теперь я точно поверила, что попала в дом ведьмы. Деревянные стены были увешаны гирляндами из сушеных лягушек, вязанки трав источали тяжелый горький запах. Все было уставлено оплавленными свечами: длинный скобленный стол, подлокотники кресел, каминная полка, на черном полу белели потеки воска. С потолочных балок свисали крюки, о назначении которых не хотелось думать, тяжелая кованая люстра заросла паутиной.

— Миленько, — пробормотала я и решительно отдернула шторы.

Атмосфера ужаса слегка рассеялась, я прикинула, что потребует самых больших усилий по приведению в божеский вид, и первенство безоговорочно получил черный от сажи котел, висящий в камине размером с пещеру.

В углу, куда солнечные лучи не доставали, спрятался террариум, покрытый изнутри зеленоватым налетом. Я наклонилась поближе, едва не ткнувшись носом в стекло, и встретила взглядом с желтыми кругляшами с вертикальными прорезями зрачков. Жаба, огромная, как ведро, пристально пялилась на меня через мутное стекло. Еще одно чучело? — успела подумать я, когда жаба надула щеки двумя желтыми пузырями, внутри у нее заклокотало, захрипело, глаза выпучились, а потом жабу вырвало горстью золотых монет. Она быстро-быстро загребла перепончатыми лапами к себе, пока не собрала все монетки под бледное брюшко, плюхнулась сверху и воззрилась на меня с невозмутимым видом.

Я всхлипнула и лихорадочно стала рыться в рюкзаке. Слава богу, здесь есть мобильная связь! Я ткнула в кнопку быстрого набора и с облегчением услышала голос подруги:

— Вася, я уже собиралась сама тебе звонить...

— Можешь приехать прямо сейчас? Уровень тревоги... Блин, Юля, только что на моих глазах жабу вырвало золотыми монетами!

— Ты где?

— В своем доме.

Я встретила Юльку возле рыцаря, схватила за руку, потащила за собой.

— Куда? — только и успела вскрикнуть подруга, как мы оказались в арке. Хорошо, что я сильнее, иначе так и топтались бы у кирпичной стены.

— Вот, — указала я на дом. — Видишь?

— Он настоящий! — ахнула Юлька и обернулась назад. — Ты протащила меня сквозь стену!

Я лишь махнула рукой, расплывшись в счастливой улыбке. Больше всего я боялась, что дом существует только в моем воображении. Но раз Юлька тоже его видит, то сдаваться санитарам рано.

— Пойдем, ты офигеешь!

— Да я уже, — пробормотала Юля, но послушно пошла за мной.

— Волк не живой, — бросила я через плечо, — не пугайся.

Мы вошли в дом, и Юля замерла. Ее и без того большие глаза расширились, загорелись восторгом.

— Вася! Это просто потрясающе! — Она бегала по комнате, трогала камин, продавленные кресла; поскребла ногтем воск на полу. — Какой

аутентичный дизайн! Ты только взгляни на эти балки!

Я посмотрела вверх, увидела под потолком гроздь дохлых летучих мышей, и быстренько отвела глаза. Юлька остановилась у террариума. Жаба подгрребла под себя лапы, сильнее прижалась пузом к дну, так что, как назло, не было видно ни одной завалящей монетки.

— Ладно, с этим потом разберемся, — сказала Юля. — Я читала, бывают галлюциногенные жабы. Ты ее, часом, не облизывала?

— Конечно, облизывала, — согласилась я. — Ты ж меня знаешь — хлебом не корми, дай только жабу облизать. Вот как вижу незнакомую жабу, так сразу слюнки текут.

— Амфибрахий, — прочитала Юля табличку в углу террариума. — Вот и познакомились.

Подруга ткнулась в узкую дверь в углу, за которой оказалась до обидного обычная кухня: дубовые шкафчики, овальный стол, под одной ножкой которого для устойчивости лежала тонкая книжка, на стене календарь за прошлый год с Валерием Леонтьевым в сетчатой майке, в углу гудел двухметровый холодильник. Я с опаской заглянула туда, но нашла только заплесневелый кусочек сыра да твердую как камень палку салами. Плита выглядела старомодной, с латунными ручками и тяжелой решеткой над газовыми конфорками, духовка оказалась идеально чистая.

— Наверное, бабка в основном котлом в зале пользовалась, — сказала я. — Выкинуть его надо, там слой копоти в полметра.

— Ты что? — возмутилась Юля. — Ты же теперь наследная ведьма! В чем будешь варить свои колдовские снадобья?

Я заметила у стены под окном пустую тарелку.

— Кота надо покормить! — вспомнила я.

— У меня сметана есть, — сказала Юлька, снимая с плеча сумочку. — Я как раз из магазина выходила, когда ты позвонила. Еще булочки с изюмом и шоколадка.

Я сполоснула тарелку над латунной раковиной, вода текла вполне чистая и теплая. Рядом стояло початое средство для мытья посуды. Поставив тарелку на пол, положила в нее сметаны. Кот материализовался из приоткрытой форточки и, отодвинув черной башкой мою руку, принялся вылизывать сметану, жадно чавкая. Запавшие бока вздрагивали, порванное левое ухо развернулось в мою сторону.

— Кота уже назвала?

Я покачала головой, потянувшись погладить питомца, тот яростно зашипел, ударил меня лапой, оставив на кисти три алые царапины.

— Ёшкин кот! — завопила я, отдергивая руку.

— Как вариант, — кивнула Юлька. Она споро вытащила из сумочки маленький стеклянный флакончик, зубами выдернула пробку и плеснула содержимое на мои свежие царапины.

Я ахнула, замахала рукой.

— Надо ведь было продезинфицировать, — рассудительно заметила подруга.

— Что это? — прошипела я сквозь зубы.

— Духи, всучили пробник. Кажется, «Нина Риччи».

— Приятный аромат, — приняухалась я.

Кот запрыгнул на подоконник, повернул ко мне морду, перепачканную в сметане.

— Отойду-ка я, от греха подальше, — пробормотала я. — Вот так его и назову — Грех. Черный и страшный.

Кот фыркнул и принялся умыться. Похоже, он недостаточно меня уважал, чтобы отзывать, какое бы имя я ему ни придумала.

Мы вернулись в прихожую, обойдя чучело волка по широкой дуге, поднялись по спиральной лестнице, гулко топая по железным ступеням. В мансарде оказалось еще три комнаты. Я, на правах хозяйки, выделила для себя самую большую. Если выбросить — а лучше сжечь — красные бархатные шторы с золотыми кистями и жуткий балдахин над кроватью, на который осело пару мешков пыли, то жить можно. Вторую комнату я определила Юле. Там было относительно миленько: ни жаб, ни летучих мышей. В углу приткнулся безликий коричневый диванчик, стол, погребенный под книгами, стоял у полукруглого окна эркера.

— Лунные дни огородника, — прочитала Юля название книги. — Тебе пригодится, тыквы выращивать.

— Далеко не прячь, — кивнула я. — Поищи там что-нибудь про котов. Как воспитать кота и не прибить его тапкой. Заставь кота уважать себя.

— Есть только книга по таксидермии, — предложила подруга.

— Нет уж, хватит с нас волка. Выглядит как живой! Меня чуть удар не хватил!

Третья комната оказалась самой настоящей лабораторией: всюду склянки, банки, колбы и реторты, полки уставлены плоскими и чугунами. Я с интересом перебирала деревянные ступки с измельченными травами, нюхала тягучие масла в крохотных пузырьках.

— Вася! — воскликнула Юля из-за двери. — Я переезжаю к тебе!

Я прибежала на крик подруги и замерла на пороге самой шикарной ванной, которую я когда-либо видела. Бассейн, выложенный мозаичной плиткой, переливался всеми оттенками синего цвета, душевая кабина была

больше, чем кухня, разрисованная Юлей на съемной квартире.

— Ради такого я сама эти тыквы посажу, — пообещала Юля. — И буду их полоть и поливать, и что там еще надо делать с тыквами...

— Окучивать?

— Как скажешь.

— Там еще куча условий.

— Ни слова больше! — Юля прижала палец к моим губам. — Все детали потом. А сейчас будем праздновать!

Мы сходили в магазин, который был совсем рядом с домом, купили закуски и вино. Я уверенно прошла через арку, и тут услышала недоуменный Юлькин вопль. Она стояла у входа, потирая ушибленный лоб. Я протянула руку, взяла подругу за шиворот и втащила в подворотню.

— Без тебя не войти, — поняла она.

— Может, со временем дом и тебя признает за хозяйку, — понадеялась я. — Или придется мне каждый раз тебя встречать. Хорошо хоть мобильник ловит.

Мы откупорили бутылку вина и переходили с бокалами из комнаты в комнату, делясь открытиями. В кладовке я нашла ступу, в которой мы легко поместились вдвоем, но она никак не хотела взлетать, несмотря на все наши «абракадабра», «фокус-мокус» и «вира-майна». Мы по очереди примеряли старую шляпу колпаком, съезжали на скорость по перилам лестницы и спорили, кому целовать Амфибрахия, который нервно трясся на горке монет. Потом мы перебрались в мою спальню, устроились на кровати, сдернув балдахин на пол и застелив чистое белье. Я зачитывала условия договора, скрепленного моей кровью.

— «Заработать колдовством не менее тридцати золотых за год», — прочитала я. — Это как? Я колдовать не умею.

— Слушай, надо тебе снова наведаться к этой Элеоноре Портосовне, — пробормотала Юля, откидываясь на подушки. — Пусть объяснит толком, что к чему.

— Она жуткая, — сказала я. — У нее волосы шевелятся, будто змеи у горгоны Медузы. И белые огоньки в глазах.

— Все равно сходи, я настаиваю. Она обманом заставила тебя подписать договор. Так нечестно!

— Все вроде неплохо вышло, — легкомысленно ответила я. — У меня теперь есть двухэтажный дом в центре города, с участком.

— Бесплатный сыр, — сказала Юля, подливая вино в бокалы.

— Но и я не мышка, — возразила я. — Вот один пункт меня всерьез

волнует: «Ежемесячно выполнять договор с инкубом». Инкуб — это демон?

— Вроде бы, — задумалась подруга. — Вот и спросишь, что за договор. По каждому пункту надо пройти. — Она ткнула в середину листа: — Смотри в книге-чудеснице. Где эта книга? Почему не выдали?

— Как думаешь, я тоже этого... того?

— Ведьма? — спросила Юлька. — А то! Видела бы ты себя, когда мыло варишь, — сплошное колдовство.

— Я серьезно.

— А помнишь, как ты боялась политологию сдавать, а преподаватель с гриппом слег, и у вас аспирант принимал? Или как Варька-стервозина прямо перед тобой споткнулась и в лужу грохнулась? А еще ты ешь в три горла и не толстеешь.

— И все это потому, что я ведьма?

— Нет, конечно, — сонно улыбнулась подруга. — Препод подхватил вирус, Варька — корова, а не толстеешь, потому что фитнесом занимаешься и наследственность хорошая.

— Так я ведьма или нет?

— Да забей, — махнула рукой Юлька и отвернулась, удобно устроив голову на подушке. — Если захочешь — будешь ведьмой. Тебе идет черный цвет, особенно с алой помадой... Там видно будет. Утро вечера мудренее.

Проснулась я от того, что кто-то со всей дури колотил в дверь. Каждый удар отзывался в голове тупой болью, и казалось, что стучат прямо в моей черепной коробке.

— Да иду уже! — крикнула я и поморщилась от собственного голоса.

Я спустилась по лестнице, протопала на стук и наткнулась на запертую заднюю дверь. Я вернулась в прихожую, нашарила ключи в рюкзаке, висящем на вешалке, и поспешила назад. Стук не прекращался. Маленький ключик не подошел, я сунула в замочную скважину бронзовый ключ и поскорей распахнула дверь, чтобы избавиться от ужасного грохота.

И замерла. Передо мной стоял высокий мужчина с русой бородой, мышцы плеч бугрились от напряжения под полотняной рубахой и кольчужной жилеткой. Он держал на весу длинный блестящий меч, в котором я, скосив глаза, увидела собственное отражение: волосы сбились и стояли кудлатой башней, как у Мардж Симпсон. Я запоздало поняла, что не смогла найти в чемоданах сорочку, поэтому стою сейчас перед незнакомым мужиком в длинной майке, едва прикрывающей попу, с надписью «улетная девчонка».

Мы продолжали молча разглядывать друг друга. Я разумно решила, что лучше предоставить право слова мечнику, а то ляпну чего-нибудь не того — и голова с плеч.

— Ведьма! — воскликнул он.

— Где? — Я испуганно обернулась.

Мужчина опустил меч, скользнул по мне взглядом, смущенно отвел глаза.

— Позволишь войти? Я воевода Ярополк Всеволодович. По царской воле слежу за порядком в наших краях.

Я услышала легкие шаги позади себя, из-за плеча выглянула Юлька.

— Ой, это вчерашние стриптизеры? — обрадовалась она. — Мы все же их заказали? А то я смутно все помню...

Позади воеводы топтались два рослых парня, жадно разглядывая наши с Юлькой фривольные наряды. Она, в отличие от меня, сумела найти, что надеть, и теперь щеголяла в моем желтом халате.

И тут я поняла, что кирпичные стены домов вокруг двора исчезли. За забором стелился сочный луг, солнце висело над ельником, окаймлявшим горизонт, справа, внизу холма, как шляпки грибов выглядывали деревянные крыши избышек. Петух прокукарекал совсем рядом, и мы с Юлькой синхронно поморщились. Я увидела во дворе колодец и указала на него воеводе:

— Водички принесешь?

Ярополк нахмурился, спрятал меч в ножны, закатал рукава и взялся за ворот. Люблю смотреть, как люди работают, особенно так споро и ладно. Воевода притащил ведро, без подсказки повернул на кухню.

Мы с Юлей гуськом прошлепали следом, зачерпнув воду из ведра, жадно приникли к чашкам.

— Меня Василиса зовут, — представилась я, вытирая губы. — Я здесь новенькая, только вчера наследство получила.

— Да вся деревня ваш шабаш слышала, — хмуро сказал Ярополк. — Я поэтому и приехал.

— Какой еще шабаш? — возмутилась Юля.

— А я тебе говорила — не ставь Бибера. В общем, ошибка вышла, — сказала я. — Нету тут ведьм. Мы обычные девушки.

— Обычные девушки ведьмины избы не наследуют, — возразил воевода. — Не отнекивайся, Василиса, я тебя, ведьму, сразу почую! — сердце колотится, как в припадке, нутро плавится.

Юлька захихикала, но получив от меня локтем в бок, заткнулась.

— Я к твоей тахикардии не причастная, — ответила я. — И вообще,

чего надобно?

— Порядок такой: ведьма должна присягнуть царю на верность, служить верой-правдой... или хотя бы не сильно пакостничать. К тому же беспокойно в царстве, из Сумеречного леса то и дело темные твари выбираются... Подсобила бы?

— Это как? — опешила я.

— Разные могут быть варианты, — задумался Ярополк. — К примеру, сов-разведчиков запустить хорошо бы, или такое зелье сварить, чтобы наши воины непобедимыми стали. Со старой ведьмой мы ладили. Хоть и мерзкая была бабка, а все же можно было договориться.

— А мне какая выгода вам помогать?

— Мы, к примеру, за это не будем тебя сжигать.

— Умеешь ты убеждать, Ярик, — вздохнула я. — Расскажи еще про бабку, — попросила я, усаживаясь на стул. — Какая она была?

— Старая, страшная, злобная ведьма. — Каждое слово припечатывало, как приговор.

— Как она умерла?

— Ее нашли в огороде, уже холодную. Может, сердце прихватило, да и старая она была, лет триста тут жила. Две недели назад похоронили. На церковное кладбище поп не пустил, так что могилка возле леса, под ивой у пруда.

Светло-голубые глаза Ярополка уставились на мои голые ноги, и я рефлекторно натянула майку ниже, прикрыв колени, но вырез в итоге растянулся едва не до пупка. Воевода вскочил, чуть не опрокинув стул, и поспешил к входной двери.

— Ты осваивайся, Василиса, и если что надобно будет, то я тут, в деревне. Только сама долго по округе не гуляй, сразу ко мне иди, спросишь воеводу, меня все знают. А то ведьм в деревне не особо любят.

— Приятно было познакомиться, — выкрикнула в широкую кольчужную спину воеводы Юлька. — Хорошенький, — добавила она, когда дверь с грохотом закрылась. — Глазки такие красивые.

— Симпатичный. — Я набрала еще водички из ведра. — Вкусная! А холодная — аж зубы сводит.

— Побрить бы его еще...

— Нашла о чем думать! — запоздало возмутилась я. — У нас тут проход в другой мир открылся, а ты — побрить, хорошенький! Видела бы ты, как он на меня мечом замахивался! Хорошо, я с похмелья тупила, а то не было бы у тебя подружки.

— Ладно, помнится, вчера у нас созрел план: позвонить нотариусу и

потребовать объяснений. Похоже, она единственная в курсе двух миров и всех этих условий про тыквы.

Я сходила за мобильником, нашла номер в памяти.

— Алло, Элеонора Портосовна, — сказала я в трубку. — То есть Эльвира Протосовна. Это Василиса...

— Говорите. — Если бы голосом можно было заморозить, я бы уже упала на пол и разбилась на миллионы ледяных осколков.

— У меня появились вопросы по поводу наследства. Могли бы вы кое-что разъяснить?

— Консультация — пять золотых за час.

— Сколько? Это по какому курсу?

— В рублях я консультирую только по делам техномира.

В трубке раздались короткие гудки. Я нажала на отбой и пошла в комнату. Жаба в террариуме словно почувствовала, что пахнет жареным — повернула голову, вжалась влажными телесами в пол.

— Нам надо раскулачить Амфибрахия, — твердо заявила я.

Я натянула желтые резиновые перчатки едва не до локтей, нацепила на нос очки для плавания.

— Тут пишут, что железы жаб впрыскивают яд, только если хищник их прокусит, — прочитала Юлька с ноута. Она встала рядом со мной и раскрыла сиреневый зонтик, я покосилась на нее с недоумением. — Но лишняя осторожность не помешает.

Прячась за Юлькиным зонтиком, я опустила руки в аквариум, сжала влажные бока Амфибрахия, пальцы погрузились в вялую тушку. Я попробовала его приподнять — не тут-то было. Амфибрахий будто приклеился к полу, уперся кривыми лапами, как бульдог.

— Попробуй его спихнуть, — посоветовала Юлька. — Подтолкни под попу.

Я попыталась засунуть руку под жабу, выскрести монетки, но Амфибрахий вдруг надулся, в шее у него что-то заклекотало, и я в испуге отдернула руки.

— Он весит килограммов двадцать, — пожаловалась я. — И лапами держится.

— Давай лопатой подковырнем, — предложила Юля.

— Пораним еще. Он только с виду грозный, а так мягонький. Да и в условиях было что-то про жабу.

Юлька сбегала в спальню, принесла листок.

— «Пятый пункт, — прочитала она. — Кормить златоносную жабу по

четным дням, десять червей не менее вершка длиной». А ведь сегодня шестое!

Червей я нарыла в навозной куче за сараем. В этом мире у меня был сарай, заваленный всяким барахлом, вниз по холму сбегал заросший бурьяном огород, упираясь в частокол, увешанный чугунками, сирень у дома цвела предгрозовым облаком.

Я опустила червей в мисочку в углу террариума, поставила рядом плоску с чистой водой и ушла на кухню под пристальным взглядом Амфибрахия, а за углом присела и на четвереньках вернулась назад в комнату, держась ниже террариума, стоящего на приземистом колченогом столике. Жаба некоторое время сидела без движения, потом поковыляла к тарелочке.

— Давай! — взвизгнула Юлька, стоящая на стреме на лестнице в прихожей.

Я подскочила, запустила руку в террариум, сгребла горсть монет и отпрыгнула в сторону. Амфибрахий метнулся назад, упал на кучку золота, растопылив лапы, червяки расползлись из тарелки по всему террариуму.

— Ну что, сколько там? — приплясывала от нетерпения Юля.

— Семь, — пересчитала я монетки. — Прости, бро, мне это правда было нужно.

Жаба презрительно отвернулась. Длинный язык розовой молнией выстрелил в червяка.

— Он утешится, — успокоила меня Юля.

Юлька отправилась в общежитие за вещами, я взяла с нее клятву, что одну она меня здесь не бросит. А я шаталась по дому, прибирая следы вчерашнего шабаша. На столе высилась горка мандариновых шкурок, пол усыпали фантики от шоколадных конфет. Чучело волка обзавелось веночком из привядших одуванчиков. Я стянула венок, бросила его в мешок для мусора, отряхнула макушку волка от сора и, заметив какое-то движение, склонилась ниже, развернула шерсть. Блохи бросились врассыпную под моими руками. Я взвизгнула, отскочила в сторону и, схватив рюкзак, выбежала из дома.

Вернулась я с тремя флаконами шампуня из зоомагазина. Поразмыслив, обвязала волка бечевкой под передними лапами, потащила вверх по лестнице волоком, стараясь не обращать внимания, как гулко стучит голова зверя по ступенькам. Я поставила чучело в душевую кабину, включила теплую воду и, надев злополучные желтые перчатки, принялась мылить густую шерсть. На глаза наворачивались слезы то ли от жалости, то

ли от брезгливости, то ли от едкого звериного запаха. Я старалась не смотреть на слив, где в грязной пене кишели паразиты. Похоже, я застряла в ванной надолго.

Там Юля меня и застала.

— Представляешь, арка меня пропустила, — сказала она, крутя на пальчике ключи от дома, которые я ей вручила перед выходом. — То ли дом признал меня за свою, то ли ключи так работают. А ты что делаешь? Разве это было в условиях — банные процедуры для чучела?

— Нет, — ответила я, прилаживая к голове волка козырек на резинке, в котором я любила кататься на велосипеде. — Это чисто моя инициатива.

— А кепка зачем?

— Чтобы мыло в глаза не попало, — ответила я.

— А чучелу не все равно?

— У него блохи. Он живой.

Я в очередной раз смыла пену с боков волка и, будто в подтверждение моих слов, почувствовала, как под руками бухнуло сердце.

Юлька ахнула, прижала руку ко рту.

— Боже мой! Ведьма его заколдовала?

— Похоже, что так. Представляешь, какая мука? Он стоит тут неизвестно сколько и даже не может почесаться!

Я распрямилась, держась за поясницу.

— Слушай, Юля, поищи, пожалуйста, в чемоданах мое масло с календулой.

Подруга быстро вернулась с бутылочкой, в которой перетекала янтарная жидкость. Я обильно смочила густую шерсть, стараясь втирать масло поглубже.

— Вот так, сейчас зуд уймется, — бормотала я. — Тебе станет легче. Потом тебя высушим, расчешем, и хоть на выставку.

Я вытатила волка из душа, поставила на пол в ванной. Пожертвовав собственным полотенцем, хорошенько вытерла мокрую шкуру. Закапала в ореховые глаза капли из того же зоомагазина.

Юлька присела рядом, потрогала черный нос.

— Влажный, — сказала она. — А изо рта как несет!

Она тщательно вычистила волку зубы новой щеткой, как смогла, выполоскала пасту шлангом из душа. С шерсти быстро натекла лужа.

— Без фена не обойтись, — сказала я. — Юлька, может, ты займешься? А я пока душ почищу и сама помоюсь. У меня теперь у самой все зудит. То ли нервное, то ли тоже блохи.

— Сделаю, — кивнула подруга, а я залила в поддон душа чистящее

средство и принялась за работу. Прикидывая, сколько всего мне еще придется отмыть, чувствовала себя Золушкой, а не ведьмой.

Отдраив душ, а потом и себя, я завернулась в полотенце и выбралась в ванную. Волк стоял все в той же позе, слегка припав на передние лапы, нос был сморщен, из-под верхней губы выступали длинные клыки. Но теперь шерстка у него пушилась, как у плюшевой игрушки, а на макушке меж ушей торчал маленький хвостик, завязанный розовой резиночкой.

Юля задумчиво перебирала пальцами шерсть.

— Как думаешь, ты сможешь его расколдовать? — спросила она.

— Окстись, мать, — удивилась я. — Мое знакомство с магией заканчивается гаданием на картах в летнем лагере.

— А ведь ты тогда очень точно все предсказывала, — задумалась Юля. — Ведьмино наследство обычным девушкам не достается — так ведь воевода сказал. Твоя троюродная бабка — ведьма, значит, и в тебе ведьмина кровь, пусть капелька, но все же. И ведь есть в тебе что-то такое, колдовское, — то погоду предскажешь, то билет на экзамене. Цыгане от тебя всегда шарахались. А ты сама сразу людей чувствуешь, — кто врет, от кого лучше держаться подальше. А какое мыло у тебя получается! Мои соседки по общежитию готовы всю стипендию за обмылок отжалеть. Способности надо развивать. Это то, что дано свыше.

— А вдруг этот дар, так сказать, с нижних этажей? — спросила я. — Если ведьмина кровь — проклятье?

— Всякий дар можно использовать во благо, — отрезала Юля. — Раз ведьма смогла заколдовать волка, то другая сможет его освободить, не так ли?

— И что потом? Он сожрет нас в качестве благодарности? — резонно возмутилась я. — Посмотри на его морду! Это же хищник. Как пить дать, сожрет и не поморщится. Он ведь и голодный поди, как... как волк.

Юля вздохнула, потрепала острые серые уши.

— И все-таки это неправильно. Жестоко.

— Ладно, можешь тут предаваться жалости, а я — к нотариусу. И если я опять назову ее Портосовной, это будет по твоей вине.

— За пять золотых можешь звать ее «эй, ты!».

Вопреки совету подруги, в кабинет нотариуса я вошла, постучавшись и вежливо поздоровавшись. Еще свежа была память о шевелящихся рыжих локонах и белых нечеловеческих огоньках в глазах Эльвиры Протосовны. Хозяйка кабинета в белом костюме сидела за столом, положив руки перед собой. Напротив нее появился стул, я осторожно присела на краешек.

Нотариус выжидательно смотрела на меня, и я, спохватившись, вынула из рюкзака пять золотых монет, положила их одну за другой на полированную холодную столешницу. Эльвира сгребла монеты в приоткрытый ящик стола, достала оттуда песочные часы. Белая струйка медленно потекла вниз.

— Что вы хотели узнать, Василиса Егоровна?

— Вы человек? — ляпнула я.

— Мы будем обсуждать меня или вопросы, относящиеся к наследству? — Эльвира многозначительно посмотрела на часы, изогнув тонкую рыжую бровь.

— Вы правы. — Я вынула изрядно помятый договор на пользование домом и листок с условиями. — Во-первых, хочу заметить, что вы обманом заставили меня скрепить договор, так что в случае чего я буду его оспаривать.

Эльвира пристально посмотрела на меня.

— У кого вы его будете оспаривать, Василиса?

— У царя, — нашлась я. — Он ведь там главный?

— Хорошо, — легко согласилась Эльвира. — Но ведь вы решили оставить наследство? Вам понравился дом?

— Он странный, — задумалась я.

Тем не менее нотариус была права, дом мне понравился. Если его хорошенько отмыть, будет конфетка. Перед встречей с Эльвирой я приняла душ, оделась, а потом выпила чашку чая, сидя на ступеньках на заднем дворе, выходящем в иной мир. Пчелы кружились вокруг сирени, гудя, как паровозики. Издали доносился шум деревни. Я вытащила наружу волка, чтобы он проветрился на свежем воздухе. Ветерок гладил его по вздыбленной холке, обнажая светлый подшерсток. И в какой-то момент я поняла, что наслаждаюсь каждым мгновением. Да, мне определенно там нравилось.

— Тогда пройдемся по условиям, — предложила Эльвира.

Мы продвигались вниз по списку, обводя кружком пункты по очереди. Простая шариковая ручка в гладких руках Эльвиры смотрелась как-то неуместно. Весь кабинет был совершенно белым и стерильным, искусственный голубоватый свет лился из прямоугольной лампы на потолке, из окна, закрытого жалюзи, не проникало ни лучика, ни звука. А вдруг за окном Эльвиры тоже другой мир? У меня руки зачесались проверить свою догадку, но нотариус строго на меня посмотрела, и мы вернулись к бумагам.

Больше всего меня озадачил пункт, согласно которому я должна была

выполнять условия договора с инкубом.

— Инкуб — демон похоти, — разъяснила Эльвира. — Мужского пола. Кроме плотских утех его ничего не интересует, так что, полагаю, именно это ему и надо.

— От моей бабки?

— Почему нет? — Эльвира Протосовна нисколько не удивилась. — А теперь от вас, Василиса.

— А если я не согласна?

— Инкуб должен быть удовлетворен. Иначе этот пункт условий останется не выполненным.

— И что тогда? — вспыхнула я.

— Тогда, Василиса Егоровна, вы теряете право пользования наследством. — Она вынула из стола желтый конверт — точь-в-точь такой же, как у меня. — А я вручу договор следующей наследнице. Или вы думали, вы единственная потомственная ведьма? Вам нужно продержаться на условиях Маргариты Павловны ровно год, начиная со вчерашнего дня. Потом вы вольны делать что хотите, в том числе расторгнуть договор с инкубом. Вы станете полноправной владелицей дома с выходом в два мира.

— А что это за мир?

— Когда-то миры были едины. — Мне показалось, что на безучастном лице Эльвиры проскользнула затаенная грусть по былым временам. — Но после великого разлома они разделились: в вашем мире развитие пошло по технократическому пути, в том мире осталась магия, а некоторые миры и вовсе погибли. Воспоминания о магическом мире остались в виде сказок и легенд, и почти все они правда, быть может, слегка приукрашенная. Географически это дубль вашего мира за исключением рукотворных изменений земной поверхности. Политическое устройство царства, в котором расположен ваш дом, — абсолютная монархия. В других странах существует разброс вариантов вплоть до парламентской республики.

Во время политического экскурса я слегка заскучала и, в конце концов, бесцеремонно перебила Эльвиру:

— Но если я могу проходить в тот мир, значит, и из иного мира к нам могут попадать разные существа?

— Разумеется, — кивнула Эльвира и обвела кружком еще один пункт договора. — Более того, согласно условиям, составленным вашей бабкой, вы обязаны провести в ваш мир три сущности, которые не являются ни людьми, ни животными. Это могут быть демоны, вампиры и любые другие существа, в которых есть магия.

— А вот этот пункт, — ткнула я пальцем в лист, — заработать

ворожкой не менее тридцати золотых за год...

— Тут, по-моему, все понятно, — невозмутимо заметила Эльвира.

— Но я не умею колдовать!

— Так научитесь, Василиса. Возьмите книгу-чудесницу, начните с простых заклинаний — привороты, отвороты, бытовой сглаз.

— Где эта книга?

— Она должна быть в доме, поищите хорошенько. Маргарита Павловна была опытной ведьмой, книга ей была ни к чему, так что, возможно, она валяется где-нибудь в чулане.

— А что мне делать с воеводой? — вспомнила я. — Он требует, чтобы я присягнула на верность царю, хочет сов-разведчиков...

Эльвира откинулась на спинку кресла и выразительно посмотрела на часы. Последняя белая песчинка упала вниз.

Я вынула из рюкзака мобильный; по всему выходило, что я сижу здесь уже час. Быстро время пролетело. Эльвира все так же молча не сводила с меня глаз.

— А шабаш? — ткнула я пальцем в последний пункт. — Я должна принять участие в шабаше, надев ведьмин кулон. Что я там должна делать? Зачем кулон?

Эльвира безучастно молчала. Похоже, бесплатно она мне ничего не скажет. Я встала, натянула лямки рюкзака на плечи.

— Что ж, спасибо за консультацию, — сказала я.

— С радостью встречусь с вами еще раз, Василиса Егоровна. За пять золотых.

— Понятно, — буркнула я. — Надеюсь, дальше сама разберусь.

— И я надеюсь, что вы сумеете выполнить все условия Маргариты Павловны. Мне хотелось бы закрыть это дело.

— Всего доброго, — попрощалась я и, не выдержав искушения, шагнула к окну. Быстро раздвинула полосы жалюзи и отскочила прочь, ослепленная раскаленным добела солнцем, зависшим над красной каменной поверхностью, изъеденной кратерами.

Эльвира Протосовна посмотрела на меня с укоризной, привстала, тугие рыжие локоны чуть шевельнулись.

— Любопытство до добра не доводит, Василиса...

Я пулей выскочила из кабинета, дверь за мной захлопнулась. Мужчина в деловом костюме, проходящий по коридору, посмотрел на меня с удивлением. Интересно, как бы он отреагировал, если бы я пустилась в объяснения: понимаете, мол, получила наследство от бабушки-ведьмы, теперь мне надо год выполнять ее условия — кормить по четным дням

златоносную жабу, колдовать помаленьку, ублажать инкуба. А потом, если я справлюсь, ее дом станет моим по праву, если, конечно, нотариус о чем-нибудь не умолчала. Она, знаете ли, не совсем человек. А за окном у нее неведомая планета, где по безжизненной пустыне ветер гоняет красную пыль.

Ясно, как бы мужчина отреагировал на подобные откровения: если социально сознательный, то вызвал бы санитаров, а если нет — убежал бы прочь, сверкая подошвами блестящих туфель.

Мужчина тем временем скрылся за поворотом, не подозревая, в какой опасной близости от потомственной ведьмы он только что был. Я хмыкнула себе под нос и пошла домой. Надо, в конце концов, найти эту книжку-чудесницу.

Первым делом, протиснувшись через узкую арку, я обошла вокруг дома. Как я и думала, задней двери в нашем мире не было вовсе. Дом окружала зеленая лужайка, усыпанная солнышками одуванчиков, по забору гулял Грех, жмуря от удовольствия желтые глаза, по-видимому, в этом мире ему нравилось больше. Он зашипел на меня, прижав уши к голове.

— Так-то встречаешь хозяйку? — с укоризной спросила я. — А знаешь, что у меня в пакете? Целая пачка отменного кошачьего корма. Специально для пожилых котиков. Ты ведь старичок, судя по виду, вон какой облезлый.

Кот, фыркнув, сиганул с забора и умчался прочь, а я вынула из пакета новенькую блестящую миску, насыпала в нее сухих вонючих комочков и, оставив угощение для кота на крыльце, пошла в дом. Потрепав по ушам оскалившегося волка, сняла с нижнего клыка чуть влажную записку: «Ушла на занятия, буду в четыре. Ю.».

Я стянула рюкзак, повесила на вешалку. Пошаталась по комнате, поскребла ногтем сажу на котле, попыталась сдернуть вязанку дохлых летучих мышей, но не дотянулась. Можно было бы придвинуть стул, но мне не особо хотелось к ним прикасаться. Перебрала книги на полке над камином, с удивлением наткнулась на собрание сочинений Гоголя, но книжки-чудесницы как не бывало. В конце концов, я вышла во двор.

Солнце в этом мире светило будто бы так же, как и в нашем, и даже висело с той же стороны. Сирень одуряюще пахла, белые капустницы кружились над одуванчиками. Я уверенной походкой вышла за скрипучую калитку и направилась в деревню. Должна же я разведать, что к чему!

Тропинка вилась вниз желтой лентой, окаймленной пушистой травой, потом раздавалась вширь, сливаясь с еще двумя узкими тропками и

превращаясь в утоптанную дорогу. Я ловко переступала коровьи лепешки, размазанные колесами телег, не забывая смотреть по сторонам. За низким плетнем женщина развешивала белье перед домом. Длинный подол она подоткнула за пояс, так что были видны бледные колени, русую косу закрутила вокруг головы. Запоздало подумала, что мои джинсы не очень-то подходят к обстановке. Зато синяя рубашка в мелкий цветочек то, что надо — скромно и мило.

Женщина выронила корыто, уставилась на меня.

— Ведьма! — сипло выдавила она.

Двое пацанов выскочили из-за угла дома, повисли на заборе, жадно меня рассматривая.

— Привет, селяне! — Я взмахнула рукой, и ребятишки с визгом умчались, спрятались за мамкину юбку.

Насторожившись от такого радушного приема, я пошла дальше. Сурового вида бородатые мужики задвигали за спины жен, сверля меня взглядами, в щели заборов высывались любопытные конопатые носы. Шепоток несся впереди меня, как шум прибоя: ведьма, ведьма, ведьма... Так, сопровождаемая всеобщим вниманием, я толкнула тяжелую дубовую дверь под вывеской «Печальный лось» и вошла в таверну.

Я уселась за стойку, рассматривая помещение: потемневшие бревенчатые стены, украшенные коваными подсвечниками, печь в полстены, за столами на лавках сплошь мужики, так и замершие с ложками в руках. Судя по запаху, сегодня в «Печальном лосе» подают уху.

— Чего желаете? — За стойкой появился мужик с лохматой рыжей бородой.

— Сок есть? — спросила я.

— Только из помидоров.

— Пойдет, — улыбнулась я и бросила на стойку золотой. Надеюсь, у него будет сдача. Оставлять чаевые такому угрюмому бармену я не собиралась.

Мужик попробовал монету на зуб, достал кувшин, в глиняную кружку потекла густая красная струя. Я отхлебнула сок, покатала во рту — неплохо.

— Вы откуда к нам? — подал голос мужик. Вряд ли его называют барменом. Корчмарь?

— Оттуда, — неопределенно махнула я рукой. — Получила в наследство дом на холме, вот решила познакомиться с соседями.

— Новая ведьма, — неодобрительно проговорил он.

— Типа того. — Я откинула кудри за плечо, пожалуй, надо будет

научиться плести косы. — Но я пока только осваиваюсь. А мою бабушку вы знали?

— А то! — Глаза у корчмаря стали колючие, злые. — Ее тут все знали. Думали, слава богу, померла, избавились от колдуньи, уж сколько крови она попила, а тут на тебе — новенькая, молодая.

— Ну знаете, — возмутилась я. — О мертвых или хорошо, или никак. А я вам пока ничего плохого не сделала!

— Пока... — задумался мужик, поскреб пятерней лохматую бороду. — Мужики, а ведьма-то совсем молодая, зеленая. Сколько тебе годков?

— Не ваше дело, — отрезала я, озираясь.

Мужики повставали с мест, заслонили двери.

— Так что, будем ждать, пока в пору войдет?

Мужики зашептались, затолкались, придвигаясь ближе. Я хотела вскочить со стула, но бармен схватил меня за волосы, дернув сильно, до слез, прижал щекой к шершавой столешнице. Второй рукой, ощутимо воняющей рыбой, зажал рот.

— На костер ее! — послышался первый неуверенный крик, который тут же подхватили остальные мужики. — На костер!

Меня выволокли на улицу, протащили до площади у церквушки. Грубые руки сжимали плечи, подталкивали в спину, от рубашки отлетело несколько пуговиц. В рот засунули кляп, которым, судя по запаху, совсем недавно протирали столы. Я не успела опомниться, как меня привязали к высокому столбу, заведя локти за спину. Я тряхнула головой, отбрасывая спутанные пряди, перед глазами все расплывалось от слез. К ногам натащили бревен, хвороста. Детишки, только недавно прячущиеся за мамками, теперь скакали вокруг меня, корча рожи.

Я мычала, пытаюсь вытолкнуть языком кляп. От толпы отделился бармен.

— Ты спрашивала, знал ли я твою бабушку...

Он подошел ближе, и я увидела острые копытца, выглядывающие из-под его штанов. В дорожной пыли осталась дорожка полукруглых следов.

— Пришла она как-то, потребовала телячьих отбивных, съела все до крошки, тарелку чуть не вылизала языком своим змеиным, а потом сказала, что мясо жесткое, как у старого лося. И вот я уже который год копытами цокаю.

Мне удалось выплюнуть кляп.

— Зато на обуви небось сэкономишь, — заметила я.

— Огня! — взревел бармен, схватил протянутый факел и, подойдя вплотную, поднял с веток кляп и заткнул мне им рот. — Не дергайся,

ведьма. Все твоё оружие — пакостные слова да колдовские взмахи, но руки мы тебе связали, а поганый рот заткнули. Знать бы, как тебя звать, чтоб потом на могилке написать...

— Её зовут Василиса, — ответил вместо меня низкий мужской голос. — Отойди прочь, Парнас.

Широкие плечи в полотняной рубашке заслонили меня от мужиков, я всхлипнула от облегчения — воевода!

— Не лез бы ты, Ярополк Всеволодович, — недовольно протянул седой старик. — Парнашка дело молвит. Пока ведьма силу не набрала, лучше её того-этого... Нет ведьмы — нет проблем.

— Проблемы начнутся, когда я царю доложу о вашем самоуправстве, — негромко сказал воевода. Он вынул из кожаных ножен меч, взмахнул им, описав блестящую дугу, и факел упал у его ног, рассыпавшись угольками. — Ведьма под моей защитой.

Народ поскущел и стал потихоньку расходиться. Ярополк вытащил кляп, перерезал веревки, и я упала ему на руки.

— Василиса, я же сказал, спросишь воеводу, когда в деревню пойдёшь, ну куда ты сама полезла! — Он журил меня, неся, как маленькую, а я уткнулась носом ему в шею и глотала слезы. Мне до сих пор не верилось, что меня могли сжечь. Меня собирались сжечь!

Опомнившись, я вывернулась из объятий воеводы, обернулась к селянам и громко выкрикнула, выпростав к небу кулак:

— Вы об этом сильно пожалеете!

Как будто в подтверждение моих слов ветер подхватил пыль на площади, завертел её маленьким смерчем, вдали горестно взвыла собака. Воевода сердито схватил меня в охапку и потащил к дому.

Дома меня встретила Юля, она встревоженно выслушала краткий пересказ событий из уст воеводы и побелела как мел. Потом обняла меня так сильно, что ребра затрещали.

— Пусти, — прохрипела я, но она только мотнула головой. Кто бы мог подумать, что у такой нежной девушки железные бицепсы. — Мне бы чайку сейчас горячего, нервы успокоить.

— Я сейчас! — купилась на мою уловку Юлька и унеслась на кухню.

Воевода наблюдал за нами с интересом, потом прошелся по комнате, присел перед оскаленной мордой волка.

— Лютый все ещё здесь, — тихо сказал он. — Бедняга.

— Лютый? У него была кличка? — удивилась я.

— Не кличка, он ведь не собака. Имя. Как и у всякого оборотня.

— Ого! То есть это не просто волк?

Воевода бросил на меня быстрый взгляд, обошел волка с другой стороны.

— Он неплохой был парень, Лютый. Людей не трогал, а что пары овец бывало недосчитывались, так то, может, и не его вина. Он на дичь больше охотился.

— Вася! — Юля появилась в дверях кухни. — Ты должна его расколдовать!

— Ну вот, — застонала я, — теперь она от меня точно не отвяжется. Знала бы как...

— Василиса! — Воевода произносил мое имя нараспев, гласные тянулись, как мед. — Ты на самом деле ни черта не умеешь?

— Не-а, — мотнула я головой. — Я переводами занимаюсь с английского и еще мыло варю. А колдовать и не пробовала.

Ярополк присел на стул, запустил пальцы в русую гриву. Концы волос были слегка влажные, на левом виске виднелся шрам — три параллельные полоски, будто от когтей. Когда он нес меня домой, легко, как пушинку, я по большей части размазывала сопли по его мускулистой груди, но все же успела заметить, какие сильные у него руки и широкие плечи. И пахло от него приятно — мылом и травой, а пшеничные ресницы, подсвеченные солнышком, оказались длинными, как у девчонки...

— Непокойные сейчас времена, Василиса, — прервал мои мысли Ярополк. — И в твоих интересах обрести хоть какую-то силу. Иначе проглотят тебя и не поморщатся.

— Угу, а перед этим зажарят, чтоб вкуснее глоталось, — добавила я.

— Вась, а может, брось ты это все? — предложила Юля. Она принесла мне дымящуюся чашку чая, обняла за плечи.

— Верно подруга говорит. Ведьмина дорожка скользкая.

— Нет, — упрямо тряхнула я головой. — Это мой дом.

Я обвела взглядом темные стены, закапанный воском пол.

— Воевода, мне ждать какого-нибудь нападения? Ночью с факелами к дому не придут?

— Василиса, твой дом — крепость, в самом настоящем смысле слова. Ведьма такие чары на него наложила — сто лет не развеются. Во-первых, в этот дом никто не может войти без разрешения хозяйки, — начал загибать он пальцы. — И ты уж думай, Василиса, прежде чем кого-то впускать. Во-вторых, дом не подвержен непогоде. Сколько было ураганов, деревья с корнем выворачивало, а этот дом стоит как вкопанный. В-третьих, ты думаешь, его никогда не пытались сжечь?

— Пытались?

— На моей памяти раз пять. Последний — Парнас, когда копытами обзавелся. Не горит.

— Вот пироман хренов, — выругалась я. — Ладно, с селянами разберемся потом, а сейчас — за уборку.

— Подожди, Василиса, давай решим еще один вопрос. — Ярослав схватил меня за руку, усадил назад на стул. Руки у него были горячие и чуть шершавые. — Ты должна присягнуть на верность царю. Чем раньше, тем лучше. Да и мне спокойнее будет. Так что давай завтра поутру рванем в столицу.

— Это было бы интересно, — задумалась я. — Юльку можно взять? Ты как?

Юлька взвизгнула, подпрыгнула от радости:

— Ради такого я даже универ прогуляю!

— У ведьмы есть подруга, — покачал головой воевода. — Как такое вообще может быть? Ладно, возьмем. Только, девушки, — он чуть смутился, — нарядитесь уж поскромнее.

— Нужны сарафаны? — деловито осведомилась я.

— Только не штаны, — взмолился Ярополк. — А то вас прямо во дворце и сожгут.

— Ладно, сиди тут, сейчас оценишь мой наряд.

Мы с Юлькой метнулись на второй этаж; чемоданы лежали в комнате открытые, но не разобранные. Сначала следовало повытряхивать ведьмино шмотье из массивного дубового шкафа. Интересно, как она его затащила вверх по узкой винтовой лестнице? Я вынула стопку джинсов, швырнула на кровать.

— Я надену синее, которое на выпускной купила, — решила Юля, перебирая вещи во втором чемодане. — И туфли красные. Слушай, Вася, как думаешь, можно в этом мире фотки сделать? Все обалдеют!

— Можно попробовать. — Я вынула черное облегающее платье, слегка мерцающее на свету. — Вот это длинное.

— Меряй, — велела Юлька, — хотя оно, конечно, все равно развратное.

— Другого длинного у меня нет. Ты же знаешь, я больше мини люблю.

— Надевай скорей! Я хочу увидеть лицо воеводы, когда ты спустишься в этом.

Я быстро натянула платье, облепившее меня, как вторая кожа, сунула ноги в переплетенные ремешки босоножек. Мне и самой не терпелось увидеть реакцию Ярополка. Когда он сел на маленький кухонный стульчик,

мне захотелось свернуться на его коленях кошечкой. Если бы он при этом начал меня гладить, я бы точно замурлыкала. Конечно, такая реакция на него связана с тем, что он меня спас. Но теперь я только и думала, как бы вернуться в горячие объятия моего героя, только чтоб без костра.

Я спустилась по лестнице, стараясь громко не стучать каблучками, но Ярополк услышал мои шаги и встал со стула. Его лицо вытягивалось по мере моего приближения, и когда я покрутилась перед ним и вопросительно посмотрела в глаза, он выдохнул:

— Нет, Василиса. Да... Да, но нет.

— Это как понимать? — спросила Юлька.

— Платье красивое, и Василиса, но... — Он взмахнул рукой, тщаь объяснить.

— Очень грудь видна? — снова вмешалась подруга. — Так такое декольте грех прятать.

На кресло запрыгнул кот, вопросительно уставился на Юльку, выпустив когти в подранную и без того обивку.

— Гляди, Грех запомнил свое имя! — обрадовалась я. — Яр, а станут ли от ведьмы требовать строгого соблюдения приличий? У меня есть еще сарафан розовый, в цветочек, но какая я в нем ведьма? А мне бы убедить в этом народ, чтобы меня не торопились проглатывать.

— Логично, — одобрила мои рассуждения Юля. — К тому же, Ярик, все остальные платья у нее выше колена. Потому что ноги у Васи тоже выше всяких похвал.

— Это я уже знаю, — пробурчал в бороду воевода. — Ладно, похоже, завтра во дворце вы произведете фурор. Но думаю, я сумею отбить вас от поклонников, если что.

— Кстати, — запоздало вспомнила я, — спасибо, что спас меня. Ты вышел один против толпы...

Я встала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в щеку, но воевода шарахнулся от меня, как черт от ладана.

— Единственное, чего я испугался, когда мальчишка прибежал ко мне с известием, что ведьму собираются жечь, — сказал он из дальнего угла, — так это того, что не успею.

— Но ведь их там была целая деревня, некоторые вилы притащили, топоры, — не сдавалась я, подходя ближе.

— Василиса, — ласково произнес Ярополк, пятясь в сторону, и сердце мое растаяло от того, как прозвучало мое имя в его устах. — Я воин, более того, во мне кровь берсерка. С мечом я практически непобедим.

— Кровь берсерка? А берсерки... они кто? Не люди? — задумалась я.

— Люди, да не совсем. В бою я сам себя боюсь.

— Послушай, Яр, мне как раз по условиям нужно провести в наш мир трех существ, которые не совсем люди, — вспомнила я. — А ты, получается, именно такое существо. Поэтому приглашаю тебя в наш мир.

— Хорошо, — согласился Ярополк. — Только сначала к царю. И что за условия?

Юлька протянула ему листок, и пока воевода уткнулся в него, изучая, мы обе поднялись наверх.

— Похоже, Ярик впечатлился платьем, — заметила я.

— Впечатлился? Да у него даже борода дыбом встала!

Я швырнула в Юльку подушкой, и подруга, смеясь, повалилась на кровать.

— Но он явно меня избегает.

— От тебя не убежишь — куешь железо, пока горячо. Успела на свидание парня зазвать.

Я пригрозила Юльке второй подушкой, и она подняла руки вверх, сдаваясь.

— Он спас меня от смерти, — сказала я. — Такое не забывается. Я до сих пор не могу в это поверить, но, Юлька, кажется, они бы на самом деле меня сожгли! А потом он нес меня на руках, и у него такие руки... И плечи...

— И борода... — подхватила Юлька томным голосом.

— Борода лопатой, — печально согласилась я. — Как бы узнать, не женат ли он?

— Кольца на пальце нет.

— Я тоже посмотрела. Но вдруг тут другие традиции?

— Вряд ли бы он согласился на свидание, если бы был женат.

— Вряд ли он понял, что это будет свидание, — мрачно вздохнула я.

— На месте объяснишь. — Юлька встала с кровати. — Я сгоняю в общежитие за платьем, да и остальное прихвачу, раз уж подалась в приживалки.

— Юля, я буду просто счастлива обзавестись такой приживалкой. Я готова тебе даже платить, чтобы ты жила со мной.

— Пять золотых? — спросила подруга.

— Только если ты сама будешь их выковыривать из-под Амфибрахия.

— Ладно, я готова осчастливить тебя своим присутствием совершенно бесплатно.

— Давай дуй за нарядами!

— Хочешь побыть с Яриком наедине?

— Хочу, чтобы ты поскорее вернулась и помогла мне с уборкой, — раскрыла я свои корыстные планы.

Юлька убежала в общагу, Ярополк тоже смотался по своим воеводским делам: махать мечом или спасать дев из беды, — сие мне неведомо, а я переоделась в джинсовые шорты и черную майку с «Веселым Роджером» и принялась за уборку. Я вытаскивала вещи бабули из шкафа и засовывала прямиком в пакеты для мусора. Судя по всему, Маргарита Павловна не была модницей: черные балахоны, потрепанные шляпки с вуалями, заштопанные чулки. Единственным ярким пятном в ее гардеробе было платье цвета морской волны. Пышные воланы шли по юбке, заворачиваясь спиралью до талии. Я приложила платье к себе, а потом тоже сунула в пакет. Не хватало еще за бабушкой донашивать.

Я стащила пакеты по лестнице, подумав, повернула на задний двор. Вынесла мусор за забор, сложила в кучу на утоптанной земле. Сходяв на кухню за спичками, развела костер. Пламя жадно облизывало старую одежду, черный дым стелился вниз по холму. Я подождала, пока огонь начнет утихать, а потом пошла вниз по холму к поблескивающей глади пруда. Именно там, по словам Ярополка, похоронили мою бабушку-ведьму.

Я обошла весь пруд два раза, продираясь сквозь лиловые заросли дербенника. На голых коленках появились свежие царапины, правая щиколотка зудела от крапивы. Пожалуй, сарафан не такой уж плохой вариант, стоит прикупить парочку для прогулок на природе, ноги целее будут. Я села в тени огромного черного валуна, разглядывая мелкие волдыри от крапивы. Где они закопали бабку? Могилка должна быть свежей, но я не увидела ни голой земли, ни тем более креста. Вроде воевода говорил про иву — вот одна стоит, полощет ветви в воде, подернутой ряской. Я задумчиво просеяла желтый песок между пальцами. Ручейки сбежали вниз, улеглись ровной горкой. Я вскочила на ноги. Песок был рыхлым.

Я обернулась к валуну, черной глыбой возвышающемуся над прудом. В воде отражалась каменная верхушка, напоминая остроконечную шляпу, которую мы с Юлькой, дурачась, примеряли вчера. Я обошла валун и наконец увидела то, что искала: на скошенной поверхности были выдолблены кривоватые буквы: «Маргарита, ведьма».

Мне будто перестало хватать воздуха. Как будто это мне на грудь положили каменную глыбу. Как будто это я сейчас лежу под землей, под стылым сырым песком, могильный холод лизнул мои ноги влажным языком. Я судорожно вздохнула, бросилась к пруду, плеснула в лицо водой,

пропахшей тиной, еще и еще. Постепенно паника отступила. Из разгладившейся поверхности пруда на меня смотрело отражение — испуганные глаза, напряженные губы. Шлепнув по нему рукой, я выпрямилась, нахмурилась. Пусть у них так принято — заваливать ведьму камнями, но никто не помешает мне положить цветы на могилу бабушки.

Собирая полевые цветы, я неожиданно для себя увлеклась. Желтые звездочки молочая, пышные метелки дербенника, крупные ромашки — для завершения композиции мне не хватало особенного цветка. Недовольно окинув взглядом окрестности, я заметила в пруду бледно-желтую кувшинку. Скинув сланцы, шагнула в теплую воду. Дно под ногами было склизким, мягким. Ярко-зеленая лягушка внимательно следила за моими передвижениями с круглого как тарелка листа. Вода почти доставала краешка шорт, когда мне удалось, наконец, дотянуться до цветка. Длинный толстый стебель никак не обрывался, я дернула посильнее, лягушка вдруг истерически квакнула, плюхнулась в воду, я вздрогнула от неожиданности.

— Напугала, зараза. Вот принесу сюда Амфибрахия, он живо порядок наведет, — пробурчала я себе под нос, повернулась к кувшинке и нос к носу столкнулась с полуголым мужиком, заросшим тиной.

— Тебя не устраивают мои порядки, ведьма? — картаво произнес он, сверля меня бесцветными рыбьими глазами.

Я молчала, силясь выдавить из себя что-нибудь умное. Передо мной явно стоял не человек. Водяной? Меня только что чуть не сожгли. Неужели мне удалось спастись только для того, чтобы утонуть чуть позже?

— Отличный пруд, — брякнула я наконец. — Красивые цветочки.

Водяной с сомнением покосился на веник разнокалиберных цветов, оставленный мной на берегу, потом оборвал кувшинку, протянул мне. Ногти у него были синие, загнутые, выше запястий тускло поблескивала зеленоватая чешуя.

— Меня Корнеем зовут, — представился он. Его картавости и шепелявому «з» позавидовал бы любой англичанин.

— Василиса, — сказала я, скромно опустив глазки, и тут же их подняла. На впалой груди моего нового знакомого чешуя была размером с пятикопеечную монету, она сбегала вниз по плоскому животу, прячась в мутной воде, и я засмущалась разглядывать водяного ниже пояса.

— Я знал прежнюю ведьму, Марго была той еще пиявкой, — задумчиво сказал он. — Цветы для нее?

Я лишь кивнула.

— Она любила красные розы, — осуждающе посмотрел на меня Корней.

— Я что-то не заметила на ее могилке букетов.

Водяной растянул бледные губы, острые треугольные зубы в два ряда опасно сверкнули.

— Не думаешь же ты, что я стану носить букеты ведьме, которая прокляла мое озеро?

— Прокляла? — тупо повторила я.

— Источники умирают, осталось лишь два. Еще несколько лет, и пруд превратится в болото, а потом и вовсе пересохнет. А я умру вместе с ним. Если бы она прокляла меня самого, мне было бы легче, но я наблюдаю, как умирает все, что мне дорого, а это гораздо, гораздо хуже. Это подло!

Жабры на его шее затрепетали, вода вокруг торса забурлила.

— Может, я смогу помочь, — неуверенно пробормотала я. — Но, видите ли, я новенькая, еще не разобралась, что к чему...

Водяной стремительно приблизился, я чувствовала его дыхание на лице, смрад тины стал невыносимым.

— Если ты поможешь мне, Василиса, я так тебя вознагражу, как ты и мечтать не смеешь!

— Ну, так я пойду? Поищу заклинание, да и вообще, столько дел... — Я пятилась назад, как испуганный рак; почувствовав под ногами твердую землю, с облегчением вздохнула. Не глядя сунула ноги в сланцы. Сгребла цветы, воткнула в середину букета кувшинку. На гладкой поверхности черного валуна красные розы смотрелись бы куда лучше, но что уж есть.

— До встречи, Василиса! — Водяной поднял руку, между пальцами натянулись светлые перепонки.

— Пока-пока.

Я положила букет на могильный камень и побежала домой. У забора оглянулась — пруд виднелся вдали, солнечные зайчики плясали по воде. Корней исчез, но запах тины будто въелся мне в кожу.

Я взбежала вверх по лестнице, на ходу сбрасывая одежду, забралась в душ, включила воду на полную мощность. Пар поднимался, заполняя душевую кабинку, как туман. Я выбрала цитрусовое мыло с ядреным ароматом, растерла кожу жесткой мочалкой.

— Если снимешь проклятие, — прошептал булькающий голос водяного совсем рядом, — я дам тебе живой воды.

Подпрыгнув от неожиданности, я с грохотом раздвинула створки душа, выскочила наружу.

— Ты хорошо выглядишь, ведьма, — добавил он. — Только я не понял, что за рисунок у тебя на копчике? Он не смывается?

Я протянула руку, выключила душ, и в ванне воцарилась тишина.

— Вот гадство! — выругалась я.

— И как тебе этот водяной? — Юлька откусила кусок пиццы, от которой в коробке остались лишь крошки, блаженно зажмурила глаза. Она будто бы совсем не удивилась моему рассказу.

— Мечта логопеда, — фыркнула я и на всякий случай плотнее закрутила кран над кухонной мойкой, ополоснув стакан от сока.

— Симпатичный?

— Дай подумать... От него несет болотом, зубы акулы в два ряда, чешуя, перепонки, жабры... Но харизма так и прет!

— Понятно, водяного отмечаем...

— Юля!

— Ну а что, ты себе воеводу отхватила, я тоже хочу какого-нибудь волшебного мужика.

— Никого я не отхватывала, он от меня шарахается, как кобыла от волка.

— Слушай, а у водяного хвост или как?

— То есть того, что я перечислила, тебе мало? Нужен еще и хвост? Я как-то не посмотрела, извини.

— Встретила водяного и даже не посмотрела, есть ли у него хвост? Ты прям на себя не похожа! — усмехнулась Юлька. — Точно влюбилась в Ярика.

— Не знаю. Не мой он типаж, — протянула я.

— Это да, — подозрительно легко согласилась Юлька. — Красивый, сильный, с работой...

— Что за работа — мечом махать?

— Воевода это, если по-нашему, кто — главнокомандующий? Вполне почетная должность.

— Сейчас у меня есть заботы поважнее: завтра прием у царя, присяга на верность, а меня, знаешь ли, даже в пионеры не принимали. Теперь еще водяной со своим проклятьем. А ведь он от меня не отстанет! Я теперь боюсь ванну принимать.

Юлька выставила указательный палец и пробасила:

— Должок!

— Он обещал мне живую воду.

— И что ты с ней будешь делать?

— Понятия не имею. Может, тыквы буду поливать, чтоб точно выросли, а то из меня агроном, как из тебя шпалоукладчица. Но для начала мне надо найти книгу-чудесницу. Пока тебя не было, я перебрала все

барахло в шкафах бабули — книжки так и не нашла.

Я вздохнула и стала качаться на стуле по старой дурной привычке. Тут взгляд мой упал вниз, и я чуть не свалилась со стула. Я вытащила потрепанную книжку из-под ножки стола, тот слегка покосился, и пустая коробка от пиццы подъехала к краю.

— Она! — воскликнула я. На красной обложке черными, словно обугленными буквами было выведено: «Книжка-чудесница. Пособие для начинающей ведьмы».

Пока Юлька разбирала свои вещи и обустраивалась в соседней комнате, я плюхнулась на живот на широкой кровати ведьмы и с замиранием сердца открыла книжку. Не знаю, чего я ожидала — каких-то спецэффектов, вроде вспышки пламени, магического света или хотя бы запаха серы, — но никак не банального содержания с указанием страниц.

— История ведьм, техника безопасности, основы зельеварения, — пробормотала я себе под нос. Я как будто вернулась в институт. Раскрыв книгу наугад посередине, наткнулась на рецепт.

«Порча бытовая. Ингредиенты: две горсти семян подсолнуха, клочок шерсти черного кота, три слезинки ребенка (лучше — девочки до шести лет). Семена истолочь в ступе вместе с шелухой и спалить с шерстью, добавить в пепел слезы, тщательно перемешать. На вкус горчит, добавлять к сладкому. Результат на следующий день: дела путаются, все валится из рук, уныние и пустая трата времени».

«Приворот. Ингредиенты: ложка дикого меда, капля крови привораживаемого и капля крови клиента, яйцо жаворонка. Яйцо взбить в пену, скорлупу выбросить, осторожно смешать с медом и кровью. Выдержать трое суток в темном холодном месте, добавлять в чай, кроме шиповникового. Результат через шесть суток: неумемная тяга к заказчику, томление, плохой сон».

Пробежав глазами еще пару муторных рецептов с мышинными экскрементами и глазами змей, я наткнулась на главу «Проклятия». Начиналась она не очень обнадеживающе для водяного:

«Сила проклятия зависит от потенциала ведьмы. У слабых и молодых заклинания, в том числе и проклятия, держатся пару месяцев. У опытных сильных ведьм проклятия могут переходить на весь род до седьмого колена».

Дальше вместо рецепта шла какая-то абракадабра, которую следовало произносить в спину проклиняемому, причем обязательно преисполнившись черной злобой.

А вот и снятие проклятия! Я, воодушевившись, вперилась

взглядом в мелкие строки: «Снятие проклятия относится к светлой магии. Осторожно! Возможны сильные головные боли, ожоги на руках, ломота в суставах, сыпь, обострение хронических болезней, нервный тик. Молодым ведьмам проводить этот ритуал крайне не рекомендуется».

И ни слова о том, как это самое проклятие разрушить!

Я захлопнула бесполезную книжку. Не диво, что Маргарита засунула ее под ножку стола. За триста лет бабуля небось запомнила, сколько семок и мышинных какашек брать для каждого пакостного зелья.

Я отбросила книжку в сторону, перевернулась на спину, изучая потолок, который, кстати, было бы очень неплохо побелить. В какой-то момент собственный дом стал моей идеей фикс. После аварии, которая унесла жизни родителей, я лишь однажды возвращалась в старую квартиру. Забрала фотографии, памятные вещи. Уже через месяц там жила другая семья — фирма, где работал папа, предоставила квартиру другому ценному работнику. А я жила в институтском общежитии, потом кочевала по съемным квартирам и теперь нашла место, где могу пустить корни.

Но, похоже, нет смысла приводить дом в порядок — я не смогу выполнить условия, составленные коварной бабкой. Кормить жабу и кота — это пожалуйста, а вот колдовать, портить людям жизнь — это не по мне, даже за тридцать золотых.

Я побоялась идти в душ, страхась снова услышать голос водяного, хватит того, что и на унитаз садилась с опаской. Прополоскав рот минералкой, заглянула к Юльке — та спала, отрубившись на диванчике. Осторожно стянув с подруги тапки, я погасила свет, вернулась в свою комнату и юркнула в постель. Утро вечера мудренее. Может, я смогу как-то извернуться и все же заполучить этот дом себе.

Тяжесть могильного камня давит на грудь, не дает дышать, от холода кожа вся в мурашках. Сырой запах земли проникает в ноздри, острые корешки пронзают кожу, вливаются глубже, прорастают сквозь мое тело... Я застонала и проснулась.

Кот сидел на мне и переступал передними лапками, выпуская острые коготки.

— А ну брысь! — рявкнула я.

Грех фыркнул и прыгнул на пол, оцарапав мне живот.

— Вот вредная скотина! — Я села, и серый трупик мышки скатился с меня на пол. — Спасибо, блин! — крикнула я вслед исчезнувшему коту. — Но больше так не делай!

— Чего не делать? — Юлька появилась в дверях с полотенцем на голове.

— Это я коту. — Я брезгливо взяла мышку за хвост через салфетку и выкинула в приоткрытое окошко.

— Грех признал тебя хозяйкой.

— Какое счастье, — буркнула я.

— Давай живее собирайся, Ярополк уже во дворе ждет.

Я мрачно протопала в душ, открыла вентиль на полную.

— Водяной, слышишь меня? — Я подождала с полминуты и уже собиралась залезать под водяную струю, когда услышала знакомое бульканье.

— Слышу. Но не вижу пока. — В его голосе сквозило явное сожаление.

— Если будешь за мной подсматривать, я не стану снимать проклятие. И я ведь узнаю, если ты соврешь, я — ведьма! — Блефовать так блефовать.

— Василиса, ты нашла способ расколдовать мой пруд?! — В душе ощутимо запахло тиной и едва заметной сладостью кувшинок.

— Возможно. — Я скрестила пальцы за спиной. — Все, кыш отсюда!

— Понял, ухожу, — согласился он и после паузы тихонько добавил: — Я и вчера все рассмотрел.

— Я вас всех ненавижу, — вздохнула я, стащила через голову сорочку и шагнула под душ.

Через полчаса я спустилась вниз при полном параде: длинное черное платье, серебристые босоножки и клатч такого же цвета, волосы еще влажные, но я легкомысленно решила, что по дороге они как раз высохнут. С макияжем мудрить не стала — тушь для ресниц и красная помада. Бабкин кулон лег в декольте идеально, устроившись в ложбинке меж грудей. Туда и уставился Ярополк, когда я подошла к нему. Воевода сегодня надел длинный синий кафтан, украшенный лентами, и его голубые глаза стали яркими, как васильки. В разрезах на рукавах виднелась белая рубаша, красные сапоги, расшитые золотом, посрамили бы любые лабутены, широкие плечи укрывал переливчатый серый плащ, закрепленный на ключицах искусной застежкой. Единственным диссонансом в роскошном облике были потертые ножны, которые цеплялись за черные бархатные штаны.

Я кашлянула, и Ярополк, встrepенувшись, посмотрел мне в глаза.

— Я уже видел такое украшение, — задумчиво сказал он.

— У бабки? — спросила я. — Так это ее и есть.

— Нет, не у ведьмы, — покачал головой Ярополк. — У царицы не так давно появился похожий кулон.

Он пошел вперед, открыл дверь, пропуская нас с Юлькой. Подруга в

длинном голубом платье и с русой косой, уложенной вокруг головы, смотрелась рядом с воеводой очень гармонично, и я на миг ощутила укол ревности.

У забора нас ждала карета, на дверцах сверкали орлы, кучер в расшитой золотом ливрее распахнул их перед нами. Мы с Юлькой загрузились внутрь, а воевода вскочил на гнедого коня и поехал вперед.

Юлька вынула из сумочки фотик, я кокетливо улыбнулась, соблазнительно изогнувшись на бархатной подушечке, но тут карета тронулась, и я чуть не свалилась с сиденья. Через несколько минут тряски по ухабам мы с Юлькой, совершенно очумевшие, выпрыгнули на траву. Кучер, натянув удила, недоуменно на нас обернулся.

— Яр! Мы так живыми не доедем, — простонала я. Юлька глубоко дышала, борясь с тошнотой. — Что у вас за дороги? Что за карета? Где амортизаторы?

— Обычные дороги, а карета — самая лучшая, — пожал плечами воевода. — Вы, надеюсь, не завтракали? А то у дам бывают конфузы.

Бутерброд с колбаской, который мне заботливо соорудила Юлька перед выходом, встал поперек горла вместе с утренним кофе.

— И долго еще до дворца? — спросила я.

— До обеда доберемся, ежели поспешать.

— Слушай, Вась, может, ну ее, эту присягу? — простонала подруга, промокая платочком взопревший лоб.

— Без присяги жизнь Василисы под угрозой, — помрачнел Ярополк. — Неблагонадежные ведьмы никому в царстве не нужны. Да и мне было бы спокойнее на душе, если бы ведьма поклялась в лояльности царю.

— А если Вася расписку напишет, что никому вредить не собирается? — предложила Юлька.

Воевода только покачал головой. Русые волосы рассыпались по высокому воротнику.

— Ладно, у меня есть идея получше. — Я вынула из серебристого клатча красную книжицу. — Тут есть инструкция по применению ступы.

— Может, я по старинке, на коне? — с сомнением предложил воевода.

Он вытащил ступу во двор, ощупал темный, потрескавшийся от времени бок.

— Боишься? — коварно улыбнулась я, потом уселась на край ступы и перекинула ноги внутрь, на миг ослепив Ярополка разрезом платья. Юлька потопталась у ступы, просительно посмотрела на воеводу, и тот с

готовностью подсадил подругу, обхватив талию ладонями. Вот почему я так не умею?

— Не боюсь, — вздохнул Яр. — Скорее, опасаясь. Она точно троих выдержит?

— Написано — грузоподъемность двенадцать пудов. Пуд — это шестнадцать килограммов. Мы с Юлькой по пятьдесят...

— Шестьдесят, — прошептала мне на ухо подруга.

— Ты... ну, девяносто точно есть, — оценила я мощные плечи воеводы.

— Шесть пудов с лишком, — отозвался Ярополк.

— Потянет!

Он легко перебрался через высокий край ступы, стал позади нас с Юлькой, упершись руками по обе стороны.

— Давай, ведьма, колдуй.

— Я не ведьма, — отмахнулась я, пытаюсь сосредоточиться на заковыристом заклинании. Не так-то это просто, когда сзади прижимается горячий мужчина. — Аер взняти аер долу! Борзо буди взняти!

Юлька только открыла рот, наверняка чтобы подколоть мое старославянское произношение, как ступа задрожала, а потом взмыла вверх так быстро, что мои каблуки вжались в дощатое дно. Я вцепилась в руку Ярополка, показавшуюся мне надежнее ступы. Юлька визжала на ультразвуке, и казалось, мое правое ухо сейчас взорвется.

— Управляй, Василиса! — крикнул воевода во второе ухо, которое пока еще не оглохло. — Скорость сбавь!

— Косно! — вспомнила я инструкцию. Ступа замерла в облаке, окутавшем нас холодной моросью, а потом стала снижаться. — Одесно!

Мимо, истошно крякая, пронеслась утиная стая. Какая-то неуклюжая птица с гулким стуком вписалась в ступу. Воевода витиевато выругался и, высвободив рукав из моих цепких пальцев, выдернул из бороды застрявшие перья.

Мы вырулили из облака, я увидела внизу синюю лужицу пруда, деревенские домишки рассыпались крошками у изножья холма. Крыша моего дома, укрытая черепицей, выглядела спекшейся каплей крови.

— Куда нам? — Я повернулась к Ярополку, и его губы случайно скользнули по моей щеке, борода уколола шею.

Он молча ткнул пальцем в горизонт, где призрачной тенью вырастал город, оплетенный зубчатыми стенами словно шарфом.

Приземлились мы удачно — плюхнулись прямо посреди базарной площади, распулав весь честной народ. К счастью, визг Юльки было

слышно издалека, так что обошлось без жертв. Я не переставая твердила «косно», что должно было означать «медленно», но зубы все равно клацнули, когда ступа брякнулась о брусчатку. Воевода выпрыгнул из ступы, трижды размашисто перекрестился на сверкающие купола собора.

— Думал — все, смерть моя пришла, — скупно признался он.

— Не ты один так думал. — Юлька протянула руки, и воевода с готовностью подставил широкие плечи, помогая ей вылезти из ступы. — Вася, если бы ты нас угробила, я бы тебя прибила!

— Немного нелогично, — заметила я, самостоятельно выбираясь наружу.

— Ступу куда девать? — спросил Ярополк. — Не переть же ее с собой.

— Эй, народ! — зычно крикнула я. — Кто тронет ступу — прокляну!

Люди, с интересом пялящиеся на нашу троицу, бросились врассыпную, где-то навзрыд заплакал ребенок.

— Я же в шутку, — пробормотала я, не ожидая такой бурной реакции. Юлька взглянула на меня, и глаза ее расширились. Она молча протянула мне зеркальце, а потом согнулась от беззвучного хохота.

Я мрачно посмотрела на свое отражение — не так все и страшно! Да, тушь размазалась до подбородка, волосы дыбом, все в перьях и пухе, ну так попробуйте пролететь через облако и утиную стаю — я на вас посмотрю!

Оттерев тушь влажной салфеткой и по возможности пригладив волосы, я пошла следом за Ярополком, который сохранял суровый и невозмутимый вид, а может, просто делал вид, что мы незнакомы. Юлька с любопытством озиралась по сторонам, то и дело щелкая мыльницей и по ходу вытаскивая из моих кудрей перья. Ее же коса лишь немного растрепалась, на висках и над шеей завивались тонкие прядки. Завлекушечки — так называла их моя мама.

Столица напоминала скорее большую деревню: почти все дома деревянные, максимум в два этажа, выкрашенные вразнобой, так что улица выглядела пестрой, как лоскутное одеяло. Каменные дома с высокими крылечками смотрелись солиднее, но с многих балкончиков прямо на головы прохожих свешивалось влажное белье.

На нас с Юлькой озирались, тыкали пальцами, если б не воевода, то быть нам битыми, как пить дать.

— Надо было скромнее одеваться, — прошипела подруга, ковыляя на каблуках по брусчатке.

Мужики тут были сплошь бородаты, в полотняных рубахах и штанах, кто попроще — носил рубаху навыпуск, кто побогаче — подпоясывался кушаком. Девушки делили волосы надвое, перекидывали косы,

украшенные лентами, через плечи, женщины постарше и, по-видимому, замужние — закручивали косу вокруг головы, совсем как Юлька. Сарафаны и платья почти достигали земли, выставляя напоказ лишь кончики туфель, расшитых бусинами, либо простых лаптей.

Воевода вывел нас к высоким воротам в длинной белокаменной стене, которая, как я успела заметить с воздуха, описывала маленький круг внутри города. Стражники посторонились, отвесив поклон Ярополку, и я с интересом посмотрела в спину воеводы. Выходит, Юлька права, его должность имеет вес. Подруга кокетливо подмигнула правому стражнику, высокому юнцу с неопрятным пушком вместо бороды, а потом наклонилась ко мне и громко прошептала:

— Надо тут барбершоп открыть, будем устанавливать тренды.

Я взяла ее под руку, вынула из косы одинокое белое перышко — не иначе как с меня упало.

— Хотела вчера с тобой поговорить, да ты уже дрыхла.

— Здоровый сон — залог здоровья.

— В общем, я очень сомневаюсь, что требования бабуся выполнимы.

Изучила я книжку-чудесницу...

— В смысле мельком пролистала?

— Типа того. Так вот ведьмы — воплощение зла.

— Да ладно!

— Проклятия, порчи, сглазы — сплошные гадости и пакости. А рецепты! Зубы летучей мыши, хвост помойной крысы...

— Так Грех с утра тебе ингредиентов принес, а ты и не поняла.

— По условиям, составленным бабулей, я должна колдовать. Но я не хочу!

— Бывает и светлая магия, — повернулся к нам Ярополк.

— Подслушивать нехорошо, — буркнула я. Наконец-то он решил о нас вспомнить. — И в моем пособии для начинающей ведьмы нет ничего светлого.

Воевода внезапно остановился, и я налетела прямо на него.

— Василиса, — негромко произнес он, глядя мне в глаза. — Я бы хотел показать тебе кое-что.

— Показывай, — разрешила я. Юлька с интересом прислушивалась к нашему разговору.

— Не здесь. — Взгляд воеводы замер, остановившись на моих губах. Я с облегчением вспомнила, что хоть с помадой у меня все в порядке — стойкой накрашилась.

— Где же? — Мой голос отчего-то стал чуть хриплым.

— В моих покоях.

Мы стояли у ступеней, ведущих во дворец. Белые стены, украшенные завитушками лепнины, возносились чуть не до облаков, колонны в три обхвата подпирали арочные своды, наверху вырастали разномастные башенки. Самая высокая еще строилась. Я видела деревянные леса, крохотные фигурки рабочих. Хорошо, что воевода сказал приземляться на площади, иначе наверняка вписалась бы в одно из сверкающих на солнце стрельчатых окон.

— У нас полно времени, благодаря твоей ступе, — добавил он, взяв меня за руку. — Приемное время у царя не раньше обеда.

— Я вас здесь подожду. — Юлька шагнула к изящным скамеечкам, расставленным вокруг фонтана, в центре которого три головы Змея Горыныча извергали не огонь, а прозрачные струи воды.

— Нет, конечно, — возмутился Ярополк. — Негоже девушке одной идти в мужские покои. Мало ли, что могут подумать!

Я вздохнула и пошла за воеводой, понимая, что после этой фразы вряд ли он покажет мне что-то действительно интересное.

Воевода жил в казарме — не знаю, как по-другому назвать этот барак. На первом этаже длинного деревянного здания носились мальчишки и парни всех возрастов, одетые в одинаковые серые рубахи и просторные штаны. Волосы у всех коротко острижены, костяшки пальцев сбиты.

— Местные шаолини? — прошептала Юлька.

Ярополк свернул во внутренний дворик. Мы вышли следом на площадку, утопанную босыми ногами пацанов до твердости камня. К воеводе подскочил белобрысый исполин, протянул длинный сверток. Ярополк развернул рогожу, и по казарме пронесся шепот. Яр расстегнул пряжку плаща, скинул его на руки подоспевшему мальчишке, снял кафтан.

— Как думаешь, он совсем разденется? — спросила я у подруги, не сводя глаз с торса воеводы, обтянутого тонкой белой рубашкой.

— Надеюсь. Теперь я по крайней мере понимаю, почему ты на него запала.

— Я не... — Ярополк стащил и рубашку. — Ладно, запала, — признала я.

Воевода взял в обе руки по мечу, взмахнул. Мечи свистели и пели в его руках, рассекая воздух. Солнце отражалось в клинках, ослепляя и без того восторженных зрителей. Яр остановился возле белобрысого верзилы, мечи замерли в сантиметре от обгоревшего носа.

— Неплохие мечи, — сказал воевода. — Закажи штук двадцать в этой кузнице. Если портачить не станут, еще возьмем.

Блондин кивнул, забрал мечи, воевода подошел к нам.

— Отличное представление, — съязвила я.

— Я не паяц, — ответил Ярополк, натягивая рубашку. На гладкой груди выступили бисеринки пота. — Я отвечаю за оружие, за безопасность царства и людей, которые в нем проживают. Эти мечи простые, легкие, с хорошим балансом, для парней подойдут, чтобы учиться. Как думаешь, почему я с тобой валандаюсь, Василиса?

Я только хмыкнула в ответ. Хотелось бы верить, что из-за моей необыкновенной красоты и блестящего ума, но, похоже, дело не в этом.

— Потому что ты — тоже оружие. Но, к сожалению, абсолютно непредсказуемое. Если бы я мог обращаться с тобой с такой же легкостью, как с мечом...

— Ну прости, ко мне инструкция не прилагалась.

— Очень жаль. Я бы ее изучил досконально.

Он развернулся и пошел дальше, мы с Юлькой поплелись следом.

— Ты у нас прям ядерная ракета, — хихикнула подруга. — Где у тебя кнопка?

— У меня зона поражения скромнее.

— Пуля?

— От пули слышу!

Ярополк провел нас на второй этаж по узкой деревянной лестнице. Я ловила на себе любопытные взгляды, но стоило воеводе повернуться, как все тут же бросались по своим делам.

Комнаты воеводы размещались в начале длинного коридора, у самой лестницы.

— Тут шумно, — заметил Ярополк. — Зато по тревоге быстрее добираться. Царь все хотел, чтобы я во дворец переехал, но мне тут привычнее. Да и за учениками пригляд. При мне они опасаются проказничать. Все равно, конечно, шкодят, но не с таким размахом.

— Чистенько, — сказала Юлька, входя в приоткрытые двери.

«Бедненько», — подумала я, но промолчала. Узкая кровать, сундук у изголовья, возле окошка стол, укрытый скатертью, и стул, на который я и села. Юлька устроилась на кровати, скинув туфли, и, судя по ошарашенному взгляду воеводы, это подрывало все моральные устои местного общества. Яр сходил в смежную комнату, вернулся, сжимая в руках глиняную вазу.

— Это древний артефакт. — Он бережно поставил ее на стол передо мной. — Достался от бабушки.

На кривоватых коричневых боках морщинками разбегались мелкие

трещинки. Я заглянула в широкое горлышко — пусто.

— Видишь, это древние руны. — Яр благоговейно провел пальцем по узору из непонятных значков. — Их значение уже утеряно, но магия все еще жива.

Он встал сзади, оперся на стол по обе стороны от меня, так что я внезапно оказалась в кольце сильных рук.

— Если ты не хочешь колдовать, Василиса, попробуй сотворить светлое волшебство.

— Что мне делать? — спросила я, хотя могла и дальше просто таять в объятиях Ярополка.

— Бабушка говорила, надо налить студеной воды, а потом подумать о чем-то или ком-то хорошем, постараться вызвать в душе светлые чувства.

Он поставил рядом с вазой глиняную кружку, полную воды. Я взяла ее за запотевший бок, на полотняной скатерти остался темный влажный кружок. Аккуратно вылив воду в древний артефакт, заглянула внутрь, но увидела там только собственные глаза. О чем же подумать? Когда в шею дышит Ярополк, мысли только об одном, не уверена, что они очень уж светлые. Я поймала ироничный взгляд Юльки, подруга многозначительно пошевелила бровями, вытянула губки, будто для поцелуя, и я усмехнулась в ответ. Вот кто-кто, а Юлька всегда вызывает во мне добрые чувства, даже тогда, когда издевается надо мной. Я у нее сейчас явно как на ладони. И симпатию мою к Ярополку она распознала едва не раньше меня, и вон пыталась оставить нас наедине, стоило ему только намекнуть на покои... Люблю ее, засранку.

Вода в вазе вдруг вспыхнула, засияла золотом.

— Получается! — воскликнул Ярополк.

— И что дальше? — Я не на шутку разволновалась. Не каждый день творю волшебство.

— Что бы ты хотела сделать хорошего?

Я вспомнила о просьбе водяного. В книжке-чудеснице снятие проклятий явно относилось к светлой магии.

— Как снять проклятие с пруда? — спросила я и заглянула в горшок.

Вода на доньшке на мгновение погасла, а потом вспыхнула, и я увидела ясную картинку: три свечи, церковь, потом дом, полный ребятишек, и огонь в очаге, куда женщина с ямочками на круглых щеках ставит котелок. Еще вспышка — пруд, залитый солнечным светом, свеча посреди листа кувшинки, пламя дрожит на ветру, но не гаснет. Вторая свеча в перепончатых руках водяного. А затем я увидела саму себя. Надо же, в отражении я совсем другая: волосы собраны в две косы, длинное

белое платье стелется по траве, я несу горящую свечу вокруг пруда, и в глазах отражается ее пламя.

— Кажется, теперь я знаю, как помочь водяному.

— Спроси еще, что можно сделать с живой водой, — посоветовала Юля.

— Живая вода? — встрепнулся Ярополк. — Это же очень мощное средство! Помогает от всех болезней!

— А оживить мертвых может? — прошептала я. Сердце заколотилось быстрее. Если бы только я могла вернуть папу с мамой! Если есть хоть маленькая, крохотная возможность... Я склонилась над вазой. Алая вспышка едва не выжгла мне глаза. Я вскрикнула, отшатнулась, упала на Яра, который сгреб меня в охапку, закрыл плечами. Раздался оглушительный взрыв, как будто гром прогремел в маленькой комнатке воеводы. Я вывернулась из-под руки Ярополка, вскочила на ноги... Юлька, зажмурив глаза, сидела на кровати застывшим столбом. Вокруг нее кружились хлопья копоти, ошметки обугленной скатерти. У ног валялись глиняные черепки — все, что осталось от древнего артефакта. Юля открыла глаза, ярко-голубые на фоне чумазого лица, ошалело посмотрела на меня.

— Ты в порядке? — тихонько спросила я.

— Ага, — кивнула она. — Ну, ты мощная колдунья...

Послышался топот, двери распахнулись, штук пять мальчишек застыли на пороге, а потом с воплями бросились в рассыпную.

— Чего это они? — не поняла Юлька. А я, нервно хихикая, вытащила из клатча зеркальце и протянула ей. Хорошенько рассмотрев свою физиономию, покрытую сажей, подруга вздохнула и вытащила початую пачку влажных салфеток. — С кем поведешься, от того и наберешься.

Вспомнив о Ярополке, я повернулась. Воевода перебирал осколки вазы, пытаюсь собрать вязь древних рун.

— Ярополк, я же не нарочно, — покаялась я.

— Василиса, ты должна была сотворить доброе волшебство. — В его голосе прорывалось явное раздражение. — Какого лешего ты подумала о некромантии?

— Просто...

Ярополк дернул плечом, устало прикрыл глаза.

— Чего еще ждать от ведьмы, — сухо сказал он.

Я вспыхнула и отвернулась.

От внутреннего убранства царского дворца у меня зарябило в глазах:

все расписано узорами, на высоком сводчатом потолке целая картина: юноша и девушка бегут навстречу друг другу через пышные цветущие кусты, протягивая одинаково топкие руки. То тут, то там кучковались придворные: дамы, разодетые в пышные платья, и мужчины в богатых кафтанах. На нас поглядывали, но знакомиться не спешили — небось воевода всех отпугивал суровым выражением лица.

Я уселась на золотую лавку, больше похожую на музейный экспонат, чем на мебель. Юлька цокала каблучками по паркету, уложенному звездами, носилась по залу, щелкала фотиком, как заведенная.

— Вася, тут совершенно иная техника в искусстве! — воскликнула она, трясая меня за руку. — Это потрясающе!

Я равнодушно пожала плечами. После того как я расфигачила волшебный горшок Ярополка, он демонстративно не обращал на меня внимания, и мое настроение упало до нуля. Сам виноват — надо было объяснить как следует! А теперь надулся в бороду, молчит, гадости про меня думает, завернулся в свой плащ, как в саван...

— Что ты молчишь? — не выдержала я. — Прости, я случайно, честное слово! Мне очень жаль, что я разбила горшок твоей бабушки.

— Это был волшебный сосуд.

— Пусть так. Я возьму тебе. У меня есть златоносная жаба.

— Не надо, Василиса. Я сам виноват.

— Чего ж ты такой мрачный?

— Что-то не так, — сказал воевода. — Мы с Иваном, с царем, с детства дружны. Моя мать была его кормилицей. Он никогда не заставлял меня ждать у дверей. Сейчас время обеда. Если я приходил во дворец, то сидел по правую руку.

— А, так ты просто голодный? — успокоилась я. Ох уж эти мужчины! — А как вообще проходит прием у царя?

— Танцы будут? — встряла Юлька.

— Какие танцы? — возмутилась я. — Можно подумать, ты знаешь, что они тут танцуют!

— Скорее всего, водят хоровод, — невозмутимо ответила Юлька и щелкнула фотоаппаратом, направив объектив на воеводу. — А в хороводах я с детского сада ас.

— Обычно царь принимает посетителей часа два, — сказал Ярополк. — Если вопросы не государственной важности, то прямо во время трапезы. Потом могут и танцы быть, если государь в хорошем настроении, а Иван всегда полон сил и весел...

— Царь сегодня не принимает! — Слуга в полосатой ливрее

неожиданно появился из дверей и, ошарашив этим известием народ, собирался улизнуть в уже закрывающиеся створки, но воевода сунул ногу в щель.

— Неотложное дело! — Он отодвинул слугу в сторону плечом, и мы протиснулись следом.

Мы вошли в просторный зал, на потолке которого юноша и девушка из прошлой картины уже жарко целовались. Я покрутила головой в поисках двери в третий зал, на потолке которого по идее должны показывать продолжение сериала, и заметила у стрельчатого окна длинный стол, покрытый белоснежной скатертью. За ним, сидя на разных концах, трапезничали двое. Царь показался мне каким-то... никаким. Вроде и статью вышел, и на лицо ничего, ну бородат, так я уже почти привыкла к местной моде на кустистые физиономии, а взгляд скользит мимо него.

А вот когда царица поднялась из-за стола и направилась к нам, меня будто ударили наотмашь. Ее красота ошеломляла. Осанка, легкая полуулыбка, золотой обруч, усыпанный жемчугом, блекнет от блеска ее волос, платье, украшенное затейливой вышивкой, обнажает молочные плечи... Я моргнула, тряхнула головой, посмотрела на Юльку — та только что слюни на царицу не пускала, глянула на Ярополка — стоит, хмурится, а на царицу и не смотрит, ждет, когда царь наконец доест пирожное.

— Воевода, — голос у царицы оказался низкий и хриплый, — отчего ты явился так неожиданно? Али какие плохие вести принес?

— Вести не плохие, но и не добрые, как посмотреть, — ответил Ярополк. Вот как, значит... Ладно, я ему эту недобрую весть еще припомню. — Привел пред царские очи новую ведьму.

Царица стремительно ко мне повернулась, юбки закружились вокруг стройных ножек. Стоп, откуда мне знать, что они стройные? Поди разбери под всеми этими оборками! Может, у нее кривые волосатые лапы или, вообще, как у Парнаски — копыта!

Она подошла ко мне, пробежалась глазами сверху донизу, зацепилась за ведьмин кулон, рефлекторно прижала руку к груди. Ярополк был прав, ее украшение до боли напоминало мое — та же вытянутая овальная форма, необычная мелкая огранка. Только ее камень был алым и переливался на свету, пульсируя, как живое сердце.

Я не знала, что мне делать — присесть в реверансе, отвесить поклон? Но на выручку пришла подруга.

— Боже мой, вы так прекрасны, — прошептала она со слезами на глазах. — Вы позволите нарисовать ваш портрет?

Она схватила царицу за руку и, кажется, попыталась ее поцеловать.

Ярополк вмешался, оттеснил Юльку за спину, откуда она выглядывала, не сводя с царицы щенячьих глаз. Чего ее так плющит?

— Василиса, — представилась я. — А это моя подруга Юлия. Простите, ваше величество, что не знаю ваших обычаев, я из другого мира...

— И что же это за мир? — резко спросила царица.

— Там нет магии, но куда больше развита техника, — ответила я. Вспомнив слова нотариуса, добавила: — Географически наши миры одинаковы. Политическое устройство...

— Техномир, понятно, — равнодушно прервала меня царица. — Вы явились присягнуть на верность?

— Да, — ответил за меня Ярополк, все так же глядя на царя. — Василиса — новая ведьма, появилась после смерти Маргариты. Иван, что с тобой, ты болен?

— Василиса, — перебила его царица, ее голос еще понизился, хрипловатые нотки пробирали до дрожи, как звук пенопласта по стеклу. — Василиса, откуда у тебя кулон?

— Наследство Маргариты.

Царица вперилась взглядом в мое украшение, камень слегка нагрелся, потяжелел, цепочка впилась в кожу. Мне нестерпимо захотелось сорвать его с шеи.

— Отдай его мне.

— Нет.

— Отказываешь царице? А ведь пришла клясться в верности. Ты будешь служить мне верой и правдой?

— Вообще-то я не уверена, что хочу быть ведьмой. И тем более кому-то служить.

— Следи за языком, ведьма, не то быстренько его лишишься! — каркнула царица. Я отступила назад, наткнулась спиной на воеводу и сразу почувствовала себя увереннее.

— Клятва приносится царю, — с нажимом произнес Ярополк и шагнул к столику, за которым безучастно жевал царь, склонив голову. На его темных волосах, тусклых, будто припорошенных пылью, виднелся примятый след от короны. — Иван, что случилось? Почему ты молчишь?

Царь медленно повернул голову к воеводе, посмотрел спокойно и бесстрастно, указал на рог, демонстративно пожевал. Мол, когда я ем, я глух и нем.

— Я клянусь, что не собираюсь никому вредить, я всего лишь хочу спокойно жить в своем доме, — произнесла я.

— Пусть так. — Царица заслонила мужа пышными юбками, потеснила нас назад, выпроваживая из зала, слишком большого для двоих. — Можете быть свободны.

— И это все? — удивилась я.

Ярополк вытряхнул из рукава свиток, подал мне.

— «Я, Василиса, ведьма из дома на холме, клянусь в верности царю Ивану Двадцать Пятому и обещаю не мыслить и не действовать против суверенности царства, а в случае войны не становиться на сторону врага и помогать по мере сил или хотя бы держать нейтралитет», — прочитала я. — Ну, это выполнимо. С этим я согласна. Честное слово.

Ярополк повернулся к столику, за которым царь степенно допивал компот, поглядывая в окошко, но царица снова опередила воеводу. Она скользнула к царю, стянула с вялого мизинца перстенок и, всучив его мне, цепко ухватила воеводу под локоть. Я примерила неожиданный подарок, перстень ладно уселся на средний палец. Ярко-зеленый камушек в золотой оправе радостно переливался в солнечных лучах. Грубоватая работа, но смотрится экзотично.

— Царь недоволен тобой, Ярополк, — прошептала тем временем царица, ведя воеводу к двери. — На границах неспокойно, в лесах видели сумертов, новая ведьма сейчас тоже некстати. Ты плохо справляешься со своими обязанностями, воевода.

Белая ручка пробежалась по плечу Ярополка, кулон жарко вспыхнул на нежной груди.

— Делаю, что могу, — сурово ответил воевода. — Коли недоволен мной царь, то пусть сам и скажет.

— Царю недосуг со всеми объясняться, — отвернулась царица. — Проводите.

Слуга распахнул перед нами двери, с грохотом захлопнул, едва не прищемив мне подол платья. Послышался скрежет засова. Ну что ж, я отделалась малой кровью. Теперь я вроде как у царя на службе, и всякие Парнаски могут утереться. Я прошла вперед пару шагов и поняла, что мои спутники не собираются меня догонять.

Ярополк уставился на закрытую дверь, нахмутив брови так, что они слились в одну густую полосу. А Юлька выглядела как ребенок, у которого отобрали конфетку. Причем не абы какую, а любимую, развернутую и уже отправленную в рот.

— Юль, ты в себе? — поинтересовалась я. — Что за цирк ты устроила? Тоже хотела послужить верой и правдой?

— Вась, она такая, такая...

— Какая? Ты же вроде в противоестественных связях не замечена. Уж я-то как лучшая подруга должна бы знать!

— Она само совершенство... Как ее зовут? — встрепенулась Юля.

— Амаранта, — ответил Ярополк.

— Ах, Амаранта, — выдохнула она.

Я внимательно посмотрела на подругу — щеки бледные, зрачки расширены. Я хорошенько тряхнула ее за плечи:

— Приди в себя!

Подруга сфокусировала на мне взгляд, поморгала.

— Нет, царица и вправду хороша, весь Голливуд бы посрамила, — согласилась я. — Но это не повод расстилаться перед ней ковриком.

— Просто я, как человек искусства, более восприимчива к красоте, — выдала Юлька. Выглядела она растерянной и несчастной, и я решила оставить ее в покое. Потом поизгаляюсь.

Мы вышли из дворца, спустились по белой лестнице. Я, честно говоря, была несколько разочарована приемом. Не то чтобы я ожидала бала в свою честь или так уж мечтала хоровод поводить, но могли бы хоть покормить. Память услужливо подкинула столик, за которым трапезничал царь: тоненькая мясная нарезка, ваза с грушами, нежная кожица, кажется, просвечивает на солнце, ломтики сыра с аккуратными круглыми дырочками... Пирожного не хотелось. Уж больно привередливо ковырялся в нем царь.

— Голодные? — спросил Ярополк.

— Угу, — синхронно промычали мы с Юлькой.

Он вывел нас снова к казармам, повернул в боковой вход, откуда тянуло ароматами жареного мяса и лука. Когда мы вошли, все парни вскочили с деревянных лавок, уставились на нас, как на явление Христа народу. Воевода жестом приказал всем садиться, устроил нас с Юлькой на лавке за столом у окна. Еще один взмах руки — и вот уже перед нами три тарелки с перловой кашей и мясом в грибной подливке.

— Угощайтесь, ежели не побрезгуете. — Воевода загреб деревянной ложкой кашу, отправил ее в рот. На стол с глухим стуком опустился кувшин и три глиняных кружки. Взгляд, которым окинула воеводу местная официантка, был таким горячим, что у меня во рту пересохло. Я налила себе в кружку тягучий напиток, отхлебнула — клюквенный кисель.

Ярополк испытующе посмотрел на нас с Юлькой, но мы уже резво жевали кашу. Пять лет студенческой жизни выбили из наших девичьих организмов всякую привередливость.

— Отличная каша, — похвалила я. — Мне вот перловка никогда не удавалась. Папа всегда говорил — только рыбе на прикорм.

— Где твои родители? — спросил воевода.

— Они погибли. — Прошли годы, а произносить это не стало легче.

Он замолчал, посмотрел на меня внимательно. Видать, понял, кого я хотела оживить с помощью его вазы.

— Расскажи о себе, воевода, — перевела стрелки Юлька. — Ты женат?

Я толкнула ее под столом коленкой. Само воплощение хитрости и дипломатии!

— Нет, — ответил Ярополк.

— Сколько тебе лет? — Юлька, похоже, решила составить на него полное досье.

— Двадцать семь.

— Давно служишь воеводой?

Ярополк усмехнулся в усы:

— Как Иван сел на престол, так меня воеводой и назначил. Уж пять лет прошло.

— И отчего же какая-нибудь девица тебя к рукам не прибрала?

— А ты для себя интересуешься? — уточнил Ярополк.

Юльку сложно было смутить.

— Мы с Василисой обе девушки свободные, — ответила она.

— Ну, с Василисой-то все понятно, — припечатал меня воевода. — Где ж это видано — замужняя ведьма.

— Я не ведьма, — буркнула я.

— Но взрыв получился знатный, — заметила Юля. — Кстати, ты так и не рассказала, что увидела в горшке.

— Это был волшебный сосуд, — не сдавался воевода.

— Теперь я могу снять проклятие с пруда водяного.

— А если ты за это возьмешь с него тридцать золотых? — предложила Юлька. — Тогда ты выполнишь условие договора — заработаешь колдовством.

— Он мне уже живую воду обещал. Может, лучше ее взять, выгоднее?

— Живая вода — бесценна, — заметил воевода.

— Может, тебе попробовать стать феей, — выдвинула предложение подруга. — И зарабатывать светлой магией.

— Горшок я уже расфеечила, где мне рецепты брать? — привела я несокрушимый аргумент.

— Во дворце большая библиотека, полки до потолка, без лестницы и не влезешь, — задумался Ярополк. — Меня-то книги по магии никогда не

интересовали, больше карты да мемуары полководцев. А еще у Ивана есть несколько книг, которые он держит под замком, я листал их как-то — ничего не понял.

— Ты дружен с царем, — заметила Юлька.

— Я так думал до сегодняшнего дня. Рода я незнатного, но рос во дворце. Я уже говорил, матушка моя была кормилицей царя.

— Дворец меня впечатлил. Только башенки странные — все разные, одна выше другой, — заметила я.

— Каждая новая жена Ивана отказывалась жить в тереме предыдущей и возводила себе свою башню — выше и лучше.

— Постой, то есть Амаранта — это не единственная жена царя? — удивилась Юлька.

— Единственная, но не первая. Иван — трижды вдовец.

— Ого, — задумалась я. — А что за напасть косит цариц?

— Все скончались по разным причинам: лихорадка, отравление, падение с большой высоты — с только-только достроенной башни.

— Если б я была царица, — задумалась Юлька, — то не выпендривалась бы и жила на первом этаже.

— Ты обещала со мной жить, в ведьмином доме!

— Василиса, — льдистые глаза воеводы немного оттаяли, — расскажи-ка подробнее, как ты влипла в эту историю.

Я выложила все как на духу: и про нотариуса, и про вредную хозяйку съемной квартиры, и про внезапное наследство. Под конец брякнула на стол ключи.

— И если я не выполню весь список условий, то наследство перейдет какой-то другой ведьме, — закончила я.

Ярополк покрутил в руках связку и спросил:

— А что открывает этот ключ?

Длинный ключ с зазубренным штоком и ржавой головкой не уместился даже на широкой ладони воеводы.

— Не знаю, — покаянно ответила я. — Я о нем и думать забыла. Может, в доме бабки есть еще какие-то двери, но я пока не навела там порядок — столько мусора и барахла...

— Возьми домового, — предложил Ярополк. — Он за день тебе все приберет так, что блестеть будет. Возьмет, правда, дорого, но у тебя ведь есть жаба.

— И где мне его взять?

— Я скажу кое-кому, чтобы прислали тебе домового на денек. — Воевода привстал с лавки. — Ну что, полетели? У нас еще одно дело в

деревне есть.

Мы вернулись к ступе, она так и стояла посреди площади. Ребятишки прыснули в разные стороны, и я увидела, что теперь мое транспортное средство изрисовано цветочками и котятами — даже миленько. Солнце зажгло купола собора золотом, и я воскликнула:

— Мне же свечи нужны, для заклинания!

В соборе было малоллюдно, время вечерней службы еще не подошло. Отирающиеся там бабки надули щеки, набрав воздуха, чтобы заклеить нас с Юлькой, простоволосых и декольтированных, позором, но стоило воеводе на них глянуть, как они сдулись, точно воздушные шарики.

Юлька сразу прилипла к фрескам, а воевода взял для меня свечи.

— Первый раз вижу, чтобы ведьма так спокойно в церковь заходила, — улыбнулся он. — Маргарита, помню, даже тени креста боялась, а собор за версту обходила.

От улыбки в уголках его глаз появились лучики, и все лицо подсветилось внутренней радостью. Жаль, что Ярополк редко улыбается.

— Я не ведьма, — устало возразила я, повернулась к иконам и перекрестилась. Грудь словно пронзило ножом, я ахнула от боли, упав на колени.

— Вася! — Подруга кинулась ко мне, я хрипела, пытаюсь хоть что-то сказать, ползала по холодным каменным плитам пола. Грудь жгло каленым железом, неподъемная тяжесть гнула к земле. Я не могла встать, все плыло перед глазами, окутываясь мраком. Вдруг из темноты появилось лицо воеводы. Он резким движением сорвал с меня кулон, зашипев от боли, швырнул его на пол и сунул руку в купель со святой водой. Я втягивала со свистом воздух, снова и снова, сердце успокаивалось, жгучая боль отступила, будто ее и не было. Я поднялась, опираясь на руку подруги.

— Что это было? — Юльку трясло от испуга.

— Чтоб я знала... — Я потеряла шею, на груди розовело овальное пятно, похожее на ожог. — Это из-за кулона?

Бабкино украшение искрилось на каменном полу, как еловая ветка в огне. Лихорадочные алые огоньки то вспыхивали, то гасли. Я осторожно подняла его за цепочку, вынесла из собора, искры потухли, затаились где-то в каменной мгле.

— Выбросила бы ты его, Василиса! — Ярополк снова нахмурился, от ласковой улыбки не осталось и следа. Он потерял руку о штаны, поморщился, на ладони остался красный отпечаток камня.

— Не могу, — ответила я. Сунула кулон в сумочку, взяла у воеводы

свечки и пошла к ступе.

Долетели мы с ветерком, но не так феерично, как в первый раз. Ступа будто привыкла к моему управлению. Я стояла, держась за гладкий деревянный край, слегка переносила вес с одной ноги на другую, и ступа послушно виляла в воздухе, как собачий хвост. Ярополк позади меня старательно выдерживал дистанцию, но я все равно всей кожей чувствовала его близость. Как же меня так угораздило? Я слегка наклонилась вперед, опершись на руки сильнее, и ступа ускорила. Он обещал мне свидание, пусть сам об этом еще не подозревает, и я попытаюсь выжать из этого шанса максимум.

Мы приземлились во дворе перед домом, слегка примяв куст сирени. Конь Ярополка испуганно заржал, но почуяв руку хозяина, быстро успокоился. Я смотрела, как воевода гладит по шее всхрапывающего коня, ласково и успокаивающе шепчет что-то в шелковистое ухо, и понимала, что с этим надо что-то делать. Не хватало еще представлять себя на месте коня.

— Пойдем? — спросил воевода.

— Пойдем, — согласилась я. — А куда?

Мы вломились в таверну «Печальный лось» в разгар веселья. Кружки стучали по столам, в центре зала бренчал на гусях тщедушный музыкант, за стойкой довольно лыбился парнокопытный Парнас.

При нашем появлении все затихли. Оброненный кем-то стакан жалобно дзынькнул, разбившись.

— Ведьма Василиса принесла клятву верности, — объявил воевода. — Теперь она на службе у царя. Если хоть один кудрявый волосок упадет с ее головы, отвечать будете по всей строгости закона.

Я с наслаждением выставила средний палец со сверкающим перстеньком и широким жестом обвела всю таверну, демонстрируя знак царского благоволения. Отдельно ткнула палец под нос Парнасу.

— Все понятно? — спросил Ярополк.

Невнятное мычание было ему ответом.

— И отдай мой золотой, — потребовала я у бармена. — Обслуживание тут никудашнее.

Тот помялся немного, но потом поцокал копытами куда-то наверх и вскоре положил монету на стойку. Я сгребла ее и гордой походкой направилась к выходу, держа осанку, точно царица Амаранта.

Выйдя на свежий воздух, я выдохнула. Теперь можно признаться самой себе, что мне было до дрожи в коленках страшно встречаться с людьми, желавшими мне смерти. Я с благодарностью взглянула на

Ярополка.

— Спасибо, — прочувствованно сказала я.

— Пожалуйста, — ответил он. — Мне не хотелось бы снова вытаскивать тебя из костра.

— Приятно, что я тебе не безразлична, — кокетливо улыбнулась я.

— Я так понял, если ты погибнешь, вместо тебя пришлют другую ведьму, и кто знает, какой окажется она.

Я ткнула Ярополка кулачком в бок, и он засмеялся. Низкий смех отозвался мурашками на коже.

— Мне надо уехать, Василиса, — сказал он, все еще улыбаясь.

— Надолго? Ты обещал сходить в мой мир, помнишь?

— Седмицы две меня точно не будет. Надо посмотреть, что за холера в Сумеречном лесу творится. Когда вернусь, загляну к тебе. Постарайся ничего не натворить до моего возвращения.

— Я-то постараюсь, но обещать ничего не могу.

— Береги себя, — добавил он. — Ты очень... необычная ведьма.

— Я не ведьма.

Воевода усмехнулся, запрыгнул на коня и ускакал в закат. Серебристый плащ развевался на ветру, как знамя. А я поплелась домой. На ходу скинула тесные туфли, нагретая за день тропинка легонько колола босые пятки сухими травинками.

Жаль, что наше свидание с воеводой откладывается. Но, с другой стороны, я смогу как следует к нему подготовиться.

Глухой вой разбудил меня посреди ночи. Все волоски на теле встали дыбом, сердце подскочило к горлу и заколотилось.

— Вася, что это? — Юлька примчалась в мою комнату, от порога запрыгнула в постель, спряталась под одеяло.

— Понятия не имею, — прошептала я.

Вой перешел в протяжный стон. Кровать слабо задрожала, как при землетрясении, окно, скрипнув, приоткрылось. Шепот на грани слуха пробирал до дрожи. Грех взлетел на кровать, зашипел, выгнув спину, и с разбегу выпрыгнул в открытое окошко. Я вздрогнула, запустила ему вдогонку подушку.

Стон оборвался резко, будто его отрезали. Через минуту благословенной тишины Юлька выглянула из-под одеяла.

— Может, это ветер? — предположила я, сама себе не веря.

— Скорее всего. — Юлька вскинула на меня испуганный взгляд. — Я с тобой посплю сегодня.

— Ага.

Ровное дыхание подруги успокаивало, но я долго не могла уснуть, прислушиваясь к каждому шороху.

С утра я проснулась от настойчивого стука. С опаской приоткрыв дверь, выглянула в щелочку — кто знает, кого еще принесло из сказочного мира. За дверью никого не было.

— Что за чертовщина, — буркнула я, закрыла дверь, и стук сразу же возобновился. Я распахнула двери.

— Я здесь. — Голосок прозвучал снизу.

Маленький человечек, едва мне до колен, мял в руках алую шапку.

— Мне передали, у тебя есть для меня работа, ведьма.

— Домовой? — догадалась я.

Человечек кивнул, на темечке блеснула лысина размером с монетку.

— Заходи. — Я посторонилась, пропуская его в дом.

Домовой не спеша прошелся по залу, заглянул в камин, поскреб котел, задрал голову, так что куцая бороденка нацелилась прямо на дохлых летучих мышей, которых я так и не удосужилась снять.

— Еще второй этаж, — сказала я.

— Работы непочатый край! — Его глаза загорелись энтузиазмом. — Тут на пять сребреников наберется.

— Идет, — легко согласилась я. Амфибрахий уже едва умещался на горке с золотом, съезжая бледным пузом то вправо, то влево.

— Только я не люблю, когда у меня под ногами путаются. — Домовой закатал рукава, нацепил передничек в розовый горох.

— Полчаса — и мы с подругой уйдем, — сказала я. Юлька свесилась с лестницы, близоруко щурясь на гостя.

Домовой же с опаской покосился на волка. Юлька вчера водрузила его на скейтборд и катала по всему первому этажу, как она выразилась, — для смены визуального ряда. Сейчас оборотень скалился в затянутый паутиной камин — сомнительная радость.

— Волка не трогай, — попросила я. Кто знает, чем домовой может обработать оборотня. Как бы шкура не облезла.

— Идет, — согласился домовой. — Деньги вперед.

Я вынула монетку из клатча, положила в крохотную загорелую ладошку.

— Шутишь? — удивился домовой. — Откуда у меня с золотого сдача?

— А где же мне его разменять? — растерялась я.

— Мой брат разменом промышляет. Может обменять золото даже на

деньги вашего мира. Лучший курс, сто лет честной работы. Маргарита с ним сотрудничала и никогда не оставалась внакладе.

— Интересненько, — задумалась я. Деньги давно подошли к концу, переводы я со всеми этими переездами забросила, и мысль наведаться в ювелирную скупку, прихватив пару жабьих монет, давно меня терзала.

Домовой протянул мне визитку — золотые вензеля, черные буквы. Обменный пункт располагался в нашем техном мире, неподалеку от арки, и я решила немедленно туда отправиться.

— Вернешься — заплатишь. — Он бросил на меня сердитый взгляд и, выйдя за дверь, затащил в дом тачку со швабрами, ведрами и мочалками.

Юлька слиняла на занятия, а я шагала по улице, разглядывая витрины. Странное дело, после встречи с водяным, полета на ступе и, главное, знакомства с воеводой наш мир стал казаться мне ярче. Уличный музыкант, уныло перебирающий струны гитары, напомнил гусяря из «Печального лоса», зеленоволосая ундина из рекламы шампуня навевала мысли о водяном и заболоченном пруде, а команда дворников, рассеявшихся на бордюре, заставила засомневаться — справится ли крошечный домовой с бардаком в моем доме. Два мира наслоились друг на друга, словно масло на хлеб, и мне определенно нравилась моя новая жизнь. Хочу — гуляю по центру города и пользуюсь всеми благами цивилизации, а хочу — отправляюсь в деревню, где свежий воздух и отличная экология. Есть, конечно, нюансы, вроде странного ночного воя, нет в мире совершенства.

Обменный пункт располагался в подвальном помещении. Я сверилась с адресом на визитке, с сомнением покосилась на ступеньки, уходящие вниз. Спустилась, постучав, приоткрыла дверь. Над головой мелодично звякнули колокольчики.

— Проходите, открыто.

Я шагнула внутрь, огляделась. Стены каморки были выкрашены в бледно-зеленый цвет, из-за широкого деревянного прилавка выглядел старичок. За ним высилась стеклянная витрина, но рассмотреть, что в ней, мне так и не удалось.

— Домовой дал ваш адрес, — сказала я.

Старичок нацепил на нос пенсне, окинул меня долгим взглядом. Я уж решила, что он сейчас вызовет доктора бедной сумасшедшей девушке. Но он вдруг нырнул под прилавок, выбежал сбоку и, остановившись напротив меня, протянул руку. Чтобы ее пожать, мне пришлось наклониться. Брат домового оказался ростом с небольшую собачку. Его голова была непропорционально большой, и казалось, вот-вот перевесит тщедушное

тельце, упакованное в стильный зеленый костюмчик. Интересно, где он его брал — в детском мире? Или стащил с пупса?

Рукопожатие гномика оказалось неожиданно крепким.

— Онисий. Рад знакомству. Вы — новая ведьма?

— Василиса, — кивнула я.

— Что ж, надеюсь на долгое и взаимовыгодное сотрудничество.

Я стащила рюкзак, вынула из кошелька монетку. Онисий повертел ее в пальцах, поднес к глазу, увеличенному стеклышком пенсне.

— Работа Амфибрахия как всегда безукоризненна, — с восхищением произнес гном. — И как всегда неповторима. Вы знаете, что все монеты — разные? Они весят одинаково, всегда одного и того же размера, но рисунок на поверхности уникален, как снежинка. Коллекционеры у меня эти монеты прямо из рук рвут.

— Значит, цена монет должна меня приятно удивить. — Я многозначительно изогнула бровь, стараясь выглядеть по-деловому невозмутимо.

— Вы же понимаете, Василиса, я должен покрывать свои расходы и риски...

Онисий назвал цифру, и у меня глаза на лоб полезли. Весь невозмутимый вид как ветром сдуло. Да за такие деньги я готова копать червей за сараем и по четным, и по нечетным, и по выходным!

— Может, хотите приобрести что-нибудь, — вкрадчиво предложил гном. Он включил свет в витрине позади стойки, и я зажмурилась от блеска драгоценностей. — Есть тиара из бриллиантов, говорят, в ней выходила замуж царевна Несмеяна, а ей, как вы знаете, было непросто угодить. Или вот изумрудное кольцо, я вижу, вы любите изумруды. — Он кивнул на мой перстенок. — К вашим глазам подойдет изумительно. А может, вам нужны склянки для эликсиров? Есть самые лучшие — горный хрусталь. Прозрачные, как вода, прочные, как камень.

В маленьких ручках появились пузырьки, сверкающие гранями, как новогодние шарiki.

Мне удалось отделаться от Онисия, лишь признавшись, что золотой — это все, что у меня с собой есть. В итоге он выдал мне горсть серебряных и медных монет сказочного мира и пухлую пачку рублей. Я вышла из подвала, двумя руками прижимая к груди рюкзачок. Кажется, на улице молодой ведьмы наступил праздник. Да здравствует шопинг!

Я вернулась домой, когда уже стемнело. Протащила через арку новенький велосипед, со всех сторон обвешанный пакетами с покупками,

прислонила его к стене у крылечка. В окнах горел свет, я видела Юлькин силуэт, тенью скользящий по комнате, наверняка снова катает волка. Я стащила пакеты с руля, толкнула попой дверь, вошла в прихожую, развернулась... и замерла.

С ореховых балок свисала блестящая люстра, никаких больше мышей и травяных веников, сверкал медный бок котла, по отдраенному полу было жалко ходить — такой он был чистый, медовый. Домовой сидел за скобленным добела столом и чинно пил чай, оттопырив крохотный мизинчик.

— Вася, я уговариваю Степана Аркадьича открыть клининг-сервис, но он никак не соглашается, — пожаловалась Юлька.

— Вы талант! — восхитилась я. — Нет. Гений!

Домовой скромно кивнул и отпил еще глоточек.

— С котлом пришлось повозиться, — пожаловался он. — И котик ваш мыться не захотел. Очень невоспитанное животное.

Домовой посмотрел на меня с укоризной, и мне на мгновение даже стало стыдно.

— И террариум я не трогал. Боялся нарушить микроклимат.

— Кстати... — Я бросила пакеты на пол, порывшись, вытащила оттуда новенькую тяпку с гламурной розовой ручкой и умчалась через заднюю дверь во двор. Вернулась я с пригоршней червей.

— Амфибрахий, ты душка, — сказала я, опуская копошащееся лакомство в тарелочку. — Может, я тебя потом даже поцелую.

Жаба боязливо на меня покосилась и стрельнула языком в червя.

Я отдала домовому пять сребреников и добавила еще два, в качестве благодарности. Он расцвел, обещал Юльке заходить на чай и выкатил тачку, груженную швабрами, во двор.

— Степан Аркадьич! — окликнула я его.

— Да, Василиса? — обернулся он, стоя у крыльца.

— Не подскажешь, где в деревне самый счастливый дом? Чтоб детей много, порядок, достаток и любовь...

— Понятно где, — степенно ответил он. — Это дом, где живу я.

— Мне для заклипания надо зажечь свечу в очаге такого дома, — призналась я.

— Нет, Василиса, в колдовство я не лезу. — Домовой нахмурился, лоб собрался в морщинки, как смятая скатерть.

— Я обещала водяному снять проклятие с пруда. Это светлая магия.

Глаза Степана Аркадьича вспыхнули, как светлячки.

— Ты очень необычная ведьма, Василиса, — сказал он после паузы.

— Это я уже слышала. Так ты мне поможешь?

— Мне надо поговорить с хозяйкой.

Он побрел к калитке и вскоре растворился в сумерках, лишь его тележка побрякивала на кочках.

Я распаковала покупки, разобрала наконец-то чемоданы. Свежевымытые окна блестели, нежно-кремовый тюль слегка покачивался на приоткрытом окошке. Я расставила на трюмо кремы, духи и косметику, на тумбочку у кровати водрузила фотку, где мы с Юлькой сидим на пляже, — и наконец-то почувствовала себя дома.

Юлька ворвалась в комнату без стука, покрутилась передо мной в новой цветастой пижаме, которую я ей купила.

— Шикарно, — одобрила я.

— Жаль, показать некому, — вздохнула она.

— А меня ты уже за человека не считаешь?

— Это другое. Я же не собираюсь в тебя влюбляться!

— Хм, а я на субботу как раз купила парный абонемент в спа-салон на целый день, для влюбленных...

— Вася! Я долго сопротивлялась своим чувствам, но тщетно. Я люблю тебя! — пылко произнесла Юлька, прижав руки к груди.

— То-то же! А то я, знаешь, даже начала ревновать к царице. Ах, Амаранта... — передразнила я подругу.

Юлька смущенно рассмеялась.

— Сама не знаю, что на меня нашло, — призналась она. — И пытаюсь вспомнить, как она выглядела, а в памяти будто провал. Как будто такую красоту даже вообразить невозможно.

Я приложила к себе новенький кружевной бюстгальтер, повернулась к Юльке.

— Пойдешь в этом на свидание с воеводой? — подколола она меня.

Я вздохнула и положила обновку в шкаф.

— Не уверена, что у меня есть шанс. Думаю, ты ему подходишь куда больше.

— Во-первых, я помню о праве первой встречи, — загнула палец Юля. — Кто первой мужчину увидел, той он и достается.

— Ты познакомилась с ним всего минутой позже.

— Все равно. Во-вторых, — Юлька упала на мою кровать, — он не в моем вкусе. Такой весь правильный, спокойный. Я люблю мужчин с огоньком.

— А он, похоже, девушек с огоньком боится, — нахмурилась я.

Юлька повернулась на живот и улыбнулась.

— А в-третьих... Я покажу тебе кое-что.

Она убежала к себе в комнату и вернулась с ноутбуком.

— Я скинула фотки из дворца, — сказала она, быстро пролистывая кадры. — Вот...

На экране появилось лицо воеводы. Я залюбовалась красивой осанкой и росчерком бровей; высокий лоб пересекала вертикальная морщинка, которую так и хотелось разгладить. В голубых глазах таились тоска и потаенная страсть, уголки губ слегка приподнимались, как будто перед ним сейчас что-то очень хорошее.

— Так он смотрит на тебя, когда ты не видишь, — прошептала подруга из-за плеча, словно змей-искуситель.

— Да ладно! — Я расплылась в улыбке. Может, и не стоит прятать далеко новое белье. Очень скоро оно может мне пригодиться.

Я пролистнула кадр и недоуменно всмотрелась в экран. В платье восхитительной Амаранты, блестящей красавицы, чья красота ослепляла и сшибала с ног, стояла какая-то мымра.

— Как-то нефотогенична царица, да? — протянула Юлька.

— Совсем, — согласилась я.

Длинный нос, маленькие, близко посаженные глазки, тонкие, недовольно поджатые губы, — Амаранта на фотографии не производила и доли того ошеломляющего впечатления, что в реальности. Костлявые плечи выпирали из слишком свободного платья — того и гляди спадет наряд, никаких выпуклостей, за которые оно бы могло удержаться, у царицы не наблюдалось. Кулон алым маячком болтался на плоской груди.

— Ох, нечисто дело с царицей, — заметила я.

Встала я спозаранку, когда солнышко только выкатилось на светло-голубое небо, пронизанное золотыми нитями. Высоко-высоко висели черные точки жаворонков, яйца которых требовались для колдовского приворота. Может, Ярополк меня приворожил? А что, все сходится — и неумная тяга, и отсутствие сна. Я хмыкнула и подняла тяпку, безалаберно брошенную вчера на крыльце.

Я купила ее в огромном хозяйственном магазине. Сначала бродила по рядам с сельскохозяйственными орудиями труда, один другого страшнее, примерялась к лопатам и вилам, постояла у садового гномика, чем-то смахивающего на Степана Аркадьича. Достала всех попавшихся под руку консультантов вопросами: в какой грунт надо сажать тыквы, самый плодоносный сорт, секреты хорошего урожая, — а потом увидела эту тяпку, и рука сама к ней потянулась. Маленькая, хорошенькая, милый цвет,

аккуратные зубчики — ее не было страшно брать в руки, и она без труда уместилась в мой рюкзак.

Окинув взглядом заросшую бурьяном грядку, спускающуюся к забору, я засучила рукава, надела резиновые перчатки и принялась за прополку. Я вырывала длинные стебли полыни, дурманящей горьковатым ароматом, выкорчевывала колючий осот, подкапывала белесые корни пырея. Разогнувшись через полчаса, окинула взглядом кучку вырванной травы на дорожке, потом прикинула предстоящий фронт работ и мысленно застонала.

— Я тебе кофе сделала, — выкрикнула с крыльца Юлька и тут же трусливо скрылась в доме.

Я бросила тяпку — ведьме нужен перерыв.

Мы устроились в зале. В вазочке на столе высилась горка песочного печенья, которое вчера испек Степан Аркадьич. За такого домового и золотого не жалко! Надо бы его переманить. Я задумчиво откусила кусочек, отхлебнула обжигающего кофе и открыла книжку-чудесницу.

— Привороты, отвороты, венцы безбрачия и кошмарные сны, — пробормотала я. — И хоть бы один завалящий рецепт, как избавиться от сорняков.

— А ты не думала на самом деле поколдовать? — спросила Юлька, макая печенье в креманку с абрикосовым вареньем. — Сглаз на твою мымру навести, к примеру, чтоб nepовaдно было так квартирантов кидать.

— Думала, — призналась я. — Но мараться неохота. Да и у меня сейчас на повестке дня тыквы. Я так прикинула, надо сейчас сажать, чтобы успели вырасти.

— Ты прости, у меня занятия, — виновато покаялась Юлька. — А я ведь обещала помочь...

То, что она не собирается со мной в огороде копать, было сразу понятно: она сидела нога за ногу, коротенькое платьице едва прикрывало стратегические места, туфли на каблучках, светлые волосы, сдерживаемые лишь тонким ободком, падают на спину, закручиваясь на концах. Юлька сегодня выглядела настоящей куколкой.

— Так-так-так, — заподозрила я, — а что у тебя за пары сегодня?

— Тебя не проведешь, — улыбнулась Юлька. — Это я так к семинару по скульптуре вырядилась, помнишь, я тебе рассказывала про симпатичного аспиранта? Вот, кстати, приворожи мне его, а то экзамены скоро, а он все краснеет, ломается, а к активным действиям не переходит. Я уже и так и этак ему намекаю, за первую парту всегда сажусь, улыбаюсь многообещающе...

— Юля, ну какой приворот? — возмутилась я. — Ты себя в зеркале видела? Он и так небось спать не может, только о развратной студентке фантазирует. Если еще и приворожу, как бы передоза не случилось.

— Ладно, — нахмурилась Юлька. — Без приворотов обойдемся. Сегодня уроню возле его стола ручку.

Она демонстративно бросила ложечку на пол, низко наклонилась...

— Ты чего? Спину прихватило? — забеспокоилась я, когда подруга так и застыла в позе «собака мордой вниз».

— Вася, тут что-то есть.

Мы оттащили стол в сторону, убрали стулья и воззрились на шестигранник, обитый искореженными полосками металла, будто разъеденного кислотой. Мелкие пятнышки ржавчины рассыпались веснушками по углам, посередине изгибалась неровная выпуклость, как будто кто-то ломился с той стороны. В одном углу чернела прорезь замочной скважины. Я поежилась, обхватила себя руками, на миг мне показалось, что с той стороны кто-то приник глазом к крохотной узкой щели, облизывает острым языком губы, перепачканные кровью, царапает когтями прочную сталь, наблюдает за мной...

— Вот и дверь для третьего ключа, — пробормотала Юля.

— Я ни за что не стану ее открывать, — ответила я. — Никогда.

Юлька упорхнула на занятия, пообещав не слишком низко наклоняться перед беднягой-аспирантом, а я отправилась в хозяйственный магазин, где консультанты дружно попрятались под прилавки, завидев меня издали. Веселенький полосатый коврик, который я присмотрела еще вчера, по размерам слегка превосходил жуткую дверь, и я погрузила его в тележку. С глаз долой — из сердца вон.

Заодно зашла в отдел для сада и огорода за тыквенными семенами. Повертела головой в поисках консультантов — никого. От меня так просто не отделаешься! Подойдя к стойке, нажала кнопку вызова персонала, снова и снова. Через несколько минут из подсобки прямо мне в объятия вытолкнули девушку-консультанта. Она рванулась было назад, но услышала звук задвигающегося шпингалета и повернулась ко мне, вымученно улыбаясь.

— Тыквы лучше высаживать рассадой, — протараторила она, и я довольно улыбнулась — подготовилась, молодец. — Прорастите семена, завернув их во влажную ткань, а когда проклюнутся ростки, переносите на огород. Земля должна быть удобренной и разрыхленной. Сажать рассаду на расстоянии полтора метра друг от друга в небольшие лунки — так удобнее

поливать.

Полтора метра?! Это ж сколько еще огорода мне надо перекопать и облагородить! Я шевелила губами, про себя перемножая полтора метра на сорок две тыквы.

— Хотя бы метр, — добавила она испуганно. По-видимому, мои чувства явственно отразились на лице. — Вот самый лучший сорт... Тыквы крупные, сладкие...

Я сердито вырвала семена у нее из рук и, расплатившись на кассе, отправилась домой, перекинув коврик через плечо. В арке я остановилась, прикинула размеры — трактор никак не поместится. Может, нанять работников прямо в деревне? Наверняка за пару монет можно договориться с каким-нибудь конем и его хозяином, чтобы распахали мне огород до рыхлого состояния, а заодно и удобрили.

Дома я развернула новенький коврик, накрыла зловещий шестиугольник. Выпуклость поднималась посередине маленьким холмиком. Я подтащила стол, расправила ковер, сбившийся складками — сомнительная мера, конечно, но хоть так... Случайно прикоснувшись к металлу, изъеденному ржавчиной и коррозией, отдернула руку — дверь была обжигающе холодной. Черная замочная скважина манила загадкой. А что, если я открою дверь лишь на секундочку, одним глазком взгляну, что таится за ней, и сразу же захлопну? А вдруг там новый мир, полный волшебства и красоты, или прекрасный узник, страдающий в цепях... Я тряхнула головой, прогоняя наваждение — интуиция так и вопила, что лучше эту дверь не трогать.

Я насыпала в миску Греха еды, кот что-то давно не появлялся мне на глаза, но тарелку опустошал регулярно. В общем, такое соседство меня вполне устраивало. Лучше уж вообще друг друга не видеть, чем устраивать из моей груди жертвенник с мышинными трупиками. Заварила себе чаю, бросив в чайник пару листиков мяты, вышла на крыльцо, выкатив туда же скейт с оборотнем. Ветерок срывал лепестки сирени, бросал к моим ногам, сладкий аромат дурманил и пробуждал в душе неясное предвкушение счастья. В общем, все как-то налаживается. Тыквы посажу, проклятие с пруда сниму, глядишь, удастся живой водой и оборотня расколдовать. Я добродушно потрепала волка по макушке, стараясь не задеть хвостик с розовой резинкой. А о мрачной двери лучше вовсе забыть. Вот ковер застелила — и нет ее.

Допив чай, я вернулась в дом в самом благостном настроении и тут же поморщилась от волны едкого запаха. Смутное подозрение подтвердилось, когда я заглянула под стол. На моем прекрасном новеньком коврике

расползлось мокрое вонючее пятно.

— Грех! — заорала я.

Амфибрахий подпрыгнул в террариуме от неожиданности, закричал, заклекотал и выдал внеочередную порцию монет. А вредного кота и след простыл. Лишь колыхалась занавеска на окне.

— Поймаю засранца и мордой потыкаю! — крикнула я.

Жаба заморгала, вжалась попой в угол и даже не стала прятать под себя золото. Я запустила руку в террариум, сгребла влажные монетки. Ополоснув их под краном на кухне, рассмотрела уникальный рисунок, так расхваливаемый Онисием. На первой монете раскрывала лепестки нежная кувшинка, кажется, я даже почувствовала сладковатый аромат. А может, опять водяной подсматривает. Закрутив кран плотнее, изучила остальные монеты. На второй две стрекозы порхали в стремительном танце. Казалось, вот-вот сорвутся и улетят прочь. На третьей свернулся калачиком кот, хвост оборачивался вокруг мягких лапок. Вот каким должен быть домашний любимец — добрым и пушистым, а не этим средоточием тьмы. На четвертой монете сидела жаба, похоже, Амфибрахий изобразил автопортрет — та же криволапость, мощная грудь, вот разве в пупырчатости он себе польстил.

А с последней на меня смотрела женщина — чуть прищуренные глаза, полные губы, высокие скулы. Сильная, яркая красота, уверенный взгляд. Я могла бы быть ею, этой женщиной, сходство поражало... Она что-то держала в руке, я не могла разобрать, слишком мелкая деталь. Был ли это нож, а может быть — ключ?

Я засунула монеты в кошелек, посмотрела на ладонь. Тяпка была, конечно, симпатичной, но в плане эргономичности — так себе. Клеймо на рукоятке — китайский иероглиф — натерло основания пальцев до мозолей. А теперь еще и драить ковер? Ну уж нет. Я свернула ковер, избегая смотреть на шестиугольную дверь, и, стараясь не прикасаться к мокрому пятну, отнесла его к ближайшим мусорным бакам. Решив, что на сегодня норма работы выполнена, я вытащила во двор новый велосипед и, закатив в дом оборотня и закрыв дверь, отправилась на прогулку.

Съехав с холма, я порулила в деревню. Проехав по улице, сделала почетный круг на площади, где меня собирались сжечь. Сейчас она выглядела вполне мирно — несколько бабулек осеняют себя крестным знаменiem, чумазы ребятишки скачут по квадратам, расчерченным палкой на утопанной земле, мужики пожирают меня глазами. А одета я сегодня весьма скромно — джинсы и маечка. Я сделала еще круг и поняла, что мужикам до меня и дела нет — все пялятся на мой велик. Я приветственно

махнула рукой и покатила дальше. Деревня кончилась совсем скоро, на деревянном указателе были выдолблены угловатые буквы.

— «Большие Запоры», — прочитала я. — Романтично.

Развернувшись, поехала обратно. Мимо «Печального лося» пролетела с ветерком. Авторитет воеводы, без сомнения, велик, но без нужды встречаться с Парнасом мне не хотелось. Я едва успела притормозить, когда на дорогу вышла женщина. Веселые карие глаза, смешливый рот, ямочки на щеках — это ее мне показывал волшебный горшок Ярополка.

— Здравствуй, Василиса, — напевно произнесла она. — Сделай милость, зайди в дом.

Я вошла в светлую горницу и тут же захотела, чтобы милая женщина меня удочерила. В доме царили чистота и порядок, пахло свежими булочками и печеным картофелем. На печке сидел, свесив ножки, Степан Аркадьич, в его руках мелькали спицы, и алый шарфик, в тон шапочке, вытягивался вниз на глазах. Три пары карих глаз выглянули из-за двери, но женщина шикнула, и дети со смехом спрятались в комнате.

— Зовут меня Велислава, — представилась женщина. — Степушка передал твою просьбу. Ежели для доброго дела нужно свечи зажечь, то бери, мне не жалко.

— А если обману? — выпалила я.

— А если обманешь, я с тебя три шкуры спущу. — Из-за двери появился огромный мрачный мужик. Его суровый вид не очень сочетался с тем, что он щекотал пальцем босую детскую пяточку. Ребенок сидел на могучих плечах отца, вцепившись в русые лохмы, и дрыгал ногой, довольно повизгивая.

— Справедливо, — согласилась я. — Я надеюсь, мне удастся снять проклятие с пруда.

— Раньше у нас было прекрасное озеро, — ностальгически вздохнула женщина. — Водичка прозрачная как слеза, чистая — пить можно. А по утрам над водой туман, густой, светло-розовый, как ряженка... Мы там с Петей, на берегу, первый раз поцеловались.

— И второй, и третий, — подхватил везунчик Петя, расплываясь в улыбке. — Ладно, Василиса, пали свои свечи, Степан за тебя ручался, да и Ярополк абы кому домового не пошлет. Он мужик дельный, сразу видит, кто есть кто.

— Чего ж ты с ним вечно грызешься да на порог не пускаешь? — уколола его жена.

— А боюсь, что разглядит, какое ты у меня сокровище, Величка моя ненаглядная.

Я поблагодарила хозяев и вышла во двор, оглушенная чужим счастьем. Не переманить мне Степана Аркадьича никакими золотыми! Да я бы сама многое отдала за уголок в этом доме, полном тепла и любви. Сердито шмыгнув носом, залезла на велосипед. У меня есть свой дом, и только от меня зависит, чем я его наполню.

С утра я надела длинное белое платье, купленное загодя с отличной скидкой, расчесала волосы на пробор. Может, это и не важно, но я решила делать все строго по инструкции. Юлька заявила, что пойдет со мной, и вырядилась в плиссированную юбку ниже колен и белую блузку. Аспирант так и не поддался ее чарам.

— Что за мужики пошли? — вопрошала она, заплетая мне косы. — Я ручку уронила, наклонилась так слегка, а он покраснел весь, натужился, будто запор у него, а так ни слова и не сказал.

— Кстати, наша деревня называется Большие Запоры! — сообщила я, поворачиваясь к подруге.

— Не дергайся, — рассердилась Юлька. — Интересно, откуда это название пошло? Может, здесь когда-то что-то заперли? Все, готово. Давай, Вася, наколдуй как следует! Покажи этим запорцам, что такое настоящая магия!

К дому Велиславы мы с Юлькой шли в сопровождении нескольких ребятшек, а вот на обратном пути за нами уже толпился народ. Я держала зажженные свечи все вместе, прикрывая ладонью огонь. Но, к счастью, день выдался безветренный, солнце так и припекало, хотя еще и десяти не было.

Я подошла к пруду, постояла, переминаясь, у воды. Утиное семейство проплыло мимо: горделивый папа, скромная мама и несколько пушистых серых комочков, похожих на опавшие вербные котики. Когда утята скрылись в камышах, я присела, тронула пальцами поверхность воды, натянутую ряской.

— Корней, ты где?

Водяной появился из воды тут же, тина свисала по бокам лица унылыми бакенбардами. Он широко улыбнулся, демонстрируя акулий оскал, и Юлька сжала мою руку.

— Ты не говорила, что он настолько харизматичен, — прошептала она.

— У тебя есть шанс выяснить про хвост, — подмигнула я.

— Василиса! — воскликнул Корней, радостно подгребая ближе. Мое имя он произносил присвистывая, как кипящий чайник. — Какими

судьбами?

— Давай снимать проклятие, — сказала я.

Я коротко проинструктировала Кореня, сунула ему в лапы одну свечу, вторую установила на пруду, продырявив лист кувшинки. Третью оставила себе. Пламя горело ровно и высоко, и я преисполнилась уверенности, что все у меня получится. Жители Больших Запоров топтались позади, не решаясь подойти ближе.

Сжав на прощанье Юлькины пальцы, я пошла вперед, обходя пруд по часовой стрелке. У черного валуна, под которым покоилась ведьма, пламя задрожало, затрепетало, метнулось вбок. Я прикрыла его ладонью, ускоряя шаг, и вскоре огонек выровнялся. Я прислушалась к своим ощущениям: никакой ломки, обещанной книжкой-чудесницей, пока не наблюдалось.

Я пошла на второй круг. Юлька побежала следом, как команда поддержки, развернула листок, на котором яркорозовым маркером было написано: «Вася — ты лучшая! Жги!» Я прыснула со смеху, едва не затушила свечу и постаралась вернуть себе серьезный вид.

Насупленные запорцы все так же стояли у пруда, ожидая чуда. Вот будет облом, если чуда не получится! И даже если родники снова забьют, то эффект, вероятно, появится не сразу. Размышляя таким образом, я обошла пруд во второй раз, обходя могильный камень по широкой дуге. Заливной луг за прудом тянулся до самого ельника, в сочной траве паслось стадо меланхоличных коров. По-видимому, раньше озеро было куда больше.

Третий круг дался мне сложнее. То ли побочный эффект от применения светлой магии, то ли просто голову напекло, но мысли путались, перескакивали с одного на другое. Несколько раз я споткнулась, едва не обронив свечу, непонятно откуда взялся ветер, норовящий задуть крохотное пламя. Я посмотрела на водяного, который обнял свечу двумя лапами. Свеча на кувшинке заплыла в камыши, но все еще горела.

Последние метры я еле переставляла ноги. Спинай чувствовала чей-то тяжелый взгляд, придавливающий меня камнем. По позвоночнику поползла струйка пота, белый подол изгваздался в траве. Я подошла к Юльке, облегченно выдохнула, опершись ей на плечо. Капля горячего воска стекла на ладонь, я шикнула, загасила свечу.

— И это все? — разочарованно спросила подруга.

— А чего ты хотела? — слегка рассердилась я. Перед глазами плясали алые точки, от непривычных тугих кос разболелась голова. — Москва не сразу строилась. Теперь надо подождать, глядишь, один родник проснется, потом второй...

Земля содрогнулась, и посреди пруда взмыл водяной столб. Водяной

подлетел вверх, бестолково раскинув лапы и продемонстрировав две крепкие чешуйчатые ноги, оканчивающиеся ластами, и плюхнулся назад в воду.

— Хвоста нет, — нервно хихикнула Юлька.

Пруд забурлил, поднялись волны. Жители Больших Запоров заметались по берегу. Кто-то убегал и уводил детей, кто-то, наоборот, хотел подойти поближе, чтобы насладиться редкостным зрелищем. Фонтан посреди озера бил с ровной силой, распадаясь веером брызг, над которыми вспыхнула радуга.

— Коровы! — заголосила какая-то женщина, и все запорцы бросились на луг спасать стадо. Коровы мычали и разбегались, вода стремительно прибывала, дети полезли купаться. Посреди всеобщей суматохи выделялась на удивление спокойная фигура. Серый плащ окутывал худые плечи туманом, капюшон скрывал лицо. Человек пошел прочь, но я заметила яркий алый всполох в складках его плаща.

— Амаранта? — удивилась я и шагнула следом, но тут, у самого берега, показалась макушка водяного.

— Ведьма! — крикнул он, отплевавшись ряской. — Ты что творишь?

— Магию, — сказала я и кулем осела на берег.

— Вася, ты чего? — Юлька испуганно присела рядом, поддержала меня.

— Никак солнечный удар, — промямлила я. В глазах потемнело, голова кружилась.

— На вот, хлебни. — Водяной выбрался на берег, протянул странную бутылку, похожую на камень с дыркой. Я, охнув, чуть не выронила тяжелый сосуд. — Пей-пей, не бойся, это твоя награда.

Я осторожно сделала глоток, подержав живую воду во рту. В голове прояснилось, во всем теле появилась легкость, как после йоги.

— Действует! — обрадовалась я. И вдруг почувствовала во рту что-то инородное. Я выплюнула на траву мелкие белые комочки, с недоумением на них посмотрела, и вдруг до меня дошло: — Юлька, это что, пломбы?

Я с ужасом посмотрела на подругу, ощупывая зубы языком. Вроде никаких дырок, что вообще происходит?

— Ну-ка, открой рот, — скомандовала Юлька.

Я послушно сказала «а-а-а».

— Все тридцать два на месте, белые, здоровые. Вася, умоляю, дай мне глоточек!

Я недоверчиво улыбнулась, осмысливая новость, протянула подруге бутылку.

— Слушай, Кореней, а чего емкость такая странная?

— Живая вода может оживить даже искусственные предметы, если в них есть хоть капля души создателя, — пояснил водяной. — Эта бутылъ — природный камень, к которому не прикасалась рука человека.

Я испуганно подтянула колени к груди, ожидая, что сейчас пломбы поскачут назад ко мне в рот, но, похоже, зубы мне лечили без души. Халтурщики!

Попрощавшись с Коренеем, мы с Юлькой пошли домой. Она счастливо улыбалась и прижимала к груди каменную бутылъ нежно, как младенца.

Зайдя в дом, мы наткнулись на оборотня, который стоял на скейте посреди прохода.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросила Юля.

— Знаешь, живая вода на самом деле бесценна, — задумалась я, расплетая косы. Взъерошила волосы, потрянула головой и сразу почувствовала себя лучше. — Только подумай — никаких больше зубных врачей!

— Наверняка и жизнь продлевает, — поддержала Юлька.

— И мы можем поделиться ею с близкими людьми, друзьями...

Я обошла оборотня, присела возле оскаленной пасти, потрогала острый клык.

— Ярополк сказал, его зовут Лютый. Как-то не очень имечко располагает.

— Но ты ведь все равно попробуешь, — утвердительно сказала Юлька.

— Попробую, — вздохнула я. — Жалко его, собаку.

— Что, прямо сейчас?

— А чего тянуть?

Оживление решено было проводить во дворе. Мы скатили скейт по ступенькам, едва не опрокинув волка. Поставили его на траву, повернув хвостом к дому, чтобы успеть удрать, если Лютый все же оправдает свое имя.

Юлька выглядывала из открытых дверей, я тоже отошла к порогу. Плеснув немного воды на руку, встряхнула пальцами, целясь в волка, и метнулась к подруге. Драгоценные капли заблестели на лохматой шкуре, как роса. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом по волку прошла дрожь, и он взвился, распрямившись, как пружина. Комья земли полетели из-под мощных лап. В траве остались глубокие рытвины. Оборотень сделал несколько скачков, притормозив, повернулся к дому.

Ореховые глаза сверкнули янтарем, зубы лязгнули. Мы с Юлькой, взвизгнув, попяtilись вглубь дома. Оборотень отвернулся и помчался прочь, к ельнику, легко перемахнув через забор. Вскоре серая спина скрылась из виду.

— Даже спасибо не сказал, — обиженно засопела Юлька.

— Да и пес с ним!

Озеро в низине протянулось до ельника, заблестело под солнцем, как золотая монета Амфибрахия, над гейзером повисла радуга, и на душе отчего-то стало легко.

Юлька сбежала на занятия, из-за меня она и так прогуляла две пары. А я устроилась в своей комнате, решив посвятить день ничегонеделанию. После таких ответственных дел — расколдовывания пруда и оборотня — я заслужила выходной. У меня накопилось несколько не просмотренных серий любимого сериала, педикюр пора было обновить, в общем, девушка всегда найдет чем заняться.

Я устроилась на кровати в своей комнате; поставив ноутбук в ноги, нажала кнопку, открыла темно-вишневый лак и тут услышала зловещий скрип, наложившийся на мрачный саундтрек сериала. Вишневая капля упала на покрывало каплей крови. Нажав на паузу — я же не дура, идти на странный звук под трагическую музыку, — я спустилась на первый этаж.

Скреблись в дверь в сказочный мир.

— Кто там?

Никакого ответа. Скрежет затих, потом возобновился с удвоенной силой. Как будто кто-то раз за разом проводил железными когтями по двери. Как назло, ни одно окно не выходило на эту сторону. Я нерешительно взялась за ручку. Может, это вернулся оборотень?

— Волк, это ты?

Скрежет был мне ответом. Может, волк разучился говорить за то время, что был заколдован. А может, он и вовсе говорить не умеет — кто их разберет, этих оборотней? Я в раздумье забарабанила пальцами по двери, и с той стороны синхронно застучали.

Это может быть и инкуб. Я прикинула: если даже бабка померла ровно после того, как выполнила ежемесячный контракт с инкубом, и, может даже, именно по этой причине, то у меня осталась максимум неделя до его появления. Открывать ему дверь тоже не хотелось. С той стороны стукнули с такой силой, что я невольно отшатнулась.

Ярополк говорил, что мой дом — крепость. Мне нечего бояться, пока я внутри. Главное — не впускать в дом тех, кому я не доверяю. Интересно,

удовлетворит ли инкуба секс на расстоянии. Я читала про тантрический секс, когда партнеры сидят и фантазируют. На такое я бы еще согласилась. Мне о многом надо подумать. Надежды на то, что я не во вкусе инкуба, было мало, раз его устраивала даже трехсотлетняя бабка.

Выдохнув, я решительно открыла дверь.

Юлька вернулась после занятий, швырнула сумку на диван, стащила туфли.

— Представляешь, мне автомат поставили по скульптуре. Значит, аспирант все же оценил мои прелести.

— А может, ты просто умница и талант? — предположила я, методично выскребая ложечкой мороженое из пиалы.

— Это тоже, — согласилась Юля. Она прислушалась, повернувшись к двери. — А что это за странный скрип?

— Сходи посмотри, — предложила я.

Юля недоверчиво на меня посмотрела, подошла к двери.

— Если бы это было опасно, ты бы меня туда не отправила, так ведь?

— Не бойся, главное — в дом не пускай.

Юля открыла дверь.

На крылечке радостно подпрыгивала моя тяпка. На розовой ручке виднелось китайское клеймо, к одному зубчику прилипла травинка.

— Вот это нежданчик, — оценила Юля. — Ты что, на нее тоже живой водой попала?

— Похоже, что так. Я ее в траве забыла. Брызгала на волка, а заодно и тяпке досталось.

Тяпка подскочила к порогу, но уперлась в невидимую защиту дома и упруго отпрыгнула.

— Тут какая-то закорючка на крыльце, — сказала Юля.

Пока я изучала крыльцо, исчерканное свежими царапинами, Юлька сбегала за телефоном.

— Ей от тебя что-то надо. — Она сделала кадр. — Это сообщение.

— Похоже на иероглиф. У тебя есть знакомые китайцы?

— У нас учится один по обмену.

Юля принялась названивать китайскому студенту, а я захлопнула перед тяпкой дверь и оперлась на нее спиной. Воевода просил меня ничего не натворить за две недели его отсутствия. А я за один день пробудила гейзер, расколдовала оборотня и оживила тяпку. Похоже, какой-то китайский рабочий вложил в нее душу. Интересно, каким он был? Надеюсь, скромным, работающим пареньком...

Тяпка с такой силой стукнула в дверь, что та пошатнулась под ее напором.

— Вася! — Юля торжествующе размахивала мобильным. — Тяпка ждет твоих приказаний.

Я на некоторое время зависла перед ноутом, потом нарисовала маркером на листке иероглиф, все время сверяясь с образцом на экране. Вынесла листок к двери.

— Копать до забора, — приказала я, тыча тяпке листок. — Пропалывать.

— На китайском скажи, — нетерпеливо притопывала позади меня Юлька.

— Ехао, — сказала я. — Ваа либа. Черт, ставить произношение по гугловскому переводчику — это отстой.

— Вроде она поняла. — Юлька проводила взглядом тяпку, задорно ускакавшую в огород.

— Все, на сегодня с меня хватит! — Я закрыла дверь и поплелась на второй этаж. — Сил моих больше нет.

— Есть еще кое-что, — виновато сказала Юля.

Я обреченно повернулась к ней.

Юлька вытащила из сумки файл с распечатанными фотографиями, разложила их на столе. Я сразу узнала фрески из собора, где брала свечи для заклинания. Изображение было не очень четким, наверное, Юлька фотографировала без вспышки, да и фрески пострадали от старости, некоторые фрагменты полностью стерлись.

— У них тут, похоже, совершенно иная религия. — Глаза подруги горели от восторга, когда она рассматривала фотографии облупленных стен.

— Собор совсем как наш, — засомневалась я. — И кресты...

— О, ты сразу к самому интересному! — еще больше оживилась Юля. — Иисуса у них не было. Зато было сразу четыре бога, к которым они относятся с особым почтением.

Она пододвинула ко мне фотографию, на которой был изображен крест, а на концах перекладин четыре фигурки: три женщины и мужчина. Одна женщина в длинном светлом платье, с короной на белокурых волосах; вторая — старуха, или же морщины — это трещинки на фреске, не разобрать, одета в бесформенный плащ; у третьей странные белые глаза, а может, краска облупилась, рыжие кудри спадают каскадом до колен; мужчина бородат и могуч, его фигура крупнее женских раза в полтора.

— Эти персонажи встречаются чаще всего. Мужчина, наверное,

воин, — на следующей картине этот мужик весьма натурально загонял копье в разинутую пасть гигантского волка.

— Ох, Юля, надеюсь, мы не совершили ошибку, оживив оборотня, — простонала я.

— Там разберемся, — отмахнулась подруга. — А теперь смотри сюда.

На последнем кадре четыре уже знакомых персонажа стояли, взявшись за руки, над шестиугольником, до боли напоминающим дверь в моем доме, из которого тянулись черные щупальца.

— У нас в подвале Ктулху? — высказала предположение я.

— Или другая неведомая тварь. Но может, мы все неправильно поняли.

— Надо бы наведаться в царскую библиотеку, которую так расхваливал Ярополк... Кстати, сегодня видела Амаранту на берегу, — вспомнила я.

— Что ей делать в деревне? — удивилась Юля.

— Я не уверена, что это была она. Фигура в плаще, лица под капюшоном не разглядеть, но кулон на груди алел, как маков цвет.

Я еще раз внимательно посмотрела на фигурки, держащиеся за руки над дверью моего дома. Странно, но мне вдруг показалось, что я что-то упускаю...

С утра я уже привычно проснулась от громкого стука в дверь. Зевая, прошлепала по ступенькам вниз, просовывая руки в рукава халата, и открыла дверь в сказочный мир.

— Ведьма! —дохнул на меня вчерашними щами Парнаaska. — Твоих поганых рук дело?

— От поганца слышу, — ответила я и захлопнула дверь.

Я прошла на кухню, увидела чашку кофе, несколько конфеток и записку от Юли: «Не хотела будить, я на занятия, буду после обеда». Отхлебнув остывший кофе, посмотрела на часы. Ого! Уже полдень! Впрочем, неудивительно, что я так долго дрыхла. Событий прошлого дня мне бы хватило на неделю, если не на всю жизнь. В дверь снова постучали, еще громче, пришлось опять открывать.

— Ты что там, копытами барабанишь? — недовольно спросила я, разворачивая конфетку.

— Уйми свою тварь!

— Ты вообще про кого? — нахмурила я брови. — Оборотень что-то натворил? Так он не мой, а свой собственный.

— Ты оживила оборотня?! — Кажется, Парнааску сейчас удар хватит:

покраснел, ртом воздух хватает, глаза выпучил, уши переел, что ли. — Единственное, что хорошего сделала твоя бабка — околдовала это зловерное животное, а ты... — Он задохнулся от возмущения.

— Слушай, копытный, ближе к делу, — попросила я.

— Твоя тяпка...

— Блин!

Я выбежала в огород. Там, где еще вчера были практически непроходимые джунгли, теперь простиралась свежевспаханная грядка, хоть сейчас тыквы сажай. Вниз по холму сбегала черная лента разрытой земли. Я понеслась по следу моего непонятливого китайского друга.

Дорожка вела прямиком в деревню, огибала несколько дворов и проходила через калитку, которая валялась тут же, сорванная с петель. Возле каменной ограды позади таверны я заметила яркую розовую рукоятку. Тяпка усердно копалась в свежей зеленой поросли морковки, на дорожке лежала горка чахлой редиски, половина огорода была тщательно прополота — в ноль, и разрыхлена.

По-видимому, мой низенький плетень не соответствовал понятию забора. Тяпка нашла ориентир, максимально к нему приближенный — каменный и основательный, и выполнила приказ на совесть.

— Хватит! — приказала я тяпке. — Стоп.

Она вгрызлась под куст крыжовника, с явными намерениями его выкорчевать, и Парнас застонал.

— Я пытался ее остановить! — Он бережно качал у груди наспех перевязанную руку. — Она отбивается, как бешеная!

— Хорошая моя, — умилилась я. Отчаявшись донести приказ до тяпки, я просто подошла, выдернула ее за розовую ручку, отряхнула и сунула в карман халата. — Пока! — махнула я Парнаске ручкой.

— Постой, ведьма, — разозлился он. — А кто ущерб возместит?

— А ты возместил мне моральный ущерб за то, что кляп в рот совал? Или за то, что собирался сжечь? Не наглей!

Он было сунулся ко мне, но я ткнула ему под нос средний палец с царским перстеньком, и Парнастка сдулся.

Так, с тяпкой в кармане, я и вернулась домой.

— Что же мне с тобой делать? — задумалась я, усаживаясь на ступеньки и вытаскивая тяпку. — К коту и жабе хоть какие-то инструкции были, а чем тебя кормить?

Тяпка пододвинулась ближе, ткнулась ручкой мне под ладонь, и я неуверенно ее погладила.

Юлька нашла нас во дворе. С помощью онлайн-переводчика я смогла объяснить тятке, что сейчас у нее свободное время, и теперь наблюдала, как она шустро отползает ко мне, шевеля зубчиками, как лапками, а потом разгоняется, подпрыгивает и стремительно летит вперед, впиваясь в дощатую дверь сарая, где я нарисовала углем кривоватую мишень.

— В яблочко! — зааплодировала я.

— Развлекаетесь? — Юлька уселась рядом. — Какая она меткая.

— Это он, — поправила я ее. — Тятка считает себя мальчиком. Зовут Брюс.

— Он сам тебе сказал?

— Я перечисляла имена, пока он не согласился.

Брюс вытащил зубчики по одному из двери, шмякнулся на землю и снова пополз на старт.

— А что там за движуха у пруда? — спросила Юля, вглядываясь вдаль.

На берегу действительно столпился народ. Доносились переливы гармошки.

— Сходим? — предложила я.

Большие Запоры праздновали оживление озера. Длинные столы поставили в два ряда, укрыли скатертями. Угощения принесли с каждого двора, кто во что горазд. В тарелках свивались в гнезда гирлянды колбасок, одуряюще пахла квашеная капуста, пышные караваи, разрезанные на толстые ломти, утыканные изюмом, крошились в руках. Между столами молодежь устроила танцы. Дед с гармошкой бодро притопывал в такт ногой, кудрявый парень тряс бубном. Девушки кружились на уже изрядно примятой траве, уперев руки в бока, яркие сарафаны раздувались колокольчиками. Велислава, завидев нас с Юлей, расплылась в улыбке и сунула нам два кекса.

— Степушка испек, — сказала она. — Откушайте, девушки. Медовые, с орешками.

Ее за руку утащил Петр, оказалось, что огромный мужик на удивление хорошо танцует. Он легко повел полнотелую Велю в танце, подбросил и, поймав, прижал к груди.

Я в задумчивости откусила кекс — действительно, вкусно. Парнас что-то вещал возле бочки с пивом в окружении угрюмых мужиков и демонстрировал перевязанную руку. Он поймал мой взгляд и отвернулся. Симулянт! Небось там пара царапин!

Юлька уже переглядывалась с парнем с бубном. Тот подбоченился, выпятил грудь колесом, сдвинул шапку набок. Партия бубна зазвенела на

все Запоры. А вокруг меня оставался вакуум, который никто не спешил заполнить. Я сжевала кекс, чувствуя себя чужой на этом празднике жизни, повод для которого, на минуточку, я же и организовала.

Заметив водяного, балансирующего на верхушке гейзера и благосклонно посматривающего на молоденьких селянок, подошла к озеру.

— Привет, Корней! — Я присела на бережок.

— Ведьма! — обрадовался водяной и скатился вниз с фонтана. Он вынырнул возле меня, улыбнулся. — Озеро все еще растет. По моим подсчетам, учитывая кубометры извергаемой воды за минуту, за минусом естественного испарения, озеро станет еще больше, чем было.

— Это хорошо, — меланхолично ответила я.

— Эй, а ты чего такая кислая?

Я пожалала плечами. А что ответить? Потому что меня никто не любит? Потому что меня все избегают? Ребячество какое-то. Я встала, отряхнула приставшие травинки.

— Все в порядке, водяной. Просто скучно.

— Так поплавай со мной, — предложил он. — Гляди, какая потеха.

Он нырнул, скрывшись с глаз, а потом взлетел со столбом воды, взмыл к небу, перекувырнулся в воздухе и рыбкой нырнул в озеро.

— Главное, баланс держать, — объяснил он, появившись из воды. — Я уже вроде наловчился.

Я неуверенно оглянулась на народ. Лезть в воду в джинсах не хотелось, раздеваться до белья тем более.

— Я к тебе в другой раз приду, — пообещала я. — Когда никого здесь не будет.

— Свидание? — многозначительно пробулькал водяной.

— Аквааэробика, — отрезала я.

Какой-то звон нарушил всеобщее веселье, прервал музыку. Я повернулась — Юлька стояла посреди площадки и методично колотила ложкой по глиняной кружке.

— Дорогие друзья! — провозгласила она. — Мы собрались здесь по прекрасному поводу — чахлый пруд, который грозил полностью пересохнуть со дня на день, превратился в уникальное озеро с гейзером. Источник снова заработал, неся жизнь и радость в Большие Запоры. И все это благодаря моей подруге, Василисе, светлomu и добромu человеку, которого всем нам выпало счастье узнать. За тебя, Вася! — Она выпила до дна, тряхнула головой, промокнула рукавом заслезившиеся глаза.

Я обвела взглядом запорцев. Где-то несмело поднялась пара кружек. Тусовка Парнаса тост демонстративно проигнорировала, хотя этим,

казалось бы, только дай повод выпить. Неблагодарные!

Насупившись, я пошла прочь. У бабкиной могилы задержалась. Вода подступила к самому валуну, осторожно трогая черный камень прозрачными пальцами. Хорошо, что этот берег повыше, а то размыло бы старые кости... За спиной снова забренчал бубен, раздался визгливый голос деда:

— Я миленка ворожила, чтоб налево не ходил. Он сидит теперь в болоте, потому что крокодил!

Дружный хохот прокатился по лугу, незамысловатый напев подхватили несколько голосов. Меня догнала запыхавшаяся Юлька.

— Сволочи они тут, в этих Запорах, — буркнула я, — неблагодарные.

— Гляди! — Она протянула большую корзину, полную яблок. Глянцевые бока розовели под лучами закатного солнца, как румяные щечки. — Какая-то тетка сунула. Говорит — передай ведьме, скажи спасибо от всей деревни, уж так, мол, она угодила...

— Ел у ведьмы как-то раз суп из сыроежки — третий год такой стояк, хоть коли орешки! — донеслось из низины.

— Там, похоже, разгар веселья, — заметила я, открывая калитку.

Брюс подскочил при нашем появлении, бросился навстречу, виляя розовой ручкой, как собака хвостом. Он разровнял небольшой участок земли перед домом и нарисовал уже знакомый иероглиф, требуя приказов. Я выдала ему все то же задание — копать и пропалывать, но теперь строго обозначила границы, нарисовав линию пяткой на земле. Сделаю грядочку клубники, может, морковку посажу, раз уж такая тяпка у меня работающая. Брюс принялся за прополку, розовая ручка так и мелькала в бурьяне. Надо будет русско-китайский разговорник купить. Или на курсы записаться.

Солнце быстро спряталось за горизонтом, оставив на небе полосы багрянца. Народ потихоньку разошелся по домам, песни стихли. Я шлепнула на щеке комара и тоже пошла в дом.

— Знаешь, не такие уж эти запорцы безнадежные. — Юлька помыла яблочко под краном, полюбовалась на налитый бочок. — Они тебя любят.

— На костер не волокут — и то спасибо, — ответила я и дернулась от неожиданного стука в дверь. Вот тяпка непонятливая! Сказано было — ехао...

Открыв дверь, я запнулась на полуслове. Яблочко выпало из рук Юльки и откатилось к порогу, на котором стоял Колин Фаррелл. Я смотрела, как лунные блики скользят по его обнаженному торсу, темная полоска волос на животе стрелкой стремится вниз, под ремень кожаных

штанов. Он небрежно облокотился о дверной косяк, вздернул густые брови, на губах заплясала мальчишеская полуулыбка.

— Позволишь зайти, ведьма?

— Не-е-ет! — Вопль Юльки вывел меня из полубморочного состояния.

— Ну же, малышка! — Он протянул руку, будто собираясь отвести прядь волос от моего лица, и я рефлекторно подалась ему навстречу. Юлька дернула меня за ремень джинсов, так что мы обе повалились на пол.

— Это же...

— Инкуб, — кивнула я. — Но, блин, Юля, Колин Фаррелл...

— Я могу быть кем захочешь, ведьма. Я вижу твои самые сокровенные эротические фантазии.

Он присел на перила крыльца, вытащил из кармана сигареты, зажигалку. Тонкая струйка дыма свилась сердечком, которое плавно полетело к звездам.

— Я подписал договор с Марго. — Сигарета исчезла, как и не было, и теперь он оперся двумя руками сверху о косяк, потянулся, как кот. — Ты унаследовала все права и обязательства и теперь должна выполнить договор.

— Мы можем на него взглянуть? — Я с уважением посмотрела на Юлю, которая сумела не потерять самообладание.

Колин принялся расстегивать штаны, но, заметив наши вытянутые лица, понял:

— А, ты про договор?

Щелчок пальцами — и на пороге появился листок бумаги со светящейся в ночи подписью, которую я уже видела на завещании. Юлька быстро схватила листок.

— «Раз в месяц утолять сексуальные потребности инкуба до полного его удовлетворения». — Голос Юли стих до шепота.

— У меня, конечно, плакат с Колином пять лет в общежитии висел, но чтобы вот так, по-настоящему, — замялась я. — Да и воевода...

— Если хочешь, я могу стать таким... — Щелчок — и на месте Колина появился Ярополк, но голубые глаза смотрели с легкой издевкой, а волосы были уложены уж слишком тщательно. Да и поза казалась надуманной, Ярополк не стал бы так изгибаться.

— Постой, а что у тебя за сексуальные потребности? — решила я уточнить.

Инкуб присел на перила, театрально вздохнул:

— Несколько необычные.

— Давай, не томи, — мрачно сказала я.

— Мне нравится боль, — признался не-Ярополк. — Удушье, шлепки, зажимы — вот это вот все. Страдания меня заводят. Обычно я сам выступаю в роли доминанта, но раз в месяц мне хочется расслабиться, побыть в пассивной роли.

— То есть бабка раз в месяц тебя била? — уточнила я.

— Ох, злющая была!

Я поморщилась — такая улыбка на лице Ярополка смотрелась мерзко.

— А секс в принципе необязателен? — нахмурила тонкие брови Юлька.

— Если сможешь устоять, блондиночка... — Щелк — и перед нами прямо на крыльце развалился в томной позе Тэйлор Лотнер, тот самый оборотень из «Сумерек», из-за которого мне пришлось за компанию с Юлькой пересматривать все части франшизы по несколько раз.

— Наверное, Вася, я смогу это сделать для тебя, — задумалась Юля.

— Подожди, давай все уточним, чтобы не было никаких недомолвок, — остановила я ее. — Только я должна тебя бить, или можно вместе с подругой?

— Вместе даже лучше, — оживился инкуб. — Твои друзья — мои друзья, ведьма. — Он пожирал глазами Юлю, только что слюни не пускал, хотя такая реакция у оборотня смотрелась бы органично.

— А если мы причиним тебе недостаточно боли?

— Тогда будете удовлетворять по старинке, — поскукнел инкуб и стал рассматривать свои ногти.

— Давай составим новый договор, — предложила я, — где все это зафиксируем.

Щелк — новый листок спланировал к моим ногам.

— Договор может исполняться как ведьмой, так и ее друзьями, вместе либо по отдельности, — прочитала Юля.

— Обратите внимание, использование подручных средств только по согласованию со мной. То есть вы не можете просто взять и отмудохать меня лопатой.

Я разочарованно вздохнула, инкуб будто прочитал мои мысли.

— Можно шлепать, кусать, щипать за соски, — проявите фантазию, девушки, но тесный телесный контакт обязателен. Давай же, блондиночка, сделай мне больно! — Инкуб прикусил нижнюю губу, стал гладить себя руками.

— Блин, противно как-то, — поморщилась Юля. Она отвела руку, замахнувшись для пощечины, инкуб прикрыл глаза в предвкушении, и тут

прямо в челюсть бедняге прилетел мощный хук. Тэйлор Лотнер слетел с крыльца и повалился в траву.

— Это еще кто?! — завопил он, сплюнув кровь. — Так нечестно!

— Договор может исполняться как ведьмой, так и ее друзьями, — процитировал незнакомец и легко запрыгнул на крыльцо, перемахнув через перила. Он был очень высоким, жилистым, лохматым.

— Ты кто такой? — спросила Юля.

— Не узнаешь? — усмехнулся мужчина, вынул из кармана штанов розовую резинку и завязал надо лбом волосы, которые спадали ему на глаза. — А так?

— Вы его даже не знаете! По договору только друзья могут подменять тебя, ведьма! — завопил инкуб, поднимаясь с травы.

— Лютый — мой лучший друг, — ответила я с достоинством. — Давай, удовлетвори этого инкуба по полной!

Мы с Юлькой с интересом наблюдали за дракой у нашего крыльца. Поначалу казалось, что у Тэйлора Лотнера нет никаких шансов — Лютый валял его по всему огороду, как тряпичную куклу.

— На тятку не наступите! — забеспокоилась я.

Лютый покосился на розовую ручку, мелькающую в бурьяне, и отбросил инкуба к сараю.

— А унижения ты любишь? — донеслось от навозной кучи.

— Не настолько же! — Вопль инкуба сменился невнятным мычанием.

А потом вдруг силы поменялись местами. Из-за сарая вылетел оборотень, вскочил на ноги, прижимая руку к челюсти, а следом вышел демон — черные длинные волосы развеваются крылом, мускулы играют под красной кожей.

— Лютый! — воскликнула Юля.

— Не бойся за меня, сладкая, — подмигнул ей оборотень. — За три года я соскучился по хорошей драке.

— А ты ничего, лохматенький. — Инкуб сплюнул, вытер полные губы.

— Давай я тебя поцелую! — Лютый оскалился, и лицо его частично трансформировалось — челюсти вытянулись вперед, клыки выгнулись серпами.

— Я не целуюсь без любви, — отказался от ласки демон, он вдруг резко развернул бедра, и на оборотня черным хлыстом полетел хвост, усаженный шипами. Свист, хлопок, — и на полотняной рубахе оборотня поползла кровавая полоса.

Мы ахнули, но оборотень стащил рубашку через голову, и на наших

глазах рваная рана на смуглом боку затянулась. Лютый швырнул рубашку оземь и звериным прыжком метнулся на демона, они сплелись в красно-коричневый клубок, мутузя один одного кулаками. Инкуб выпустил длинные черные когти, впился в спину оборотня, раздирая кожу в лоскуты.

— Ты царапаешься, как девка! — прорычал Лютый. — Хочешь, чтобы я тоже возбудился?

А потом вдруг все стихло. Лютый сидел верхом на спине поверженного демона, намотав хвост на руку. Демон хрипел и стучал ладонью по земле.

— Ну что, ты кончил? — вежливо поинтересовался оборотень.

— Все, хватит, слезь с меня, животное!

Лютый поднялся, отпустил хвост, шлепнув инкуба по попе на прощанье.

— До встречи через месяц, — сказал он, и инкуб, шипя от злости, исчез.

— Спасибо! Спасибо! — Я выбежала на крыльцо. — Ты так меня выручил!

— Я всегда отдаю свои долги, ведьма, — ответил оборотень. В спутанных темных прядях застряли сухие листья, бок чернел от крови, смешанной с грязью.

— Может, хочешь зайти? — предложила я. — Обработать раны?

Лютый повернул шею, пытаясь заглянуть себе за плечо. Царапины, оставленные когтями демона, затягивались на глазах.

— Может, хочешь помыться или поесть? — не сдавалась я.

— Прости, ведьма, я этот дом пока что видеть не могу, — поморщился он. — Я пришел, потому что знал: инкуб явится сегодня, они с бабкой устраивали свои игрища прямо у меня под носом.

— Постой, то есть пока ты стоял в доме, ты все видел и слышал? — спросила я.

— О да! — сказал Лютый и многозначительно посмотрел на Юлю. Та вдруг залилась краской, опустила ресницы. Он шагнул к ней, и тут его нос дернулся, зрачки в светло-карих глазах стали крошечными, как точки. — Не знаю, кому ты успела насолить, ведьма, но на твоём месте я бы не стал есть это яблочко.

— Отравлено? — Мы посмотрели на красивое розовое яблоко у порога.

Лютый кивнул.

— Я забегу к вам вскоре. А сейчас мне хочется насладиться свободой.

Он подпрыгнул, позвоночник выгнулся дугой, штаны, треснув по

швам, упали на траву, и волк приземлился перед нами на четыре лапы. Он щелкнул зубами и помчался в лес, где над еловыми верхушками повисла бледная луна.

Я закрыла дверь. Прямо гора с плеч! Я так переживала из-за договора с инкубом, и все так замечательно разрешилось.

— Мы обе могли умереть, — прошептала Юля, глядя на яблочко, как загипнотизированная.

— Да уж, классика жанра — отравленные яблочки. Ты запомнила эту тетку?

— Она такая средняя, — Юля нахмурилась, пытаясь сосредоточиться, — ну знаешь, и рост, и вес, и даже глаза непонятного цвета, то ли серые, то ли карие... Что теперь с ними делать, с яблоками?

— Предлагаю сжечь. Я в последнее время поверила в очистительную силу огня.

— Как думаешь, кто их подсунул?

— Номер один в моем списке — Парнашка. Он реально на ведьм ополчился, в общем, у него и повод есть. Копыта — раз, внеплановая прополка огорода — два. К тому же он таверну держит, наверняка разбирается, как людей травить. А если судить по запахам, так я вообще диву даюсь, как все его клиенты не перемерли. Это три.

— Так может, достанешь свою красную книжицу? — предложила Юля.

— Воевода приедет — и пусть разбирается, — ответила я. — Может, это и не Парнас. Может, это вообще Амаранта.

— Она же царица!

— Так что? Думаешь, три жены Ивана своей смертью умерли? Ты веришь в эпидемию несчастных случаев? Если Амаранта их всех прикончила, что ей стоит отравить какую-то ведьму?

— Зачем ей это?

— А зачем она приходила в Запоры, да еще инкогнито?

— Но ты ведь даже не уверена, что это была она! Хотя, знаешь, есть что-то общее в том, как я не могла вспомнить внешность царицы, и как сейчас образ тетки расплывается в моей памяти...

Я помолчала. А потом вдруг вспомнила еще кое-что, что меня терзало:

— Юля, вот когда я сказала Лютому, мол, ты что, все видел и слышал, пока стоял в доме, он так выразительно на тебя посмотрел и сказал — о да! Что он имел в виду?

— Я не хочу об этом говорить, — выпалила подруга и убежала наверх.

Я проводила ее недоуменным взглядом и пошла на кухню. Заварила

себе чаю, насыпала в пустую миску кота корма, плеснула в блюдце воды. Разведя костер на старом пепелище, где совсем недавно палила хлам бабули, отнесла в огонь корзину, не забыв забрать и яблочко у порога. Пламя облизало вмиг почерневший плетеный бок, пробежалось по округлой ручке.

Устроившись на своем любимом месте — на крылечке со стороны сказочного мира, я с наслаждением выпила чай под стрекот кузнечиков, треск костра и тихое чавканье, с которым тятка выкорчевывала сорняки из земли. На глаза попался договор с инкубом, я разгладила листок на колене, вчиталась в текст при свете костра.

С обязательствами ведьмы мы разобрались. Наверное, мы с Юлькой могли бы справиться и сами. Но проверять, насколько далеко мы могли бы зайти, причиняя боль, не хотелось. Как бы потом мы смотрели друг другу в глаза, если перед этим всю ночь мучили несчастного Тэйлора Лотнера? Я пробежала глазами вниз по тексту и едва не уткнулась носом в листок, пытаюсь разобрать буквы при пляшущих отблесках огня.

«Обязательства демона: предоставить отсрочку от ада сроком один год».

Я проснулась от утробного воя, пробирающего до мурашек; внизу что-то загремело, покатилося. Вскочив с кровати, я схватила за длинную ножку торшер, выглянула в коридор и чуть не поседела, когда на меня прыгнула Юля.

— Вася! Снова началось! — истерически прошептала она.

— Юля! Я тебя чуть лампой не огрела!

Внизу опять загремело, вой сменился тихим отрывистым рывканьем. Мы осторожно спустились по лестнице. В зале никого не было. Шестиугольная дверь под столом не подавала признаков жизни.

— Это на кухне, — озадаченно сказала я. Уже увереннее прошла вперед, включила свет. Грех стукнул лапой по пустой жестяной миске, и та с грохотом покатилась по полу.

— Мррмая-а-аууу! — завыл кот.

— Вот ты... мурло, — сказала я, опуская торшер на пол.

— Грешно так пугать бедных девушек! — Юля рухнула на табуретку, прижимая руку к груди. — У меня до сих пор сердце колотится, как ненормальное.

— Такое чувство, что он знает о том, что я обязана его кормить. — Я поставила миску на место, насыпала корм. — Куда тебе столько? Вон какой мелкий!

Грех презрительно посмотрел на меня и ткнулся мордой в еду.

— Все, я спать! — Юлька ушмыгнула на второй этаж, а я осталась с котом. Осторожно протянув руку, погладила спину с хрупкими выступающими позвонками. Грех замер на мгновение, дернул рваным ухом и продолжил трескать.

Воевода появился ровно через две недели, как и обещал. Мы как раз сажали пророщенные семена тыквы. Тяпка рыхлила одинаковые круглые лунки, я опускала туда маленький зеленый росток, осторожно прикапывала, Юля поливала из лейки. После жарких споров решено было живую воду не добавлять. Вдруг и лейка оживет, кто знает, может, у нее окажется склочный характер. Понадеялись, что и без магии нам удастся собрать урожай.

— Привет, Ярополк! — сказала Юля, отбрасывая прядь волос с глаз.

Сердце мое ускорилося, кровь прилила к щекам. За время отсутствия воеводы я успела убедить себя, что ничего особенного к нему не чувствую. Естественно, я симпатизирую мужчине, который практически вынес меня из огня, как иначе, но не более.

Я выпрямилась, посмотрела на него — плечи широченные, глаза голубые-голубые, улыбаются, на скуле свежий шрам. Не успев осознать, что делаю, подошла, протянула руку, чтобы погладить по щеке, спохватилась, что пальцы испачканы землей, смутилась... А он перехватил мою руку и поцеловал в запястье.

— Ты чумазая, ведьма, — улыбнулся он.

— Я не ведьма, — улыбнулась в ответ.

— Точно? Я видел гейзер — впечатляет. Да и инструментом, гляжу, обзавелась, — кивнул он на тяпку.

— Это Брюс.

— Приятно познакомиться, — усмехнулся он в бороду. — Рад, что у тебя все хорошо, Василиса.

— Если отравленные яблоки, которыми нас тут пытались напичкать, это, по-твоему, хорошо, — съязвила Юля.

— Что? — тихо спросил Ярополк. Атмосфера вокруг него сгустилась, словно грозовая туча — того и гляди гроыхнет.

— У нас тут много чего произошло, — сказала я. — Может, зайдешь? Поможешь разобраться, что к чему.

Усадив воеводу на кухне, мы с Юлей, перебивая друг друга, разом вывалили на него события последних недель. Он только тер лоб и хмурился.

— Давайте подытожим, — перебил он наши словесные излияния. — Вас пытались отравить, Лютый избил инкуба, Амаранта — ведьма, а под столом у вас какое-то чудище.

— А еще Парнас мне угрожал! — вспомнила я. — За то, что моя тятка перерыла его огород, — добавила чуть тише.

— Где яблоки? — спросил воевода.

— Сожгли.

— Выходит, я должен поверить вам на слово? — Он вскочил со стула, стал ходить туда-сюда по кухне, слишком маленькой для него. — Может, они вовсе не были отравлены!

— Лютый так сказал.

— Его слово не аргумент. Кстати, аккурат когда ты его расколдовала, волки загрызли корову. Теперь я не уверен, что это был обычный волк.

— Проголодался, наверное, три года тут зубы сушить, — тихо сказала Юля.

— Ладно, с коровой мы разберемся. Но Амаранта-то тут при чем? Она царица!

— У нас есть доказательства, что с ней что-то не так! — встрепелась я. — В жизни красотка — упасть не встать, а на фотках страшилка.

Юля протянула фото царицы, мы замерли, ожидая его реакцию.

Воевода, кажется, не понял, чего мы от него хотим. Хотя фотографию рассмотрел с интересом, чуть на зуб не попробовал.

— Ты что, не видишь? Она же никакая!

— Девушки, я не собираюсь обсуждать внешность царицы. Я не баба базарная. Иван ее полюбил, значит, было за что. Наверняка она добрая или умная, или и то и другое... Да, Амаранта не совсем тот типаж, который ему по душе, три первые жены у него были вот как ты, Юлия, — светловолосые и...

Он взмахнул руками, жестом обрисовывая большую женскую грудь, и смутился.

— То есть ты не видишь различий между реальным обликом Амаранты и фотографией? — удивилась я.

— А что, есть разница? Не знаю, какую игру ты затеяла, ведьма, но довольно, прошу.

— Да я чуть в обморок не упала от ее красоты там, во дворце! — возмутилась Юля. — Она совсем другая! Я не знаю, в чем тут дело — гипноз, магия...

Ярополк остановился, запустил пятерню в бороду.

— Магия? — задумался он. — Ладно, я проверю ваши слова. Странно

все это. И царя словно подменили. Я ходил к нему с докладом — сидит на троне, кивает, а будто нет его.

— А еще в договоре с инкубом написано, что демон обещает отсрочить бабке ад на год, — вспомнила я.

Я протянула листок с договором Ярополку, у которого на лице было явное страдание. Он прочитал часть с обязательствами демона, отдал листок мне.

— И где же бабкина душа сейчас обитает? — озвучил он мой безмолвный вопрос.

— И это еще не все, — встряла Юля. — У нас есть дверь, от которой тот самый зубастый ключ на связке. И она жуткая!

— Светлые боги! — взмолился Ярополк, но пошел следом за Юлей. Она со скрежетом сдвинула стол в сторону. Воевода уставился на шестиугольник, обитый металлом.

— А вот это уже ни в какие ворота не лезет.

— Там Ктулху? — робко спросила Юля.

Ярополк дернул плечом.

— Кого там только нет...

— Когда-то миры были едины и являли собой совершенство, — начал свой рассказ Ярополк, — а потом что-то случилось. Что именно? Мнения на сей счет разделились. Кто-то говорит, это был большой взрыв, но не в материальном измерении, а во временном, кто-то — что мир стал слишком тесен. Некоторые, совсем уже оторванные от реальности ученые мужи говорят, что наши миры — это проекции некоего совершенного мира, и все мы лишь тени оригинала. В зависимости от того, как падает божественный свет, мы близки к своему идеальному образцу или бесконечно от него далеки.

В разделенных мирах некоторые особенности проявились с особой силой. В вашем мире процветает технический прогресс. Есть еще мир высоких — туда нет хода, да и они редко балуют нас своим вниманием, там искусства достигли небывалых высот. На второй свадьбе Ивана пел высокий, так пел — все рыдали. До сих пор как вспомню — сердце щемит... Иван хотел казнить его потом, когда вторая жена умерла. Решил — накликать беду. Но поостыл и отпустил. И есть нижний мир. Если версия последних ученых верна, то божественный свет туда не попадает вовсе. Там царит вечный мрак и ледяной холод, где рождаются жуткие твари.

— Вроде оборотней? — настороженно спросила Юля.

— Почему оборотней? — удивился Ярополк. — Оборотни, конечно, не

милые зверушки, но с ними можно иметь дело.

Юлька довольно хмыкнула, и я покосилась на подругу. Что-то там у них с Лютым явно назревает.

— Боги решили закрыть врата в нижний мир, чтобы зло оттуда не могло проникнуть к нам. Их было четверо: три богини — любви, мудрости и справедливости, и бог силы, святой Кристоф.

— Когда вы креститесь, вы обращаетесь к своим богам? — спросила я.

— Светлые Анна, Лусия, Вира и Кристоф, охраните от зла, — перекрестился Ярополк. — Они провели ритуал и запечатали врага в нижний мир. Конечно, не все зло осталось там. Остались сумерты, и вампиры, и мержики... Хватает у нас забот. Но чудовищ вроде Шумарана — сумерта размером с дом, которого победил святой Кристоф, — больше не появлялось. Но знаете, девушки, до сего момента я думал, что все это сказки. То есть я молюсь и верую, но дверь в нижний мир представлялась мне скорее символом. Вроде как боги заперли зло, которое таится в любой душе, и если в человеке достаточно силы, любви, мудрости и справедливости, то дверь эта всегда будет закрыта.

— Так, может, там вовсе не нижний мир, — предположила я с надеждой. — Может, там погреб с вареньем?

Мы уставились на дверь. Ярополк опустился на колени, рассматривая набитые накрест полосы металла.

— Это сталь высоких, — сказал он наконец. — Мой меч сделан из такого сплава. Он очень прочный, можно камень перерубить. И очень-очень дорогой. Иван вручил его мне, когда я присягал на воеводство. Дешевле было бы золотую дверь в погреб поставить, да еще драгоценными камнями обсыпать.

— Круто, — мрачно прокомментировала я. Аккуратные полки, уставленные баночками с вареньем, которые я успела себе вообразить, стремительно рухнули.

— А еще этот сплав не поддается коррозии, — задумчиво добавил Ярополк.

Ржавчина на углах тянулась пятнистыми щупальцами к центру двери.

Ярополк отправился в столицу выяснять подноготную царицы, а заодно поставить царя в известность, что у него под носом имеются ворота в ад. От светлой радости, которой лучились его глаза при встрече, не осталось и следа. Я тоже как-то поникла.

— Да ладно, Вася, не печалься, — подбодрила меня Юля. — Сейчас воевода найдет еще такой металл, сделаем нашлапку сверху, пусть высокие

раскошелятся ради всеобщего блага. Тем более что певца того, со свадьбы, Иван дальновидно не казнил. Хочешь, кофе тебе сварю?

— Хочу, — согласилась я. Юлька исчезла на кухне, а я устроилась в кресле, подтянув колени к груди. Ржавый угол двери выглядывал из-под стола. Интересно, сколько лет легенде, рассказанной Ярополком? Наверняка тысяча есть, а то и больше. Продержится эта несчастная дверь еще немного!

Я задумчиво прикоснулась к запястью, которое так легко и естественно поцеловал Яр при встрече. Он по-прежнему считает меня ведьмой. Не верит моим словам, подозревает в скрытых мотивах. Что может получиться при таких исходных данных? Его супермеч перерубает даже камни, и он наставил его на меня при первой встрече. Но я совершенно точно ему нравлюсь! Я видела, как он смотрит на меня — Юлька не даст соврать.

В дверь тихонько постучали. Я осторожно приоткрыла ее, выглянула в щелочку. На пороге топталась дородная тетка, кажется, я ее видела у озера, на празднике.

— Добрый вечер. — Она так мяла свой передник, будто собиралась выжать из него сок.

— Добрый, — буркнула я, не торопясь приглашать нежданную гостью. После того как нас с Юлей чуть не траванули яблочками, я предпочитала в деревню не соваться. И ничего хорошего оттуда не ждала.

— Я Любомила, мельничиха, — представилась она.

Я могла бы и догадаться. Подол длинной синей юбки припорошен мукой, запах свежей сдобы просочился в дом. Женщина и сама походила на каравай: пышная, румяная. У таких обычно красивый заливистый смех.

— Помоги, ведьма, — всхлипнула Любомила.

— Чего надобно? — спросила я.

— Мужика, — выдохнула она и разом успокоилась, как будто самое страшное было уже позади.

Я оглянулась на Юлю, которая наострила уши у меня за спиной.

— Пятый год уже пошел, как муж мой помер. Надорвался. Ох и горевала я, но как-то попривыкла со временем: и с хозяйством сама справляюсь, и дочку замуж выдала, и мельница работает как прежде, а то и лучше, пекарню открыла. Забот невпроворот...

— Тебе работников надо? — уточнила я на всякий случай.

— Экая ты непонятливая, — рассердилась Любомила. — Я ж говорю — с работой и сама управляюсь, а вечером свет погашу — и так грустно мне, так одиноко, хоть волком вой.

— Так мужиков в деревне — завались!

— Некогда мне шашни крутить, — нахмурилась мельничиха. — Я и так целый день верчусь, как волчок. Ты мне дай какую травку, чтоб я мужику подсыпала, и он в меня влюбился без памяти, и сам за мной ходил, как телок. А то у нас мужик в Запорах измельчал. Им только намекнешь — шарахаются, как мыши от кота.

Она насупилась, подбоченилась. Грудь колыхнулась под оборчатой блузой.

— А кто-то конкретный есть на примете? — выглянула Юля.

Тетка задумалась.

— Степан из Якимовых неплохой мужик, плешивый, зато танцует хорошо. А еще Евсей, он старый уже, но на гармошке играет — ух! Ноги сами в пляс идут. Или вот Афоня, скорняк, руки у него красивые, как увижу, как шкуры гладит, так млею вся.

— Но?.. — снова встряла Юлька.

— Плюгавый, — вздохнула мельничиха, — вдвое меня меньше. Не выбрала я еще, — подытожила она, — ты мне травку дай, а я потом решу.

— Ишь, какая деловая! — возмутилась я.

— Да ты не подумай, ведьма, я ж отплачу! — закивала Любомила. — Велислава десять сребреников относил Маргарите. Ух, дорого, но оно того стоит — вон муж за ею увивается который год. Значит, надо с мужиком определиться... Кого же выбрать? Афоню? А может, Гришу? Глаза горят, как угли, но пьет, зараза...

Бормоча себе под нос, мельничиха пошла прочь со двора, в задумчивости переступив через Брюса. А я закрыла дверь, переваривая полученную информацию. Велислава, счастливая и обожаемая жена, оказывается, приворожила своего мужа?

— Вася, если один приворот стоит десять сребреников, то на тридцать золотых тебе надо приворожить триста человек, — быстро подсчитала в уме Юля. — Пора приниматься за дело! Все Запоры будут ходить влюбленные!

— Как бы, наоборот, не передрались, — возразила я. — Некоторых небось на части рвать станут, а козлы вроде Парнаски останутся несолоно хлебавши.

— Я думала, он лось.

Я лишь отмахнулась. Сейчас меня больше заботила новость о привороте Велиного мужа. Накинув кофту с капюшоном, я шмыгнула в сказочный мир. Сбегая в сумерках вниз по холму, я вспоминала дом Велиславы: уют, любовь, счастье — хоть ложкой черпай! И все это

благодаря ведьме? Так, может, не такая уж темная магия таится в моей красной книжице? Я прошла позади дворов, стараясь не попадаться на глаза заборцам, отшатнулась от брехливой собаки, выскочившей из-под забора, и наконец подошла к дому Велиславы. Опершись на калитку с заднего хода, заглянула во двор. Две девочки возились у плетня в траве, играли с куклой.

— Позовите маму, — попросила я. Вроде не громко крикнула, а девочки чуть не подпрыгнули, с визгами убежали в дом. Я вздохнула. Никак не привыкну к такой реакции.

Веля появилась почти сразу, подошла ко мне, вытирая руки о передник.

— Доброго здоровьичка, Василиса.

— И тебе. — Я замялась, не зная, как начать разговор, а потом брякнула: — Ты ходила к Маргарите?

Мягкая улыбка сползла с лица женщины, она испуганно вскинула глаза на меня, на щеках вспыхнули красные пятна.

— Понятно, — сказала я, испытывая странную досаду. А ведь так хотелось верить, что идеальные семьи могут существовать и без магического вмешательства.

— Ходила, — подтвердила Веля. — Тебе Любомила сказала небось. Я ведь у нее те десять сребреников заняла.

— Хорошо моя бабка колдовала, — не без язвительности заметила я.

— Хорошо или плохо, я так и не узнала. Вылила зелье в отхожее место, — ответила Веля.

— Правда? — не поверила я.

— Я с той склянкой неделю ходила, спать не могла, только о ней и думала. А потом поняла, что не нужна мне такая любовь — наколдованная. Я достойна того, чтобы меня любили по-настоящему. И когда так решила и зелье вылила, на душе легко стало — не рассказать. И на танцах сама к Пете подошла, сказала — сколько можно в гляделки играть. Теперь каждую ночь молюсь святой Лусии, благодарю, что отвела, что не дала я ему приворотного снадобья.

— Лусия — это богиня любви?

— Почему любви? Мудрости, — удивилась Веля пробелу в моем образовании. — А ты пошто интересуешься? Решила все ж колдовать? Али для себя? — догадалась она. — Люб тебе кто?

— Люб, — буркнула я. — Только боюсь, слишком мы разные, и без магии тут никак не обойтись.

— И кто же это? Воевода? — Я вспыхнула, и Веля понятиливо

улыбнулась. — То-то я думаю, зачастил к нам Ярополк. Так-то он в Запоры по полгода носа не кажет. Вот что я тебе скажу, Василиса, кабы нужна была ему девушка простая да обычная, уже давно женился бы. За ним тут такие хороводы невест ходят...

Я нахмурилась еще больше. Из дверей обеспокоенно выглянул огромный Велин муж, поспешил к нам.

— Пойду я. — Веля сжала мою руку на прощанье. — Удачи тебе, Василиса.

Она поплыла навстречу мужу, рассказывая какую-то байку про рецепт пирога, и я, потоптавшись у забора, уже собиралась уходить, когда заметила забытую детьми куклу. Она таращилась в вечернее небо глазами-пуговицами, привязанная к палочке, воткнутой в землю, а вокруг ног была разложена солома.

Я забралась на холм, чувствуя, что слегка запыхалась. Со всей этой кутерьмой совсем забросила тренировки. Звезды рассыпались по небу блестящими горошинами, лунная дорожка распадалась на желтые круги вокруг гейзера. В огороде нес вахту Брюс: ползал вокруг лунок с тыквенными ростками, и каждый сорняк, посмеявшийся пробиться сквозь девственно чистый грунт, подвергался безжалостному уничтожению.

От стены дома вдруг отделилась крупная тень, двинулась ко мне.

— Яр, — выдохнула я, — нельзя же так пугать!

— Прости, — сказал он.

Я шагнула вперед, всматриваясь в знакомые черты. Глаза уставшие, на лбу морщинка.

— Ты уже побывал у царя? Все в порядке?

— Ничего не в порядке. Столько всего навалилось, а обсудить не с кем. До чего докатился — к ведьме пришел за советом, — горько усмехнулся он.

— Помнишь, ты обещал сходить в мой мир, — напомнила я. — Заодно и поговорим.

— Ладно, — махнул рукой Яр. — В твоём мире опасно? Какое оружие лучше взять?

Я открыла двери в наш мир через полчаса ускоренных сборов. Пять минут ушло на быстрый макияж и выбор наряда — сексуальное белье и маленькое черное платье, и еще двадцать пять — на то, чтобы уговорить Ярополка оставить меч дома.

— Добро пожаловать! — Я широким жестом пригласила Яра в наш мир, он вышел во двор, окруженный с четырех сторон стенами домов,

огляделся. Где-то вдали взвыла сирена, донесся рев мотоцикла. — Не бойся, у нас безопасно, — успокоила я его. Грех бросился мне под ноги черной тенью, метнулся через забор, я взвизгнула, схватила Яра за руку.

— Я не боюсь, — сказал он. — Во мне кровь берсерков.

— Круто, — буркнула я, но его руку не отпустила, повела по тропинке в арку. Ярополк протиснулся боком, развернул плечи возле блестящего в свете фонарей рыцаря. Мимо промчалась девчонка на роликах — короткие джинсовые шорты, майка выше пупка. Ярополк задумчиво проследил за ней взглядом, повернулся ко мне:

— Знаешь, а ты довольно скромно одеваешься, Василиса.

Я улыбнулась и повела его по улице, ненавязчиво прижимаясь все ближе. Яр не так уж выделялся из толпы одеждой — простая белая рубаша, полотняные штаны, но было в нем что-то нездешнее: спокойствие, мужественная уверенность, надежность. И я поняла, что мне отчаянно нужен этот мужчина. Мне нравится просто идти с ним рядом рука об руку, ловить на себе его внимательный взгляд. Черт, да мне даже его борода уже нравится!

Пестрая стайка студенток привлекла внимание Яра зазывным хихиканьем и короткими юбчонками, и я потащила его под неоновую вывеску ресторана.

— Зайдем? Там тихо, можно поговорить.

Мы устроились за дальним столиком, изучили меню. Я выбрала красное сухое вино, благодарно улыбнулась официанту, когда он зажег свечи.

— Сребреники принимают? — спросил Яр.

— Я тебя пригласила, ужин за мой счет.

— Тогда в следующий раз я угощаю.

— Знаешь, иногда ты говоришь совсем по-нашему, не отличить, — заметила я, ликуя в душе от «следующего раза».

— Лучшие учителя — из техномира, — ошарашил меня Ярополк. — Меня обучали вместе с Иваном, я нахватался ваших словечек, да и ваш мир в теории мне знаком.

— И как к вам попадают учителя? — удивилась я.

— Через дверь в твоём доме, — пожал плечами Яр. — Из мира высоких к нам приходят самые лучшие певцы, художники, скульпторы. Проход есть в домике феи, на Серебряной горе.

— Гора из чистого серебра?

— Нет, ее так называют, потому что там очень красивый водопад — вода чистая, на солнце сверкает серебром. К сожалению, фея редко выходит

в наш мир. Говорит, слишком низменные вибрации у нас тут царят, а ее это убивает.

В глазах Ярополка отразилось пламя свечей, и я почувствовала, как меня обуревают низменные вибрации.

— Бедная фея, — пригубила я вино. — Она упускает много интересного.

Ярополк откинулся на спинку стула, изучающе на меня посмотрел. Я улыбнулась уголками губ. Смотри-смотри, я знаю, что выгляжу прекрасно. Выходные мы с Юлькой провели в спа; медовый массаж, шоколадные обертывания, рыбный пилинг — мы ни в чем себе не отказывали. Разве что от пиявочной терапии уклонились. Я так решила, водяной легко подгонит самых отменных пиявок, если мне вдруг захочется устроить себе кровопускание.

— А ведьмы корыстны и легко идут на сделки, — добавил Ярополк, и я чуть не поперхнулась вином. — Когда родился Иван, наследник престола, его отец приказал Маргарите подыскать ему наставника. Ведьма привела в наш мир учителей, которые занимались воспитанием и обучением Ивана, а заодно и моим.

— Как она их заманила? Они пришли добровольно?

— По объявлению — работа за границей, — усмехнулся Яр. — Некоторые решили остаться у нас навсегда. Некоторые сразу рвались обратно. Перед возвращением Марго стирала всем воспоминания. Она много чего умела, твоя бабка. Среди ведьм была одной из самых сильных.

— А много их, ведьм? — спросила я. — Мне ведь еще надо принять участие в шабаше.

— Хватает, — помрачнел Яр. — И, как вы с Юлией и говорили, похоже, Амаранта одна из них. Я расспросил парней, считают ли они царицу красивой. И все, как один, таяли, как сосульки на солнце. Понимаешь, раньше я думал, что комплименты, рассыпаемые Амаранте, — это лишь дань вежливости и угодничество. Да и не обращал внимания, если честно, на пустые слова. Меня насторожила обтекаемость фраз: прекрасна, как солнце, ослепляет красотой. И ничего конкретного: какого цвета глаза, есть ли родинки, особые приметы — ни один не смог ответить.

— А ты? Почему ты видишь Амаранту такой, какая она есть?

— Моя бабушка была волшебницей. Совсем слабой — умела заговаривать боль, успокаивать драчунов, пьяниц и маленьких детей, дикие животные ее слушались. Перед смертью она отдала все силы и поставила мне защиту от магии. Марго говорила — целое состояние на мне сумела сколотить: девушки из Запоров привороты на меня ворожили. Как

можно? — возмутился он. — Относятся к мужчине, как к предмету, не учитывают его желания.

— Ужас, — поддакнула я, пряча глаза.

— Колдовство — это сильный соблазн, Василиса, власть над чужими судьбами.

— А на тебя, значит, не действуют никакие заклинания? — перевела я стрелки.

— Да, — кивнул Яр, — хотя недавно я начал в этом сомневаться.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, но тут некстати появился официант.

Мне принесли куриное филе с овощным салатом, наедаться этой ночью мне совсем не хотелось, а вот Ярополк с аппетитом набросился на телячьи отбивные с запеченной картошкой.

Что ж, раз привороты не работают, будем действовать по старинке. Я слегка склонилась над столом, так, чтобы Ярополку открывался наиболее выигрышный вид. Только вот он предпочитал смотреть в тарелку.

— Откуда у тебя этот шрам? — спросила я.

— Свежий? О ветку оцарапался в лесу, ничего интересного, — ответил, не поднимая глаз.

— А вот этот? — Я протянула руку, заправила прядь волос ему за ухо, невзначай погладив по щеке.

— Когти сумерта, — ответил он после паузы, все так же не глядя на меня. — Сумерты похожи на помесь волка и кота. Клыки, когти, длинные хвосты. Появляются чаще всего в сумерках, поэтому их так и называли, — клочья тумана с красными глазами. Умеют лазать по деревьям, охотятся стаями. Это порождения нижнего мира, от которых до сих пор не удалось избавиться. В последнее время их видят все чаще, все ближе. Теперь я думаю, что они идут к двери в твоём доме, Василиса.

— Вот так радость, — буркнула я.

— Вряд ли сами по себе они способны на организованный поход. Их кто-то ведет.

— Амаранта?

— Я бы не спешил вешать на нее всех собак, — задумался Яр. — Но с Иваном мне так и не удалось нормально поговорить. Царица не отходит от него ни на шаг, а он словно кукла. Амаранта может быть опасна. Я не исключаю, что это она пыталась отравить тебя яблочками.

— Значит, теперь ты мне веришь?

— Я хочу тебе верить, ведьма, — Ярополк посмотрел мне прямо в глаза, — очень хочу. Я приставлю к тебе охрану. И прошу, не ходи в

деревню без нужды.

— И что мне теперь, взаперти сидеть? — возмутилась я.

— У тебя есть целый мир.

За соседним столиком визгливо рассмеялась пьяная женщина, в колонках захрипел попсовый мотивчик.

— Теперь мне мало одного мира, — ответила я и легонько погладила кончиками пальцев его руку. Яр слегка вздрогнул, но руку не убрал.

— Ты очень красивая, ведьма, — сказал он.

И в его фразе мне послышалось большое «но», которое постоянно звучало у мельничихи Любомилы при перечислении потенциальных кавалеров.

Под громкую музыку беседа не клеилась, и вскоре мы вышли из ресторана. Огни реклам моргали, слепя глаза. Желтое марево большого города повисло над улицами, и звезды едва виднелись в небе мелкой пылью.

— Домой? — предложил Яр.

— Тебе здесь не нравится? — спросила я.

Воевода проводил взглядом компанию стройных парней в тесных штанишках.

— Здесь очень странно, — ответил он. — В нашем мире сразу понятно, кто есть кто. А у вас не сразу разберешь — женщина перед тобой или мужчина. Слишком много звуков, огней, людей.

— Ладно, домой, — согласилась я. Мне и самой не терпелось остаться с воеводой наедине и в темноте.

В моем дворике звуки стали тише, лишь вдали отбивались басы ночной дискотеки, звезды зыбко мерцали сквозь дымку облаков. Я открыла воеводе дверь, прошла вперед, покачивая бедрами. Ярополк сразу схватился за свой меч, который оставил в прихожей, закрепил ножны на ремне и впервые за вечер улыбнулся.

— Что ж, это было интересно, Василиса, — сказал он, обходя меня и направляясь к двери в сказочный мир.

— Яр... — остановила его я. Взяла за руку, шагнула ближе, прижалась к широкой груди. Не сразу поняла, что это не ритм дискотеки, а его сердце бьется так быстро, того и гляди выскочит. — Яр, — прошептала, вставая на цыпочки, и легонько поцеловала.

Он посмотрел на меня, будто колеблясь, а потом пылко поцеловал в ответ, сминая губы. Он прижал меня к стене — не вздохнуть, и я дышала его поцелуями, тая под напором и теряя всякую способность соображать. Яр запустил руку в мои волосы, заставляя откинуть голову назад, дорожка

поцелуев на шее вспыхнула жаром, я застонала, и он вдруг отшатнулся.

— Ведьма, — хрипло прошептал он и бросился к двери. Я растерянно смотрела, как Яр сражается с дверной ручкой, не сразу попадает в проем. Дверь с грохотом закрылась, и я сползла по стене на пол. Губы жгло, сердце колотилось, как в припадке, руки дрожали.

— Что это было?

Я посмотрела снизу вверх на Лютого и ответила вопросом на вопрос:

— А ты что делаешь в моем доме, да еще и абсолютно голым?

Следом за Лютым выскочила Юлька. Волосы растрепаны, пижама, которую я ей недавно подарила, подрана, глаза горят.

— Ой, это ты, — расплылась она в улыбке, — а мы услышали грохот...

— Я, пожалуй, пойду, — неуверенно сказал оборотень, прикрываясь ладонью. — Загляну завтра, сладкая.

Он выскользнул в ночь, послав на прощанье Юле сияющую улыбку, и я повернулась к подруге.

— А вы, значит, с воеводой... — Она прошла на кухню, набрала в чашку воды из-под крана, выпила залпом.

— Поцеловались, — ответила я, не вставая с пола.

— И только? — с сомнением посмотрела на меня Юля, и я вдруг поняла, что выгляжу немногим лучше, чем она. Губы до сих пор горели от поцелуя Ярополка.

— А вы, значит, с Лютым... — Ответа мне и не требовалось. — Юля, но ведь он как бы животное...

— О да! — ответила моя нежная и прекрасная подруга таким тоном, что я почувствовала, как краснею. — Понимаешь, все как-то само получилось. Он пришел, с порога на меня набросился, у меня прям взрыв башки, а потом еще три взрыва, если ты понимаешь, о чем я.

— Как не понять, — ответила я, поднимаясь с пола. Тоже налила себе воды.

— Он такой, такой... — Глаза Юли расширились, как плошки.

— Да уж я рассмотрела, когда он туда-сюда перед моими глазами маячил, — мрачно ответила я. — Право слово, я бы предпочла не знать таких подробностей.

— Да нет, я не про это, хотя это тоже... А вы с воеводой решили не спешить?

— Он решил.

— Наверное, это и правильно.

— Что тут правильного? — взорвалась я. — Я влюбилась в мужчину

из другого мира, а он и знать меня не желает!

— Так уж и не желает! — Юля склонила голову набок, проницательно на меня посмотрела. — Вы ведь поцеловались.

— Я его поцеловала.

— А он?

— Он ответил, а потом выпалил «ведьма» и убежал.

— Целуется хорошо?

— Просто прекрасно, — вздохнула я и с тоской посмотрела на закуток возле кладовки.

Юлька проследила за направлением моего взгляда и сладко потянулась:

— Мы с Лютым тоже оттуда начали...

— Все, — вскочила я, пошла к лестнице. — Я не хочу больше ничего слышать.

— А еще он рычит, — поспешила за мной следом Юля, схватила за руку. — Когда...

— Хватит! — засмеялась я, отбиваясь от подруги, и убежала к себе в комнату.

Юлька развеяла мою хандру, и, лежа в постели, я улыбалась. Все к лучшему. Воевода узнает меня, поймет, что я никакая не ведьма, и все у нас еще будет. И, судя по поцелуям, этого стоит подождать.

Я проснулась ни свет ни заря, полежала в постели, прокручивая в голове события вчерашнего вечера. От воспоминаний накатили томление и тоска, а лучшего способа, чтобы снять лишние эмоции, чем йога, еще не придумали. Я вышла во двор босиком, поджимая пальцы от холодной утренней росы. Брюс бросился ко мне, вилая ручкой, я погладила тяпку и пошла на ровную площадку сбоку от крыльца, усаженную зеленой травкой.

Повернувшись лицом к солнцу, соединила ладони перед грудью. При вдохе подняла руки вверх, прогнулась в пояснице. Наклонилась, коснувшись коленей лбом. Я выполняла одну асану за другой, но в душе вместо желанного умиротворения и покоя прочно поселились тоска и обида. Постояла в завершающей молитвенной позе с минуту, надеясь на просветление, разочарованно вздохнула, открыла глаза и увидела прямо перед собой воеводу. Он выглядел несчастным и уставшим.

— Ты околдовала меня, Василиса, — обвинил он.

— Ты ведь не подвластен магии.

— Я не могу выбросить тебя из головы, я не спал всю ночь. Закрываю глаза — вижу твои ведьмины зеленые очи.

- А я вот отлично выпалась.
- Это наваждение меня пугает.
- Я думала, берсерки ничего не боятся.
- Я не могу быть с тобой.
- Тебя никто и не заставляет, — вспыхнула я.
- Но и без тебя не могу.

Яр обнял меня за талию, осторожно притянул к себе. Я отвернулась. Сначала сбегает, а теперь не может без меня, видите ли.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он. — В Запорах это считается чем-то вроде достопримечательности.

Он повел меня вниз по тропинке, моя рука потерялась в его широкой ладони. Я посмотрела вперед и не смогла сдержать вздох восхищения. Над озером стелился туман, нежно-розовый, плотный, как зефир. Фонтан рассыпался золотыми брызгами.

— Ты вернула жизнь озеру. — Яр развернул меня к себе, провел руками по спине. — И ворвалась в мою жизнь, как вот этот гейзер.

— Я понимаю, что мы очень разные, — прошептала я, поднимая к нему лицо. — Но мы ведь можем попробовать. Вдруг получится?

Поцелуй получился нежным, ласковым. Меня будто подхватило теплой волной, я обняла Яра за плечи, чтобы не упасть.

— Чем ты занималась там, во дворе? — спросил он, чуть отстраняясь, но продолжая меня обнимать. — Похоже на утреннее правило воина.

— Это йога. Сурья Намаскар. Приветствие солнцу.

Солнце щедро облило нас светом, и я наконец почувствовала покой и радость в душе, улыбнулась.

— Знаешь, Василиса, у нас с тобой все равно ничего бы не вышло, — громко заявил Кореней, выглядывая из воды. — Я зарекся иметь дело с ведьмами. Но ты могла бы и сказать про шашни с воеводой, после всего, что между нами было.

— Что? — опешила я, шагнула босыми ногами в воду и отпрыгнула — холодная.

— Я видел ее голой, — заявил водяной Ярополку. — Повезло тебе.

— Пошел вон! — рассердилась я. — Он подсматривал, когда я мылась! Ничего у нас не было, честное слово!

— Кореней тот еще болтун, — ответил Яр, неотрывно глядя на круги на воде в том месте, где скрылась плешивая макушка водяного. — Но, похоже, наши отношения станут для меня большим испытанием в плане доверия.

Мы провели вместе несколько часов, бродили по лесным тропинкам,

стараясь держаться подальше от озера и всевидящего ока Кореня, болтали, держась за руки, целовались. Когда вернулись домой, я пошла на кухню, чтобы найти кувшин для букета полевых цветов, которые нарвал для меня Яр, и вдруг сверху донесся стон, потом рычание. Ярополк бросился по лестнице наверх.

— Не ходи туда! — дошло до меня с опозданием.

От визга Юльки чуть окна не вылетели. Яр сбежал по лестнице, пунцовый от смущения.

— Лютый и Юлия...

— Угу, — кивнула я. — Прости, не успела предупредить.

— Меня не будет пару дней, Василиса. Я должен сформировать новые отряды для охраны границы у Сумеречного леса, проверить патрули. И прислать к тебе охрану.

Ступеньки загудели под шагами Лютого, он спустился вниз.

— Воевода! — Он протянул руку, придерживая второй Юлькино полотенце, обернутое вокруг бедер. — Рад тебя видеть, хоть ты и не вовремя.

— Лютый! — Яр пожал протянутую руку. — Прости, неловко вышло.

— Что-то ты зачистил, — заметила я, отводя взгляд от крепкого торса, поросшего буроватыми волосами.

— Я буду часто у тебя бывать, ведьма, — оскалился оборотень. — Если ты не против.

— Не могу сказать, что я этому очень рад, — нахмурился воевода, демонстративно обнял меня, поцеловал в висок.

— Я никогда не причиню тебе вреда, Василиса, — пообещал Лютый, ухмыльнувшись, светло-ореховые глаза сверкнули. — Клянусь. После того что ты сделала, я готов тебе пятки вылизывать каждый день.

— Вот сейчас лучше не стало, — заметил Ярополк.

Юлька спустилась вниз, затягивая пояс халатика.

— Яр! Стучаться надо! — выпалила она, подходя к нам. Но сердитый вид быстро сменился блаженной улыбкой, она обняла оборотня, прижалась сбоку.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Яр. — Я хочу еще заглянуть в царскую библиотеку, поискать что-нибудь про шестиугольные двери и ключ. Я не помню, чтобы в легендах фигурировал ключ.

— Я надеюсь, мне не придется тащиться в Мордор, чтобы его уничтожить, — пробурчала я.

— Вы говорите о двери, что под столом? — спросил оборотень. — И такой длинный зубастый ключ? Марго с ним никогда не расставалась.

Постоянно его гладила, чуть не облизывала.

— Лютый, ты ведь все слышал за эти три года! — сообразила я. — Ты бесценный источник информации!

— Боюсь тебя разочаровать, Василиса, но я мало чем могу помочь. Но вот что мне непонятно... Я в курсе всех этих условий, которые вы с Юлей обсуждали целыми днями. Но зачем это Маргарите? Зачем она составила список?

— Чтобы получить достойную преемницу, — неуверенно промямлила я.

— Да плевать она хотела на преемниц! — вспыхнул он. — Прости, Василиса.

— Может, она не хотела, чтобы ее питомцы погибли от голода, — предположила Юля, но оборотень лишь снисходительно потрепал ее по макушке.

— Она беспокоилась лишь о себе и своей выгоде, — сказал Лютый.

— Ей что-то надо от тебя, Василиса, — помрачнел Ярополк.

Чего может хотеть мертвая ведьма? Вряд ли похудеть или получить свою звезду на «Аллее славы». Марго явно составила план на случай кончины, чтобы снова вернуться к жизни. И я часть этого плана. Не то чтобы я так уж желала смерти бабке, хотя она немало пожила, да и дел успела натворить на своем веку. Но что-то мне подсказывало, что если она оживет, счастливого воссоединения семьи у нас не получится.

Я снова перечитала список условий. Как могут способствовать бабкиному воскрешению сорок две тыквы? Хотя я высадила больше, на всякий пожарный, вдруг не взойдут. Или вот сытый кот, которого снова где-то носит? Или черви для златоносной жабы? Если это рецепт, возвращающий мертвых к жизни, то какой-то он странный. Хотя что я понимаю в колдовстве? Может, если бы попробовала навести маленькую порчу на Парнаса, то хоть на мгновение почувствовала себя ведьмой...

Я стала обмахиваться договором, как веером. В обоих мирах стояла невыносимая жара. На раскрытых нараспашку окнах занавески даже не шевелились. Ну и духота! Приходится подливать воду Амфибрахию каждый час. В дверь постучали, и я встала с кресла, отложив договор.

— Легко на помине, — сказала я Парнасу, который цокал по крылечку, неодобрительно косясь на Брюса.

— Это все ты, ведьма, — выплюнул он мне в лицо.

— Ближе к делу, — ответила я, посмотрела за его плечо. За забором топтались еще несколько мужиков, глядящих на меня с явной укоризной.

— Засуха! Как ты появилась — ни одного дождя! Где это видано? Целый май без гроз!

— Ты в своем уме? При чем тут я?

— А мы помним, — вякнул еще один мужичонка из-за забора, — помним, как ты нам угрожала, когда воевода тебя с костра волок. — Мол, вы еще пожалеете!

— Да ляпнула в запале, — отмахнулась я.

— Все посевы сохнут!

— Вон озеро я вам сделала — берите да поливайте, — пожала я плечами, закрывая дверь.

— Вызови дождь, ведьма! — выпалил Парнас. — Мы тебе заплатим.

Я остановилась, задумалась. Все условия худо-бедно выполняются: тыквы растут, кот и жаба накормлены, инкуб удовлетворен и надолго запомнил ту ночь, полную страсти и огня. Шабаш маячил где-то впереди, в книжке-чудеснице я вычитала, что ближайший — в октябре. А вот пункт с заработком тридцати золотых пока провисал.

— Я подумаю, — ответила.

Захлопнув перед носом Парнаса дверь, пошла за книжкой-чудесницей. Устроилась в кресле, поджав ноги, прочитала все до последней строчки, щурясь в сумерках на последних страницах. Ни слова о дожде! А ведь был бы такой отличный вариант — вызывала бы дождик по запросу, со всей деревни небось не накладно было бы скидываться.

Я поджала ноги к груди, поежилась. Надо бы окна закрыть, а то сквозняк... Выйдя на крыльцо, я увидела тучу, ползущую из-за леса. Она цеплялась сизым брюхом за верхушки деревьев, медленно укутывая небо чернильной темнотой. Первый раскат грома прогремел над Запорами, стекла задрожали. Амфибрахий заклекотал в террариуме, Грех выскочил невесть откуда, заметался по комнате и юркнул под кресло. Опомившись, я побежала во двор, подхватила Брюса, подсвеченного вспышкой молнии, с его поста на тыквенной грядке. Не хватало еще заржаветь моему китайцу. Не успела вернуться в дом, как на плечи упали первые холодные капли. Спрятавшись под крышу, я испуганно наблюдала, как на порог сыплются мелкие ледяные горошинки. Не сразу поняла, что слышу стук и внутри дома. Повернувшись, почувствовала, как волосы встают дыбом. Очередной раскат грома совпал с гулким ударом по металлической шестиугольной двери, которая вибрировала и дрожала под мощным натиском.

Что-то отчаянно ломилось в этот мир.

Юлька вернулась из универа, ворвалась в дом, сияя улыбкой.

— Сдала! Еще три экзамена и... А это что за баррикада?

Она уставилась на поваленное на дверь кресло и тумбочку, придавленную сверху сеткой с картофелем и стопкой книг.

— Снова незваные гости, — ответила я, — прут, как лосось на нерест, изо всех миров.

— Думаешь удержать чудовищ иного мира картошкой? Чай, не Беларусь там, в подвале, — засомневалась Юля.

В дверь сказочного мира загрохотали.

— А там кто?

— Запорцы, пришли меня сжигать, — пожала я плечами.

— А на этот раз за что-то конкретное или опять за идею?

— Прискакал Парнас, попросил дождичек наколдовать. Я сказала, что подумаю, а к вечеру гроза началась, с градом.

— А ты не колдовала?

— Не-а, — покачала головой.

— Открывай, ведьма, не то хуже будет! — донеслась из-за двери очередная угроза.

— Ага, разбежалась.

Вдруг голоса стали испуганными, послышались удары, крики.

— Открой, сладкая, это я, — произнес знакомый хриловатый голос.

— Лютик! — Юлька подбежала к двери, открыла нараспашку, оборотень ввалился в дом еще в трансформации. Я замороженно наблюдала, как втягиваются острые волосатые уши, распрямляются загнутые когти, а потом сконфуженно отвернулась.

— Прости, ведьма, после обращения я всегда без одежды, — объяснил Лютый, натягивая штаны. — К счастью, удалось стащить вот эти порты с какого-то козлоногого мужика. Что они все тут забыли?

— Думают, из-за меня град.

Оборотень надел штаны, повертелся во все стороны.

— Как раз! Надо будет этого мужика запомнить — мой размер. Слушай, ведьма, так, может, разогнать их, чтобы мало не показалось? Я-то старался сильно не покалечить.

— Не надо! — испугалась я. — У меня с ними и так отношения не очень.

— А может, Лютый прав? — подала голос Юля. — Ты им ничего плохого не сделала, наоборот, вон озеро какое шикарное получилось. А они — то на костер, то яблочки, а теперь вообще обнаглели.

— Забей, — махнула я рукой. — Запорцы пошумят и успокоятся. Давай лучше отпразднуем твой экзамен. Тем более по условиям Марго мне

надо провести в наш мир еще двоих нелюдей. Оборотень как раз подходит.

— Прогуляться в ваш мир? Я — за! — одобрил Лютый. — Сейчас вернусь.

Оборотень выскочил за дверь, оттуда раздались крики, какая-то возня, и вскоре он снова зашел в дом, натягивая через голову слегка помятую рубаху. Лапти шлепали при ходьбе, он надел их, примяв задники, но пятки все равно свешивались.

— Вот с обувью незадача. Слишком длинные у меня лапы, — пожаловался Лютый. Он скинул лапти и заметил в углу скейт. — А вот это отличная штука! Она мне знатно скрасила последние заколдованные дни.

Он стал на скейт, оттолкнулся, проехался по залу, балансируя.

— Бери его с собой, у нас дороги ровные, — предложила я.

Выйдя из арки, Лютый замер. Его ноздри затрепетали, зрачки расширились. Через лохматую копну волос показались острые кончики ушей.

— Лютый, никаких превращений, — осадила я его. — Поймают и на опыты отправят.

— Это как? — спросил оборотень, не переставая принимчиваться.

— Посадят в клетку и уколы будут делать.

— Понял, не дурак. — Уши втянулись обратно. Он проводил жадным взглядом девушку в короткой юбке, цокнул языком: — Сочные окорочка!

— Лютик! — возмутилась Юля.

— Ты лучше всех, сладкая. — Он улыбнулся, запрыгнул на скейт и помчался по улице, ловко лавируя между прохожими.

— Он потрясающе владеет своим телом, — восхищенно прошептала Юля.

Лютый действительно на редкость быстро освоил скейт. Он присел, чиркнув ногтями по асфальту, развернулся к нам, улыбка сверкнула в свете фонарей.

— Да и твоим телом, как я поняла, тоже... Юля, я понимаю, что это не мое дело, но зачем он тебе?

— Вася, ну посмотри на него. Он же классный!

Лютый поехал нам навстречу, и я в душе признала правоту подруги. Оборотень был хорош: сильное, гибкое тело, точные движения. Черты лица грубоваты: крупный нос с заметной горбинкой, выступающие надбровные дуги, тяжелая челюсть. Он не был классически красив, но запоминался сразу. Девушки оглядывались ему вслед. А еще он выглядел очень к месту. Босой, в широких штанах и рубашке с чужого плеча, с дурацким хвостиком

на макушке, который ему отчего-то понравился, Лютый мог бы сойти за хиппи и чувствовал себя в чужом мире, как рыба в воде. Он прыгнул со скейта на тротуар рядом с нами.

— Что такое офигенный? — спросил он, озираясь на компанию девчонок.

Юлька по-хозяйски обняла его, сердито зыркнула на девушек.

— Может, перекусим? — предложила она. — Я голодная как волк.

За вечер мы перепробовали стейки в пяти ресторанах, вернее, Лютый ел, а мы с Юлькой больше пили и восхищались его аппетитом. Оборотень умел получать удовольствие от жизни: он смаковал каждый кусок мяса, разглядывал девушек, притопывал в такт музыке босой ногой. Помню, мы с Юлькой пели в караоке дуэтом, а Лютый танцевал что-то наподобие брейка, собрав толпу восторженных зрителей, а потом катил нас обеих на скейте к арке...

Я проснулась поперек своей постели, как была, в джинсах и майке, по старой традиции, — от надсадного стука в дверь.

Встав, схватилась за столбик кровати, чтоб не упасть. Медленно спустилась по лестнице.

— Парнас, козел ты двуногий, когда же ты уймешься? — простонала в дверь.

— Василиса? — ответил мне недоуменный голос воеводы.

Я в панике заметалась по залу, взгляд упал на спасительную бутылку с живой водой, которую мы поставили в камин, рассудив, что там ее точно не перевернем. Отпив глоток, почувствовала, как бодрость и свежесть наполняют тело до кончиков ногтей.

— Привет! — Я открыла дверь, нежно улыбнулась... и улыбка медленно сползла с моего лица. Двор напоминал поле брани: покосившийся забор, измятая трава, мои чудесные тыквенные ростки, которые принялись все до единого, сломаны и втопты в грязь. Над сгоревшим сараем вился легкий дымок.

— Слава светлым богам, ты в порядке! — Ярополк переступил порог, порывисто обнял меня, поцеловал.

Я жарко ответила на поцелуй, прильнув к Яру всем телом, а потом, чуть отстранившись, положила руки на его грудь, потянула шнурок, распуская завязи на рубахе, вопросительно посмотрела на него. Он прерывисто вздохнул, подхватил меня под бедра и понес наверх. И я почувствовала, что готова простить убогих заporцев. Сказочный мир, конечно, не без недостатков, но достоинства перевешивают.

— Василиса, — сказал воевода. Я лежала на сгибе его руки, бездумно проводя пальчиком по гладкой груди. Пересчитала кубики пресса, потянулась ниже. — Нам надо серьезно поговорить, — перехватил он мою руку.

— Любишь поболтать после секса? — улыбнулась. Яр нахмурился, и я насторожилась. — Ладно, давай поговорим. Ты что-то нашел в царской библиотеке?

— Нет. — Он повернулся, прижав меня к кровати своим весом, перехватил запястья над головой, поцеловал шею, уколол кожу бородой. — Амаранта не дала мне ключ от личной библиотеки царя. Ивана я не увидел вовсе. Зато получил от него приказ, с подписью и печатью, собирать войско и отправляться к Сумеречному лесу — именно оттуда чаще всего приходят порождения нижнего мира.

— Который находится у меня в подвале... — Я поерзала под ним, устраиваясь поудобнее.

— Кто знает. Но я не хочу рисковать тобой, Василиса. Едва проснувшись, я подумал о тебе, а во сне видел твои глаза. Здесь ты в опасности, жители деревни тебя невзлюбили. Это Парнас сжег сарай?

— Он и еще несколько мужиков. Они решили, что град я наколдовала. Но ведь дом под защитой! Здесь мне ничего не угрожает, ты сам говорил.

— А дверь, ведущая в погреб? Или в иной мир? Вдруг однажды она не выдержит? А неизвестный план Маргариты? Кто знает, что она задумала... Нет, Василиса, ты должна переехать.

— Подожди, ты что, хочешь меня бросить? — Я недоуменно посмотрела на Яра. Судя по тому, что я ощущала бедрами, сейчас ему совсем не хотелось со мной расставаться. — Если я сниму квартиру, оставлю дом, то в нем появится другая ведьма. Нотариус показывала мне запасной конверт. Я первая в длинной очереди наследования. И как тогда я смогу видаться с тобой? Может, я даже через арку не смогу пройти!

Ярополк улыбнулся и поцеловал меня так, что дыхание перехватило.

— Я не собираюсь тебя бросать. Это я так коряво делаю тебе предложение. Выходи за меня, Василиса.

— Ничего себе! Так сразу, — оценила Юля новость. Она помешивала сахар в чае, всыпав сразу три ложки. Я предложила ей живую воду в качестве средства от похмелья, но подруга отвергла такое нерациональное использование бесценной жидкости. Грех устроился на подоконнике, притворяясь спящим, но повернул подранное ухо в нашу сторону. На кухню вполз Брюс, царапая зубчиками дощатый пол. Кот тут же поднял

голову, открыл глаза, морда его удивленно вытянулась.

— Он был уверен, что я именно этого и жду. Потому что я — цитирую: «Целенаправленно его соблазняла».

— Тут он прав.

— Да я и не отрицаю. Но при чем тут замуж?

Грех спрыгнул с подоконника, осторожно направился к тятке, издали принюхиваясь. Облезлый хвост нервно дернулся.

— Разница менталитетов как она есть. И как он представляет вашу дальнейшую жизнь?

— Переезд в столицу, в казенное жилье, а потом, когда родятся дети, — в деревню, у него есть сбережения, на которые можно купить дом. Я буду сидеть с детьми и вышивать крестиком, а он воеводить.

— Даже о маленьких берсерках подумал, — умилилась Юля. — А я вот недавно спрашивала у Лютого, как оборотни рождаются — щенятами или детьми, так он тему поменял.

— Надо же, вы еще и разговариваете иногда, — подколола я подругу. — В общем, он настаивает, чтобы я уходила из этого дома.

Тятка развернулась зубчиками к коту, и тот резво отскочил в сторону.

— Нет дома — нет проблем, — задумчиво произнесла Юля. — С его стороны это благородный поступок.

— И офигенно щедрый, — съязвила я. — Как я поняла, Яр считает, что наш потенциальный брак — мезальянс, и своим предложением он меня облагодетельствовал.

— Это в каком смысле? — Юля глотнула чаю. После вчерашнего кутежа с оборотнем, который куда-то слинял еще ночью, она выглядела слегка помятой.

— Он воевода, второе лицо после царя. Типа завидный жених.

— По-моему, на втором месте Амаранта, если не на первом.

— Он мне еще и ряд условий выкатил: носить платья в пол, не краситься, не колдовать...

— Может, он тебе и списочек составил, как Маргарита?

— Устно перечислил, — нахмурилась я. — И самое главное: не ходить в наш мир. Мол, ничего хорошего он там не увидел, одни соблазны.

Грех тронул лапой тятку и прыжками помчался в зал, Брюс посеменил за ним следом.

— Ну и как он перенес твой отказ?

— Плохо, — вздохнула я.

Ярополк вернулся примерно через час, волоча за шкурку Парнаса.

Следом, чуть в отдалении, шла кучка любопытствующих запорцев. Воевода швырнул Парнаса на измятую траву у моего крыльца. Я вышла на порог, с интересом ожидая представления.

— Я предупреждал, что ведьма на службе у царя? — зычно спросил Яр, провел пятерней по волосам, и я невольно вспомнила, как это приятно — запускать пальцы в его густую гриву. — Я говорил, что она под моей защитой?

— Не губи, воевода, — взмолился Парнас. — Лот попутал!

Яр выломал ветку из куста, резким движением оборвал листочки, со свистом рассек прутом воздух. Парнас побелел, прикусил нижнюю губу, борода его жалко затряслась. Воевода же был мрачнее вчерашней тучи.

— Сымай порты! — приказал он.

Из толпы донесся смешок:

— И вчера от ведьмы беспортошный вернулся, и сегодня...

— Ну-ка, поглядим, может, ведьма еще чего ему заколдовала...

Парнас дрожащими руками потянулся к завязкам на штанах.

— Постой, — окликнула я воеводу, спустилась по ступенькам.

Яр отвел глаза, но я успела заметить обиду, промелькнувшую в его взгляде.

— Это унижительно, — прошептала я так, чтобы никто, кроме него, не услышал.

— О, я сегодня хорошо прочувствовал, что такое унижение.

— Яр, я не сказала «нет».

— Знаешь, лучше бы ты сказала «нет», чем рассмеялась мне в лицо.

— Просто твое предложение было очень неожиданным.

— А чего еще ты ожидала после того, что между нами произошло? Это ничего не значит для тебя, Василиса? Или... — Он едва заставил себя договорить предложение до конца. — Или тебе не понравилось?

— Очень понравилось, — чистосердечно ответила я. — И я жду не дождусь, когда мы повторим.

Ярополк ошарашенно посмотрел на меня:

— Ты отвергла меня, Василиса! На что ты теперь рассчитываешь?

— Знаешь, ты меня тоже отверг, — взъерилась я. — Такая как есть, я тебе не нужна!

— Ничего сверхъестественного я не требую.

— Конечно! Я должна отказаться от своего мира, лучшей подруги, от себя самой — какие мелочи! Не такая уж большая плата за доступ к телу великого воеводы! Я не спорю, ты, конечно, мужик классный, но не слишком ли много о себе мнишь?

— Да я же о тебе забочусь, о твоей безопасности! И если бы ты лю... — Он замялся, не решаясь произнести важное слово. — Действительно хотела быть со мной, Василиса, то готова была бы на все.

— А если бы ты действительно хотел быть со мной, то принял бы любой, даже ведьмой, хоть в платье, хоть без него!

— Простите, что перебиваю... — Юля дернула меня за рукав, кивнула в сторону, и я посмотрела на заборцев, которые напирали на покосившийся забор, открыв рты, впитывая каждое слово нашей с Яром перебранки.

— В любом случае наша ссора — не повод вымещать злость на Парнасе.

— Он спалил твой сарай, уничтожил посеvy, и кто знает, что сделал бы с тобой, если бы смог. Тебе его жалко?

Я посмотрела на Парнаса, корчащегося у ног воеводы. Действительно, почему я должна жалеть этого полулоса? Выхватив хворостину из рук воеводы, занесла ее над головой, стегнула мужика по сгорбленной спине, еще и еще, вымещая всю злость. Парнас взвизгнул тоненько, жалобно, как щенок. И я выронила прут. Удовлетворение, торжество, злорадство, упоение властью сплелись в клубок эмоций, распирающих меня. Я чувствовала себя воздушным шаром, готовым вот-вот лопнуть. Руки мелко дрожали.

— Ты в порядке? — тихо спросила Юля, взяла меня за руку. В ее глазах я увидела испуг.

— Нет, — прошептала, — со мной что-то происходит.

— Я не могу оставить его безнаказанным! — возмутился Яр, не заметив во мне перемены. — Что это такое — три удара? Они должны понять, что ты неприкасаема!

Он с сомнением посмотрел на хворостину в грязи.

— Значит, так. Отправляешься со мной в дозор в Сумеречный лес.

— Не губи! — Парнас на коленях пополз к воеводе, схватил за штанину.

— Все. Собирай манатки и дуй в казармы.

Ярополк досадливо отдернул ногу, вышел в калитку, оттолкнув плечом какого-то неповоротливого мужичка.

— Ведьма! — выкрикнул Парнас, не вставая с колен. — За что ты меня ненавидишь? За что вы все меня ненавидите?

— Может, ты просто противный? — предположила Юля и повела меня в дом.

Она усадила меня на кухне, поставила чайник, задумчиво на меня поглядывая. А я молчала, перебаривая то, что со мной произошло. Чисто

внешне никто, кроме Юли, ничего не заметил. Но я словно нащупала в себе что-то доселе скрытое. Как будто вставила ключ в потайную дверцу, но в последний момент передумала ее открывать. Смутная догадка наконец вызрела, вспыхнула, подсвеченная эмоциональным всплеском.

— Условия Маргариты, — произнесла я, — если я выполню их все, то уже не буду прежней.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Юля, наливая кипяток в заварочный чайник.

— Я стану ведьмой.

Я катала золотую монету между пальцами, поворачивая ее то одной стороной, то другой. Золотой чекан, напоминающий чешую, сменялся изображением женщины, которая могла бы быть моим двойником. До сих пор все происходящее казалось мне игрой, выигрышем в лотерею, но сегодня я поняла, что наследство досталось мне не по случайному стечению обстоятельств. Гены бабки, спящие в техном мире, сегодня готовы были пробудиться. Согнутая спина Парнаса, свист прута, восторг, бурлящий в крови... Я вздрогнула, едва не обронив монету.

Если бы я удовлетворяла инкуба-мазохиста без помощи Лютого, то почувствовала бы свою темную сторону раньше. Наверное, от колдовства я тоже могла получить удовольствие — от власти над чужими судьбами, от ощущения собственного могущества.

Похоже, Ярополк был прав, упорно называя меня ведьмой.

Я вскочила, бросив монетку на стол, вытащила из кладовки велосипед, который притулился около ступы. Мне просто необходимо развеяться!

Слетев с холма, я обогнула озеро и направилась в лесок. Лужи поблескивали на влажной после вчерашней грозы тропинке, ветер ерошил волосы, хлестал ароматами хвои и цветов. Я заехала в густую лесную тень, где приходилось быть внимательней — на дорожке то и дело змеились плети корней, сучья деревьев норовили вцепиться в волосы. Я, словно заправская слаломистка, виляла меж препятствий, уклоняясь от веток и перепрыгивая неожиданные помехи. Впереди тропинка раздваивалась: правая уходила вглубь чащи, а левая огибала озеро. Мгновение поколебавшись, я свернула влево. Неизвестно, кто обитает в этих лесах, не хотелось бы встретиться с сумертом — туманным волком с красными глазами, который оставил шрам на виске воеводы.

Яр все испортил своим предложением. Утром нам было так хорошо. Сочетание в нем силы и нежности просто сорвало мне крышу... Замечтавшись о воеводе, я едва не свалилась, наткнувшись на кочку, колесо

вильнуло, и что-то со свистом пролетело совсем близко, оцарапав мне висок. Я тупо посмотрела на стрелу, впившуюся в дерево впереди меня. Наконечник вошел вглубь шершавой коры полностью, два белых перышка слегка трепетали на ветру. Волна страха жаром прокатилась по телу, и я поднажала на педали.

Я виляла по узкой тропинке, не оглядываясь назад. Бешеный стук сердца перекрывал все звуки леса. Еще одна стрела прорезала воздух рядом с ухом и исчезла в зарослях вербы. Я вильнула, вцепившись в руль. Впереди мелькнул просвет, лес заканчивался, на открытой дороге я буду отличной мишенью. Водяная гладь блеснула совсем рядом, и я направила велосипед туда. Наверное, это смотрелось эффектно — прыжок с обрыва на велосипеде в исполнении стройной и довольно привлекательной девушки в белой майке и шортах. Брызги так точно должны были получиться знатные. Я бросила руль и поплыла в глубь и в сторону, загребая изо всех сил. Резкая боль пронзила мое бедро, я ойкнула, глотнула воды, забилась в панике, как пойманная рыба, и передо мной появилось лицо водяного. Он прижался ко мне с поцелуем, смрад болотного дыхания едва не лишил меня сознания. На миг в мой рот скользнул склизкий язык, словно улитка заползла. А потом водяной отпрянул.

— Совсем очумел?! — выкрикнула я.

Корней довольно улыбнулся, демонстрируя двухрядные треугольные зубы, а я поняла, что могу дышать и говорить под водой.

— За мной, ведьма, быстро!

Он поплыл впереди, показывая дорогу и раздвигая перепончатыми лапами водоросли.

Водяной вынырнул в низком гроте, выбрался на камень, помог подняться мне, и я, наконец, смогла рассмотреть свое бедро.

— Кто-то хотел тебя убить, Василиса, — сказал Корней, быстро сломал стрелу, торчавшую в моей ноге, и резким движением выдернул ее прочь.

Я взвыла в голос, и он зажал мне рот лапой.

— Тихо, тихо, он может быть поблизости.

Я старалась дышать ровнее, слезы ручьями текли по мокрому и без того лицу, бедро жгло.

— Плохо дело! — Корней посмотрел на кровавую струю, хлещущую из моей ноги. — Я ведь отдал тебе живую воду.

Я с ужасом посмотрела на водяного. Неужели это конец?

— К счастью, не всю, — добавил он и соскользнул с камня, без

всплеска войдя в черную водяную гладь. Я зажала ногу обеими руками, пытаюсь остановить кровь, всхлипы рвались из груди. Если я так и помру в этом гроте, меня даже не найдут. Жалость к себе вызвала новую волну рыданий, но тут вынырнула плешивая макушка водяного. Он открыл белую каменную шкатулку и аккуратно полил ее содержимым мою рану. Сначала я решила, что все-таки умерла. Обжигающая боль пронзила всю ногу до кончиков пальцев, в глазах потемнело, но через мгновение осталось лишь приятное тепло и легкое покалывание. Я открыла глаза и ахнула: рана полностью затянулась, осталось круглое розовое пятнышко, и оно на глазах бледнело, пока полностью не исчезло.

— Спасибо! — выдохнула я.

Да что там «спасибо», я готова была расцеловать его в этот момент, хотя противнее поцелуев в моей довольно насыщенной личной жизни не бывало.

— Пожалуйста. Я смотрю, ты не носишь лифчик, Василиса, — сказал он, скабрезно улыбнувшись, и целоваться мне сразу перехотелось. Я скрестила руки на груди, мрачно глянув на Кореней.

Выходить на поверхность я не спешила. Убийца наверняка захочет удостовериться, что последняя стрела достигла цели. Водяной предложил отнести к месту моего прыжка окровавленную майку, в качестве убедительной улики, но я отказалась наотрез.

— Раз уж ты у меня в гостях, — Кореней подвинулся ближе, оцарапав меня чешуйчатым бедром, — может, познакомимся поближе?

— Слушай, Кореней, чего ты такой озабоченный? — не выдержала я. — У вас тут что, русалок нет?

— Нет. — Он отодвинулся и помрачнел. — После того как Марго заколдовала мое озеро, даже кикиморы перестали заглядывать. Надеюсь, когда весть о гейзере распространится по ручейкам, то русалки подтянутся. Любопытные, молоденькие... Эх, знал бы, что с Марго так обернется, обходил бы ее за версту!

— Постой, то есть вы с моей бабкой... — замерла я, ошарашенная догадкой.

— Угу, — кивнул Кореней. — Не зови ее бабкой. Она на триста никак не выглядела, сто — максимум. Только вот глаза выдавали. Заглянешь — утонешь, что в том омуте. Я и нырнул в чувства с головой, думал — взаимно, а оказалось, притворялась она, выгоду искала. А ведь как играла мной! Говорила, докажи, что любишь. А я и рад стараться. Ванную ей отгрохал такую, что во дворце не сыскать. Предложение сделал, на колени становился, а у меня колени слабые, чай, не мальчик.

Он помолчал, я не решалась прерывать паузу, заполненную его воспоминаниями. В гроте царил полумрак, тонкие лучики прорывались сквозь щели в каменистом потолке, капли стекали по черным камням. Мое внимание привлек уголок, в котором даже было уютно — травяная подстилка, свежие кувшинки, в округлой ямке собирается вода.

— А когда я подарил ей самое дорогое, что у меня было, она прокляла мое озеро.

— Живую воду?

— Если бы... Амфибрахия!

— Ну, я пошла! — Я спрыгнула с камня, погребла прочь из грота. Если он надеется, что я отдам ему мою жабу, то зря теряет время.

— погоди, покажу дорогу, а то как бы не утонула. Действие поцелуя уже наверняка прекратилось. Может, еще раз тебя поцеловать?

— Не-не-не! — Я отчаянно замотала головой. — Так доплыву.

— Ну гляди...

Выбралась я из озера около бабкиной могилки, махнула на прощанье водяному, сжимая в кулаке поломанную стрелу, и рысцой побежала на холм. До последнего боялась услышать свист стрелы или хруст веток за спиной. Спасительная дверь была совсем рядом, когда мне навстречу из-за угла дома вышел мужик: косая сажень в плечах, кудлатая борода до груди, вместо одного глаза — жуткий шрам. Он шагнул ко мне, кладя ладонь на рукоять меча, и я отчаянно завизжала.

Куропатки сорвались из густой травы, забили крыльями и унеслись прочь. Грех взвился свечкой из-под куста и помчался вниз по холму. Дверь распахнулась, на крыльцо выскочила Юля, белая, как лист бумаги. Даже адский одноглазый мужик побледнел.

— Не ори, ведьма, — просипел он. — Меня воевода прислал к тебе, для охраны.

Я оперлась рукой о забор, чтобы не упасть, и обгоревший штакетник окончательно рухнул.

— Знаешь что...

— ...Ерема.

— Передай воеводе, Ерема, что с охраной он несколько припозднился.

Я швырнула обломок стрелы мужику, прошла мимо и с грохотом захлопнула дверь.

Я расслаблялась в ванне, больше напоминающей бассейн, укутанная густой пеной с ароматами апельсина, шоколада и корицы. Юлька сидела на полу, опершись спиной о ванну, и попивала горячий чай маленькими

глоточками. Руки ее слегка дрожали.

— Вася, а может, ну его, это наследство?

— Серьезно? — удивилась я. — Отказаться от целого мира?

— Как-то он больно враждебно к тебе настроен.

— А как же дом, воевода, жаба, Брюс? Твой ненаглядный оборотень, в конце концов?

— Мне кажется, Лютик бы согласился перебраться к нам, ему понравился наш мир, — сказала Юля. — Да, у нас все закрутилось очень быстро, но нам так хорошо вместе... О, это, наверное, он!

Юля вскочила и побежала на стук, донесшийся снизу, а я, набрав побольше воздуха, опустилась под воду с головой. Уйти, оставить дом следующей ведьме — это казалось самым разумным решением. Но сказочный мир вцепился в меня, как репейник в волосы — не отдерешь. Где бы еще я смогла разговаривать под водой? Полетать в ступе? Получить предложение после первого секса? Сказочный, волшебный мир! Я выпустила воздух из груди, вынырнула и встретилась взглядом с небесными глазами воеводы.

— В тебя стреляли? — глухо спросил он, сжимая обломок стрелы. — Ты цела?

Я поднялась чуть повыше в ванне, пена окутала плечи пушистым облаком.

— Водяной меня спас. Если бы не он...

Ярополк судорожно вздохнул:

— Василиса...

Я протянула к нему руку, и он распустил шнуровку на рубахе, стащил ее через голову. Отказаться от этого мира? Невозможно!

Я нежилась в ванне, опираясь спиной на могучую грудь Ярополка. Он сплел пальцы с моими, поцеловал в висок.

— Думал, с ума сойду, — признался он. — Когда Ерема принес стрелу, помчался к тебе сломя голову. Что ты сотворила со мной, Василиса?

Я довольно улыбнулась, наслаждаясь нашим перемирием.

— Ты быстро пришел...

— Я не успел отправиться в столицу, задержался в деревне. Парнас скакал за мной по пятам, умолял отстегать его прилюдно, но не гнать в Сумеречный лес.

— Там так страшно?

— Когда на тебя несутся клыкастые тени с алыми глазами, это немного неприятно, да.

— Сумерты? — Я повернулась, погладила шрам над его ухом.

— Лютый по сравнению с ними милый песик.

— Кстати, о милых... Почему ты мне такого страшного охранника подсунил? У меня чуть сердце не разорвалось от ужаса.

— Ерема свое дело знает. — Мне показалось, или воевода чуть смутился? — Я ему доверяю.

— А мне? — спросила я.

Ярополк лишь вздохнул, прижал меня крепче к груди.

— Василиса, я хочу попросить тебя... Обещай, что согласишься.

— Я не могу тебе этого обещать, — нахмурилась я. — Ты же мне не обещаешь сделать все, что я попрошу.

— А ты попробуй, попроси, — предложил он.

— Сбрей бороду.

— Что? — возмутился Яр. — Да меня же засмеют! Я ж не юнец, безбородым ходить!

— Вот видишь, ты ради меня и на такую малость не готов! — Я вскочила, выбралась из ванны, обернулась полотенцем.

— Но это же бессмысленная просьба! — Воевода встал за мной следом, потянул за кончик полотенца, но я вывернулась. — А я хочу, чтобы ты не выходила в наш мир, пока я не вернусь.

— Миленько, — кивнула я. — Конечно нет.

— Тебя пытались убить! Снова!

— У меня теперь есть Ерема. К нему ни один человек в здравом уме не сунется. Кстати, мне ему надо платить? Кормить? Где он жить будет, надеюсь, не у меня? А то если я на него в темноте наткнуся, точно помру от ужаса.

— Я его в таверне разместил, у Парнаса, — помрачнел Яр.

— А Парнас за это откосил от службы?

— Нет, но я отправлю его на полковую кухню, а не в бой. Там ему, в общем, делать нечего. Не с его храбростью. А вот в тебе, наоборот, храбрости с избытком, или не понимаешь ты, насколько все серьезно.

— Слабоумие и отвага, — пробурчала я себе под нос.

— Стрела принадлежала царскому лучнику, — признался воевода. — Я сам эти стрелы выбирал, Василиса.

— Значит, дорожка опять тянется к Амаранте, — задумалась я. — Я буду осторожна, Яр, обещаю. И ты уж береги себя.

Я погладила его по груди, прошла пальцами по застарелым шрамам.

— Если это Амаранта пыталась убить тебя, то приказ царя зачистить Сумеречный лес может быть лишь поводом отослать меня прочь, — хрипло

произнес воевода.

— Почему же раньше в этом лесу порядок не навели? — поинтересовалась я, прижимаясь ближе, легонько царапая ему спину. Мышцы под моими пальцами напряглись и расслабились.

— Сейчас редкое для царства спокойствие. Иван сумел наладить отношения со всеми соседями. Можно и внутренними проблемами заняться.

— Ну вот и занимайся, — одобрила я, целуя его в ключицу. — А обо мне не беспокойся.

— Не получается. — Яр обхватил мой подбородок пальцами, приподнял. — Я раньше думал, что не способен испытывать страх, а теперь постоянно боюсь за тебя, ведьма.

— Я не ведьма, — прошептала в ответ, позволяя полотенцу упасть к ногам.

Воевода укатил в столицу, пообещав заехать через недельку, перед боевым походом в Сумеречный лес. Юлька погрузилась в учебники и подготовку к защите диплома, прерываясь лишь на еду, сон и Лютого. Когда приходил оборотень, я предпочитала сбегать из дома, чтобы не слышать потом утробный рык из-за дверей ее комнаты. Мы с Брюсом заново посадили тыквы. Тяпка теперь отказывалась покидать свой пост на грядке, по-видимому, ее нежную китайскую душу ранила потеря первых всходов. Ерема пару дней угрюмо ходил вдоль поваленного забора, потом не выдержал и, принеся с собой инструменты, поставил мне новый. Брюс ползал рядом и, кажется, помогал. Я же от нечего делать записалась на курсы китайского. Теперь два раза в неделю учила иероглифы и четыре способа произнесения слога «хун».

По утрам Ерема делал зарядку: сначала разминался, разогревая мышцы, потом прыгал с воображаемым мечом, в конце растягивался. Брюс скакал рядом, оставляя в земле следы зубчиков. Даже Грех иногда появлялся, проходил по верху новенького штaketника, балансируя с помощью облезлого хвоста, и пристально смотрел, как мужчина показывает чудеса ловкости. Я же стеснялась заниматься йогой во дворе под присмотром зоркого глаза моего охранника и нашла неплохой фитнес-клуб поблизости, в нашем мире.

От скуки я решила устроить в лаборатории Маргариты что-то вроде кабинета или библиотеки. На полках, где раньше хранились колдовские снадобья, разместились мои словари, учебники и книги ведьмы, на столике у окна — ноутбук. Я перенесла сюда торшер, купила клетчатые занавески и

зеленый коврик, напоминающий травку. По вечерам устраивалась в кабинете с книжкой и чашкой чая. В круглом окошке мерцали звезды, со двора доносился стрекот кузнечиков, но я все чаще ловила себя на том, что прислушиваюсь, не донесется ли топот копыт.

Когда через неделю снизу донесся стук, я слетела вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, распахнула дверь и поникла, увидев перед собой оборотня, хорошо хоть в штанах.

Ерема неприветливо сверкнул глазом, отвернулся, мы с Юлькой убедили его пускать Лютого в любое время, но охранник явно этого не одобрял.

— Привет, ведьма, — сказал Лютый, протискиваясь мимо меня в дом. — Подруга наверху?

— Вот-вот вернется, — ответила я. — Проходи, располагайся.

Лютый прошелся по залу, ковырнул в зубах ногтем. Заглянул под стол, словно проверяя, на месте ли дверь.

— Послушай, — задумалась я. — А как ты вообще оказался у бабки в чучелках?

— Попал в ловушку, — неохотно поведал он. — Я тогда к мельничиховой дочке бегал, ну, ты понимаешь. Как-то раз пришел на сеновал, а там ведьма. Только успел обернуться, как она на меня заклятие наслала. Потом сюда перетащила, на тачке. Здоровая она была, Марго.

— И зачем ты ей сдался? Для интерьера?

Волк устроился на диване, поерзал, тема явно была для него не из приятных.

— Ей нужна была моя кровь для колдовских зелий. Вот она и решила не заморачиваться. Чем каждый раз ловить оборотня и пытаться ему кровь пустить, не проще ли поймать одного да вместо пуфика поставить.

— И что за магию она на твоей крови делала?

Лютый лишь пожал плечами:

— Кто знает? Вот смерть Марго настораживает. Я ж говорю — здоровая она была, бабка твоя. Хоть ей вроде как триста стукнуло, но на всех этих травках да заклятиях она могла бы еще столько же продержаться.

— А перед ее смертью чего-нибудь странного не заметил?

Оборотень задумался.

— Приходила какая-то женщина. Лица не рассмотрел, только юбка мимо носа колыхнулась. Юбка пышная, золотая, с кружевами по низу, и запах сильный, цветочный, аж до чиха пробирает. Знаешь, каково это — хотеть чихнуть и не чихать?

— Ближе к делу, Лютый.

— Так вот, с этой женщиной Марго спорила. Что-то насчет отца. Мол, плохой отец — все равно отец. Ну, больше я не запомнил. Мне чихать хотелось.

Я уселась на диван рядом с оборотнем. С кем ведьма могла спорить об отце? Учила уму-разуму какую-то непутевую дочку?

— А у Марго детей не было? — испугалась я внезапной догадке. Ведь если были, то на мой дом могут претендовать прямые наследники. Может, именно они присылают мне отравленные яблочки да стрелы из-за кустов.

— Не знаю, — протянул он. — У ведьм редко бывают дети.

— Но я ведь как-то стала наследницей? Значит, ведьмина кровь течет и во мне.

— Дети — это так утомительно, — заметил Лютый, накручивая прядь моих волос на палец. — Хорошо, что у нас, оборотней, ими в основном самки занимаются. Лучше просто получать удовольствие, правда? Без всяких там последствий...

Он вдруг подвинулся ко мне, положил ручищу на бедро, аккуратно туда, откуда неделю назад торчала стрела.

— Сдурел, Лютый? — возмутилась я, отбросила его руку в сторону.

— Ты много теряешь, Василиса, — оскалился он. — Хотя и ты, как я понял, хороша. Слышал, воевода тебе после первого же раза предложение сделал. Что ж такое ты умеешь, а?

— Ты ведь с Юлей... — Я запнулась, увидев в дверях подругу.

— Одно другому не мешает, — возразил оборотень, заметил мой взгляд и обернулся. — Сладкая!

Юля выронила на пол сумку, краска отлила от ее лица, лишь на щеках вспыхнули розовые пятна. Я смотрела, как подруга сдерживается, чтобы не разрыдаться, и чувствовала, как в груди дрожит злость, скалит зубы, словно волк, готовящийся напасть.

— А может, тройничок замутим, а, девчонки? Меня на всех хватит. Ну же, сладкая, не жадничай.

— Ее зовут Юля, — процедила я и не узнала свой голос.

Кровь забурилась, побежала по венам, руки сами возделись к потолку. Энергия пронеслась по телу, сорвалась с кончиков пальцев. Оборотень шарахнулся от меня, метнулся к двери.

А я заговорила.

Слова, когда-то прочитанные в книжке-чудеснице, сами срывались с языка. Станные, жуткие, непонятные, подсвеченные, будто огнем. Я проклинала Лютого, испытывая ту самую черную злобу — необходимый ингредиент колдовства.

Оборотень бежал по огороду, путаясь в чужих штанах, падая на молодые тыквенные ростки. Я чувствовала каждое движение Лютого, словно держала его на ладони. Вот сейчас сожму пальцы — и переломает, искорежит этого кобеля так, что никакие бабки не отщепнут! Где-то совсем близко прогремел раскат грома, хотя на небе не было ни облачка. Волосы взметнулись от порыва ветра. Сердце отбивало ритм, словно набат. Мне осталось произнести лишь завершающие слова, когда сзади набросилась Юля. Она обхватила меня поперек груди, зажала рот рукой.

— Не надо, Вася! Остановись! — завопила она в самое ухо, и я дернулась, досадливо поморщилась. Жар, окатывающий волнами тело, схлынул, волосы упали на плечи. Я повернулась к подруге, и та изменилась в лице. — Не делай этого, — прошептала она.

— Боишься за него? — сказала я чужим голосом, низким и хриплым.

— За тебя, — ответила Юля. — Ты бы себя видела.

Сердце постепенно возвращалось к привычному ритму, в кончиках пальцев слегка покалывало. Оборотень перекинулся в волка и мчался в спасительный лес, мелькая серой шкурой в высокой траве, как трусливый заяц.

— Что со мной не так? — Я откашлялась, пытаюсь вернуть привычные интонации.

— Глазища черные, сплошной зрачок, волосы, как грозовая туча, — перечисляла Юля. — Ну и напугала ты меня. Выглядела настоящей ведьмой.

Я посмотрела во двор и вдруг заметила за забором воеводу. Он стоял, вцепившись пальцами в штакетник, не отводя от меня взгляда.

— Яр! — Этот низкий гортанный голос не мог принадлежать мне.

Он отшатнулся и быстро пошел прочь, слегка пошатываясь.

Юлька мрачно слонялась по кухне, пиная стулья, попадавшие ей на пути. Я медленно потягивала воду — уже третий стакан. В горле першило, будто я песка наелась.

— Как экзамен? — попыталась я перевести ее мысли на более мирные рельсы.

— Сдала, — буркнула Юля.

— Еще ведь диплом?

— Вот новость, да? — с сарказмом сказала она, и я заткнулась. — Знаешь, если бы ты не начала колдовать, я бы поплакала в подушку, да и успокоилась. А теперь какой-то сбой программы.

— Может, тебе луковицу порезать? — предложила я. — Одна

слезинка, вторая, за ней и остальные потекут.

— Это все фэнтези про оборотней виновато, — проигнорировала Юля мое предложение, — истинная пара, любовь с первого взгляда...

— Я думала, с первого нюха.

— Не важно. Главное, он мне никогда ничего не обещал.

— Что ж, значит, ты правильно сделала, что не позволила мне наложить на него проклятие.

— А что бы с ним случилось, с Лютым? — живо спросила Юля.

— Ничего хорошего, — мрачно ответила я, вспомнив ощущение, как держала Лютого на ладони. Я могла бы изломать его, сделать калеккой, несмотря на чудесную регенерацию оборотней. Передернув плечами, я отпила еще глоток воды.

— А что с воеводой будешь делать? — осторожно спросила Юля.

— Понятия не имею. Кажется, мы обе остались без кавалеров.

— Ладно, — вздохнула Юля. — Пойду в свою комнату. Может, все же удастся поплакать.

Я вышла во двор, уселась на ступеньки. Завидев Ерему, махнула рукой, подзывая его подойти. Он шел медленно, едва переставляя ноги; остановился в нескольких метрах, не желая подходить ближе.

— Откуда у тебя этот шрам? — сипло спросила я, голос никак не хотел возвращаться.

— Мержики, — буркнул Ерема, как будто это что-то объясняло.

— И что это значит?

— Мелкие твари из Сумеречного леса. Охотятся стаями. Любят нападать сзади, выдирают плоть кусками. У них по девять пальцев на лапах, острые когти. Пасти распахиваются так широко — чуть наизнанку не выворачиваются.

Я поежилась.

— Визжат, как поросята.

— Хватит.

— А запах, будто горелым мясом несет.

— Все, все, я поняла... Скажи, Ерема, — я замялась, — я очень страшно выглядела, когда колдовала?

— Нет, не очень, — ответил суровый мужик. — Если сравнивать с мержиками, конечно.

Ерема отправился на свой пост, он облюбовал себе место в тени, под березкой у забора. Оттуда хорошо просматривалась тропинка в деревню, по которой ушел от меня Ярополк. Совсем скоро он отправится в Сумеречный лес, кишачий отвратительными тварями, а я, вместо того чтобы как-то

помочь ему, колдую над блудливым волком.

Пошатавшись по дому, я поднялась наверх, постучалась в дверь к Юле, не дождавшись ответа, заглянула. Она лежала на диванчике, поджав колени к груди. Я тихонько присела рядом, положила руку на плечо.

— Знаешь, мне казалось, что я нашла того самого, — шмыгнула она носом. — Это так приятно — видеть чистую страсть. Не его вина, что я перепутала ее с любовью.

— Ты еще найдешь того самого, — сказала я. — Точно тебе говорю, я же ведьма.

Она повернулась ко мне:

— Когда ты колдовала, это было даже красиво, сила от тебя была, как гейзер в озере. Но страшно. Я не хочу, чтобы ты стала такой.

— Если ты будешь каждый раз кидаться на меня и затыкать рот, то не стану.

— Вот и договорились.

— Юля, — сказала я после паузы, — раз уж ты все равно не плачешь, давай попробуем другие методы забывания парня.

— Шоколад?

— Думаю, столько шоколада мы не съедим. Может, шопинг?

— Не знаю, как-то нет настроения.

— А если, допустим, этот шопинг будет в другом мире? — Я многозначительно пошевелила бровями, и Юлька привстала.

— Ярополк же сказал тебе дома сидеть.

— Ну и где он, Ярополк? Убежал, стоило лишь девушке слегка рассердиться.

— Но это может быть опасно!

— Вряд ли нас ожидают в столице, опаснее оставаться здесь.

— Ерема нас не отпустит, — выдвинула Юля самый весомый контраргумент. — А ты его видела, с ним не поспоришь.

Я снисходительно улыбнулась.

— Зачем нам его разрешение? У нас есть ступа.

Я надела длинный сарафан в розовый цветочек, под него — белую блузку. Юлька вырядилась в синее закрытое платье, которое только что не мело подолом по земле. Мы заплели по две косы, как носили незамужние девушки в сказочном мире, краситься не стали.

— Подожди! — Юлька сбегала в комнату, принесла лак для волос и щедро побрызгала и меня и себя. — Чтобы даже после полета выглядеть прилично.

Я взялась за край ступы, потащила ее из кладовки.

— Уверена, что нам стоит это делать? — спросила Юля. — Там ведь может быть опасно. Амаранта, или кто там на тебя покушался, наверняка думает, что ты утонула в озере.

— Да никто нас не заметит, — легкомысленно возразила я. — Прошвырнемся туда-обратно, купим местных сладостей, платков на базаре. Видела, какие там платки? С совершенно обалденными цветами.

— Может, хоть живой воды с собой возьмем?

Я покосилась на бутыл, пылящуюся в камине.

— Прямо так и потащим? Она ведь тяжеленная. А перелить некуда, нужен нерукотворный сосуд. Да и расплескается еще в полете.

Юлька со вздохом взялась за край ступы и принялась подталкивать ее к двери.

— Могли бы, по старинке, купить мороженое, посмотреть киношку.

— Снова «Сумерки»?

— Нет уж, больше никаких оборотней, — сурово пропыхтела Юлька. Я заметила на ее шее свежий засос, и внутри снова заворочалось что-то темное, злое.

— Значит, план остается прежним. — Мне срочно нужно было развеяться, получить какие-то радостные впечатления, чтобы ведьма в моей душе забралась назад — туда, откуда она вылезла.

Юлька приоткрыла дверь, выглянула в щелочку.

— Ерема у березы, — прошептала она. — Кажется, он учит Брюса ходить по забору.

— На счет три — вытаскиваем ступу на крыльцо, прыгаем внутрь, взлетаем, — скомандовала я. — Раз, два...

— Три! — выпалила Юлька.

Мы выскочили на крыльцо, громыхнув о деревянный настил ступой. Юлька замешкалась, перебираясь через высокий край ступы, я бесцеремонно подпихнула ее коленкой, запрыгнула внутрь.

— Аер взняти!

Ступа взрезала воздух, взмыла ввысь ракетой, Юлька вцепилась мне в руку — синяки останутся. Я еще успела заметить, как подпрыгнул Ерема, пытаясь достать до ступы, но куда ему, без магической тяги. Мы сделали круг над Большими Запорами, плюнули на щербатую крышу таверны «Печальный лось» и полетели к стольному граду.

Крепостная стена обвивалась вокруг города, как хвост кота, свернувшегося калачиком. Ступа послушно выполняла все мои команды, и

я решила облететь дворец, возвышающийся над домами, словно воспитатель над детишками в яслях. Четыре башни, будто ножки перевернутого стола, украшали дворец по углам. Округлую мраморную башенку почти полностью укутал зеленый плющ, красную кирпичную, похоже, давно не ремонтировали — окна зияли пустыми провалами. Третья, выложенная красным и белым камнем, полосатая, как маяк, мне понравилась больше всех. Люблю маяки, как символ света и надежды. Мне этого очень сейчас не хватает — огонька, который указал бы верный путь в лабиринте ведьминых загадок. Башню Амаранты я бы опознала и без строителей на лесах: высоченный гранитный столб с крохотным окошком. Строгие зубцы окружали башню поверху. Я приказала ступе подняться еще выше, сделала петлю и полетела прочь из города.

К счастью, птичьих стай сегодня не встретилось, и мы вполне удачно приземлились у березовой рощицы неподалеку от крепостных стен. Закидав ступу ветками, чинно пошли с Юлькой по дороге к воротам, куда тянулся и прочий люд. Пристав к телеге, груженной горшками, приблизились к стражникам, которые делали пометки на дощечках и взымали плату с торговцев. У меня в сумочке тихо позвякивали сребреники. Деньги нашего мира, выменянные за монету Амфибрахия, расходились быстро, а вот сребреники мне пока не на что было тратить.

— А вы откуда, девицы, и куда? — спросил нас стражник, подкручивая рыжий ус.

— Так это... с Запоров мы, — выдала Юлька, так искусно подделав окающий говор нашей деревни, что я мысленно ей заплотировала.

— И по какой надобности в столицу?

— На людей посмотреть да себя показать, — кокетливо улыбнулась подружка. Взгляд стражника пробежал по ее фигуре, стал масляным. Это какой-то особый Юлькин талант — даже в закрытом монашеском платье выглядеть соблазнительно.

— Нам надо что-то оплатить? — спросила я.

— Таким красавицам мы бы и сами приплатили, — совсем уж обнаглел рыжий.

Я схватила Юльку под локоть и потащила дальше от ворот. Мы влились в шумную толпу; людской гомон, запахи, цветастые наряды закружили нас в калейдоскопе впечатлений. Вскоре толпа выплеснула нас на рыночную площадь. Первым делом я устремилась к лотку с платками, и вскоре мы с Юлей шли по торговым рядам, укрыв плечи, совсем как здешние девушки. Платки были огромными — хоть заворачивайся целиком, и я почувствовала себя гением маскировки. Так наши платья не будут

слишком бросаться в глаза, отличаясь от местных нарядов.

Мы прикупили себе вязаные сумки, расшитые орнаментом, и покульку засахаренных орешков. Юлька вертела головой по сторонам, я не отставала от подруги. Вот только Юля впитывала впечатления от иного мира, а меня не оставляла надежда увидеть Ярополка, его осанку и широкие плечи я бы сразу узнала даже в толпе... По-дурацки все вышло. Столько раз убеждала его, что не ведьма, и тут он явился прямо в разгар колдовства. А все из-за этого лохматого кобеля... Рано Юлька вмешалась, надо было ему хоть хвост прищемить.

Вздохнув, я увлекла Юльку в книжную лавку. Колокольчик над дверью мелодично звякнул, пылинки заплясали в разноцветных лучах света, пробивающихся сквозь витражное окно. Звуки улицы стихли, едва уловимо пахло бумагой и краской. Мужичок, растекшийся в кресле у окна, окинул нас удивленным взглядом, отложил книжку на подлокотник и неспешно поднялся, оказавшись росточком едва мне до груди.

— Могу вам помочь, девицы?

— Есть у вас что-нибудь о живописи? — выпалила Юля, забыв про местный говор.

Он пошел вглубь лавки, разделенной на ряды шкафами, изредка касаясь корешков книг короткими пальцами. Юлька как загипнотизированная поплелась следом, а я нырнула в другой ряд, медленно двигаясь вдоль полок и вытаскивая наугад книги. Сначала я попала в секцию любовных романов, занимающих самое выгодное место — хорошее освещение, близко у входа. Но ни «Прекрасная дева для чудовища», ни «Огонь и чувства» не вызвали у меня интереса. Пройдя дальше, уткнулась в шкаф с учебниками. Математические изыскания Андрея Иванова, великого ученого техномира, оказались учебником по алгебре, по уровню — класс седьмой. Особенности выращивания пасленовых культур я тоже поставила на место. С тыквами бы разобраться.

Я вытащила книгу в черной кожаной обложке, с уголками, обитыми серебром.

— «Происхождение миров и тварей», — прочла я тихо.

— Великолепный экземпляр, — сказал продавец сзади так громко и неожиданно, что я едва не выронила книгу. — Иллюстрации выполнены Аанаэлем Златокудрым из верхнего мира.

Я полистала книгу и снова чуть ее не выронила: со страниц на меня уставилась зубастая тварь, утыканная шипами, крылья с крючьями на сгибах распластались на весь разворот.

— Красавец, правда? — мечтательно вздохнул продавец. Юлька

выглянула из-за его плеча, посмотрела в книгу и в ужасе отпрянула. — Жаль, что драконы вымерли. Их истребили всех до единого.

— Точно? — Я осторожно перевернула страницу. Дракон выглядел совсем живым. Кажется, вот-вот сорвется со страницы и палец отхватит.

Мужичок усмехнулся, нацепил на нос круглые очки, пошарил на полках и вытащил еще одну книгу.

— Если хотите освежить в памяти основы истории царства Велирусь и славного города Кижеча, то вот здесь все коротко, но основательно изложено.

Мы вышли из книжной лавки, новые сумки ощутимо потяжелели. Я купила и учебник по истории, и книжку с тварями, а Юлька выбрала книгу по какой-то особой технике рисования и теперь нежно поглаживала растопырившуюся сумку. Вдали на площади слышались шум, цокот копыт, лязг металла. Люди кинулись врассыпную, освобождая дорогу, и я увидела воеводу. Конечно, он скакал первым. Одной рукой сдерживал ретивого коня, другую положил на рукоять меча. За ним потянулась конница, потом лучники, обозы.

— Там Парнас, — заметила Юлька. — Кажется, это его клочковатая борода.

Но я не могла отвести глаз от Ярополка. В какой-то момент меня даже посетила бредовая мысль броситься к нему и по-быстрому согласиться выйти замуж. Только вот он наверняка уже передумал, увидев мою ведьмовскую сущность. Будто почувствовав мой взгляд, Яр обернулся, вздрогнул, моргнул.

— Удачи вам, сынки! — крикнула толстая бабка, оттеснив меня вглубь толпы. — Пусть пребудет с вами светлый Кристоф!

Юлька потянула меня за руку, и, пригнувшись, мы отбежали в сторону, юркнули в таверну с пышнотелой и румяной ундиной на вывеске. Осторожно выглянув, я смотрела, как Ярополк гарцует на коне, пока глашатай зачитывал царский приказ — отправляться на битву с порождениями тьмы в Сумеречный лес, чтобы никогда они боле не теснили честной народ.

Яр повернулся лицом к таверне, и я спряталась внутри.

— Знаешь, а Парнас — тот еще лох, — сказала я Юльке, оглядывая помещение, в которое мы попали. — Вон какие у них бывают заведения!

Барная стойка в центре, три зала, расходящиеся кругами — синий, зеленый и белый. На стенах мозаика: уже знакомая толстая ундина тащит за якорную цепь корабль, на котором улыбается бравый морячок.

— Девицы! — радостно приветствовал нас официант, вытирая руки о

передник. — Вас ожидают?

— Никто нас не ждет, — хмуро ответила Юля. Я хотела добавить, что мы вообще-то и не девицы, но решила скромно промолчать.

— Тогда пожалуйста сюда! — Он взмахнул рукой, указывая на белый зал. Я оценила посетителей: куча-мала детей, три тетки неопределенного возраста, один дед похрапывает, прислонившись спиной прямо на пышные груди мозаичной ундины, которая от такого безразличия приуныла.

Юлька, похоже, разделила мои сомнения, потому что взяла под локоток официанта и повела в синий зал, откуда слышалось бречание гуслей и доносились мужские голоса.

— Какое у вас фирменное блюдо? — спросила она. — Горячительные напитки подаете? Нам с подругой срочно надо развеять грусть-печаль.

— Вы пришли в нужное место, — улыбнулся официант, продемонстрировав отсутствие передних зубов. — Где же еще топить печали, как не в «Темном омуте»!

Кормили здесь потрясающе: рыбка, жаренная в кляре до хрустящей корочки, пикантные маринованные овощи, свиные ребрышки, тающие во рту. И все это под холодное пиво.

— Юля, как бы наша ступа взлетела! — сказала я, загребая картофельной долькой сметанный соус с зеленью.

— Не наша. Твоя, — поскущнула вдруг подруга. — Это твоя ступа, твой дом, твоя жаба... Я чужая в этом мире. Я не ведьма, не фея, а теперь даже не возлюбленная оборотня.

Я так и замерла с картошкой у рта.

— Я чувствую себя никчемной. — Глаза Юли заблестели.

— Юля... — неуверенно начала я.

— И не надо меня успокаивать, — сердито бросила она, вытирая концом платка глаза. — В этом мире от меня никакой пользы.

— Без тебя я бы уже стала ведьмой!

— Без меня у тебя не было бы причин сердиться на Лютого. А теперь кто будет удовлетворять инкуба?

— Ерема?

— Боюсь, это не входит в его служебные обязанности. А Яр отправился на эту дурацкую войну, и кто знает, вернется ли, — Юлька запнулась, — вернется ли он к тебе.

И вернется ли он вообще — вот что она хотела сказать. Я задумчиво захрустела огурчиком. У иллюстратора моей новой книжки явно талант, твари Сумеречного леса на картинках были почти живыми, а еще зубастыми, клыкастыми и очень опасными.

— Знаешь, а у меня есть идея, — сказала я. — Зря ты считаешь себя бесполезной. Ты можешь принести этому миру большую пользу. Может, тебя даже причислят к светлой четверке, которую тут почитают.

Юлька настороженно посмотрела на меня, вцепившись в стакан с пивом, но я видела интерес в ее глазах.

— Ты создашь оружие против сумеречных тварей.

— Ну-ка, подробнее...

Я довольно улыбнулась. Юля не стала вопить, что я сошла с ума, что это невозможно, и разводить прочую патетику.

— Сначала о причинах, — сказала я. — Ярополк разбередил мне всю душу.

— Только душу?

— Не только. Но знаешь, между нами что-то большее, чем просто секс. — Я приложила руку к груди. — Я чувствую свое сердце рядом с ним. Значит, это что-то серьезное?

— Возможно, так и есть, — согласилась Юля.

— Он сделал мне предложение, а я отказала, а потом еще и продемонстрировала не лучшую свою сторону.

— Ничего, в Сумеречном лесу он и не такого насмотрится.

— Ты говорила, что чувствуешь себя бесполезной. Это я бесполезная. Я должна была стать оружием, которое помогало бы Яру побеждать врагов, а вместо этого ращу тыквы да трачу халявное жабье золото. Я хочу ему помочь. А заодно показать, что могу делать что-то хорошее. Ну и вообще дать понять, что я его... что он мне... небезразличен.

— И что требуется от меня в этом хитром плане по завоеванию Ярополка?

— Я хочу, чтобы ты сделала мне дракона.

Юля внимательно на меня посмотрела, глотнула пива, облизала пенные усы.

— Ты это серьезно, — заметила она.

— Ага, — кивнула я. — У тебя даже зачет автоматом по скульптуре. А потом я капну на дракона живой водой и прикажу лететь в Сумеречный лес и гасить всех врагов.

Юлька молчала, и я испугалась, что мой план ее не вдохновил.

— Сама подумай, авиации тут нет. Дракон быстренько всех поборет, Ярополк вернется домой и, может быть, пересмотрит свое ко мне отношение.

Юля все так же не сводила с меня пристального взгляда, и я почувствовала себя неуютно.

— Он будет добрым, этот дракон, — менее уверенно продолжала я. — И верным. Ведь он получит частичку твоей души.

— По-моему, — Юля выдержала паузу, — отличный план!

Мы вывалились из «Темного омута», когда уже стемнело.

Юлька предлагала сразу отправляться домой и лепить дракона, но я захотела зайти в собор, в котором при первом посещении столицы мне стало плохо. Наверное, хотела убедиться, что меня не поразит молния на входе.

Внутри никого не было, лишь догорали свечи перед изображениями светлых богов. Юлька отправилась изучать полюбоившиеся ей фрески, а я села на деревянную лавку перед древним алтарем и прислушалась к себе. На душе было слегка тоскливо. Я чувствовала себя виноватой перед Ярополком, перед Юлей за то, что втянула ее во все это. Тем не менее я не загорелась синим пламенем, не стала биться в припадке, как одержимая бесами, ведьмовская кровь не спешила себя проявлять.

Я, кажется, слегка задремала. Светлые боги на стене собора, взявшись за руки, медленно закружились в хороводе над шестиугольными дверями. Развевались золотые локоны прекрасной Анны, строго смотрела из-под капюшона мудрая Лусия, рыжекудрая Вира держалась отстраненно, сияя белыми очами. Кристоф напоминал Ярополка, кому же еще быть воплощением Силы. Под дверью клубился мрак, вытягивая щупальца в надежде вырваться на свободу. Темнота приобретала очертания: острые скулы, крючковатый нос, сомкнутые веки... Я вздрогнула, очнувшись от дремоты, встала с лавки и подошла ближе к фреске. На скрытой алтарем части картины было еще одно действующее лицо. Его изображение больше всего пострадало от времени. А может, от особо ретивых прихожан.

— Это тот, кто стучит в нашу дверь? — тихо спросила подруга из-за плеча, и я мысленно порадовалась, что она назвала дверь «нашей». Мне не нравилось Юлькино упадническое настроение, и я надеялась, что ее взбодрит авантюра с драконом, которая становилась все безумнее по мере того, как выветривалось пиво.

— Похоже, что так.

Закрытые веки темного бога, заточенного за дверью в моем доме, дрогнули. Я отшатнулась, наткнулась спиной на Юлю.

— Ты чего? — схватила она меня за руку.

— Показалось, — выдохнула я. — Пойдем домой.

Поутру я проснулась с совершенно ясной головой и легкостью в теле. Только я успела порадоваться, какое же замечательное пиво подают в

«Темном омуте», как снизу донесся какой-то грохот и послышались приглушенные ругательства. Вскочив, я побежала вниз по лестнице и поняла две вещи: во-первых, сейчас уже далеко не утро, а скорее время к обеду, а во-вторых, Юлька не забыла мою идиотскую идею с драконом и даже начала претворять ее в жизнь.

— Привет, — сказала она, потирая ушибленное колено.

Стол был погребен под эскизами и чертежами, на полу валялась куча деталей, обломков труб и несколько граблей, у камина лежала потертая шина.

— Стой!

Я замерла, и Юля оттащила в сторону здоровенный капкан, затолкала его под стол.

— Что это? Зачем это? — растерялась я.

— Это зубы, — ответила Юля, дорисовывая что-то на здоровенном листе бумаги.

— Юля, — решила уточнить я, перешагивая через старый сейф, — мы ведь делаем доброго дракона?

— Добро должно быть с кулаками.

Она откатила шину к двери в сказочный мир, запустила вниз по ступенькам.

— Ерема! Принимай! — крикнула вслед.

Мой страшный охранник послушно подхватил шину и откатил ее к забору, где уже лежало одно колесо.

— Вася, может, дашь Ереме разрешение заходить в дом? — попросила меня Юля. — Он мне тут помогает с деталями.

— Обойдется, — буркнула я и поплелась на кухню.

Еще свежо было воспоминание о выволочке, которую устроил мне этот циклоп по возвращении домой. А ступу он отобрал и закрыл на замок в новом, им же отстроенном сарае. Я сварила кофе, поставила Юлькину чашку на стол возле эскиза. Дракон на рисунке напоминал тираннозавра, но был поизящнее. Вместо задних ног у него внезапно оказались колеса, крылья походили на навесы над торговыми рядами.

— Я подсмотрела идею на рынке, — подтвердила мою догадку Юля. — Система простая, но надежная. Раскладываются веером. Кстати, Вася, можешь проспонсировать Глорию? — Юля залпом выпила кофе, протянула мне пустую чашку. — Я решила так назвать дракона.

— У нас будет девочка? — развеселилась я. — Хорошо, сейчас схожу к Онисию, обменяю пару золотых.

Я достала миску Амфибрахия из террариума, ополоснула ее и вышла

во двор. Летнее солнышко висело в зените, освещая Большие Запоры. Внизу, над гейзером, выгнула яркую спинку радуга. Я потянулась и, игнорируя Ерему, пошла за новый сарай, сопровождаемая Брюсом. Хмурый мужик поплелся следом, остановился в паре шагов, наблюдая, как тятка ловко выкапывает мне червей, цепляет зубчиком извивающиеся розовые тельца и складывает в тарелочку.

— Брюсу нравится учиться боевым приемам, — сказал Ерема, и я с интересом посмотрела на охранника, ожидая продолжения, но он словно воды в рот набрал.

— Какие боевые приемы может разучить тятка? — не выдержала я.

— Брюс отлично прыгает. Вонзается в цель все точнее. Сейчас мы отрабатываем штопор — это когда он быстро крутится вокруг своей оси в полете.

Я подняла тарелку, в которой уже копошился десяток червей. Брюс, выполнив рутинное задание, выпадавшее на каждое четное число, отряхнулся и направился к грядке, на которой потихоньку расправляли листочки тыквенные ростки. Вдруг тятка замерла, будто прислушиваясь, и поползла медленнее, аккуратно переставляя зубчики. Я заметила порванное ухо Греха, торчащее из травы. Брюс приблизился к спящему коту, розовая ручка с китайским клеймом мелко завибрировала, дернулась. Тятка подпрыгнула, упала сверху на Греха, и я опрометью бросилась ему на выручку. И так ухо рваное, зубы обломанные, еще лишних дырок в шкуре не хватало! Но Грех, перевернувшись на спину, блаженно жмурил яркие желтые глаза, а Брюс аккуратно чесал ему черный с проседью животик.

— Они часто играют вместе, — сказал Ерема, и на миг мне показалось, что он сейчас улыбнется. — Я буду учить Брюса, если ты не против, ведьма.

Я лишь пожала плечами. Пусть развлекаются, если заняться нечем. Вернувшись в дом, поставила тарелочку с угощением в террариум жабы, погладила пупырчатую спинку.

— Вкусняшки, все как ты любишь, — сказала я Амфибрахию, наблюдая за Юлькой.

Она увлеченно рисовала, прикусив нижнюю губу. Неведомый творец тятки, передавший Брюсу частичку своей души, по-видимому, любил боевые единоборства. Каким будет дракон, сделанный Юлей? Я всегда думала, что знаю ее как облупленную, но сейчас в глубине души закопошился червячок сомнения. Я и себя-то толком не знаю!

— Вася, спасибо тебе, — оторвалась от работы Юля. — Твоя идея с драконом просто вернула меня к жизни. Я давно не чувствовала такого

подъема сил. Я даже спать не ложилась после «Темного омута»!

— Не за что, это тебе спасибо, — ответила я, улыбнувшись. Кажется, Юля и думать забыла о блудливом оборотне. Дракон так дракон. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Я сбегала к Онисию, разменяла несколько монет, от которых он привычно пришел в восторг, а потом лишь подсовывала подруге тарелки с бутербродами и чай. Юльку полностью захватило творчество. Она спорила с Еремой, который мнил себя экспертом по части вооружений, заручилась поддержкой водяного, обеспечившего ее какой-то суперглиной, нас даже навел на домовой. Он с важным видом попинал старый сейф ногой, а потом кивнул, соглашаясь с какими-то Юлькиными доводами.

Я же в это время погрузилась в чтение. История Велируси мне не очень зашла. Интересным показалось, что летосчисление ведется от момента разделения миров, которое произошло чуть более трех тысяч лет назад. Получается, мифы и легенды, дошедшие из далекого прошлого, вполне могут быть реальностью. Я быстро запуталась в царях Иванах и отложила учебник до поры. А вот от книги про сотворение тварей я не могла оторваться, с головой погрузившись в тот древний сказочный мир, где странами правили мудрые волшебники, в небе парили ящеры, бросая на землю тень от огромных крыльев, а светлые и темные боги жили среди людей. С замиранием сердца я прочитала о происхождении первой ведьмы: «Темный Лот брал в жены смертных женщин без числа, но мало кто выдерживал и одну ночь. Прекрасная Зафира не только разделила ложе с темным богом, но и понесла от него, и родила ровно в срок мальчика и девочку. Когда Лот пришел посмотреть на своих детей, то нашел их мать мертвой и обескровленной. Девочка спала, а мальчик висел на груди Зафиры, и на подбородке у него запеклась кровь. Лот нарек девочку Ариада, что означало «спящая», а мальчика — Гриффер, «убийца». Ариада стала первой ведьмой, а Гриффер — первым вампиром, прародителем всей расы кровопийц. Ариада родила от Лота чудовищного дракона Горра, дети которого потом начали войну драконов, испепелившую более сотни городов». Я моргнула, перечитала последние строки — родила от собственного отца? Ну и нравы...

А о чем там вспоминал Лютый аккурат перед тем, как я его чуть не прокляла? Маргарита ссорилась с какой-то пышно разодетой гостьей по поводу отца, который все равно отец, как бы он ни был плох. Я быстро пролистала вперед, в поисках подтверждения своей догадки, и точно: светлые боги решили запереть темного Лота, когда он совсем распоясался. В подвале моего дома сидит темный бог! И может так случиться, что перед

смертью бабка спорила о темном боге Лоте — отце всех ведьм? Если так, ее могли убить из-за желания освободить этого самого папашу. Или наоборот — она отказывалась открывать запертую дверь. Ключ-то был у нее. Значит, она могла освободить Лота в любой момент. Или нет?

Я обхватила голову руками.

— Вася! — зычно гаркнула Юля со двора. — Скорей сюда!

Я кинулась на помощь подруге, бросив книгу на кресло.

Ерема держал сейф, на лбу у него выступил пот, но руки даже не дрожали. Юля всучила мне металлический шланг от душа.

— Замрите! — приказала она и, отойдя на пару шагов, прищурила левый глаз. — Идеально!

— Юля, не то чтобы я ставлю под сомнение твои способности, но пока это мало напоминает дракона.

— Это пока, — отмахнулась подруга. — Ты офонареешь, когда все будет готово.

С этими словами она подняла две автомобильные фары, задумчиво приставила их к сплетению резиновых полос, которые методично вязал Степан Аркадьич, устроившись на бревнышке.

Юльке удалось собрать целую команду единомышленников. Ладно Ерема — он из-за сумеречных тварей глаз потерял, его мотивация понятна, око за око. А вот как Юлька уговорила домового поучаствовать в создании дракона? Даже жаль, что такой талант подруги пропадает. Ей бы в политику податься. По холму, тяжело хлюпая ластами, поднялся водяной. Поставил у забора два ведра какой-то жижи.

— Юленька, все как ты просила.

— Спасибо, Корней! Ты так меня выручил! — Юля сунула в ведро палец, подняла его по ветру. — Сохнет моментально! — восхитилась она.

— А я говорил! — подбоченился водяной. — Ни с каким гипсом не сравнится. А уж прочная!

— Надо было из железа все делать, — буркнул Ерема, опустив сейф на траву. — Железо надежнее.

— А глина легче, — не смутилась Юля. — Глория должна будет летать. Кстати, я заказала доставку крыльев на два часа под арку. Вася, покараулишь? А то, сама понимаешь, без тебя никак.

— Поняла! — Подхватив книжку, я отправилась в наш мир и, устроившись на бордюре, взявшись за книгу прочитала о войне драконов. Продавец из книжной лавки лукавил — не люди истребили драконов, те сами себя уничтожили. Слишком большая территория нужна была каждому дракону для выживания и размножения.

Автобус с логотипом фирмы — разноцветным зонтиком — припарковался на углу, парень в оранжевой кепке выглянул из кабины.

— Выгружай, — махнула я рукой.

Двое ребят вытащили крылья Глории, пока что бывшие складными козырьками для наружных столиков кафе, прислонили их к стенке у рыцаря. Я расплатилась, сказала парням, что отсюда козырьки заберут работники кафе, и, убедившись, что автобус скрылся за углом, с тяжким вздохом поволокла первое крыло в арку. Бросив его на тропинке, пошла за вторым. Пыхтя и потев под тяжестью складного козырька, я вдруг уловила сходство между собой и вымершими драконами. Я ведь тоже влипла в неприятности из-за тяги к гнездованию.

Протащив крылья через дом, я уронила их на траву. Брюс едва успел отпрыгнуть. Тираннозавр на моем дворе вырастал на глазах: блестел в солнечных лучах изогнутый позвоночник из медной проволоки, передние лапы растопырились когтями из грабельных зубьев, шланг от душа исполнял роль хвоста. Стыдно признаться, но мне в голову прокралась вредная мыслишка, что автомат по скульптуре Юлька все же получила благодаря своим прелестям, а не таланту.

Подруга подхватила одно крыло, подтащила к дракону.

— Придется укреплять каркас, — задумалась она.

— А я говорил — из железа, — встрял Ерема.

— Кто тут скульптор? — рявкнула Юля, и одноглазый сразу убежал, сделав вид, что заинтересовался ведрами, которые Кореней выстроил в ровный рядок под забором.

— Юля, если не получается, то и ладно, — осторожно начала я.

— Все получается, — отрезала подруга. — Просто не лезь под руку, хорошо?

Я пожала плечами и ушла в дом. Подставляться под шквальный огонь мне и самой не очень-то хотелось. Лезть в творческий процесс — дело неблагодарное. Кто знает, может, ей на самом деле удастся сделать дракона из... кхм, глины и палок.

На кухне я обнаружила Греха. Кот проявил несвойственную ему сообразительность и тоже предпочел отсиживаться в доме. Я насыпала ему корма, налила свежей водички, погладила по спинке, уже не боясь получить парочку свежих царапин на руке. Хотя Грех все же удостоил меня презрительным взглядом.

— Чем ты недоволен? — возмутилась я. — Накормлен, напоен, лаской согрет, чего тебе еще надо?

Грех фыркнул, дернул порванным ухом, не отрываясь от миски с едой.

По-видимому, он просто считал меня недостойной своей любви. Ну точно как Ярополк. Только причины у них были прямо противоположные. Ярополк не хотел влюбляться в ведьму, а кот, вероятно, предпочел бы видеть своей хозяйкой настоящую колдунью. Я снова уселась в кресле с книжкой, страницы открылись на иллюстрации с драконом, распластавшим крылья на весь разворот. Со двора донеслась ругань, я вскочила и убежала в свою комнату, прихватив конфет и сок. У меня было шикарное оправдание, почему я не участвую в постройке дракона: не хотелось бы, чтобы он получил частичку моей темной ведьмовской души.

Я слышала, как Юлька вернулась в свою комнату поздно вечером, раздраженно хлопнув дверью. Трусливо поколебавшись, я все же решила к ней заглянуть. Сегодня ее настроение менялось за несколько секунд от эйфории до безудержного гнева. С Юлькой явно что-то творится. Я тихо постучала, приоткрыла дверь.

— Да ладно! — воскликнула я, моментально оценив ситуацию: Юля стояла в одном белье, повернувшись к зеркалу боком, и рассматривала свой живот.

— Задержка, — подтвердила она.

— Сколько?

— Один день.

— Ну, это ерунда еще!

Юля рухнула на диван, скрестила руки. Мелкие царапины покрывали ее руки, ноготь на указательном пальце сломался.

— Мы не предохранялись.

Я села рядом с Юлей.

— Знаешь, я все понимаю... — начала было я. — Нет, не понимаю! Твой роман с оборотнем — это совершенное безумие!

— А твой, значит, роман с воеводой — это прямо образец взвешенных чувств!

— Но он хотя бы человек!

— Сама говорила — берсерки вроде как не совсем люди. Когда это любовь и страсть можно было планировать? Не отчитывай меня, сама знаю — дура.

— И что теперь?

Юля пожала плечами, угрюмо глядя в пол.

— Буду выгуливать, если что, — нервно хмыкнула она. — Дрессировать. У нас двор большой.

Я приобняла ее, погладила по взъерошенной голове.

— А как там дракон?

— О! Глория прекрасна! — оживилась Юля. — Я закрепила крылья, но еще полно работы. Завтра после диплома забегу в шиномонтаж, мне там один знакомый еще резины обещал.

— Подожди, у тебя защита завтра? — восторгалась я. — И ты вместо подготовки месишь глину?

— Глина Коренея чудесна! Она бы произвела фурор на кафедре скульптуры!

— Диплом, Юля! Очнись!

— По сравнению с перспективой стать матерью-одиночкой оборотня провал защиты диплома всего лишь легкое недоразумение, — философски заметила подруга.

— Давай в душ — и спать, — приказала я. — И даже думать не смей в таком ключе, ты пять лет училась! Завтра защитишь диплом лучше всех, а потом доделаешь дракона, который защитит целое царство.

— Ага, лучше бы о другой защите подумала, — вздохнула Юля и пошла в ванную.

Я вернулась в свою комнату, задумчиво съела последнюю конфету, легла на кровать. Она вдруг завибрировала подо мной, уже знакомый утробный вой донесся из подвала.

— Ой, да помолчи! — раздраженно выпалила я. — И без тебя забот хватает.

Рев резко оборвался, будто его и не было.

— Кто-то выл? — В комнату заглянула посвежевшая Юля с полосатым тюрбаном из полотенца на голове.

— Показалось, — соврала я.

На потолке слегка покачивалась кованая люстра.

С утра я сварила кофе, приготовила бутерброды и уже собиралась идти будить Юлю, когда она сама спустилась на кухню. Одного взгляда на ее суровое выражение лица мне хватило, чтобы понять: лучше не задавать лишних вопросов.

Она уселась на табуретку, пододвинула к себе горячую чашку.

— А конфетки где?

Я испытала острое желание спрятаться под стол.

— Ты съела? — возмутилась Юля. — Все до одной? Там же граммов триста было, не меньше!

— У меня тоже стресс, — нашла я. — Меня парень бросил! Вот!

Я вытащила из холодильника глазированный сырок и протянула подруге. Юля пробурчала под нос неразборчивую тираду, из которой

выходило, что шоколад куда привлекательнее всего мужского населения обоих миров, но сырок взяла.

— Я тут подумала, — сказала Юля, колошматя ложечкой по стенкам чашки. — Следующий секс у меня будет только после свадьбы.

— Угу, — промычала я, отводя глаза. Хотелось бы верить. — Очень мудрое решение. Несколько запоздалое, но все же...

— А ты сама-то не залетела?

— Я таблетки пью.

— Ишь какая предусмотрительная.

— Юля, может, все не так плохо? — робко предположила я. — Жилье у нас есть, деньги тоже. Если что, из бывшей ведьминой лаборатории получится чудная детская...

Юля пронзила меня убийственным взглядом, и я заткнулась.

Спровадив подругу в институт, я решила взяться за уборку: вымыла полы, вытерла пыль на всех подоконниках и полочках, отдраила сантехнику до зеркального блеска. Степан Аркадьич мог бы мной гордиться! Я даже отполировала котел в камине специальным средством от разводов. Только к шестиугольной двери в полу решила лишний раз не прикасаться. Подвинула стол и стулья так, чтобы ее поменьше было видно.

В кабинете я задержалась, прикидывая, как можно было бы расставить мебель. Детскую кроватку в угол, шкаф к стене, игровую зону сделать у окна. Окошко маловато, хорошо бы расширить, чтобы больше света было. Можно Ереме дать задание, он ловко управляет со столярными работами, — сарай, в котором он запер мою ступу, за день поставил. А еще ворот колодца больше не скрипит, и перила на крыльце стали гладкие и будто посветлели. Хозяйственный мужик! Пристроить бы его в добрые руки, с глаз долой...

Я вышла во двор, чтобы как всегда выпить чаю на ступеньках, и чуть не выронила из рук чашку. Тень Глории падала на крыльцо, острые стальные зубы тускло блестели во рту. По бокам головы, вывязанной из полосок резины, торчали две автомобильные фары. Сложенные крылья свешивались до земли.

Ерема подошел ко мне в сопровождении Брюса, с которым они стали неразлучны, кивнул на дракона:

— Страшенное чудище получается!

В его голосе я уловила нотки одобрения.

Спину дракона Юля укрыла старыми крышками, а брюхо обмазала суперглиной Коренея. Кое-где еще зияли провалы, в которых виднелись внутренности Глории: переплетения полос металла, автомобильные

запчасти, сейф. Я обошла чудовище по кругу. Хвост из душевого шланга Юля полностью оплела резиной, утыкав шипами. Вместо задних лап так и остались колеса. Зимняя резина; я провела пальцами по протектору елочкой, — стертая, но можно ездить.

Из дома донесся стук входных дверей, и я, сунув чашку чая Ереме, понеслась назад.

Юля кинулась на меня с объятиями, сжала так сильно — не продохнуть.

— Вася! У меня месячные! — завопила она.

— Поздравляю, — прохрипела я. — А диплом-то как?

— Сдала, — отмахнулась она, выпустив меня. — Боже мой, какое облегчение!

— Да, ты пять лет к этому шла...

— Да я не про диплом. Все! Клянусь — теперь только после свадьбы. Нет — легкомысленному флирту, ни за что — случайным романам, может быть — серьезным отношениям.

— Подожди, я это на диктофон запишу, — улыбнулась я.

— Так запомнишь.

— Значит, диплом защитила?

— На отлично! Мне даже предложили аспирантуру! Я в такой эйфории была, когда обнаружила, что тревога ложная, готова была прямо там расцеловать всю комиссию!

— То есть поцелуи твоим новым моральным кодексом дозволяются?

— Исключительно дружеские, в щечку, — посуровела Юля и перевела разговор на другую тему: — Ты видела мою крошечку? Мою прекрасную сногшибательную Глорию?

— Э-э-э... Ты о том крылатом тираннозавре, утыканном шипами?

— Правда интересно смотрится? Шипы я купила в байкерском магазине. Там такие сапожки есть! Черная кожа, выше колен, заклепки — твой фасон.

— Да, Ярополк будет в восторге, — с сарказмом поддакнула я.

— При чем тут он? — возмутилась Юля. — С каких это пор мужчина может указывать тебе, что носить? Яр, вообще, кто — муж?

— Он предлагал, — печально ответила я.

— В общем, мне нужны еще такие шипы, — сказала Юля. — Я тебе расскажу, как проехать в магазин. И сапожки померяй заодно. С мини будет упасть — не встать. А я вернусь к своей девочке. Меня переполняет энергия. Чувствую, уже сегодня она взлетит!

Я сильно сомневалась, что это чудовище сможет хотя бы сдвинуться с

места, не развалившись на запчасти, но Юлька была так счастлива, что я не стала спорить. Выслушала ее наставления про шипы — самые большие и острые, переделась в короткий летний сарафан и, насыпав еды Греху, отправилась в наш мир. В крайнем случае, Глория будет кататься вокруг дома. Она выглядит еще страшней, чем Ерема, который уже глаза мне намозолил. Может, тогда Ярополк отзовет своего одноглазого цербера.

Вернувшись, я нашла всю компанию во дворе: Грех с Брюсом играли в догонялки, Ерема резал последние полоски из шины, водяной стоял у забора, плотоядно разглядывая Юлю. Подруга радостно выхватила у меня пакет с шипами, взобралась на стремянку, установленную возле Глории. Теперь все брюхо дракона было обмазано глиной, кроме дверцы сейфа.

— Знаешь, последние два дня у меня было такое настроение нестабильное, — призналась Юля, втыкая шипы в спину дракона, — и я решила подстраховаться: попросила Степана Аркадьича принести угли. В твоём заклинании против проклятия ведьмы фигурировал огонь счастливого дома, так я решила тоже его использовать, чтобы Глория уж точно получилась хорошей.

— Хуже не будет, — одобрила я.

Калитка отворилась, и красная вязаная шапочка домового показалась из-за лопухов. Он поставил у колеса Глории ведерко, в котором переливались бархатным жаром угольки. Юлька отворила дверцу сейфа, взяла ведро вязаной прихваткой, которую протянул ей домовый, и высыпала угли внутрь. Замазав грудь дракона свежей глиной, Юля отошла ко мне на крыльцо и склонила голову набок, любуясь творением своих рук.

— Я шампанского купила, — сказала я, — чтобы отметить твой диплом.

— Отлично! — одобрила Юля. — А заодно обмоем Глорию, как корабль перед спуском на воду. Я так рада, что могу сделать что-то для тебя, Вася! Ярополк просто офигеет, когда к нему нежданно-негаданно подоспеет такая помощь!

— Это уж точно, — согласилась я, глядя на тираннозавра.

— Ты сомневаешься, что дракон, в которого я вложила всю душу, будет хорошим?

— Знаешь, тебе бы пойти в политики, — высказала я давнишнюю мысль. — Такие коварные вопросы задаешь. Давай-ка организуем закуску. Угостим заодно твою группу поддержки.

Мы настругали бутербродов, нарезали сыра, помыли виноград. Расставили тарелки и фужеры на маленьком столике у куста сирени. По центру устроился шоколадный торт, купленный взамен конфеток,

съеденных мною в одно лицо. Я открыла шампанское, и пробка выстрелила, как пуля из ружья. Правая фара Глории нацелилась прямо на меня, и под этим пристальным взглядом я почувствовала себя неудобно. Похоже, оставить дракона чахнуть во дворе означало обидеть Юлю — это раз, и приобрести сомнительный ландшафтный дизайн — два. Еще одно чудище вдобавок к Ереме мне точно не надо. Ладно, каплю живой воды я для него отжалею. Юля делала Глорию с душой, значит, она не может получиться плохой! Еще и с углями счастливого очага в сердце...

Мы подняли бокалы.

— За попутный ветер в крылья Глории! — произнесла Юля, чокаясь со мной. Ерема понюхал шампанское, поморщился и поставил бокал на столик. Степан Аркадьич махнул до дна. Водяной пригубил, жабы на его шее затрепетали.

— Ладно, не будем тянуть. — Я вынесла из дома бутылку с живой водой, протянула Юле. — Сделай это сама.

— Спасибо! — Юлька расцвела. Прижав бутылку к груди, она поднялась по стремянке. Подруга осторожно накренила бутылку, капля живой воды повисла на щербатом горлышке, заискрилась в лучах солнца, сорвалась и плюхнулась на резиновый лоб Глории, украшенный шипами. Юлька сбежала по стремянке, едва не кувырнувшись, отошла подальше... И вовремя: по телу Глории пробежала дрожь, резиновое плетение на спине само затянулось туже, глина на брюхе пошла мелкими трещинками, лишнее осыпалось, оставив затейливый спиральный узор. Хвост раскрутился, взмахнул по широкой дуге.

Мы взвизгнули, бросились в дом. Водяной уже улепетывал вниз по холму, Степан Аркадьич присел, притворяясь боровичком-переростком. Ерема с Брюсом выглядывали из-за сарая.

Глаза дракона зажглись желтым светом, колеса-ноги медленно покатались, оставляя след протекторов. Глория подъехала к столику, изогнула шишковатую шею.

— Она принимает, зуб даю! — возбужденно воскликнула Юля. — Я оставила промежутки в резине, вроде как ноздри.

Глория высунула черный шершавый язык и в один присест слизала шоколадный торт.

— Вася! — Голос Юли сорвался. — У нее не было языка! Честно! Откуда?

— Настоящие шедевры искусства всегда несут в себе нечто большее, чем замысел творца. Меня больше волнует, что она любит шоколад. Я вот сейчас думаю, может, это все же была не очень хорошая идея — создавать

дракона во время ПМС?

Глория повернула к нам голову.

— Ты ж моя красавица, — умилилась Юля, но благоразумно не вышла за порог дома. — Давай, лети!

Глория неуклюже развернулась к забору, покатила вперед и по пути снесла калитку. Она разгонялась вниз по холму, растопыбив крылья, которые никак не раскладывались.

— Ну же, — заволновалась Юля, — взлетай!

Водяной, обернувшись и увидев позади себя капкан драконьего оскала, еще ускорился и с разгона плюхнулся в спасительное озеро. Только я решила, что и Глория сейчас нырнет, как крылья раскрылись, и дракон взмыл вверх.

Алые паруса с металлическими перекладинами несли дракона в поднебесье, он взрезал низкие облака — никак к дождю — и сделал мертвую петлю, кувырнувшись через голову.

— Я — мать дракона! — вопила Юлька, выскочив на крыльцо. — Я...

Глория снизилась над лесом, столб огня вырвался из ее пасти, еловые верхушки занялись пожаром.

— Что же я наделала? — прошептала Юля.

Мы бежали к лесу, занявшемуся огнем, пустое ведро больно било меня по голени. Ерема вырвался вперед, мелькая истоптанными пятками лаптей. Юлька пыхла сзади. Водяной встретил нас у берега, вынырнув в камышах. Плешиная макушка отразила зарево пожара.

— Скорей, возьми этот ствол, — указал он на поваленное дерево, — и тащи его сюда, в воду.

Ерема беспрекословно повиновался, подтянул дерево к воде, плюхнул в озеро.

— А теперь направляй на огонь! — скомандовал Корней.

Ерема положил второй конец деревца себе на плечо, и я увидела, что ствол внутри полый. Корней нырнул, скрывшись с глаз, вода забурлила и потекла через пустое деревце, сначала совсем слабо, замочив лапти Еремы, а потом все сильнее и сильнее. Ерему едва не свалило с ног, но он перехватил бревно поудобнее, расставил ноги, направил водяную базуку на центр пожара. Языки пламени плясали на елках, сухие иголки трещали у ног. Я зачерпнула ведром воды и, подбежав к тлеющей березке, окатила ее водой.

Юлька наконец подросла и, выхватив ведро у меня из рук, понеслась к озеру. Мы так и работали на пару: она зачерпывала, отдавала ведро мне, я

выливалась, неслась к озеру. Глория парила высоко в небе на крыльях, окрашенных винным багрянцем в лучах заходящего солнца.

Нам удалось справиться с пожаром, лишь когда в небе зажглись первые звезды. Из Больших Запоров так и не пришла помощь. По-видимому, всех распугала Глория. Она периодически выпускала огонь из пасти, и яркие вспышки озаряли небо, словно след метеорита.

Я рухнула на берег, опустила гудящие ноги в воду. Корней улыбнулся, щелкнул пальцами, и вода у моих натруженных ступней забурлила, как в джакузи.

— Ты душка, — простонала я, растопыривая пальцы на ногах.

— И я так хочу! — Юлька бухнулась рядом, стащила сандалии и вытянула ноги. — Ерема! Иди к нам!

Но мой угрюмый охранник проигнорировал ее предложение, он бродил по обугленному лесу, затапывая искры. Брюс ползал за ним следом, закапывал дымящиеся иголки. Я даже не заметила, когда тятка подоспела на помощь.

— Может, все не так и плохо, — предположила я. — Глория только-только ожила, она пробует свои силы. Глядишь, освоится, обвыкнется, мы узнаем ее получше и поймем, чего от нее можно ждать.

Яркая вспышка ослепила меня, заставила зажмурить глаза. Глория включила фары и теперь зависла прямо перед нами, как огромная летучая мышь, от мощных взмахов крыльев по воде побежала рябь. Корней благоразумно нырнул, исчезнув с глаз долой. Ерема подбежал к нам, поднял перед собой бесполезное мокрое бревно.

Наверное, я слишком устала и у меня не было сил, но я даже не испугалась. Я могла лишь молча глядеть на творение Юлькиных рук. Глория будто бы стала больше, узор покрывок щетинился, как чешуя. Челюсти дракона разжались, и я втянула голову в плечи. Съест? Поджарит?

— Мыа-мыа, — промычала Глория и приземлилась рядом с нами на желтый песок.

Она опустила продолговатую голову, изогнув шею, подставила шершавый лоб под руку Юльки и прищурилась от удовольствия.

— У нее и веки появились, — прошептала Юлька, почесывая макушку дракона. — Ты ж моя девочка... Больше так не делай! Никаких лесных пожаров! Огонь только по команде.

Глория встрепенулась, приоткрыла пасть, в глубине глотки зарокотало пламя, требующее выхода.

— Фу! — строго приказала Юля и руками захлопнула Глории челюсти. Дракон подавился, из маленьких отверстий по бокам головы потянулись

струйки дыма. — А теперь домой. Полетала, и баиньки.

Юлька забралась на спину Глории, протянула мне руку. Я устроилась позади, металлический шип впился мне в попу, и я зашипела от боли.

— Да, тут мой косяк, признаю, — скорбно кивнула Юлька, ерзая на драконе. — Погналась за внешней красотой, а об удобстве не подумала.

Я попыталась выковырять шип, но он сидел в спине дракона прочно, как зуб. Все части Глории соединились в целый организм, который, фыркнув дымом, поехал вверх по холму, оставляя позади себя глубокие следы протектора елочкой. Глаза-фары освещали нам дорогу, плавный ход дракона слегка усыплял, и я уже предвкушала, как заберусь в свою постельку и вырублюсь так, что даже вой злобного бога мне не помешает, как вдруг Юлькина спина, на которую я опиралась, напряглась, а Глория издала дикий рык и включила пятую передачу.

Меня чуть не выбросило инерцией, я вцепилась Юле в плечи, пытаюсь разобрать, что происходит впереди. Какая-то драка на моем дворе? Я увидела красную спину инкуба, на мускулистом плече зияла рваная рана, он повернулся к нам, сплюнул через недостающие передние зубы и выкрикнул:

— Ведьма! Я освобождаю тебя от обязательств по договору!

И исчез. А Лютый остался. Он вытер со лба пот, перемешанный с кровью, поправил задорный хвостик на макушке, посмотрел в нашу сторону, и лицо его перекосилось.

— Стой, Глория! Фу! — Юлька молотила кулаками по шее дракона, но тот словно забыл обо всем. Фары выхватили крепкую фигуру оборотня из темноты, Глория снова зарычала и выплеснула пламя.

Лютый бросился прочь, на ходу оборачиваясь в волка, но Глория неслась следом, отрезая ему путь к спасительному лесу. Еще один столб огня охватил новенький сарай, заставив Лютого развернуться назад. Он метался по двору, то и дело озаряемому вспышками, а я, воспользовавшись секундной заминкой дракона, спрыгнула на землю и понеслась в дом. Где-то тут должна была остаться... Я открыла рюкзак, высыпала все содержимое прямо на пол. Нашла!

Я выбежала во двор, развернула шуршащий фантик.

— Глория! Шоколад!

Дракон замер, повернул голову ко мне, ноздри слегка раздулись. Я никогда не кормила с рук крокодила, но ощущения, полагаю, были бы такие же. Глория деликатно слизнула слегка подтаявшую конфетку с моей ладони, язык прошелся наждаком по коже. Я покосилась в сторону: шерстяная спина оборотня мчалась к лесу серой стрелой.

Глория заметила мой взгляд, резко развернулась, так что Юлька съехала с ее спины и брякнулась на траву, и лапы-колеса снова закрутились, крылья, багряные при свете луны, расправились. Дракон взмыл, набрал высоту.

— Скорее! — крикнула Юля вслед, поднимаясь и оправляя платье, изодранное шипами.

— Ты это кому, Лютому или Глории? — спросила я.

Еще один столб огня оставил за улепетывающим волком черную выжженную полосу. Он взвизгнул и припустил быстрее.

— Назад! Глория! — кричала Юля, размахивая руками. К нам, наконец, подоспел Ерема. Он молча вышиб дно из жестяного ведра, протянул импровизированный рупор Юльке. — Стой, кому сказала! — рывкнула Юлька на всю округу. — Мама сердится!

Дракон завис в воздухе, клацнул челюстями вслед подпаленному хвосту, исчезнувшему за деревьями, и нехотя полетел к нам.

— Итак, что мы имеем? — Я раскрыла на столе блокнот, прикусила кончик карандаша и решительно поставила пункт номер один: — Глория любит шоколад.

Вчера мы уложили дракона спать на заднем дворе. Я едва уговорила себя принять душ, чтобы смыть запах гари, которым пропиталась насквозь, и рухнула без сил. Волосы, которые я не удосужилась высушить, теперь стояли над головой спутанным комом.

— Пункт два — умеет летать, — подхватила Юлька, разливая по чашкам кофе. Она выглядела на зависть свежо. Как будто это вовсе не она вчера объезжала новорожденного дракона. — Я насчет крыльев волновалась. Не была уверена, что они ее вес выдержат.

— Красивый цвет, — похвалила я, — эффектно смотрится. Как алые паруса. Пункт три — дракон у нас огнедышащий.

— Наверное, угольки из счастливого дома дали такой эффект, — вздохнула Юля, усевшись на стул и подтянув коленку к груди. — Для Ярополка это будет плюсом, так ведь?

— Возможно. И пункт четыре — пока что Глория слушается только тебя. Как она мычит «мама», аж мурашки по коже! Но не уверена, что Яр с ней справится.

— Ярополк — воевода, у него наверняка есть опыт командования трудными новобранцами, — пожала плечами Юля. — Пятый пункт — она недолюбливает Лютого.

— Недолюбливает? — Я чуть карандаш не выронила. — Она чуть не

сожгла его заживо! Она зла на него, как черт!

— Это у нее от меня, — опустила глаза подруга. — Как она его вчера, а?

— Ага, — буркнула я, — чуть не спалила мою ступу. И опять все тыквы потоптали. Я начинаю думать, что завалюсь именно на этом пункте условий бабули. А Лютый хорош, особенно когда голый! Я вчера на мгновение даже поняла, почему ты с ним замутила. Блики от огня Глории так и играли на его мышцах, сложен он прекрасно...

Юлька насупилась, и я решила закругляться:

— Лютый все же не совсем сволочь — явился ублажать инкуба, я и не заметила, что уже месяц пролетел.

— Теперь это условие можно считать выполненным, раз инкуб отказался от притязаний.

— Надеюсь, что так, — согласилась я. — Потому что вряд ли Лютый еще раз явится, после такого горячего приема. Мне кажется, Глория его слегка задела.

— Ничего, у него отличная регенерация, — Юлька и не думала жалеть оборотня. — И что теперь делать с Глорией? Надо бы объездить ее сначала, перед военными действиями. Может, у нее еще есть какие-то черты характера, которые лучше бы выяснить заранее.

— Это да, — отложила я карандаш в сторону. — Если Глория переняла твой ПМС, то она склонна к меланхолии, вспышкам агрессии и перепадам настроения. Что ты испепеляешь меня взглядом?

— Дым из ушей не идет — и ладно, — ухмыльнулась Юлька.

— Она еще спит?

— Роет себе пещеру на пустыре за домом, — как ни в чем не бывало ответила подруга, сделав глоток кофе. — Я думаю, что кое-что она и от тебя переняла — сразу взялась вить гнездышко.

Я вышла во двор, обошла вокруг дома. Вытянутые холмы, поросшие выгоревшей на солнце травой, располагались параллельными полосами, как на стиральной доске. Рельеф напоминал старые шрамы, будто кто-то прочесал землю огромной когтистой лапой. Глория устроилась у ближайшего холма, руки-грабли ловко загребали землю. Она вырыла углубление, в котором уже помещалась половина ее тушки. Ткнулась вперед, застряла крыльями и с приглушенным рыком подалась назад.

— Трудолобивый дракон! — Хриплый голос Еремы раздался из-за плеча.

Мне не хотелось ему отвечать, тоже мне, капитан очевидность. Вчера мне так и не удалось отвоевать свою ступу. Сарай сгорел, и теперь она

стояла у забора, под присмотром всевидящего ока Еремы. И никакие мои увещевания, что она может рассохнуться под солнцем или сгнить от дождя, не подействовали на охранника.

— Но что в его голове, неведомо. Вчера чуть оборотня не спалил, ни с того ни с сего.

Я только хмыкнула. Вводить Ерему в курс сердечных дел Юльки я тем более не собиралась.

— Хотя, может, это и хорошо, ежели оборотни ему не нравятся. Считается, что они произошли от тварей нижнего мира.

— От сумертов, что ли? — Ему удалось меня заинтересовать.

— От них.

Теперь и Ерема замолчал. Оборотни — это полуволки-полулюди. Значит, когда-то какой-то человек и сумеречный волк... Нет, я даже думать об этом не хочу.

— Надо выяснить, на что способна Глория, перед тем как отправлять ее к воеводе, — сказала я. — Испытать дракона.

— Уже испытали на оборотне, да и лес чуть не сожгли.

— Ерема, — вкрадчиво произнесла я. — Ты ведь служил.

— Двадцать лет, — хмуро подтвердил мой охранник.

— Неужели ты готов отправить к своим бывшим сослуживцам кота в мешке?

— Почему кота? — удивился Ерема.

— В смысле, если Глория окажется неуправляемой, непредсказуемой, от нее может быть больше неприятностей, чем пользы.

— Так-то оно так, только Ярополк Всеволодович твердо сказал: со двора — ни ногой.

— Но вчера я тушила пожар за пределами моего двора, — веско заметила я.

— Это были особые обстоятельства.

Жуткие шрамы Еремы будто бы порозовели. Ага! Ему стыдно, что он не выполнил приказ командира!

— Но я не расскажу об этом Ярополку, — ласково пообещала я. — Если ты не станешь препятствовать нам.

— Что ты задумала, ведьма?

— Ничего особенного, — обманчиво равнодушно ответила я. — Прогуляемся с Глорией по Запорам, посмотрим, способна ли она выполнять команды.

— Это может быть опасно!

— Да кто в здравом уме посмеет напасть на меня, пока я еду на

драконе?

— Да не для тебя опасно, ведьма, для запорцев!

— Ничего, — хмуро ответила я, — они мне немного задолжали.

Ерема пошел впереди, мы с Юлькой, верхом на Глории, — следом. Брюс остался на хозяйстве. Он написал мне целое поле иероглифов на свежевскопанной грядке. Я уловила только общую мысль: он расстроен, что наши тыквы снова погибли.

— Мне тоже жаль, — вздохнула я, погладив тятку. — Жизнь — жестокая штука.

Я старательно перерисовала все его иероглифы в блокнотик, потом спрошу на курсах китайского у преподавателя, что все это значит в деталях.

Глория слегка покачивалась на неровностях дороги, но с каретой не сравнить, ход дракона был куда более плавным. Мне удалось устроиться так, что ни один шип не впивался в мягкие места, в кармане лежал шоколадный батончик на всякий случай, и в целом я была преисполнена благодушия. Юлька тоже была в хорошем настроении. Я не надеялась, что она полностью выкинула блохастого оборотня из своего сердца, но, по крайней мере, теперь она не чувствовала себя несчастной. Сложно воспринимать себя ненужной или, как она выразилась, — никчемной, когда у тебя есть огнедышащий дракон.

Те запорцы, которых не испугала физиономия Еремы, скрывались в домах, завидев Глорию. Двери и ставни захлопывались волной, как костяшки домино, когда одна падает и увлекает следующую. Где-то жалостно заблеяла коза и тут же умолкла, словно ей заткнули рот.

Ветер гнал пыль по пустой улице, скрипел флюгер в виде лося на таверне, воробьи вспорхнули из придорожной травы маленьким облачком и унеслись прочь.

— Эксперимент провален, людей нет, — повернулась ко мне Юля. — Хотя...

Громко хлопнула дверь таверны, и на улицу, пошатываясь, вышел заросший бородой по самые глаза мужик. Он пристально посмотрел на Глорию, сплюнул на пыльную землю.

— Последняя стопка лишней была, — пробормотал он себе под нос и двинулся напролом, едва не задев дракона плечом.

Глория вдруг села на попу, обернувшись хвостом, и мы с Юлькой съехали вниз, как по горке. Я в очередной раз почувствовала, что шипы были неудачным дизайнерским решением. Тем временем Глория ласково подцепила лапой-граблей мужика за шкуру, встряхнула, как котенка.

— Глория! Ты что? Пусти! — заволновалась Юля.

Дракон открыл пасть, сверкнув треугольными стальными зубами, и я внутренне похолодела, судорожно полезла в карман за шоколадным батончиком.

— Ррргггааауууиии-и-и!

Рык-воплъ дракона разнесся по Большим Запорам похлеще пожарной сирены. У флюгера-лося отвалился ржавый рог, со звоном скатился с крыши и упал к обветшалому крыльцу. У меня волосы встали дыбом, хотя мне так и не удалось их толком причесать с утра. Юлька едва не осела на землю, но Ерема ее подхватил.

Глория аккуратно опустила мужичка на ноги, брезгливо отцепила коготь и отвернулась. Выпученные глаза мужика не моргали, взъерошенная борода напоминала воронье гнездо. Он тоненько взвизгнул и бросился прочь с внезапной прытью.

— Это что сейчас было? — спросила я.

Глория отвернулась, пряча глаза-фары, ошеломленная Юля пошлепала себя по щекам, приходя в чувство.

— Запиши в свой блокнотик, — сказала она. — Глория обладает сверхоружием — пронзительным воплем на высоких частотах.

— А с чего она так взбеленилась? — осведомилась я. — Мужик, конечно, не особо привлекательный, но, к примеру, на Ерему она так не воет...

— Хотя я куда страшнее, — угрюмо закончил мою не слишком дипломатичную мысль охранник. — По-видимому, она пьяных не любит.

— Да ладно! — не поверила Юля. — Не может такого быть. Я вот очень даже... в смысле и сама могу бокал вина пропустить... два бокала.

— Я пьяниц презираю, — сухо признался Ерема. — Чуть молотят, глаза красные, шатаются, блюют, воняет от них...

— Ясно-ясно, — перебила я, — но при чем тут ты? Дракона-то Юлька делала! Значит, Глория должна была получиться похожей на нее. Это принцип живой воды: творение получает частичку души автора.

— Я помогал малость, — сказал Ерема. — Колеса на оси насадил, крылья закрепил. А я все, за что берусь, с душой делаю, на совесть.

— Прекрасно, — вздохнула я.

— Это не так плохо, — заметил Ерема. — Ярополк строго-настрого запрещает пить на службе. А ежели за этим еще и дракон присматривать будет, то проблема пьянства и вовсе отпадет.

— Может, это все же какое-то недоразумение, — сказала Юлька.

Из таверны вывалился еще один пьяненький мужичок и попал прямо в

теплые объятия Глории. От повторного визга у меня заложило уши, а мужичок сначала рухнул как подкошенный, а потом быстро-быстро убежал на четвереньках за таверну.

— Кодировка от алкоголизма огнедышащим драконом, — сказала я. — Гарантия и результат. Ладно, поехали дальше, пока она всю таверну не сожгла, как обитель порока.

Мы прошли всю главную улицу Запоров. Глория с интересом крутила головой по сторонам, но больше номеров не откалывала. Я немного успокоилась. В конце концов, она этим пьянчужкам головы не откусила. А что напугала, так я тоже испугалась, когда меня на костер волокли. И когда дом спалить пытались, тоже было неприятно малость. Эти двое явно друзья Парнаски, хоть я точно и не помню. Со здешней бородатой модой мне все кажется на одно лицо. Кроме Ярополка, конечно.

Я уже решила, что полечу вместе с Глорией. Одну ее отправлять не стоит, еще заблудится, потеряется, наткнется на Лютого по пути — мало ли что может случиться с молодой драконихой. И это отличный повод увидеться с воеводой, надо же разъяснить технические характеристики нового супероружия, заодно отвезу ему шоколада, пригодится.

В таких раздумьях я шла следом за драконом, отказавшись ехать на колючей спине вместе с Юлей. Хвост, оплетенный резиной, слегка покачивался у меня перед глазами, как маятник гипнотизера. И вдруг ближайшая к нам калитка скрипнула, приоткрылась, и в щель выглянул ребенок — девочка или симпатичный, давно не стриженный мальчик. Глория развернула на него фары, застыла. Я видела, как из избы несется мамаша, протягивая руки к улизнувшему чаду. В глазах ее застыл ужас. Ребенок спокойно посмотрел на дракона снизу вверх, засунул в рот большой палец, который хорошо было бы помыть. И Глория вдруг задрожала, пискнула, как мышка, и помчалась по дороге к дому, едва не сбросив Юльку со спины.

Я вынула из кармана носовой платок, вытерла лицо от поднявшейся пыли, сунула ребенку шоколадный батончик. Мать подхватила дите и, прижав к груди, бросилась назад в дом. А я пошла за Еремой, который терпеливо дожидался меня в двух шагах впереди.

Глория боится детей. Что ж, этого можно было ожидать.

— Она испугалась? — заволновался Ерема. — Это у нее точно не от меня. Я детей люблю. Они меня, правда, не очень, пока не узнают.

— Тут нет твоей вины, — успокоила я его. По-видимому, Юлька реально волновалась по поводу возможной беременности. — Должны же у Глории быть недостатки. Тем более в Сумеречном лесу детей нет, так ведь?

— Нету.

— А сколько туда ходу?

— Дней семь-восемь. Ежели большим отрядом, то может, и поболе. Обозы медленней идут.

— Значит, Ярополк еще только на подходе, — кивнула я. — Отлично. На драконе я долечу дня за два.

— Не долетишь, — отрезал Ерема. — Ярополк Всеволодович ясно сказал: со двора — ни ногой.

— И где я сейчас? Во дворе? К тому же я не собираюсь идти пешком. Так что технически приказ Яра не будет нарушен, ведь шагать я не стану.

— Ведьма...

— Ты хочешь помочь своим сослуживцам? — спросила я, остановившись. — Глория, конечно, не панацея от всех бед, но она способна на многое.

Я стояла напротив Еремы, пожалуй, впервые глядя ему в лицо. Обычно мне стоило большого труда смотреть на него прямо, не отводя взгляда. Страшные шрамы бороздили левую половину лица, словно его пропахали грабли Глории.

— Я не светлый Кристоф, — ответил Ерема, отворачиваясь. По-видимому, мой изучающий взгляд был ему неприятен. — Я не собираюсь всех спасать. Уже отвоевался, теперь вот сижу в охранниках по вечности.

— Так я тоже не Лусия, или кто там еще есть в вашем пантеоне. Но мы можем сделать то, что от нас зависит. А дальше будь что будет.

— Ты не понимаешь, ведьма, в Сумеречном лесу тебе делать нечего. Эти твари нападают внезапно, будто ниоткуда. Оглянуться не успеешь, и станешь смотреть на свое отражение с таким же ужасом, как на мою исполосованную рожу.

Я нахмурилась, непроизвольно топнула ногой. И вдруг меня озарила блестящая идея.

— Ерема, — коварно протянула я. — А что, если бы я тебя исцелила?

Мой циклоп встрепенулся, ошарашенно посмотрел на меня и тут же отвернулся, но я успела заметить надежду, сверкнувшую в его единственном глазу.

— Живая вода творит чудеса. Что ей какой-то глаз, если она оживила дракона из покрышек и навоза!

— Из глины, — сказал Ерема. — Это старый шрам, давно уж зарубцевался.

— Но попробовать-то можно?

— Я правильно понимаю, ты пытаешься подкупить меня, ведьма?

— Типа того, — не стала отпираться я. — Мы отправимся к Ярополку все вместе. Юлька полетит на драконе, а мы с тобой в ступе. Я буду под полным твоим присмотром.

— И живую воду ты мне отжалеешь, когда мы вернемся, — криво усмехнулся Ерема.

— Нет, я дам тебе ее прямо сейчас. Если ты дашь мне слово. Как видишь, я тебе верю.

— Я бы, может, тоже тебе верил, да ты уже обманула меня однажды, выпорхнув в ступе из дома перед самым моим носом.

— Ну так что? По рукам? — Я протянула ладонь Ереме. — Яр будет только рад, вот увидишь.

— Но только без меня ни шагу... — Он мялся в нерешительности.

— Сдашь меня прямо в руки воеводе. — Я уже предвкушала крепкие объятия Ярополка.

Ерема осторожно пожал мне руку. Уголок губ дернулся, будто он пытался улыбнуться.

— Значит, договорились, — обрадовалась я. — Пошли лечить твои раны, мой верный цербер.

— Это еще кто?

— Это из нашей мифологии — строгий охранник. — Я взяла Ерему под локоть, но он осторожно высвободился и отстранился от меня на полшага. Фу-ты ну-ты, какие мы... Брезгует прогуляться с ведьмой под ручку? Неудивительно, что мысль вылечить Ерему пришла мне в голову только сейчас. Впрочем, я вовремя разыграла этот козырь.

Я не стала приглашать Ерему в дом. Раз ему под руку со мной пройти противно, пусть сидит во дворе. Он устроился на ступеньках крыльца, запрокинул голову. Второй глаз у него был очень даже ничего — зеленоватый в рыжую крапинку, с пушистыми ресницами. Я осторожно накренила бутыл с живой водой, прицелилась. Тонкая струйка потекла на обезображенное лицо Еремы.

— Наверное, хватит, — предположила я.

Мой охранник моргнул здоровым глазом и вдруг побледнел.

— Ведьма, что ты натворила, — зашипел он. — Жжет как огнем!

Ерема вскочил, прижал руки к лицу, глухо застонал.

— Что происходит? — Из-за угла дома, откуда доносилось урчание дракона, выглянула Юлька.

— Лечение, — ответила я.

Ерема отнял руки от лица и заголосил еще больше. На ладонях остались ошметки старой кожи.

— А ну-ка, иди сюда! — Юлька схватила его за руки, развернула к себе. — Шрамы сходят, кожа новая растет, чистая, как у младенца. Придется потерпеть, сейчас пройдет. Дай-ка подую...

Она сюсюкала с ним, как с маленьким, и я подумала, что зря она боялась беременности. Из Юльки вышла бы отличная мать.

Ерема глубоко и прерывисто дышал, а потом вдруг вскрикнул и сложился пополам, прижимая руки к лицу:

— Слепит, ой как слепит!

Я бросилась в дом, понеслась на второй этаж. У Еремы растет второй глаз, наверное, пока что очень чувствительный к свету. Я порылась в шкафу и нашла деталь старого карнавального костюма. Выбежав во двор, я протянула пиратскую повязку.

Юлька помогла натянуть ее на голову Ереме, на миг я увидела новый глаз — крошечную зеленую бусинку в центре глазницы — и мне поплохело. Я оперлась о забор, чтобы не упасть.

— Ну что, полегче? — заботливо спросила Юлька, спрятав растущий глаз под повязкой.

— Легче, — прохрипел Ерема. — Жар уже будто бы сошел. Только глаз зудит, будто шмель укусил.

— А ну не трогай! — Юля шлепнула его по руке, потянувшейся к повязке. — Терпи. Какая ты молодец, Вася, что решила вылечить Ерему! — повернулась ко мне подруга.

— Ведьма ничего не делает просто так, да?

Брюс, перепуганный криками Еремы, подполз к его ногам, подпрыгнул и примостился прямо на плече, заглядывая зубчиками ему в лицо. Я невольно усмехнулась: тятка вместо попугая, а так — настоящий пират.

— Ты дал мне слово, не забудь, — ответила я. Он может думать обо мне что угодно. Если считает меня корыстной злобной ведьмой — на здоровье. — Вылетаем в Сумеречный лес завтра утром.

Я проснулась ни свет ни заря, солнечные зайчики плясали на подушке перед моим носом, и в душе расцветало предвкушение счастья: совсем скоро я снова увижу Ярополка! Пусть расстались мы по-дурацки — он сбежал, увидев мою ведьмину суть, но, к счастью, до этого я успела показать ему и свои достоинства. Вряд ли он уже о них позабыл. Иначе не стал бы присылать ко мне охранника и не крутился, как волчок, выискивая меня на площади, когда я легкомысленно попала на его голубые очи.

Глория быстренько спалит мерзких Сумеречных тварей, а тех, кому удастся удрать, оглушит на прощанье фирменным воплем, и воевода

вернется в столицу, откуда рукой подать до Запоров.

Я поворочалась в кровати, но сон при мысли о Ярополке как рукой сняло. По пути в душ я бесцеремонно побарабанила Юльке в дверь.

— Вставай, мать дракона! Зима близко!

— Вася! Ты в себе? Шесть утра!

Я уже собиралась спрятаться от ее праведного гнева в ванной, как вдруг услышала жалобный стон, доносившийся со двора, а следом жуткий скрежет — это звук от зубчиков Брюса! Я выскочила на крыльцо в одной пижаме, тятка радостно подпрыгнула на ступеньках и рванула на задний двор. Тренировки с Еремой не прошли даром, в забеге тятка Брюс бы стал безоговорочным лидером. Поджимая пальцы от холодной росы, я завернула за угол дома и увидела дивную картину: Глория сидела в свежевырытом углублении под холмом, обернув хвост вокруг колес, и прижимала к груди Ерему.

— Ведьма, ты? — прохрипел он, с трудом повернув голову в пиратской повязке. — Всеми светлыми заклинаю, убери от меня эту скотину!

Брюс подполз на выручку другу, но был остановлен тихим, но грозным рыком дракона.

— Не злите ее, — попросил Ерема, — у нее в груди тогда огонь разгорается, очень жарко.

Глория прижала мужика теснее, нежно заворковала, как молоденький трактор на картофельном поле.

— И давно вы так обнимаетесь? — спросила я.

Услышав в ответ лишь сдавленный стон, я подошла ближе.

Творение Юльки не может причинить мне вреда, так ведь? Я очень на это надеялась.

— Глория, отпусти его, — попросила я.

Дракон повернул на меня фары, ровное тарахтение сбилось, из груди вырвался клекот, а потом Глория вполне разборчиво произнесла:

— Кон-фэ-та.

— Сейчас будет, — согласилась я, справившись с изумлением — она расширяет словарный запас! Умница какая! — Ты только отпусти Ерему, пожалуйста. Ему еще нам дорогу показывать. Вот долетим к Ярополку, и обнимайтесь, сколько влезет.

Объятия Глории разжались, и Ерема стёк по глиняному боку и распластался внизу. Я было забеспокоилась, но мой охранник быстро попятился и вскоре скрылся за углом.

— Сейчас принесу конфетку, — пообещала я.

Глория вдруг вытянула шею, подставила мне голову, прикрыв фары резиновыми веками. Я почесала ей затылок, и в груди у нее снова заурчало. Как будто Юлька до отказа начинила ее котятами.

Дома я достала конфету из сумки, набитой шоколадом. Запасной комплект одежды и косметичка уместились в боковом кармашке. Я собралась еще с вечера, и если бы не Юля и Ерема, понеслась в Сумеречный лес уже ночью. Но они настояли на том, что надо выспаться. Утро вечера мудренее, и все такое. А ночи без мужских объятий холодны и одиноки. Вот и Глория подтвердит.

Я отнесла конфету Глории и, увидев по пути Ерему на посту за забором, крикнула:

— Видишь, как живая вода моментально подействовала — сразу и невесту себе нашел!

Ерема зыркнул на меня здоровым глазом, поспешно отвернулся, и я поняла, что моя пижама вряд ли считается в Запорах приличной одеждой.

Я приняла душ, сварила кофе и отсалютовала горячей чашкой Юльке, которая спустилась на кухню и плюхнулась на стул.

— Кажется, у Глории дефицит тактильных ощущений, — сказала я. — Она обнималась с Еремой.

— Он в порядке? — спросила Юлька и, дождавшись моего кивка, добавила: — Это у нее от меня. Мне всегда перед критическими днями хочется обнимашек.

— Надо будет сказать воеводе, чтобы ввел такую должность в своем войске — обниматель дракона. Или каждую ночь нового бойца назначал, как на караул.

— Ты уверена, что Ярополк будет рад тебя видеть? — осторожно спросила Юлька.

— С драконом-то? — улыбнулась я и спряталась за чашкой кофе.

Мне хотелось верить, что он сучает по мне так же, как и я по нему. Но я лишь знала, что мне надо обнять его, прижаться к сильной груди, вдохнуть запах, ставший родным, почувствовать мягкость его губ... Я вытащила из сумки несколько конфет и, вздохнув, развернула первый фантик. Буду действовать по примеру дракона. Я откусила конфету, запила шоколад кофе. Слабая замена, но хоть так.

В дверь постучали, и я впустила домового.

— Доброе утро, девушки! — Он стащил вязаную шапку, осмотрелся. — Запустили вы дом. Может, желаете еще разок уборку заказать?

— Да я только-только прибралась! — возмутилась я. — Вы, Степан

Аркадьич, главное, присмотрите за котиком и жабой. Я вам рассказывала. И если будет дождь, впустите Брюса в дом, чтоб не заржавел.

— Помню-помню, — покивал домовой. — Оплата вперед.

Я положила в крохотную ручку несколько серебряных монет, и они быстро исчезли в кармашке брюк.

— Вы уж не задерживайтесь. — Степан Аркадьич взобрался в кресло, вынул из того же кармашка вязанье.

И как только там поместились спицы и клубок, размером с хорошую тыкву? Кстати... Я вынула из рюкзака бумажный кулек и, выйдя во двор, быстренько воткнула семена в уже готовые лунки. Брюс ползал следом, закапывая белые семечки, рыхлил землю. Я полила грядку водой, отстоявшейся в ведре и уже нагретой утренним солнышком.

— Надеюсь, третья попытка окажется удачнее, — сказала я, и Брюс пошевелил зубчиками, соглашаясь.

Вчера я сходила на очередной урок китайского и после занятия подошла с иероглифами Брюса к учителю. Он сначала долго смотрел в мой блокнот, потом на меня... В общем, Брюс подробно описал кары, которые падут на тех, кто посмеет уничтожить наши тыквы еще раз. Учитель смог выдать лишь что-то про отрубленные пальцы и выдранные зубы. Остальное переводить отказался. Похоже, мне достался кровожадный китаец. После учитель очень быстро со мной попрощался, и когда я вышла на ту же автобусную остановку, припустил пешком вдаль по улице. Погода сейчас стоит замечательная в обоих мирах, так что прогулки на пользу.

Я забросила сумку с конфетами и моими скромными пожитками на плечо, перекинула косу на другую сторону. Я долго думала, надевать ли мне длинную юбку, чтобы умаслить воеводу, но потом решила, что в пути джинсы точно удобнее. Мало ли, вдруг ступа рассохлась из-за неправильного хранения? А летать верхом на драконе в юбке — это очень неудобно. Надеюсь, хоть коса придется воеводе по нраву.

Я погрузила вещи в ступу, туда же Ерема положил свой мешок, в два раза больше моей сумки. Юлька обвела Глорию вокруг огорода, чтобы не повредить семена, устроилась на ее спине. Мы договорились, что она полетит следом, а мы с Еремой будем показывать дорогу. Вчера я изучила карту страны на развороте книги по истории. Сумеречный лес занимал всю западную границу и тянулся до самого моря. На карте его обозначили лаконичными серыми штрихами, лишь возле названия красноглазая морда волка скалила неестественно длинные клыки.

— Ну что, поехали?

Ступа сорвалась с места после команды «аер взяти», Ерема вцепился

в бортики, кровь отхлынула от чистой, как у девушки, кожи.

— Не бойся, Ерема, домчу в целости и сохранности! — пообещала я. Рядом взмыла Глория с Юлькой на спине, и нас чуть не опрокинуло воздушным потоком от ее алых крыльев.

— Рули на запад, ведьма, — усмехнулся Ерема.

Глория заложила вокруг нас вираж и устроилась сзади. Ступа, то ли почувствовав мое нетерпение, то ли от опасной близости огнедышащего дракона, ускорила и помчалась вперед, разрывая облака. Сказочный мир раскинулся под нами. Вдали виднелись разномастные башни царского дворца, деревеньки казались горстками фишек, разбросанных по зеленому сукну полей. Река выписывала крутую петлю, распадаясь на два русла и вскоре соединяясь вновь. Остров, вытянутый, как рыбка, смотрел на нас снизу белесым глазом-валуном. Ступа дернулась в сторону, уклоняясь от утиной стаи, и я сосредоточилась на управлении.

Мы устроили привал, когда солнце достигло зенита и нещадно палило над сказочным миром. Я припарковала ступу на холме, укутанном шелковистой травкой, у подножия которого звенел ручей. Глория ездила по каменистому руслу, пугая лягушек, поднимая волны, как пароход. Дым, который она выпускала ушами, еще более усиливал сходство.

— Расскажи, как ты докатился до такой жизни, — попросила я Ерему, жуя бутерброд.

— Ты о чем? — не понял он. Лицо, излеченное живой водой, стало даже привлекательным. Немного портил общий вид нос картошкой, но тут магия оказалась бессильной.

— Чего к Глории приставал? Совсем тоска заела?

Ерема отвернулся, не желая отвечать на мои подколки, а Юлька посмотрела на меня с укоризной. И я вдруг подумала, что жизнь моего охранника и в самом деле не сахар. Сидит у забора, как пес, никто его не навещает, лучший друг — тятка.

— Ерема, у тебя семья есть? — спросила я.

— Не твое дело, ведьма, — буркнул он в ответ. Ну вот как с таким общаться? После паузы Ерема все же решил ответить. А может, пожалел о своей грубости. — Родители есть, живут неподалеку от Запоров, в Подкриничье, а жены-детей нет. Не было желающих пообниматься со страшилищем, кроме дракона, так что тут ты права, ведьма.

— Но теперь-то ты парень хоть куда, — возразила я. — Только бороду сбрей. А то она на новой коже растет кустиками. Смотрится кривобоко.

Ерема вскинулся, огладил бороду и отошел от меня к ручью.

— Какая-то нездоровая фиксация на бородах в этом мире, —

пожаловалась я Юльке.

— Мужчины вообще плохо переносят критику, — согласилась подруга. — Я тут недавно в институте столкнулась с аспирантом, который мне нравился. Попыталась обсудить с ним применение различных материалов при создании скульптуры. Он, наверное, сначала решил, что я с ним кокетничаю, напустил на себя важный вид, взял меня под руку, а когда я начала отстаивать свое мнение, весь красными пятнами пошел, разорался, убежал и дверью бухнул.

— Слабак, — резюмировала я. — Нам такие не нужны.

— Я теперь и не знаю, какой мужчина мне нужен, — призналась подруга. Она сорвала цветок клевера, покрутила его в пальцах. — Лютый мне все настройки сбил.

— Ничего, Глория за тебя отомстила. Он теперь тоже десять раз подумает, прежде чем к девушке приставать.

— Мне нужен мужчина сильный, но при этом внимательный и заботливый, нежный, но твердый. Не люблю, когда слишком уж стелются. А еще умный, добрый, с юмором... И обязательно верный! В общем, вряд ли такие бывают.

— «Красивый» забыла, — подсказала я.

— Точно. Только зачем такому идеалу я?

— Помимо всех твоих достоинств, у тебя есть дракон. Это же отличное приданое! Ты теперь можешь кроить историю сказочного царства на свой лад. Вот увидишь, тебя еще примут в местный пантеон, в компанию к Анне-Лусии-Вире-Кристофу.

— Ага. Вот только мудрость, справедливость, сила и любовь уже заняты.

— Там все сложнее. — Я потянулась на мягкой травке. — Анна и Лусия — это архетипы дочери и матери. Одна олицетворяет красоту, любовь, бурлящую энергию юности, другая — зрелую мудрость, спокойствие, в книжке особо подчеркивается умение отдавать и жертвовать собой. А вот Вира для меня остается загадкой. Если бы не картинки в соборе, где она чуть не подметает рыжими кудрями пол, я бы вообще засомневалась, женщина ли она. Богиня справедливости, лишенная чувств и переживаний, воплощение порядка и закона. С Кристофом все понятно. Он как раз твой идеал. Разве что излишне агрессивен. Только и делал, что сражался с исчадиями нижнего мира.

Юлька улеглась рядом на травке, прикусила стебелек клевера.

— Раз уж дракон был твоей идеей, давай обе будем богинями. Только что же мы будем олицетворять?

— Красота занята, — заметила я.

— Да уж, богиней скромности тебе тоже не бывать. — Юлька посмотрела на Глорию, плещущуюся в речке. — Наверное, тягу к воде она от Кореня взяла. Глория, давай на бережок, пока животик не размок!

— Богини войны? Или, наоборот, — мира во всем мире? Храбрости и отваги? — накидывала я варианты. — Это все Кристоф себе подгрреб... О! Покровительницы искусств!

— А это вариант, — оживилась Юля.

— Или, скорее, богини нелепых ситуаций...

— Вы поели? — подал голос Ерема. — Давайте двигаться дальше. Если будем лететь с такой прытью, то к ночи можем быть в Сумеречном лесу.

Издали Сумеречный лес напоминал полоску пыли за диваном, который давно не отодвигали. Мы приближались, и смутные очертания леса постепенно становились более четкими. Я никак не могла понять, что там за деревья, они будто перемещались с места на место, блуждая, как потерянные тени. Я прищурилась, свесилась со ступы, пытаюсь разглядеть, что происходит внизу. Крохотные живые искорки мельтешили вдали, как светлячки. Непонятный рокот шумел, как прибой.

И тут Глория включила фары. Два прожектора рассекли мрак, и я, ахнув, едва не вывалилась из ступы. Внизу шло сражение. Люди выстроились кольцом вокруг обозов на поляне, гладкой, как тонзура монаха. Сизые деревья с белесой листвой плотной сединой обступили плешь и стреляли тонкими щупальцами, пытаюсь пробить оборону.

— Сумеречные змеи, — выдавил вмиг осипший Ерема.

— Они умеют летать? — спросила я.

— Нет. Из тварей, которые произошли из нижнего мира, только вампиры умеют летать. Да ведьмы, на ступах.

— Я сейчас тебя за «тварь» из ступы-то выкину! — пригрозила я. — Юлька! Жги!

Я поднялась на ступе повыше, чтобы не попасть под огонь. Дракон на расправленных крыльях спланировал вниз, заложил круг над поляной. Я слышала испуганные крики, люди хаотично заметались, перестраиваясь. Огоньки факелов бегали по поляне. По ступе вдруг чиркнула стрела, и я отпрянула.

— Свои! Яр! — крикнула я, но мой голос утонул в шуме сражения. Хоть бы по Юльке не попали, бестолочи! К ним помощь явилась, а они отстреливаются.

Глория открыла зубастую пасть, и струя пламени четко дала понять, на

чьей мы стороне. Сумеречный лес не горел. Серые листья сразу осыпались пеплом, оставляя черные стволы деревьев голыми. Змеи не собирались сдаваться без боя. Они сворачивались в клубки, выстреливали вверх пружинами и падали на землю, словно ленты серпантина.

— Юлька, держись выше! — крикнула я.

Подруга прижалась к шее дракона, выкрикивая команды. У них не было времени потренироваться, но, похоже, Глория с полуслова понимала свою маму. Она взмахнула крыльями, набирая высоту. Одна змея взвилась, вцепилась загнутыми клыками в колесо дракона.

— Полный вперед! — скомандовала Юля. Колесо закрутилось, набирая обороты, змею завертело, как носок в стиральной машине. — Тормоз!

Змею вынесло по инерции, и она улетела в неведомые дали, оставив на память в шине выдранные клыки.

Несколько взмахов крыльев, и Глория поднялась над верхушками деревьев на недостижимую высоту. Люди наконец поняли, что мы на их стороне. Я увидела Ярополка, он жестами командовал отступать ближе к центру, держаться подальше от леса.

Я чуть снизилась и эффектно пролетела над воеводой. Приказав ступе зависнуть, послала ему воздушный поцелуй. Кажется, это выражение лица не очень похоже на радость. Скорее, офигевание крайней степени. Какой-то колобок бухнулся о ступу и отскочил.

— Мержики! — выкрикнул Ерема, схватил меня за косу и потянул вниз, заставив присесть. Я почувствовала несколько глухих ударов о дно, услышала истошный писк и подняла голову. Серый мячик с пастью пираньи издыхал, насаженный на кинжал Еремы, как на шампур.

Юлька, заметив неладное, направила к нам Глорию.

— Туда! — Ерема указал направление, и столб пламени выжег в лесу широкую полосу. Мержики подпрыгивали и лопались в огне, как печеные яблоки в духовке.

Юлька приложила руку козырьком к виску, отдав честь, и прижала пятками резиновые бока дракона. Я заметила несколько стрел, торчащих в шершавой спине Глории. Надеюсь, они не причинили ей вреда.

Осмелев, я поднялась, выглянула за край ступы. Деревья равномерно колыхались, волны бежали по верхушкам. Я пригляделась. Одна волна была будто бы больше других. Девятый вал? Насторожившись, я направила ступу к дракону.

— Ну-ка, посвети вон туда!

Два прожектора высветили между деревьями шерстяные спины,

отливающие серебром, красные глаза вспыхнули рубинами. Стая сумеречных волков неслась на людей плотным строем, слаженно, бесшумно, как армия призраков, но перед ними выросла стена огня.

Похоже, ненависть к Лютому Глория перенесла и на остальных волков. Она сражалась с сумертами так, будто в этом было что-то личное. Напрасно Юлька выкрикивала команды и колотила дракона по шее. Глория ястребом упала вниз и взмыла, сжимая граблями шею невезучему волку. Швырнув его в небо, прямо к месяцу, повисшему в небе тонкой улыбкой, Глория ринулась за новой жертвой.

Сумерты метались по тлеющему лесу, от дикого воя болели уши. Пламя Глории отразилось на драгоценном мече Ярополка. Воевода был дивно хорош, словно сам светлый Кристоф реял ангелом смерти среди сумеречных тварей. По взмаху его руки стая стрел полетела в лес, жаля гигантских волков.

Глория снова пошла на снижение, расправив крылья как истребитель, до меня донесся дикий смех Юльки. Полоса огня расчертила лес ровно, как по линейке. Глория испустила фирменный боевой вопль, и волки заметались в панике.

Воины внизу добивали сумертов, я видела блеск мечей, слышала звон металла. Сердце безошибочно находило Яра в толпе. Глория со свистом пролетела мимо меня, так что прядки волос у лица взметнулись от порыва ветра.

— Это так круто, Вася! — проорала Юля. — Так круто!

Свет от фар Глории носился двумя кругами по поляне, освещая поле боя. Ерема открыл свой мешок, достал оттуда увесистый булыжник и, подкинув его в руке, метко запустил в хребет драпающему волку.

— Что это? — удивилась я, заглянула в мешок. — Ты вез с собой камни? Зачем?

— Надеюсь, что ступа не взлетит, — не стал отпираться Ерема, взяв второй.

— Это нечестно! — возмутилась я, выбирая себе камень. — Эх, промазала...

— Вон в того целься, — посоветовал Ерема, показывая на сумерта с черной подпалиной на боку. — Он ранен, быстро не увернется.

Я подлетела ниже, швырнула камень, и тот чиркнул по темной шкуре.

— Есть! — обрадовалась я. — Но ты с темы не соскакивай. Ты действуешь нечестными методами.

— Василиса, я тебе по возрасту в отцы гожусь. И если бы у меня, не приведи светлые, уродилась такая дочь, я бы уложил ее поперек лавки и

всыпал ремня так, что сидеть бы не смогла. Это было бы честно и просто, и, верно, возымело бы плоды. Но ты ведьма, под защитой воеводы, и действовать простыми честными путями я не могу. Да и не вышла идея с камнями. — Тут еще один булыжник треснул сумерта меж ушей.

Я не могла прийти в себя. Мало того что Ерема сказал больше двух слов зараз, так он еще и назвал меня по имени! Пожалуй, я даже не буду ставить ему в вину, что он меня за косу таскал. Тем более это было оправданно.

— А ты меткий для одноглазого, — заметила я.

— Растет уже второй глаз. — Ерема пожевал нижнюю губу и, отвернувшись, буркнул: — Спасибо.

Наши побеждали. Некоторые воины уже опустили оружие и пилились в небо, наблюдая за полетом Глории. Багряные крылья на мгновение заслонили луну, свет фар скользнул по поляне, отразившись от меча Ярополка. Я направила ступу вниз и приземлилась около воеводы. Хорошо, что у меня нет прав — парковка мне тяжело дается. Я задела дном ступы телегу, едва ее не опрокинула, и Ерема чуть не вывалился наружу.

— Василиса! — Ярополк развернулся на шум, светлые волосы, перехваченные синей лентой через лоб, потемнели от пота. — А ну, командуй «аер вверх», или как там!

Он с такой силой схватил меня за плечо, вталкивая назад в ступу, что я вскрикнула от боли.

— И только попробуй приземлиться до рассвета! Я не знаю, что с тобой сделаю!

— Ремня бы ей всыпать, — громким шепотом посоветовал Ерема.

Я растерялась, улыбка сползла с лица. Мощный поток воздуха толкнул меня в спину, и рядом опустилась Глория. Люди шарахнулись в стороны от драконьего оскала, а ведь это была улыбка. Юлька приветственно помахала воинам ручкой.

— Вверх, кому сказал! — крикнул Яр. — Обе!

Я почувствовала, как губы задрожали от обиды. Глаза Ярополка блестели холодной сталью, по мечу стекали густые черные капли. Он вел себя как чужой! Я отвела глаза, чтобы не выдать намернувшихся слез, и вмиг забыла об обиде. С высоты битва казалась какой-то мультяшной, а внизу все было по-настоящему: изрытая когтями и умытая кровью земля, мрак, окружающий поляну, из которого в любой момент может выпрыгнуть очередное чудовище, раненые, стоны, смерть... У колес фургона подвывал от боли мужчина, правая рука которого превратилась в обгоревшую культю.

Яр тряхнул меня за плечо, я перевела взгляд на него.

— Здесь опасно, Василиса! — чуть мягче сказал он. — Хоть раз послушайся меня. Сумеречные твари боятся света, нападают всегда по ночам. Приземлишься, когда взойдет солнце. — Он подтолкнул меня к ступе.

— Юля, — повернулась я к подруге. В свете луны та выглядела мертвенно бледной, глаза ее расширились, заблестели, она тоже увидела обожженного воина.

— Это все из-за меня, — прошептала она. — Это я...

— Ты лети, покружи над поляной с включенными фарами, раз эти твари свет не переносят.

— А ты? — Она не могла отвести взгляд от жуткого ожога.

— Яр, организуй какую-нибудь палатку, куда бы доставляли раненых.

Воевода с недоумением нахмурил брови.

— Я взяла с собой живую воду. На войну ведь летела.

Когда небо наконец порозовело, я бросила бутылку на землю и села, опершись спиной о ступу. Я умирала от усталости; физически могла бы еще пойти и отсидеть три пары — сказывался бурный опыт студенческой жизни, но морально я была опустошена, как нерукотворная бутылка водяного. Слишком много крови, грязи, боли. Боюсь, я никогда не смогу забыть то, что увидела сегодня. Если бы не живая вода, десятки воинов, которые сражались сегодня на поляне, были бы мертвы или искалечены навсегда. Передо мной появились сапоги, запорошенные пеплом.

— Ругаться пришел? — спросила я.

— Нет. — Яр сел рядом, и я прислонилась к его боку, уколовшему меня кольчугой. — Я немного остыл, поразмыслил... Ты молодец. Но никогда больше так не делай.

— Не буду. — Я потерлась щекой о его плечо, прикрыла глаза.

— Что это за чудовище?

— Ты что, не узнал моего охранника? Сам же ко мне его приставил! — Ерема услышал мою фразу и, насупившись, отошел.

— Нет, я о крылатом.

— Глория. Она хорошая. На лицо ужасная, добрая внутри. Не то что я.

Яр вздохнул:

— Прости меня. Я знал, что ты ведьма, а убежал, как мальчишка...

— А я не знала. Не верила. Но я не колдую, ничего такого. Темная сторона под контролем.

— Василиса... — Я почувствовала теплое прикосновение губ ко лбу. Не о таком поцелуе я мечтала, но лиха беда начало. — Я не могу забыть о тебе, ты мерещишься мне в толпе, — ага, это он о случайной встрече на

площади, — я вижу тебя во снах...

— Снова мои глаза? — Я посмотрела на него, провела пальцами по щеке, перепачканной землей.

— Ну да, — он усмехнулся, — а еще эти твои нарисованные цветочки над ягодицами.

На поляну со свистом приземлилась Глория, прокатилась вперед, как самолет на посадке. Юлька прыгнула с дракона, подошла к нам.

— Я тут подумала — заберу Глорию с собой, ей нечего здесь делать, она слишком опасна для окружающих.

— Не вини себя, Юлия, — ответил Яр. — Это война. Да, пару человек задело драконьим пламенем, но сколько ты спасла?

— Много убитых? — Голос ее сорвался.

— Ни одного, наша ведьма исцелила всех, словно светлая Лусия. — Воевода улыбнулся широко, как мальчишка, и Юлька едва не разревелась от облегчения. — Скажи, дракон признает только тебя? Он вообще обучаем?

— Глория! — Юлька постаралась придать голосу строгость. — Это Ярополк, ты должна его слушаться во всем.

Глория пригнула голову, повернула фары на воеводу, приняхалась.

— Надеюсь, ты не пил, — прошептала я.

— Он тут самый главный командир, — Юлька продолжала воспитание дракона.

— Паа-паа? — От голоса Глории Яра все же проняло, вон как вздрогнул.

А я с облегчением подумала: какое же счастье, что я никак не причастна к созданию Глории! Если бы она переняла мою одержимость воеводой, мало бы никому не показалось. Я сунула в руку Ярополку конфету и кивнула на дракона. Воевода развернул шелестящий фантик, протянул конфету Глории, та слизнула шоколад с ладони и заурчала.

— Она прекрасна! — Ярополк поднялся, отчего мне в бок сразу потянуло холодом.

— Красавица, — довольно подтвердила Юля.

— Нет, так-то она редкое страшилище, — поправился Яр, не заметив, как при этом вытянулось Юлькино лицо, и погладил шершавую шею, подставленную драконом. — Но как оружие — само совершенство. Огонь и свет... — Он вырвал стрелы из бока Глории, и полосы шины сами затянулись. — Неуязвимость... — погладил сложенные крылья. — Внезапность... Юлия, это ты ее сделала? Что я должен знать о ней, кроме того, что она любит конфеты?

— Кон-фэ-та, — проревела Глория, и я развернула еще одну. Она ее заслужила.

— Да мы и сами еще толком не разобрались, — смутилась Юля.

— Создание, оживленное живой водой, берет частичку души своего творца, — задумался Ярополк. — Даже не подозревал, что ты такая агрессивная, Юлия.

— Понимаешь, у меня был сложный период. В личной жизни не очень все складывалось, и вообще...

— У Глории перманентный ПМС, — объяснила я. — Знаешь, такие дни у женщин, когда хочется рвать и метать, и настроение постоянно меняется.

Ярополк окаменел.

— Все не так плохо, — поспешила добавить я. — Дашь ей конфетку, немножко обнимашек — и все в порядке. Еще Глория боится детей, пищит как мышь и убегает. Терпеть не может пьяных и волков. Любит в водичке поплескаться, но ты ей особо не разрешай, у нее живот из глины, может быть опасно.

Воевода задумался, прикидывая что-то в уме.

— Ты одна ее делала, Юлия?

— Нет, мне Ерема помогал, — призналась она. — А еще водяной, домовый. Я тут подумала — я же использовала готовые элементы вроде проволоки, шипов, в них тоже могла остаться частичка души создателя. В основном-то брала заводские детали, но кто знает... Может, Глория преподнесет еще парочку сюрпризов.

— У тебя еще осталась живая вода? — напряженно спросил Яр, повернувшись ко мне.

— Ни капли.

— Отлично, — облегченно вздохнул он. — Вы хоть представляете, как вы рисковали? У вас могло получиться незнамо что!

Он обернулся на дракона, который катился по краю поляны. Вдруг Глория притормозила, подтянула к себе граблей какого-то мужика и выдала фирменный вопль прямо тому в бородатую морду. С ближайших деревьев осыпались листочки, где-то вдали дико взвыл недобитый сумерт.

— Он выпил! — вскочила я. — Сам виноват.

— Светлые боги, — пробормотал Яр. — Воины! — гаркнул он, запрыгнув на бочку. — Поздравляю вас с великой победой! Мы дали отпор сумеречным тварям, и никто в этой битве не погиб. Ни единый человек! Мы должны благодарить за помощь ведьму Василису, ее подругу Юлию и огнедышащего дракона.

Со всех сторон донеслось дружное «ура». Я встала, отряхнулась. Не каждый день меня благодарят в этом мире, чаще на костер волокут.

— Дракон поступает на воинскую службу, он будет освещать нам путь в Сумеречном лесу и жечь огнем чудовищ нижнего мира!

Второе «ура» прогремело еще веселей.

— Однако у него есть некоторые особенности...

— У нее, — прошептала Юля, — это девочка.

— Дракон остро реагирует на алкоголь.

Радостные выкрики сменились неуверенным роптанием.

— Запрет на пьянство и так действует, но если раньше наказанием было шесть плетей, то теперь за этим будет следить Глория. Так зовут дракона.

Глория, услышав свое имя, остановилась и улыбнулась.

На поляне воцарилась мертвая тишина.

— Вроде все понятно объяснил, — проговорил Ярополк, спрыгнув с бочки.

— Про обнимашки я серьезно, — сказала я. — Если ей не предоставить достаточно ласки, она возьмет ее сама, можешь у Еремы спросить.

— Ерема! — кликнул охранника Ярополк, однако задал совсем другой вопрос: — А теперь объясни, что вы тут делаете? Я сказал — ни шагу со двора! Чтобы следил, как за зеницей ока! Я предупреждал, они коварны...

— Что-о? — в один голос переспросили мы с Юлей.

— Воевода, — Ерема понуро склонил голову, — моя вина. Пытался остановить... Не гожусь я для такой работы. Другого кого поставь. Меня ведьма исцелила, я могу сражаться.

Ярополк долго сверлил его взглядом, потом кивнул, что-то решая:

— Еще раз не сумеешь выполнить прямой приказ, разжалую со службы.

— Не губи! — встрепнулся Ерема.

— Все. Летишь назад с ними вместе, и до моего возвращения чтоб без сюрпризов.

— А ты? — Я взяла Ярополка за руку, и он сжал мои пальцы.

— Это только начало, Василиса. Что-то неладное происходит. Сумеречные твари мерзкие и злобные создания, но у них была одна слабость — они никогда не сражались вместе. Где это видано, чтобы мержики выпрыгивали вперед сумертов? А змеи и вовсе не подползали к краю леса. Они водятся в болотах, куда люди предпочитают не соваться. Но сегодня такое чувство, что их кто-то вел. Они выступили единой армией.

Если бы не ты, Василиса...

— Это все Юлька.

— Это была твоя идея! — Подруга не захотела единоличной славы. А может, ответственность за дракона была слишком тяжела для нее одной. — Яр, береги Глорию. Она еще совсем несмышленная.

Юлька отошла попрощаться с драконом. А я протянула сумку с конфетами Ярополку.

— Яр...

— Мы поговорим, когда я вернусь, Василиса, — перебил он меня. — Сейчас не время. И я все еще сержусь, что ты не выполнила мой приказ.

— Отчего это я должна выполнять твои приказы? — вскинулась я. — Я свободная женщина...

Он прервал мою пламенную речь поцелуем. И это был именно такой поцелуй, о котором я мечтала.

Первое время после возвращения из Сумеречного леса мы с Юлькой ходили притихшие, будто мешком пришибленные. Я исполняла наказ воеводы и не совалась дальше забора, за которым, как верный пес, сидел Ерема, все еще не снявший пиратскую повязку. Он теперь не отлучался ни на минуту, и даже поесть ему приносили из таверны прямо на пост. Юлька получила диплом и уехала к родителям на пару недель. Я же посадила у крылечка куст мяты и несколько подсолнухов — для красоты, и теперь, пользуясь отсутствием Глории, цедила мохито, сидя на ступеньках. Над Большими Запорами раскинулось закатное небо, алое, как срез арбуза. Легкий ветерок теребил отросшие ниже лопаток кудри, окутывал густыми запахами июля.

Я отпила еще глоток, покатав по небу мятную свежесть, погладила по розовой ручке подползшего Брюса. Тыквы наконец-то завязались. Я пересчитала — пятьдесят одна штука, с запасом. Большой вопрос, успеют ли они вызреть, но в условиях бабули ничего не сказано о том, какого размера и цвета они должны быть. И помимо тыкв хватает забот: наколдовать тридцать золотых, поучаствовать в шабаше и провести в наш мир еще одну сущность, не человека и не зверя. Двое — оборотень и воевода-берсерк — уже сходили. От Ярополка не было никаких вестей, но девочка из таверны, которая носит Ереме еду, рассказала, что в поставки провизии войску включили мешок какао. Значит, Глория все еще на службе. Интересно, кто готовит для нее шоколад, не Парнас ли?

Ерема вдруг привстал, могучие плечи напряглись.

— Там оборотень, — сказал он. — Пуцать?

Я помедлила с ответом, покрутила в руках бокал и кивнула. Потом сообразила, что на затылке у Еремы глаз пока не вырос, и сказала вслух:

— Пущай.

Лютый вошел в калитку бочком, замер в нерешительности. Коротковатые штаны оголяли волосатые икры, вышитая рубашка туго обтянула крепкий торс и трещала по швам. С кого он содрал эту одежду? С мальчика пастушка?

— Добрый вечер, — поздоровался он и, помявшись, поклонился.

Я чуть не поперхнулась мохито. Будто на приеме у английской королевы.

— Привет, — сказала я. — Чего приперся?

— Так это... инкуба удовлетворять. Месяц истек.

— Уже? — удивилась я. — Он вроде бы отказался от притязаний. Наверное, ты хорошо постарался в прошлый раз, удовлетворитель наш.

— А вдруг все же явится? — Лютый, осмелев, подошел, присел рядом на ступеньки.

— Ну, давай подождем, — согласилась я. — Мало ли.

Ерема кинул на нас хмурый взгляд и отвернулся. Багрянец неба потемнел, над черными еловыми верхушками повисли первые звезды. Кузнечики застрекотали под отцветшей сиренью, заводя скрипучие рулады.

— Как твой хвост? — спросила я. — Тебя вроде зацепило драконьим пламенем.

Лютый помрачнел, поерзал на ступеньках.

— Все зажило, — скупое ответил он. — Огонь — это полбеда. А вот твое проклятие...

— Какое еще проклятие? — удивилась я. — Я же не успела наколдовать! Юлька на меня набросилась, сбила с мысли.

— Ну-ну... — Кажется, волк мне не поверил. — Отчего тогда я не могу ее забыть?

— Совсем дурак, что ли? — почти ласково спросила я. — Потому что она офигенная, вот почему.

Лютый взъерошил волосы — розовая резинка куда-то пропала, темные брови сошлись на переносице.

— А где она?

— Не твое дело.

— Наверное, ей тоже без меня плохо, — вздохнул Лютый. — Вон как она разозлилась, целого дракона на меня напустила. Меня так раньше никто не любил.

Я удивленно посмотрела на Лютого. Нет, не шутит, морда серьезная,

сосредоточенно-грустная.

— Знаешь, тебе тут лучше не показываться. Я не могу ручаться за чувства Юльки, но дракон тебя точно сожрет и не поморщится.

— Я неделю по округе рыскал, — признался Лютый, — перед тем как к тебе идти. Не хотелось снова зад подпалить. Уж разузнал, что дракона в лес отправили. Говорят, жжет сумертов охапками.

— Так для того дракона и создали. А твоя хвостатая задница просто подвернулась не в то время и не в том месте.

Лютый посопел, выдвинув нижнюю челюсть, искоса глянул на меня янтарным глазом.

— Позови ее, ведьма, — хрипло попросил он, — поговорить хочу, увидеть.

— Я тоже соскучилась, — вздохнула я. — Нет ее, уехала к родителям. А если б и была она тут, вам больше не по пути. Она решила за ум взяться, — вспомнила я обет Юльки, — никакого добрачного секса.

Лютый нахмурился еще сильнее, а потом вдруг просветлел.

— Значит, она после меня ни с кем... — Он развязно улыбнулся, сверкнув клыками, расправил плечи. — После оборотня обычные мужики уже не по вкусу.

— Ой, все! — Я встала и пошла в дом. — Инкуба нет и, похоже, не будет. Давай проваливай, горе-любовник. И больше тут не появляйся. Тебе повезло, что я сегодня пьяная, то есть добрая. Еще один твой косяк — прокляну так, что хвост отвалится или что другое.

Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной. За эти несколько недель я сделала в доме перестановку, расставила по подоконникам цветы, укрыла ржавую дверь новым зеленым ковриком со спиральными узорами, как на пузике Глории. Из фэншуя я запомнила два главных принципа: если есть что-то некрасивое — его надо спрятать, а если чего-то не видно, то его нет. Темный бог оказался ценителем правильного фэншуя и больше меня не беспокоил. Да и, в конце концов, человек ко всему может привыкнуть, даже к двери в ад.

В доме витал едва уловимый аромат корицы — от нечего делать я сварила партию мыла прямо в ведьмином котле. То ли дело в еловых дровах, которыми я растопила камин, то ли в магии места, но мыло получилось отменное. Я опробовала его на себе и теперь жалела лишь о том, что воевода слишком далеко, чтобы оценить шелковистость и нежность моей кожи. Правда, Грех от запахов расчихался и сбежал в наш мир, видимо, ароматы выхлопных газов ему больше по вкусу.

Дом открыл мне свои секреты, я выучила голос каждой половицы,

исследовала все закутки. Но сейчас вдруг поняла, что дом без любимых людей мало что значит для меня. Я чувствовала себя типичной одинокой теткой с котом, который еще и шляется неизвестно где и приходит только пожрать. В углу заквакал Амфибрахий, и я бросила на него благодарный взгляд.

— Один ты меня не бросил, — расчувствовалась я. — Хотя если бы мог, сбежал бы из террариума, роняя на ходу монеты, как золотая антилопа.

Дверь в наш мир с грохотом распахнулась, и в дом ввалилась Юлька, обвешанная сумками, как верблюд.

— Сюрприз! — крикнула она, роняя свои торбы.

Я поморгала, не веря своему счастью, а потом кинулась к подружке.

— Чего не позвонила, я бы встретила! — стиснула ее в объятиях, чувствуя себя словно Ерема, вернувший потерянный глаз.

— Да меня сосед подвез прямо к дому, видела бы ты, как я его спраживала. Тебе моя мама передает привет и варенье абрикосовое, твое любимое.

— Спасибо! — Я сжала ее еще сильнее.

— Эй, ты чего? — удивилась Юля. Принюхалась... — Пьешь тут без меня? — прозорливо догадалась она. — Завтра пойду на кафедру, буду оформляться в аспирантуру. А еще, знаешь, новый кинотеатр открылся, прямо под боком, пять минут ходу, там сейчас комедию крутят...

Я слушала ее болтовню, смотрела, как она распаковывает вещи, ставит веселые оранжевые баночки с вареньем на стол, и понимала, что сейчас чувствую себя по-настоящему дома.

— Лютый приходил, — вспомнила я. — С тобой поговорить хотел.

— Пусть катится колбаской, — отмахнулась Юлька. — Слушай, какая жалость, что мы не лесбиянки. Это было бы идеально.

— Если ты отратишь бороду... — задумалась я.

— Ага, и еще кое-что, — усмехнулась подруга. — Нет, с воеводой я конкурировать не могу. Эти его голубые глаза, глядящие прямо в сердце, широкие плечи, brutальный шрам на виске... А голос! Когда он произносит «Василиса» — нараспев и с легкой хрипотцой, даже я млею.

— С одной стороны, воевода, конечно, хорош, — согласилась я. — Вернее, хорош-то он со всех сторон, но я подумала: а если мне не удастся выполнить условия бабули, что я ему скажу? Спасибо, пока, удачи и хорошего настроения? Выходить за него замуж на его патриархальных условиях я тем более не хочу. Так что даже не знаю... Может, мне тоже паузу взять? Может, нам с тобой и вовсе мужчины пока не нужны?

— Знаешь, вся эта история очень на нас повлияла. — Юлька села на

стул на кухне, подперла подбородок рукой. — Кстати, чем это так вкусно пахнет? Может, ты булочки пекла с корицей?

— Нет, мыло сделала. Но есть сосиски и макароны.

— Годится, — кивнула Юля. — Так вот. Мне кажется, мы с тобой стали более мудрыми, серьезными. Повзрослели, что ли.

— Есть такое, — согласилась я. — Ответственность появилась.

Спустя полчаса и два бокала мохито мы решили удрать от Еремы и искупаться в озере.

Сначала мы переоделись в купальники, накинули сарафаны. Я сложила в сумку полотенца и кивнула Юльке. Она врубила музыку громче и, распахнув двери настежь, направилась к Ереме, который подпрыгнул от зажигательных ритмов Шакиры, заливающейся над всеми Запорами.

Юлька обняла Ерему, как дорогого друга после долгой разлуки, заодно отвернув его спиной к двери, и стала рассказывать что-то, наматывая светлую прядь волос на пальчик. Это был наш знак. Я подхватила сумку с полотенцами, выскользнула за дверь и, обежав дом, пошла кругом к деревне. Придется делать крюк. Мы с Юлей условились встретиться на берегу возле гейзера. Ночь стояла чудесная. Пахло липами и сеном, звезды, размером с теннисные мячики, горели на небе. Полная луна висела над деревней желтым кругляшом, словно золотая монета. Немного омрачала идиллию гремющая на всю округу музыка. По озеру шла легкая рябь от гейзера, лунная дорожка скользила по волнам.

Я скинула платье, ступила в воду.

— Наконец-то, Василиса! — Кореней вынырнул в камышах и облизнулся. — Я так и надеялся, что ты сама ко мне придешь.

— Водяной, я только искупаться, — отшила я его. — Сейчас и Юлька подойдет.

— Еще и Юля? — Вода вокруг чешуйчатого торса забурлила. — Просто праздник какой-то!

Наш с Юлей простой расчет состоял в том, что за ней Ерема приглядывать не должен. Она скажет, что я осталась в доме, а сама пойдет прогуляться к озеру, поздороваться с Коренеем. Я вошла глубже. Вода была удивительно теплой, вокруг ног закрутились струйки пузырьков.

— Нравится? — томно прокартавил водяной.

— Отлично! — кивнула я и рыбкой нырнула в озеро. Проплыв под водой несколько метров, я вынырнула, легкими гребками добралась до гейзера. Здесь шум воды перекрывал музыку, брызги разлетались бриллиантовой пылью, отражающей лунный свет. Я оглянулась, выискивая взглядом водяного, и он взмыл к звездам на гейзере, кувырнулся и вошел в

воду без малейшего всплеска.

— Десять из десяти, — похвалила я, когда его зеленая физиономия появилась над поверхностью. Кореней довольно улыбнулся, сверкнув треугольными зубами, посмотрел в сторону, и улыбка стала еще шире.

— Юленька! Мы уж заждались!

Юля сбросила платье и с разбегу забежала в озеро, подняв кучу брызг.

Наплававшись, мы уселись в воде у берега, Кореней устроил нам настоящее джакузи. Я разнежилась в теплой водичке, глаза сами слипались.

— Может, массаж? — предложил Кореней, я почувствовала холодные перепончатые лапы на шее и дернула плечом.

— Девушкам уже пора.

Голос Еремы, прозвучавший с берега, не предвещал ничего хорошего. Водяной отдернул руку от моей шеи, нахмурился.

— Ты так не вовремя! — возмутился он.

— Ерема, не злись. — Юлька вышла на берег, завернулась в полотенце, отбросив мокрые пряди за плечо. — Мы всего лишь искупались.

— Я думал, хоть тебе можно доверять, Юлия! — чуть не выкрикнул Ерема. Он сдернул повязку, и второй глаз сверкнул изумрудом. — Ладно она — ведьма, какой с нее спрос. Но ты, такая милая, красивая... и лгунья!

— Ты не оставил нам выбора, — ответила я, защищая подругу.

— А у меня есть выбор? Я бы, может, тоже хотел...

— Искупаться? Так давай! — обрадовалась Юля.

— Вот очень не вовремя, — пробурчал водяной. — Он лишний, лишний.

— Я обязан выполнять приказ. Меня и так должны были в отставку отправить после ранения. Но воевода проявил милость, нашел для меня службу, дал время оклематься. Кроме войска, у меня ничего нет, ни семьи, ни работы, если я и службу потеряю, то тогда только утопиться!

— Только не у меня, — встрял Кореней. — Нечего место портить. У меня тут шикарная чистая аура.

— Ерема, да ничего же не случилось, — робко попыталась оправдаться Юлька.

— Сегодня — ничего. — Ерема сдвинул брови, тяжело вздохнул в черную бороду. — И завтра тоже ничего не случится. Уж я позабочусь.

Он сгреб Юльку в охапку, забросил на плечо. Не успела я опомниться, как небо перевернулось, и я тоже повисла вниз головой.

— А как сладко заливала: я соскучилась, Еремушка, да как твои дела... А сама... Никакой веры вам нет, бабы, никакой! — Он бубнил так до

самого дома, крепко придерживая нас на плечах, на крыльце поставил на ноги и подтолкнул в дом шлепком по попам. — И музыку эту выключите, голова болит.

— Надо же, даже не запыхался после крутого подъема, — сказала я, когда за ним захлопнулись двери.

Мы с Юлькой прыснули со смеху и пошли наверх.

После ночного купания я отрубилась мгновенно и проснулась ближе к обеду. Сварив кофе себе и Юльке, которая пока не подавала признаков жизни, я взяла чашку и направилась во двор, на свое излюбленное местечко на ступеньках крыльца. Однако дверь не открылась.

Я поставила чашку на пол, нажала ручку посильнее, толкнула дверь бедром. Что за ерунда? Меня прошиб холодный пот. Дом как-то понял, что я не настоящая ведьма, и теперь не выпускает меня в сказочный мир? Никаких больше купаний в озере с гейзером, живых тляпок, огнедышащих драконов, огромных звезд и воздуха, напоенного ароматами леса и цветов... Я больше не увижу Ярополка! Я отчаянно застучала в дверь кулаками, навалилась еще раз с разгона.

— Эй, не шуми, ведьма, — раздался из-за двери голос Еремы.

— Я не могу дверь открыть, — пожаловалась я, чуть не плача.

— Конечно, не можешь, я ее надежно заколотил.

Я помолчала, осмысливая новость, а потом разразилась такой бранью, что даже бабка-ведьма мною бы гордилась.

— А что мне оставалось делать? — Голос Еремы был невозмутим. — Приедет воевода, гвозди выдернет. За Брюсом я пригляжу, не волнуйся, и тыквы твои полью.

— А черви? — вспомнила я. — Мне надо Амфибрахия кормить.

— Небось в вашем мире тоже черви водятся. — Я услышала скрип ступенек и снова заколотила кулаками в дверь, но Ерема уже не отвечал.

— Вот сволочь одноглазая, — выпалила я.

— Вырос ведь второй глаз, — возразила Юля, спустившаяся на шум. — Кстати, новенький глаз у него зеленее, такой яркий цвет, чистый изумруд.

— Он заколотил дверь с той стороны!

Юлька подошла, подергала дверную ручку, толкнула.

— А если топором? — предложила она, невинно глядя на меня.

Я призадумалась. В принципе можно временно и без двери пожить — на улице тепло, спим мы все равно на втором этаже, без моего разрешения в дом никто не войдет.

— А вдруг дверь не простая? — засомневалась я. — Вдруг именно на

ней держится защитное заклятие от нежеланных гостей или вообще выход в этот мир? И если ее повредить, то все пропадет?

— И ни одно окно не выходит в сказочный мир, — нахмурилась было Юлька, но тут же безмятежно улыбнулась: — Ну и ладно. Я же тебе говорила про новый кинотеатр? И шопингом мы давно не занимались. В нашем мире тоже полно интересного. Подождем воеводу, он Ереме покажет, где раки зимуют.

Подруга уселась на кухне, отпила кофе. Она права, ничего страшного не произошло, но я чувствовала себя как ребенок, потерявший любимую игрушку.

Я вернулась в реальный мир; набрала несколько переводов и заказов на мыло, а еще взяла ученика. Юный веснушчатый Сашка радостно согласился на обмен: он оставляет себе деньги, выделенные родителями, чтобы их рыжее чадо подтянуло английский за летние каникулы, а мне дает десять отборных червей за каждое занятие. Каждый раз он их нахваливал, как товар на рынке: свежие, жирные, а этот самый шустрый... Я наврала ему, что увлекаюсь рыбалкой, но, кажется, он мне не поверил: черви все же не самая ликвидная валюта.

Юлька возвращалась с работы вся на душевном подъеме, рассказывала тамошние сплетни, делилась успехами, я же каждый день гипнотизировала дверь на задний двор. Я могла бы ее нарисовать с закрытыми глазами: скол на левом верхнем углу, коричневая краска облупилась возле бронзовой ручки, окруженной у основания завитушками, внизу сплошь свежие царапины. Грех был возмущен поступком Еремы не меньше меня. Первые дни он так подвывал, что, думаю, на кошачьем языке его ругательства посрамили бы и мою длинную речь.

Я пыталась застрашать Ерему, опустилась даже до шантажа: скажу воеводе, мол, приставал он к нам с Юлькой. Охранник на это голословное обвинение, кажется, обиделся, но дверь так и не открыл. Зато по вечерам отчитывался, что тыквы растут, а Брюс учит новые трюки: освоил тройное сальто и наловчился копать тоннели. По мне скучать и не думает, бессердечная тятка.

А я скучала по сказочному миру. Как-то раз, маясь от тоски, терзающей меня, как зуд от комариных укусов, я зашла к Онисию. Он встретил меня приветливо, а когда я выложила на прилавок три золотые монеты, и вовсе готов был расцеловать.

— Как поживаешь, Василиса? — спросил он, изучая в лупу рисунок на монете. Кругленькие щечки гнома алели румянцем, как зрелые яблочки,

седая борода вилась шелковистыми волнами до самого пола.

— Плохо, — честно призналась я и выложила все как на духу: и про приказ воеводы, и про коварство Еремы. — Онисий! — Меня вдруг как молнией озарило. — А как ты ходишь в свой мир?

— Никак. — Он взял вторую монету, прищурился и поцокал языком: — Какие линии! Какая мощь! Как пляшут языки пламени! Этого дракона у меня с руками оторвут. Вот она, сила искусства, монета даже кажется теплой.

— Как это — никак? — удивилась я, возвращая его к теме разговора.

— Равновесие между мирами, — сказал Онисий, как будто это что-то объясняло.

— То есть ходить туда-сюда нельзя?

— Можно, если осторожно, — хмыкнул гном. — Один туда, другой сюда, чтобы перевеса не было.

Я задумалась. Похоже, и в этом условии ведьмы таился подвох. Было сказано только о движении в одну сторону, а вот о том, что я должна кого-то провести в сказочный мир, — ни слова. К счастью, мироздание не рухнуло, значит, какой-то противовес сработал. Меня осенило — Юлька! Подруга, сама того не зная, спасла мир?

— Расскажи подробнее об этом равновесии, — попросила я Онисия.

— Да я сам не знаю, Василиса. Маргарита за проход между мирами драла в три шкуры, мне пришлось бы всю годовую прибыль выплатить за сомнительную радость повидаться с братцем. Как он, кстати, жив-здоров?

— Не болеет, — ответила я. — А что будет, если равновесие нарушить?

— Кто знает, Василиса, кто знает... — Он положил монеты на одну чашечку весов, на вторую аккуратно опустил бронзовую гирьку. — Равновесие — штука хрупкая. Нет, ну каков Амфибрахий! Тютелька в тютельку! Может, если чаша перетянет на одну сторону, грань между мирами истончится. Но это никому не надо, ведь так? — Он вдруг нахмурил косматые белые брови, стал серьезным, как бюст Брежнева. — Ты ведь не собираешься устроить проходной двор из своего дома?

Я провела в наш мир двух существ — оборотня и берсерка. Причем смотрелись они по-быстрому. В сказочный мир попала одна лишь Юлька. Может, мироздание засчитало и тятку? Брюс все же родом из Китая. Но, значит, в противовес третьей сущности мне надо будет привести кого-то в сказочный мир.

— Так ты, Онисий, не желаешь родных повидать, — испытующе посмотрела я на гнома.

— Сколько это будет стоить? — деловито спросил он, отсчитывая купюры за монеты Амфибрахия. — Сребреники надо?

— Совершенно бесплатно, — ответила я. — Давай все в рублях. Все равно двери заколочены.

— С тобой приятно иметь дело, — расплылся в улыбке Онисий. Лучики морщин разбежались от уголков глаз. — Когда?

— Я сообщу. Кажется, на визитке был номер?

— Да, звони в любое время, Василиса. Что-нибудь еще? Емкости для ворожбы? Недавно доставили новую партию хрустальных пузырьков. Я тебе их еще в прошлый раз показывал. Прозрачные, как стекло, твердые, как камень...

Я зачарованно взяла мерцающую гранями бутылочку, которая легко уместилась на ладони.

— Такая крохотная! Что же в нее поместится?

— Что-нибудь действительно важное. А знаешь что, я тебе ее подарю, в знак зарождающейся дружбы, — расщедрился внезапно Онисий. — Какую пробку предпочтешь? Маргарита любила серебро.

Он нырнул за прилавок и вскоре появился вновь, ловко закрутил пузырек крышкой, которая выглядела настоящим произведением искусства, к ней бы цепочку приделать...

Онисий продолжал расхваливать драгоценный сосуд, но голос его звучал как через плотный слой ваты... В кулоне ведьмы не камень! Это хрустальный пузырек. А вот что в нем внутри — остается только догадываться.

Дома я достала кулон из шкатулки, повертела в руках. То, что я принимала за игру света на камне, оказалось переливами содержимого.

— А если вылить? — предложила Юлька, которой я рассказала о неожиданном открытии.

— А вдруг там опасное химическое оружие? Супермощное проклятие? Или, наоборот, что-то бесценное, вроде живой воды?

— Ну не знаю, — наморщила носик Юлька, — от кулона за версту несет чем-то мрачным. Даже я, без всякого там ведьмовского чутья, это чую. И тебе придется идти с кулоном на шабаш? Вот честно, шабаш меня пугает больше всего. Раньше на первом месте был инкуб, но он вроде выбыл. А шабаш все еще впереди. Мало ли, что тебе придется там делать!

— Постояю в сторонке, — неуверенно ответила я, — постараюсь не отсвечивать.

Юлька скептически на меня посмотрела. Да, она права, мы вечно находим себе приключения на пятую точку, даже там, где, казалось бы,

ничто не предвещало. Я покосилась на кулон, лежащий на покрывале. Темная непроницаемая глубина вспыхнула алыми искорками. Мурашки побежали по коже, и я поежилась. Мне вдруг показалось, что опасность ближе, чем я могла бы предполагать. Внизу раздался стук, треск досок, слышались голоса.

— Ярополк! — воскликнула я и опрометью побежала вниз.

Я толкнула дверь, и та поддалась, в щель полился свет, хлынули запахи, шумы сказочного мира.

— Мама! — От рева Глории звякнули стаканы в буфете.

— Девочка моя! — Юлька подпрыгивала рядом со мной в нетерпении.

Я увидела розовую ручку, мелькнувшую в просвете, Брюс помогал отдирать гвозди, которыми Ерема приколотил доски. Я увидела широкую ладонь, покрытую с тыльной стороны короткими светлыми волосами, сердце сжалось, а потом заскакало галопом. Наконец дверь распахнулась во весь проем.

Воевода стоял на пороге, высоченный, заросший, голубые глаза светились на загорелом лице осколками неба.

— Яр, привет и пока! — Юлька проскользнула мимо него и побежала к дракону, который испустил при виде своей создательницы радостный вопль, от которого наверняка содрогнулись все заперцы.

— Василиса, — выдохнул Яр, шагнул ко мне, его руки опустились мне на талию. — Я так хочу тебя, так сильно, что дышать больно, — хрипло прошептал он, склонившись, его глаза оказались вровень с моими. — А ты хочешь меня?

Я обхватила его за шею, привлекла к себе. Он еще спрашивает! Яр шумно вдохнул, подхватил меня на руки и понес наверх. Бросив меня на кровать, он сорвал с себя рубашку. Я пробежалась взглядом по широкой груди, млея от его крепкого торса, плоского живота, стянула через голову майку — мне тоже есть что показать. Краем глаза заметила кулон на кровати и смахнула его рукой. Он с тихим стуком упал на пол, звякнув, покатился. Крепкий как камень — так ведь говорил Онисий? Яр поцеловал меня, и все мысли выпорхнули из головы птичьей стайкой...

— Василиса...

— Мм?.. — Я повернула голову, приоткрыла глаза. Яр лежал на боку, играя с прядями моих волос.

— Ты не передумала насчет моего предложения?

— Почему ты хочешь жениться на мне, Ярополк? — Мне вообще-то не хотелось обсуждать этот вопрос. Я бы предпочла просто молча понежиться

в любовной неге. Еще говорят, что это женщины любят поболтать после секса.

— Во-первых, я хочу защитить тебя, — ответил он.

— Есть еще и во-вторых?

Ярополк помолчал, будто собираясь с духом.

— Я хочу спать с тобой.

— Как мило, — улыбнулась я. — Ну, можешь остаться на ночь.

— Ты понимаешь, о чем я. Пока мы не женаты, все так неопределенно.

Ты можешь отказаться в любой момент.

— Пстой! — Я приподнялась на подушках, подтягивая одеяло к груди, но Ярополк собственническим движением стянул его ниже, положил ладонь мне на грудь, легонько сжав пальцами сосок. — То есть, если бы мы были женаты, я не могла бы тебе отказать?

Похоже, воеводу этот вопрос поставил в тупик.

— Ты была бы моей женой, — ответил он, непонимающе глядя на меня, пальцы на моей груди замерли.

— Ну и что? А вдруг бы мне не захотелось?

— Конечно, у женщин бывают особые дни, — исправился Яр, — ну и всякие редкие случаи, к примеру, роды.

— Да боже мой! — Я сбросила его руку и завернулась в одеяло, как в кокон. — Твои понятия о браке просто невозможны!

Яр нахмурился, и я поспешила добавить:

— Хотя спать с тобой я тоже хочу.

— А еще ты бы слушалась меня. — Яр встал с кровати, принялся одеваться.

— Да ладно? С чего бы такие метаморфозы?

Воевода усмехнулся в бороду, резким движением сдернул одеяло, так что я едва не скатилась на пол.

— Не прячься, дай посмотреть на тебя. Знаешь, Василиса, иногда можешь мне перечить, это даже заводит. Наверное, потому я и не женился так долго, искал строптивицу вроде тебя. Люблю объезжать норовистых лошадок.

— Я не кобыла! — Его снисходительная манера разговора начинала меня бесить.

— Но если ты хочешь жить в нашем мире, тебе в любом случае придется исполнять мои приказы.

Я повернулась на живот, потянулась, улыбнувшись уголками губ.

— Хорошо, иногда можешь приказывать.

Сегодня мой воевода был воплощением властного любовника, в

животе свернулся жаркий узел от воспоминаний о том, что он творил с моим телом.

— Я не о постели. Я — воевода, второе лицо после царя, я отдал тебе прямой приказ — не выходить со двора. А ты?

— Ой, подумаешь, пошла искупаться... А вот твой Ерема перешел все границы — замуровал меня в собственном доме!

— Жаль, я сам до этого не додумался. — Яр почесал подбородок. — Ладно, мне надо к царю. Я оставляю у вас Глорию, с ней в столицу не заявишься. Еще начнет охоту за собаками, раз уж всех сумертов да волков повывела. Благодаря ее скорости я выиграл время, мое войско еще только на подходе к Кижечу. А после аудиенции я вернусь, и мы продолжим наш разговор.

Он наклонился и поцеловал меня, борода уколола шею.

— И Ерему заberi! — крикнула я ему в спину. — Он уже на оба глаза прозрел! Чего штаны у забора просиживать?

Не знаю, услышал ли меня Ярополк, гулкие шаги по металлической лестнице постепенно затихли. Хорошая новость — он скоро вернется, плохая — мы никак не можем прийти к какому-то соглашению. Я села на кровати, опустила ноги на пол и тут же отдернула ступню. Кулон опалил кожу горящим углем. Я осторожно потянула за цепочку, подняла подарок бабули. Темный сосуд, мерцающий красными искорками, качался у меня перед глазами, затягивая в черную глубину, как в омут. Я положила кулон в шкатулку и захлопнула крышку с резким стуком.

Ужасно хочется есть. И теперь я могу снова выпить чашечку кофе, сидя на своем крыльце.

Мы с Юлькой устроились на крылечке, наслаждаясь свежестью сумерек. Жаль, но почти все сказочное лето прошло мимо нас. Ночная вылазка к гейзеру вышла нам боком, но я ни о чем не жалею. Взлетать с мощной струей воды навстречу звездам, чувствуя, как теплая вода резко сменяется прохладным ночным воздухом, видеть водяную взвесь, переливающуюся серебристой радугой в лунном свете — такого ни в каком спа-салоне не купишь.

Ерема жался за забором. Мы с Юлькой проигнорировали его объяснения ледяным молчанием.

— Почему Яр не убрал его? — спросила Юля, протягивая мне бутерброд с сыром.

— В принципе не убрал или с поста? — спросила я. — Как-то тяжело мне с Яром найти общий язык, когда мы не в горизонтальном положении.

— Что опять?

— Снова предложение. Но, знаешь, у него такие домостроевские замашки, прямо тошно делается.

— Я бы спросила, что тогда вас держит вместе, но это и так понятно. Даже Глория чуть не покраснела от ваших стонов, а Ерема так алел как маков цвет. Помнишь, когда я с Лютым мутила, ты советовала мне включить мозг? Теперь, похоже, моя очередь. — Подруга наклонилась к моему уху и с подвыванием произнесла: — Мозг Василисы, взываю к тебе, ответь, ответь, прием.

— Нет никого, — улыбнулась я.

— Тогда давай я вместо тебя поразмышляю. Что мы имеем?

— Воеводу. Причем очень, очень хорошо имеем.

— Было бы плохо, мы бы его вообще не рассматривали, — сурово осадила меня Юлька. — Он подходит тебе в сексе, но совершенно не подходит по жизни. Слишком доминантный, не терпит возражений, не готов к компромиссам, так?

— Похоже на то, — вздохнула я. — Он собрался меня объезжать, как норовистую кобылу — его слова.

— Пусть прибережет свое седло для кого другого, — хмыкнула подруга.

— Он обещал вернуться сюда после аудиенции у царя.

— Вот и поговори с ним. Честно, Вася, такие отношения — голый секс — очень опустошают. Я после Лютого до сих пор в себя прийти не могу. — Глория, уловив тревожные нотки в голосе «мамы», подкатила к нам, вытянула шею, заглянула Юльке в глаза фарами. — Не хочу, чтобы ты тоже чувствовала себя использованной.

Подруга почесала подставленный шершавый затылок, я протянула дракону припасенную конфету.

— Я ведь тоже его использую, — неуверенно возразила я.

— Я тебе точно могу сказать одно: ты достойна лучшего к себе отношения.

— Да ведь он жениться на мне готов!

— Вот пусть на кобыле и женится, на таких-то условиях! — Кажется, Юльку действительно возмутило поведение Ярополка.

— Ладно, посмотрим, что он мне скажет, — пробормотала я. Только от одной мысли о расставании в горле сжался горький комок. Но подруга была права. Взять хоть поступок Еремы, который нашел у воеводы полное оправдание. Я не маленькая девочка, чтобы мне указывали, куда идти, и запирали в собственном доме.

На дороге, ведущей из Запоров, показались клубы пыли, донесся отдаленный стук копыт.

— Воевода едет, — сказал Ерема, оттянув пиратскую повязку. — Ты мне такой глаз сделала, ведьма, вижу за версту!

— Отчего ж прикрываешь его? — любопытствовала Юлька.

— Слишком много всего вижу, — скупое ответил Ерема, — голова болит потом.

— Да, большой объем информации может слабо усваиваться маленьким мозгом, — съехидничала я.

Ярополк загарцевал на сером, как сталь, коне у самого заборчика, лихо спрыгнул, направился ко мне, сияя улыбкой. Красив, зараза. Рубашка едва не трещит на широких плечах, а без нее еще лучше, я-то знаю.

— Василиса, — низким бархатным голосом пропел он, и мое сердце сжалось. Разговор будет непростым. — Продолжим нашу беседу?

— Можно и поговорить, — ответила я.

— Пойдем... наверх? — Яр многозначительно глянул на лестницу за моей спиной.

— Да и здесь неплохо, воздух такой хороший, тем более я соскучилась по этому миру.

Яр напрягся, посмотрел на Юльку, которая отошла к Глории и усердно делала вид, что она не при делах.

— Ладно, — нараспев произнес он, перекатываясь с носков на пятки. — Помнится, я задолжал тебе свидание.

— Было такое. — Я встала со ступеньки, надоело смотреть на Ярополка снизу вверх.

— Приглашаю тебя на ужин.

— Куда? — удивилась я.

— Выбор невелик. В Больших Запорах только одна таверна.

Когда я вышла из дома в длинном зеленом платье, обвивающем мои бедра шелковыми оборками, Яр ошарашенно отступил назад, но быстро справился с волнением и подошел к крыльцу, предложив мне руку. Я прикусила нижнюю губу, чтобы спрятать торжествующую улыбку: на такое впечатление я могла только надеяться. Впрочем, он провел в Сумеречном лесу два месяца, наверное, сейчас ему любая женщина кажется красоткой.

— Ерема, на сегодня ты свободен, — сказал Яр охраннику и сжал мои пальцы в теплой ладони.

На сегодня и навсегда — хотелось мне добавить. Но я решила отложить разговор на десерт.

Яр помог мне забраться на коня, незаметно погладив ногу под длинной

юбкой, легко вскочил в седло позади меня. Я прижималась к нему спиной, крепкие бедра обхватывали мои ноги. Я внутренне застонала — разговор будет очень, очень сложным.

— Ты такая красивая в этом платье, — прошептал мне на ухо Ярополк, направляя коня на дорогу, ведущую в Запоры. — Хотя я мечтаю о том моменте, когда сниму его с тебя.

Он легонько прикусил мне мочку, и я вцепилась в гриву коня, чтобы не упасть. Тот недовольно дернул серым ухом и припустил быстрее.

Таверна сильно изменилась с того раза, когда меня из нее волокли на костер. Во дворе стало чище, травка пробивалась сквозь истоптанную плешь перед входом. Флюгер на крыше розово блеснул под закатным солнцем. Вместо ржавого лося там теперь расправил крылья дракон. Длинный хвост вытянулся стрелой в сторону столицы.

Ярополк помог мне спрыгнуть с коня, прижал к груди. Да что происходит? Раньше он не был таким навязчиво нежным!

— Я отправил приказ еще из леса. В Больших Запорах грядут перемены.

Он провел недоумевающую меня в таверну, звуки стихли, десятки пар глаз остановились на нас.

— Приветствую вас, добрые запорцы! — Воевода поднял руку. — Вашей деревне выпала великая честь. В мирное время на Ведьмином холме будет обитать дракон.

Кто-то уронил ложечку. Потом тишина стала и вовсе прозрачной.

— Дракон не переносит алкоголь. Поэтому в таверне более не будут подаваться спиртные напитки. Да и дома не рекомендую выпивать. Глория за версту учует.

В зале шумно сглотнули. У плюгавого мужичка возле стойки навернулись на глаза слезы.

— Но! — Воевода выдержал паузу, обвел глазами зал. — За вашу преданность и верное служение царь освобождает Запоры от всех оброков.

Пышнотелая тетка за стойкой всхлипнула, прижала руки к груди, сдавленно прошептала:

— Благодетель ты наш!

Мы уселись за маленьким столиком в дальнем углу, на нем как по волшебству появилась корзиночка со свежим хлебом, кувшин с квасом, орешки. Две молодые девушки в накрахмаленных передниках с торчащими оборками незаметно спроваживали остальных посетителей из таверны, пышная тетка точным пинком подвинула к нам лохматого лютниста. Тот дернул головой, отбросив сизую прядь с глаз, нескладно провел по струнам

пятерней. Яр поморщился, и лютниста и след простыл.

Я вынула из вазочки свежий розовый бутон, понюхала, поставила обратно. Сервис, несомненно, улучшился: и рыбой не воняет, и за волосы меня не таскают.

Воевода сидел напротив, голубые глаза изучающе скользили взглядом по моему лицу. Он выжидал, наблюдал, анализировал... Я откинулась на резную спинку деревянного стула. Мы походили на двух противников перед схваткой. В левом углу в черных стрингах боец Василиса, более известная как ведьма, в правом, в портках до колен — да, белье в этом мире не особо радует — Ярополк, воевода всея Велируси.

Первый удар провел Ярополк и сделал это мастерски.

— Василиса, — произнес он, — прости меня.

Я приподняла бровь. Пусть сам скажет за что. У меня так списочек накопился.

— Возможно, я был сегодня недостаточно нежен с тобой. Два месяца сражений, я не остыл после боев...

Я разочарованно вздохнула. Мимо. Я так соскучилась по нему, что нежности были бы лишними. Яр, по-видимому, уловил перемену в моем лице, и сменил тактику:

— К тому же тебя обидел поступок Еремы, а я не наказал его.

Теплее.

— Но он всего лишь выполнял приказ.

— Твой приказ, который ты отменишь, — заявила я безапелляционным тоном. Вот сейчас все и выясним.

— Возможно, — произнес воевода.

У меня чуть рот от удивления не открылся. Так быстро сдается?

— Обстоятельства изменились, — пояснил Яр. — Я ведь был у царя сегодня.

— Ты видел Амаранту? — спросила я, наклонившись через стол. — Ты рассказал царю, что собой представляет эта выдра?

Перед нами опустились тарелки. Сочные отбивные, картошка в грибном соусе, рядом брякнули плошки с салатом. Не самый романтичный ужин, но выглядит и пахнет отменно.

— Я видел Амаранту, — ответил Яр. — Царица, несомненно, спасла тысячи невинных жизней.

— Что? — Я выронила вилку, официантка тут же подала мне чистую и, кажется, собиралась промокнуть мне губы салфеточкой, но я так на нее глянула, что она мигом спряталась за стойку.

— Приказ отправляться в Сумеречный лес исходил от нее. Это она

надоумила царя отправить войско...

— На верную гибель! — перебила я его.

— Мы остановили сумеречную армию, разбили ее в пух и прах. Если бы на ее пути не оказалось войска, она просто смела бы города и села до самой столицы. Пограничные пункты не смогли бы оказать сопротивления такой мощи.

— Значит, теперь она — спасительница, — недовольно хмыкнула я. — Она заманила тебя в западню!

— Или верила в то, что я смогу победить.

В его взгляде мелькнуло осуждение. То есть я в него не верила?

— А откуда она вообще знала о приближении сумеречных тварей? Ты не думал об этом? Она одна из них, точно говорю!

— Говорит — у нее свои источники. Амаранта — царица. Она радует за благо народа, — ответил Яр. — Дипломатия никогда не была сильной стороной Ивана, но с этой женитьбой его будто подменили. У нас мир со всеми соседями, торговля процветает.

Я отпилила кусок отбивной с такой злостью, как будто под моим ножом была тощая шея Амаранты.

— Царица интересовалась тобой, — сказал после паузы Яр, и я замерла с куском мяса на вилке. — Она расспрашивала о драконе и похвалила твою затею.

— Да, Глория удалась на славу, — кивнула я довольно. — Кстати, яркий образец невыполненного приказа. И каков результат!

Ярополк нахмурился, подцепил вилкой грибочек. Я видела, что он размышляет над следующими словами.

— Спасибо, Василиса, — сказал он и тепло посмотрел на меня. — Победа — твоя заслуга.

Просто вечер сюрпризов!

Ярополк вытащил из кармана объемный замшевый мешочек, брякнул его на стол. На коричневом боку блестела вышитая корона.

— Вот награда за неоценимую помощь царству. Здесь тридцать золотых. Кажется, именно столько нужно тебе по договору ведьмы.

Я молча кивнула, ошарашенная внезапным богатством.

— Тогда этот пункт ты тоже можешь считать выполненным. Глория — результат ворожбы, это деньги, заработанные колдовством. — Яр слегка улыбнулся, потер лоб, и я заметила темные круги под синими глазами, новую морщинку меж пшеничных бровей. Скулы на исхудавшем лице обозначились резче. Совесть вдруг решила проснуться в моей ведьминой душе. Мужчина вернулся с войны, при этом не забывает решать мои

проблемы, а я с порога выкатываю ему претензии, собираюсь бросить. Пусть отдохнет, придет в себя, может, сам вспомнит, что война закончилась.

— Царь сам решил наградить меня именно этой суммой? — спросила я, уже зная, что без Яра тут не обошлось. Воевода лишь улыбнулся уголком губ. — Спасибо тебе.

— Для меня очень важно, чтобы ты осталась в нашем мире, Василиса. Да, мы с тобой разные, мы из разных миров, но нельзя просто так взять и отбросить то, что происходит между нами.

Он накрыл мою руку теплой ладонью, погладил кончиками пальцев запястье. На первом свидании я сама его соблазняла, теперь роли поменялись.

— Возможно, я слишком давлю на тебя.

Я хмыкнула, забирая руку и возвращаясь к еде. Аппетит снова проснулся. Слишком насыщенный выдался денек.

— Я только требовал. Но я могу много дать тебе, Василиса. Я предлагаю тебе свое имя. Сейчас ты ведьма. Изгой с проклятой кровью.

— Вот, кстати, у вас геноцид какой-то, — возмутилась я. — Ведьма — не приговор. Я хорошая!

— К жене воеводы было бы совсем другое отношение, — вкрадчиво произнес Яр. — Если тебе не надо мое имя, то хотя бы от моего меча не отказывайся. Странные вещи творятся. Сумеречные твари выступили против людей все вместе, такого раньше не бывало, в твоём доме — выход в нижний мир, царь все еще как неживой.

— Постой, я думала, ты говорил с царем...

— Так и есть. Только он отвечал с паузами, будто после подсказки. Глаза пустые, плечи поникли. Я не знаю, что за хворь с ним приключилась, но она не отпускает его.

— Это все козни Амаранты! Точно тебе говорю!

— Это она решила наградить тебя, не Иван.

Я покосилась на пухлый мешочек с опаской. Если это подарочек Амаранты, надо сто раз подумать перед тем, как его принимать.

— Она все еще носит кулон? — спросила я как можно равнодушнее.

— Да, — немного удивился вопросу воевода. — Такой яркий алый камень. Рубин, наверное.

Теперь я знала, что на груди Амаранты хрустальный пузырек. Но о его содержимом не имела ни малейшего понятия.

Официантка появилась перед столиком, убрала незаметно опустевшие тарелки, поставила перед нами блюдца с яблочным пирогом и исчезла.

— А где Парнас? — вспомнила я незадачливого трактирщика.

— Наверное, еще в столице. Он должен был получить расчет, потом еще найти подводу до Запоров. Он оказался незаменимым воякой.

— Да ладно! — удивилась я. — Я видела, как он под телегой весь бой прятался.

— Зато он единственный умел варить шоколад. — Яр улыбнулся, и его усталость проступила еще заметнее. — Глория его обожает.

— Да, она та еще сладкоежка.

— Не шоколад — Парнаса. Ему чаще всего приходилось выступать в роли подушки для объятий. Глория оказалась существом романтичным и склонным к меланхолии. Если выдастся красивый закат — все, садится на попу ровно, сгребает в охапку Парнаса, или кто еще попадетсЯ, и любитсЯ.

— Надо же, — не сдержала я улыбки.

— А еще она вяжет. Отобрала два копыя у вояк, распустила шерстяной плед и в спокойные дни вязала какой-то гигантский носок. Зрелище, надо признать, впечатляющее. Я приказал доставить вязание в Запоры вместе с копиями.

— Увлечение вязанием у нее от домового, это точно. Глория хорошо себя вела?

— В целом — да. Очень легко обучается, понимает команды с лёта. Но если видит сумертов — пиши пропало. Мозги, если они у нее есть, отключаются напрочь.

Вокруг зажглись теплые огоньки свечей, я оглянулась — в таверне не осталось ни души, и даже прислуга куда-то спряталась.

— Яр, — набралась решимости я. Надо все же расставить точки над «и». Воевода ласково посмотрел на меня, снова взял за руку, и моя решимость сдулась. — Так что с Еремой? — начала я издалека. — Ты отзовешь его?

— Я готов к компромиссам, Василиса. Тем более что царица теперь вроде как к тебе расположена. Ерема останется с тобой, но я прикажу ему поменьше попадаться тебе на глаза. Ты его даже видеть не будешь!

Я нахмурилась. Какие-то полумеры.

— И я могу идти, куда пожелаю?

— Я надеюсь на твой здравый смысл. Мне надо будет постоянно отлучаться в столицу, ездить на приграничные посты, я не могу все время защищать тебя. — В глазах Ярополка отражался огонек свечи. — А знаешь, что еще натворила Глория? Как-то раз мне обработали раны, она унюхала в составе лекарства алкоголь и выдала прямо мне в лицо свой дикий вопль. Я думал, у меня борода осыплется, как осенние листья, и зубы вылетят. Когда

видишь перед собой распахнутую драконью пасть, полную острых зубов, а в глубине глотки теплится огонь... — Он поежился. — Это незабываемо!

Я улыбнулась, поддела вилочкой кусок пирога. Воевода умел быть милым, если хотел. Он рассказывал мне забавные истории, расспрашивал о том, чем я занималась без него. Розы пахли, пламя дрожало, пирог был умопомрачительно вкусным, и я понимала, что проигрываю этот бой. Я не хотела расставаться с Ярополком.

Мы вернулись домой уже ночью, воздух загустел от запахов, звезды рассыпались крупным бисером, отражаясь в озере. Я отлучилась в душ и, когда вернулась, воевода уже лежал в моей кровати. Скользнув под одеяло, я прижалась спиной к теплой груди. Сердце застучало мне под лопатку, тяжелая рука по-хозяйски обняла за талию.

— Когда я делал тебе предложение сегодня, я не сказал, что есть еще «в-третьих», — прошептал Ярополк.

Я замерла, боясь и желая услышать продолжение.

— Если то, что между нами происходит, не любовь, то что?

Сердце мое забилося как птичка, с губ так и норовило сорваться заветное «да» — и будь что будет! Я повернула голову к Ярополку.

Воевода спал. Лицо его расслабилось, грудь мерно вздымалась, борода нацелилась в потолок. Я улыбнулась и закрыла глаза. Мне необязательно принимать решение прямо сейчас.

Утром я проснулась одна, спустилась на кухню и застала там Юльку.

— Ну, как все прошло? — спросила она, наливая мне кофе. — Судя по тому, что Ярополк ушел полчаса назад, сияя, как медный таз, вы не расстались.

Я уткнулась в чашку, в голове еще бродили обрывки сна, в котором точно фигурировал Яр.

— Кто знает, Юля, может, мне удастся объездить этого жеребца, — ответила я.

Подруга покачала головой, села напротив.

— Воевода не дурак. Он вчера быстро просек, что ты собираешься его бросить. У тебя же все на лице было написано: сурово поджатые губы, скорбные брови домиком. Сумел, значит, вовремя подластиться...

— Он готов идти на уступки!

— Ой, не знаю, Вася, — покачала головой Юлька. — Может, и так. Но, ты уж прости, в вашем споре, кто кого объездит, я бы скорее поставила на него.

Бабье лето в сказочном мире стало одним из самых счастливых

периодов в моей жизни.

Тыквы наливались на безупречно прополотых Брюсом грядках, хвастаясь пухлыми оранжевыми боками. Грех валялся на травке, подставляя седой живот последним теплым лучам. Глория вырыла позади дома настоящую пещеру и натащила туда какого-то барахла. Среди колес, чугунков и сломанных стульев я заметила икону светлого Кристофа. Страшно представить, где дракоша ее раздобыла. Мне видится, дело было так: добропорядочный крестьянин пытался защититься светлым образом от чудовища, а оно, это самое чудовище, аккуратно взяло икону из натруженных рук, оценило ее как подарок и благодарно забрало себе. Может, даже сказало «спасибо». Словарный запас Глории растет. По приказу Ярополка нам доставили вязание Глории, которое оказалось не носком, а чехлом для хвоста. Глория надевала этот зеленый полосатый кошмар и медленно каталась на закате вокруг озера, совершая вечерний променад. Кореней вопил, что теперь надежды на появление русалок нет вовсе.

Юлька перестала бухтеть насчет Ярополка. Наверное, поняла, что была не права насчет него, потому что воевода оказался идеальным возлюбленным. Он устраивал пикники, носил мне охапки цветов, в таверне, переименованной в «Сияющий дракон», мы стали завсегдатаями. Вместе с Еремой они построили новый сарай, куда приволокли ступу, обновили забор. Конечно, не обходилось без мелких стычек. Однажды воевода заявил, что лучше бы я готовить научилась, чем тарабарщину учить — это о моих курсах китайского. А еще подарил мне целый ворох длинных юбок и платьев. Впрочем, они мне шли. Это требование Яра я признала разумным. В конце концов, надо чтить обычаи страны, в которой живешь.

Я купила два новых велосипеда, и мы с Юлькой частенько ездили в лес. Сзади, ломая ветки, неся Ерема, вверху парила Глория, так что нам ничто не угрожало. Возвращались мы с полными корзинками боровиков на багажниках. Мы варили грибные супы, делали пиццу с грибами, а один раз даже сподобились налепить пирожков с грибами, убив на это целый день. Китайский и то проще.

Ко мне дважды приходила делегация запорцев. Сначала подвалила толпа мужиков. Все, как один, мрачные, бородатые, кто-то вилы притащил. Видимо, новшество касательно запрета алкоголя не всем пришлось по нраву. Глория выкатил из-за угла дома, дружелюбно улыбнулась — их и след простыл. Только пыль по дороге клубилась какое-то время.

Потом женщины приходили, принесли кучу подарков: мешок яблок,

два вышитых платка, бидон малины. Очень благодарили за дракона. Оказывается, Большие Запоры могут стать действительно большими. Популярность деревни резко выросла у всего женского населения. Слухи о драконе, не выносящем запах спиртного, распространялась быстрее лесного пожара. Уже несколько семей из ближайших деревень начали здесь строительство домов.

Скрепя сердце я сожгла все подарки, как только женщины ушли. Кто знает, не затесалось ли там отравленное яблочко от Амаранты.

Идиллия слегка нарушилась, когда Яр сказал, что ему надо отлучиться на несколько недель. На границе у Сумеречного леса все было спокойно, однако царь потребовал его присутствия на переговорах с восточными соседями.

— Василиса! — Яр попытался убрать кудрявую прядь мне за ухо, но она тут же воинственно встопорчилась. — Я оставляю тебя с тяжелым сердцем.

— Не переживай, я буду хорошо себя вести, — пообещала я, искренне в это веря.

Воевода вздохнул, легонько сжал мои руки:

— С тобой будет Ерема. Да, он не станет тебя неволить и запирасть в доме, — добавил он, видя, как я вскинулась. — Очень тебя прошу, води себя разумно. Никаких сюрпризов, колдовства и всякой самостоятельности.

— Ладно! — Я чмокнула его в губы. — Но ты все же возвращайся скорее.

— Как только смогу, — пообещал Яр.

И ускакал.

— Есть все же что-то прекрасное в мужчине на коне, — заметила Юлька, глядя вслед тающей в сумерках фигуре всадника. — Цокот копыт, развевающийся плащ...

— А я-то думаю, в кого Глория такая романтическая. Кстати, где она?

— Вон, сидит у озера, — кивнула Юлька.

Я, сощурившись, присмотрелась:

— Мне кажется, или там чья-то нога дергается?

— Не нога, копыто, — зевнула подруга. — Она где-то Парнаса подцепила.

— А-а-а... — Я помолчала. — Чай будешь?

— Давай.

Мы устроились на крылечке, поставив между нами тарелку с кривобокими пирожками. В воздухе уже разлилась вечерняя свежесть, так что я укуталась в платок, купленный на рынке в столице, и принесла такой

же подруге. Я раздумывала, как бы получше использовать отлучку воеводы. Можно было бы смотаться еще раз на ступе в столицу, или устроить девичник, или организовать выходные в спа... Странное дело, но больше всего мне хотелось, чтобы он поскорее вернулся. Я усмехнулась про себя: вот с этого все и начинается. А потом оглянуться не успеешь — и вот ты уже босая, беременная и на кухне.

Я услышала странный шум, как будто кто-то мял бумагу, постепенно приближаясь. И замерла, сжимая теплую чашку вмиг похолодевшими пальцами.

— Что это? — прошептала Юлька. Ее чашка накренилась в дрогнувших руках, и чай выплеснулся на ступеньки.

На низкий новенький забор, еще не потемневший от дождя, спланировала сова. Она зацепилась скрюченными лапами за штакетник, впиваясь когтями в доски, и едва не свалилась в кусты по инерции. Круглые тусклые глаза смотрели вперед без всякого выражения. Пестрое тельце, взъерошенное, словно у сердитой кошки, слегка покачивалось. Сова повернула голову в мою сторону, клюв разжался, и на траву выпал конверт. Растопыбив крылья, птица неловко забила ими в воздухе и сорвалась с забора.

Грех взвился из кустов стремительной стрелой, клацнул зубами. Рухнув на землю, он возмущенно выплюнул пучок полосатых перьев, расфыркался, вытирая лапой морду. Сова, словно и не заметив незадачливого охотника, полетела в лес по кривой дуге. Пух и перья сыпались с нее, оставляя след, как от самолета.

— Мне кажется, или эта сова какая-то больная? — спросила Юля.

— Она мертвая, — ответил Ерема, появившийся будто из ниоткуда. — Это излюбленный способ ведьминского общения. Тебе письмо, Василиса.

Сова-зомби, надо же. В книжке-чудеснице был способ, как такую сделать. Сначала ее надо поймать и умертвить, утопив в чане с соленой водой, так что этот рецепт я пролистнула, как и прочие.

Я на одеревеневших ногах подошла к забору, подняла конверт, на котором виднелась вмятина от совиного клюва, открыла.

— Меня приглашают на шабаш, — повернулась я к Юльке. — Тринадцатого.

— Погоди, это ведь уже в эту пятницу? — всполошилась подруга.

— Я так и знал! — выпалил Ерема. — Говорил воеводе — что-то произойдет!

— Не каркай! Ничего плохого пока не произошло! — рявкнула я на охранника и задумчиво постучала письмом по ладони, а оно вдруг

вспыхнуло и рассыпалось пеплом прямо у меня в руках.

Мы решили разведать диспозицию заранее. Загрузившись в ступу все втроем, вылетели на Ведьмин остров с самого утра. Я его заметила еще раньше — остров, омываемый двумя рукавами реки, напоминал рыбку с крупным белым глазом-валуном. Ерема был еще мрачнее, чем обычно. Накануне он снова пытался заколотить дверь снаружи, к счастью, Грех был настороже и поднял вой похлеще бога из преисподней.

— Ой, плохо это закончится, ведьма, — в который раз заныл Ерема, крепко держась за бортики ступы. — Ой, чувствует мое сердце...

— Слушай, и без тебя тошно, — возмутилась я. — В который раз тебе объясняю — я не могу не пойти на шабаш. Если я туда не явлюсь, то не выполню одно из условий Маргариты и потеряю право наследования на дом. Вместо меня появится другая ведьма, и вряд ли воевода очень этому обрадуется.

— Меня больше расстраивает, что мы не можем пойти с тобой, — произнесла Юлька. Ее волосы развевались на ветру, глаза смотрели вдаль.

— В письме было однозначно указано, что я должна прийти одна.

Я нахмурилась, вцепилась в край ступы сильнее, чтобы унять дрожь в руках. В моем представлении на шабашах должны твориться страшные вещи — жертвоприношения, оргии, всякие жуткие ритуалы. И теперь я должна принять участие в этом безобразии! А если не пойду, то прощай, дом, и весь сказочный мир. Может, мне сделают скидку, как новичку? Потанцую вокруг костра, буду корчить страшные рожи, если придется зарезать какого-нибудь черного петуха, думаю, справлюсь. В конце концов, я ведьма. Пусть я держу эту часть себя взаперти, но другие ведьмы почуют во мне свою.

Скомандовав ступе приземляться, я всмотрелась в приближающийся остров. Сейчас на нем не было ни души. Колыхались пожелтевшие березки, темная вода закручивалась у берега бурунами, высокие тощие елки окружили белесый камень, склонив к нему острые верхушки. Ступа мягко воткнулась в желтый песок на берегу, и Ерема, выбравшись первым, сплюнул себе под ноги.

— Не думал, что когда-нибудь ступлю на проклятую землю!

— А по-моему, здесь очень красиво, — заметила Юлька, она оперлась на руку Еремы и прыгнула на песочек. — И пляж такой чудесный. Жаль, вода уже холодная, не искупаешься.

Я оставила их позади и углубилась в небольшую рожицу, покрывавшую остров-рыбу пятнистой чешуей. Меня тянуло к белому

камню, увиденному с высоты. Вблизи он был скорее серым. Мелкие серебристые вкрапления переливались на солнце, поздние ромашки пробивались у подножия валуна, растопырив нежные лепестки. Сверху камень был ровным, будто кто-то чуть вкось срезал его острым мечом. Я положила руку на теплую поверхность, прислушиваясь к ощущениям. Ничего. Тишина. Мелкий курчавый мох покрывал сторону валуна, обращенную к лесу, зеленой бородой. На поляне чернел выжженный круг от костра, мелкая травка пробивалась сквозь старые угли.

Что-то было не так. Я убрала руку с камня, осмотрелась, приняв себя, как собака.

— Здесь никого нет, — сказала я.

— Кто ж в здравом уме сунется на Ведьмин остров, — подхватил свою старую песню Ерема. — И тебе не след...

— Даже птицы не поют, — добавила я, — не квакают лягушки, не порхают бабочки.

Юлька подошла ближе, обхватила себя руками.

— Да, что-то есть жуткое в этом месте. Давай обойдем остров, найдем, где нам с Еремой можно спрятаться.

— Это слишком опасно, — покачала я головой. — Остров слишком маленький. Здесь негде укрыться. Вы будете следить за мной с воздуха.

— Ступа только твои команды выполняет, — возразила Юлька.

— Зато Глория — послушная девочка, — многозначительно улыбнулась я.

Юлька кивнула, задумалась.

— Ладно, мы будем летать над островом на драконе, а дальше что? Какой знак ты нам подашь? Незаметно пустишь сигнальную ракету? Как я увижу, что что-то не так, да еще и в темноте?

— Я увижу, — буркнул Ерема. — У моего нового глаза ночное зрение, как у филина.

— Вот и решение проблемы, — преувеличенно радостно объявила я.

Мы вернулись домой притихшие, за всю дорогу никто не обронил ни слова. Юлька поднялась со мной в комнату, села на кровать, положив руки на колени, как отличница.

— Вася, я боюсь.

— Я тоже, — призналась я.

— Может, ну его, этот шабаш?

Я села рядом, вынула из шкатулки кулон. Зная, что в нем не просто камень, я избегала касаться его руками, предпочитая брать за цепочку. Так что кулон тихонько покачивался, мигая таинственными красными

искорками.

— Это мой дом, — сказала я. — И мой мир. Я должна пойти туда.

— Это все из-за Ярополка, — рассердилась подруга, на скулах вспыхнули яркие розовые пятна. — Он лишил тебя остатков разума.

— Наверное, разума у меня никогда не было слишком много, — пожала я плечами.

— Ладно, — шмыгнула носом Юлька. — Наденешь что-нибудь светлое, чтобы в темноте было хорошо видно. И если эти ведьмы хоть что-то против тебя замыслили, я сожгу этот остров дотла!

— Смотри, сильно не увлекайся, — толкнула я Юльку локтем в бок. — А то в Сумеречном лесу ты на себя похожа не была. Я даже подумала, что напутал нотариус, и ведьма у нас — ты.

— Если они обидят тебя, то пожалеют, что не остались в нижнем мире!

— Спасибо, эта мысль очень меня утешит.

Тринадцатое октября, пятница, совсем скоро еще одно условие моей бабули-ведьмы можно будет вычеркнуть из списка. Я надела длинное белое платье, вколола в волосы белый цветок. Как невеста. Отставив ножку, полюбовалась эффектным разрезом и новыми босоножками — тонкие серебряные ремешки обвивали ступни до щиколоток. Наверное, буду среди ведьм белой вороной, зато Ерема сможет легко меня увидеть с высоты. Вздохнув, нацепила на шею ведьмин кулон. Пузырек с загадочным содержимым опустился в ложбинку меж грудей, на короткое мгновение полыхнув алым.

В тишине послышался тихий стук, и я опрометью сорвалась с места, побежала вниз, распахнула дверь, едва не опрокинув Ерему.

— Ты снова за свое? — крикнула я, топнув для пущего эффекта ногой. Каблук звонко цокнул по крыльцу.

Ерема спрятал за спину молоток, отпихнул ногой в сторону доску. Я посмотрела на гвозди, рассыпанные по крылечку, перевела укоризненный взгляд на охранника.

— Я расскажу воеводе, как ты выполняешь его приказы!

Что-то теплое и пушистое коснулось ноги. Я глянула вниз — Грех потерся боком о мою икру, моргнул желтыми глазами. Я присела, чтобы его погладить, и он шустро удрал в кусты, перепрыгнув Брюса, ползающего по грядке с тыквами. Минутка нежности окончена.

Я выпрямилась, расправила складки на юбке. Сердце билось так сильно — того и гляди кулон начнет подпрыгивать на груди. Из-за угла

дома выстрелили два луча света, а следом выкатилась Глория. Юлька сидела верхом на драконе, укутанная с ног до головы в черное.

— Маскировка, — объяснила она.

— Знаешь, Глорию трудно не заметить, — с сомнением произнесла я. — Твоя черная шапочка вряд ли что-то изменит.

— Мы фары выключим, — пообещала Юлька, — никто нас не увидит. Но помни, мы рядом.

Я глубоко вдохнула, забралась в ступу. Чего тянуть? Аер взяти!

На Ведьмином острове горел костер. Живая искорка огня трепыхалась в темноте, указывая дорогу, словно маячок. Темный силуэт разорвал облака, сгустившиеся над островом, потом еще один. Ведьмы десантировались на берег. Прищурившись, я насчитала восемь ступ, выстроенных рядком у кромки воды. По позвоночнику пробежал холодок. Я обернулась, нашла взглядом Глорию, парящую под самыми звездами, как гигантский орел, и на сердце немного потеплело.

Припарковав ступу рядом с остальными, я грациозно перебросила ноги через край, соскользнула вниз и сразу провалилась шпильками в песок. Вокруг костра двигались тени, слышались разговоры, чей-то приятный баритон затянул песню. Может, все не так плохо? Пообщаюсь с дальней родней. Хмыкнув, поковыляла к костру, вытаскивая каблуки из рыхлой земли.

При моем появлении все разговоры смолкли, молодой чернявый парень оборвал песню. Я приветственно махнула рукой, чувствуя себя неловко под изучающими взглядами.

— Ведьма из дома на холме, — гнусаво произнесла тощая рыжая тетка, шепелявое «з» выдавало в ней англичанку. Она медленно приблизилась ко мне, виляя костлявыми бедрами, обошла вокруг, внимательно рассматривая. — Мы очень, очень рады тебя видеть.

Точно англичанка, такой горловой прононс.

— Починаемо? — Маленькая женщина, круглая и мягкая, вскочила со своего места, как мячик, подпрыгнула ко мне, больно ущипнула за щеку. — Яка спрытна Маргарита! Знайшла ж таку красу!

— Ш-ш-ш, — шикнула на нее рыжая, не спуская с меня глаз. — Азель, поди познакомяся.

Я повернулась к парню, держась рукой за щеку, горевшую огнем. Хотелось пнуть толстушку, чтоб отлетела куда подальше, а заодно и рыжую. Она только что не облизывалась, глядя на меня, черные глаза, непроницаемые, как ведьмин кулон, скользили по моему телу, оставляя

липкий след.

Азель, подойдя ближе, оказался вовсе не парнем, а стриженной девушкой с грубоватыми чертами лица. Она потянулась к щеке, еще горевшей от предыдущей ласки, и я довольно грубо шлепнула ее по руке. Азель усмехнулась, повернувшись к товаркам.

— Она мне нравится, — очаровательно грассируя, заявила она. — Как тебя зовут?

— Василиса, — нехотя ответила я. — Шабаш скоро? А то у меня еще дела...

Азель взяла меня под руку, повела к белому камню.

— Не стоит спешить, — сказала она. — Сегодня твоя ночь. Мы не так часто принимаем в нашу дружную семью новую ведьму.

— Мне — сюда? — спросила я, когда меня подвели к камню.

— Да, — кивнула рыжая. — У тебя место в партере.

Пожав плечами, я оперлась руками на камень и, подпрыгнув, уселась на него. Закинув ногу за ногу, я попыталась принять уверенный вид. Остальные ведьмы подошли ближе, стали полукругом. Они были очень разные. Белая как лунь ведьма притопывала на месте ногой в деревянном башмаке и щелкала пальцами с длинными желтыми ногтями — она была словно Баба-яга из сказки. Смуглая высокая женщина с плечами атлета смотрела на меня с невозмутимостью индейского вождя. Две ведьмочки с раскрашенными в разные цвета прядями волос — от розового до зеленого — хихикали, как школьницы на перемене, сидя на бревне, и шептали что-то друг дружке на ухо, стреляя по сторонам раскосыми глазками и болтая ножками в белых гольфах. Эти точно японки.

— Для начала я введу нашу гостью в курс дела, — объявила рыжая.

— Навіщо? — брякнула пухленькая коротышка, ущипнув меня за бедро. — Годі вже базикати, Гвині.

— All in good time. Всему свое время, — отрезала рыжая. — Луна еще не в зените.

— Я с удовольствием вас выслушаю, — заверила я, отодвигаясь подальше от толстушки и ее цепких рученок и бросая взгляд в ночное небо, якобы заинтересовавшись положением луны. Та висела вверху, как большой круглый фонарь, а вот Глории не было видно. Хотя пока что все неплохо. Поговорим, познакомимся — и по домам...

— Наш отец, темный бог Лот, заперт в нижнем мире, дверь в который находится в доме Маргариты, — произнесла рыжая Гвини, и я вцепилась пальцами в белую ткань юбки. — Когда-то ведьмы были почти всемогущи: мы вершили судьбы целых государств, магия была ключом, переполняя

единый мир, а люди были там, где им и место — внизу, безропотно исполняя приказы высших существ.

Я разжала пальцы, разгладила смятую на коленях ткань, на которой остались темные пятна от вспотевших ладоней. Что-то мне подсказывает, что я сильно встряла.

— Однако коварные людишки смогли обернуть против нас наше же оружие. Заручившись поддержкой ведьмы-предательницы, они сотворили колдовство, которое свергло отца и его империю, отделив всю силу магии в нижний мир.

— Почти всю. — Азель оперлась на камень рядом со мной, подмигнула черным глазом с ресницами длинными, как у лошади. — Давно это было.

— Да, — кивнула рыжая. — Они не смогли довести заклинание до конца. Магия просочилась в миры, оставив нам надежду и ключ от двери!

Я покосилась на свою ступу, попыталась незаметно стащить босоножки с пяток, готовясь к отступлению. Убегать лучше босиком.

— Но наша магия оказалась слишком слаба, — горестно вздохнула рыжая. — Ни одна ведьма не сумела отворить дверь, освободить отца из его многовекового заточения.

— Ключ не поворачивался, — пояснила Азель. — Как ни крутили.

— Лишь пророчество поддерживало нас в тяжелые времена, когда ведьмы стали бесправными слугами. Когда каждый человечиска, самый пропащий, возомнил себя выше дочерей темного бога. Когда «ведьма» стало означать «изгой»!

— Если ты еще не поняла, нас не очень любят, — притворно вздохнула Азель и заправила мне прядь за ухо, совсем как воевода недавно. — Ты симпатичная. Мы бы с тобой подружились.

Она снова мне подмигнула и отошла к костру.

— Пророчество говорит, что однажды появится ведьма, способная открыть дверь.

А вот теперь время делать ноги! Я дернулась, чтобы спрыгнуть с камня, но не смогла и пошевелиться. С ужасом я смотрела, как рыжая ведьма приближается ко мне, склоняется...

— Эта ведьма — ты, Василиса, — прошептала она мне на ухо, горячие влажные губы обожгли мочку. — А вот теперь начнем! — сказала она громко.

— Да, приступим, — прозвучал знакомый сухой голос. Из густой еловой тени на поляну вышла Амаранта. Кулон на ее груди горел, как огненный глаз.

— Амаранта? — Кажется, остальные ведьмы были удивлены не меньше меня. Рыжая так и вовсе попыталась заслонить меня тощей спиной. Позвонки выступали на длинной шее, как кнопки на флейте. — What... Что ты здесь делаешь?

Амаранта неспешно прошла по поляне, шелестя золотыми юбками, осмотревшись, уселась на широкий пенёк.

— Почему вы удивлены? Я тоже ведьма, прилетела на шабаш.

— Я не присылала тебе приглашения. — От волнения акцент рыжей Гвини стал слышен сильнее.

Амаранта вздохнула, аккуратно стащила белые перчатки, медленно освобождая каждый пальчик.

— Я решила, что сова ко мне не долетела. Слишком высоко я теперь живу, знаете ли.

— Да уж, — хмуро подтвердила Азель. — Ты и знаясь с нами перестала после того, как нацепила корону.

Я тихо пошевелила кончиками пальцев. Похоже, неведомое заклятие меня отпускает. Однако стоило мне дернуться, как пухлая ведьма снова ущипнула меня за ногу, и по телу разлилась ледяная скованность. Я лихорадочно соображала, что здесь происходит. Мы явно имеем заговор. Ведьмы, возмущенные социальным неравенством, решили устроить революцию.

— У меня было много забот, — царица улыбнулась, — но теперь я здесь. Продолжайте. Очень любопытно, чем все закончится.

— Маргарита говорила, ты против нашего заговора, — не унималась Азель.

— Скажем так, я не верила в успех вашего предприятия, — призналась Амаранта. — Открыть дверь в нижний мир не так-то просто. Для ритуала вам нужны сильная ведьма, богиня справедливости, воин и царица.

— У нас все это есть! — вспылила Азель.

— Правда? — Амаранта изогнула светлую бровь. — И царица?

— Я — королевской крови! — ответила Азель, слегка покраснев. — Я правнучка Людовика Пятнадцатого и маркизы де Помпадур!

— Какая молодец.

— Уймись, девочка, — отодвинула ее Гвини. — Если Амаранта хочет присутствовать, мы ее не гоним.

— Только попробуйте. — Амаранта улыбнулась. Отсветы огня плясали на ее лице, которое я сейчас видела ясно, без всякого морока, и стало вдруг понятно, что она очень, очень старая, гораздо старше даже седой горбатой ведьмы, которая продолжала притопывать деревянным башмаком и

щелкать пальцами, сводя меня с ума навязчивыми движениями.

— Что ж, если теперь ты на нашей стороне... — Гвини повернулась ко мне, протянула руку, растопырив пальцы; на указательном ноготь был сломан, алый лак облупился.

Меня отшвырнуло навзничь, руки-ноги распластались по камню. Ночное небо, затянутое дымкой облаков, распростерлось надо мной. Где Глория и мать ее?! Неужели то, что я лежу на жертвенном камне, как овца, недостаточный повод, чтобы поспешить ко мне на помощь? Я выискивала взглядом крылья дракона, смагивая непрошеные слезы.

— Мне жаль, что так вышло, — прошептала Азель и сорвала с моей шеи кулон.

Гвини приняла у нее из рук цепочку, кулон раскачивался над моей грудью, как колокол. Красные искорки вспыхивали и гасли. Где же Глория и мать ее?!

— Это был план Маргариты, — сказала Гвини. — Она хотела открыть дверь больше всего на свете.

— Только у сестрицы кишка тонка, — подала голос Амаранта.

Сестрица? Амаранта — сестра Маргариты?

— С потенциалом этой девушки у нее все получится. Осталось лишь выпустить душу Маргариты.

Высокая ведьма, похожая на индейского вождя, вышла вперед, вытащила из карманов узкого длинного платья, расшитого красным орнаментом, тонкие палочки, подтянула ближе высокий барабан, который я поначалу приняла за пень. Ритмичные звуки разнеслись по округе, заставляя сердце биться быстрее. Чем не сигнал? Они там еще и оглохли в небе?

Голова закружилась, в глазах заплясали черные мушки. Странный первобытный ритм околдовывал, вызывая в душе дикие желания. Если б я не была под заклятием, пустилась бы в пляс.

Гвини резким движением сорвала крышку с хрустального флакона.

Кулон ведьмы вспыхнул, озарив всю поляну красным светом. Вот тебе и сигнальная ракета. Юлька, где же ты?! Из кулона темной струйкой потянулся дым. Он вытягивался, густел, приобретая смутные очертания. Я похолодела, вжимаясь спиной в камень. Волосы встали дыбом. В густом сизом облаке открылись красные глаза, распахнулся зубастый рот. Призрак бабули-ведьмы получил свободу.

Худая рука с облупившимся маникюром зажала мне нос, вторая потянула за нижнюю челюсть, заставляя открыть рот. Призрак взвыл и рванул ко мне. Я почувствовала вкус пепла и гари во рту, легкие обожгло,

в глазах потемнело, а потом вдруг горячий дым вышел прочь. Я жадно втянула свежий прохладный воздух, сердце колотилось о ребра, словно в припадке.

Бабуля все еще висела надо мной, в клубящемся дыме угадывался силуэт женского тела.

— Что такое? — не поняла Гвини. — Почему Маргарита не может занять ее тело?

— Девочка не так проста. — Амаранта поднялась с пенечка, жестом приказала индианке остановиться. Звуки барабана прекратились, и вокруг снова воцарилась тишина.

Я увидела над собой лицо Амаранты: выступающие скулы, тонкий нос с горбинкой, на сухой шее бьется голубая жилка.

— Она не ведьма, — сказала царица, проведя пальцами по моей щеке.

— Как? — Гвини склонилась рядом с ней. — Ясно вижу — в девчонке полно темной силы.

— Только она ею ни разу не пользовалась. Ее ведьмина суть заперта, поэтому Марго и не может проникнуть. Чтобы завладеть телом, нужна червоточина, а ее нет. Сестра не может открыть даже эту дверь.

Тишина на поляне стала еще полнее. Я слышала собственное дыхание, со свистом вырывающееся из обожженных легких.

— Этого не может быть, — заявила Азель. — Маргарита все продумала. Она составила условия, я видела список.

— Вы слишком высоко оцениваете мою сестру, — пожала плечами Амаранта. — И недооцениваете девчонку. Она сумела обхитрить вас.

— И что теперь? — В черных глазах Гвини вспыхнула ненависть. Она подняла руку и лениво вlepила мне пощечину, оцарапав кожу сломанным ногтем.

Ругательства комом застряли у меня в груди.

— Можно ослабить ее, — задумалась царица. Она вытащила из складок платья узкий нож, отразивший пламя костра. — Тогда у Маргариты появится шанс. Отойдите подальше, мне нужен свет.

Ведьмы послушно удалились на край поляны, вытягивая шеи, с жадным любопытством наблюдая за царицей. Амаранта подняла с травы забытый кулон, взмахнула им, причмокнула губами, и призрак ведьмы всосало внутрь. Закрыв крышечку, она вложила кулон мне в руку.

— Пусть сестра еще немного подождет, — сказала она зрителям. — Мне не терпится снова с ней поболтать, но, право слово, она отвлекает.

Узкое лезвие ножа прошло около моего лица, чиркнуло в воздухе, будто рассекая невидимые пути. Амаранта наклонилась ко мне и

прошептала:

— А теперь — беги!

Я сорвалась с камня, понеслась газелью к ступе, оставленной у берега. Сзади сверкнула зеленая вспышка, раздался гром. Я споткнулась о торчащий корень, проехала носом по грязи. Вскочив, снова бросилась вперед.

— Держи ее!

Еще одна зеленая вспышка. Я с разбегу, даже не коснувшись высокого бортика, запрыгнула в ступу, едва ее не перевернула.

— Аер взняти! Борзо! Очень борзо! Гони, родная!

Ступа задрожала, взмыла вертикально вверх, так что у меня заложило уши от перепада давления.

Я обернулась, посмотрела на удаляющийся остров. У костра кто-то лежал, раскинув руки, рыжая Гвини размахивала длинной палкой, золотое платье Амаранты светилось, как экзотический цветок. Сейчас я просто не могла толком осознать, что произошло. Меня спасла царица? Сначала улечу подальше отсюда, а потом поразмыслю. Похоже, я отделалась малой кровью. Не успела я порадоваться своей удаче, как с острова вслед за мной, подняв тучи желтого песка, взмыли три ступы.

Я слегка наклонилась вперед, пытаюсь ускориться, поднялась выше, чтобы затеряться в редких облаках. Мимо пушечным ядром просвистел зеленый шар, чиркнув по краю ступы. Я закружилась, отброшенная ударом, едва не вылетела, как с карусели. Сзади раздался каркающий смех. Старая ведьма догоняла меня, скаля в раззявленном рте единственный желтый клык. Позади летели японские школьницы, разноцветные волосы переливались в свете луны. Они перекрикивались друг с дружкой, и я на миг пожалела, что пошла учить китайский, а не японский. Восстановив управление ступой, я снова ускорила.

— Левно! Одесно! — командовала я, и ступа петляла, как заяц, уходящий от погони. Мимо пролетели еще два зеленых шарика. Я присела, спрятавшись с головой. Ярко-розовая светящаяся стрела молнией прорезала небо над моей макушкой, взорвалась снопом искр. Я бормотала команды наобум, и, похоже, только моя непредсказуемость помогала не попасть под прямой удар. Хриплый смех старой ведьмы раздался совсем рядом, я даже слышала постукивание ее деревянного башмака. Казалось, сейчас ко мне протянется рука, щелкающая скрюченными пальцами. И вдруг небо вспыхнуло, воздух ощутимо потеплел. Я, еще не веря своему счастью, осторожно высунула нос из ступы. Глория, прекрасная, чудесная

Глория неслась ко мне на всех парах, раскрыв алые крылья и выпуская из пасти пламя.

— Вася! Правее! — Юлька махнула мне рукой, я послушно ушла в сторону, и огненный залп расчертил небо пополам.

Надо было бы хорошенько ввалить Юльке за ее опоздание, но сейчас я едва не рыдала от счастья. Седая ведьма штопором летела вниз, оставляя за собой спираль желтого дыма. Раздался всплеск — черная река потащила опаленную ступу вниз по течению.

Набрав скорость, я мчалась вперед. Небо полыхало драконьим огнем, розовые стрелы японских ведьм сыпались, как метеоритный дождь. Внизу показались Большие Запоры, дракон-флюгер на таверне указывал направление к моему холму, но я решила притормозить, чтобы полюбоваться воздушным сражением. Обернувшись, я, к своему удивлению, увидела Глорию, которая едва успела накренить свою тушку, чтобы не врезаться в меня.

— Куда? — завопила я ей вслед.

Ерема при крутых маневрах дракона сполз и теперь болтался на хвосте, как мишка коала, обняв его руками и ногами. Звонкий смех японок приближался, и я помчалась догонять дракона, высматривая в ночи крышу родного дома.

Приземлившись во дворе, я рванула к открытым дверям, где уже приплясывала Юлька. Хвост Глории вместе с Еремой мелькнул и исчез за углом.

— Что ты творишь? — крикнула я, взбегая по ступенькам. — Шлялась неизвестно где, а теперь удираешь...

— Это все Глория! — выкрикнула Юлька, до боли стискивая мою руку. — Сначала она высмотрела какого-то заблудшего волка и пока не догнала его, не успокоилась. Вася, это было так страшно... Бедный волк!

— Бедный волк? — отпрянула я от подруги. — Серьезно? Я лежала на жертвенном алтаре, потом в меня чуть не вселили дух бабки-ведьмы, в финале Амаранта махала ножичком у моего лица, а ты жалеешь волка? А теперь куда Глория умотала? Она дракон или кто?

— Она боится детей. — Юлька расширившимися глазами посмотрела за мое плечо, и я обернулась. Японские ведьмы приземлились за забором, легко перепрыгнули его, кувырнувшись через голову. Короткие юбочки подлетали, белые гольфы светились в темноте. Одна, повыше, оттолкнулась от тыквы и, сделав сальто и сверкнув белыми трусиками, опустилась в боевую стойку.

— И это дети? Я не выйду. — Я замотала головой, отступая подальше

от порога вглубь дома. — Я лучше изнутри заколочусь.

Вторая хотела повторить эффектный прыжок сестры, но тыква под ее ногой раскололась, и ведьма, взвизгнув, растянулась на грядке.

— Брюс! — подпрыгнула Юлька. — Вася! Ты только погляди!

Тяпка крутилась, как пропеллер вертолета, розовая ручка мелькала то там, то тут. Ведьмы отбивались от тяпки, вскидывая коротенькие ножки, со свистом рубя воздух ладонями. Пару раз Брюс отлетал до самого сарая, но тут же отряхивал зубчики и возвращался в бой.

— Давай, Брюс! — подбадривала я тяпку. — Мочи японцев!

В конце концов ведьмы сдались и удрали, выбежав через калитку. Разорванные юбочки висели лохмотьями, на белых рубашках остались рваные прорехи, словно от когтей. Две ступы взлетели и растаяли в звездном небе.

— Интересно, кого он защищал, — задумалась Юлька, — нас или свои драгоценные тыквы?

— Мне все равно. — Я наклонилась к тяпке, подползшей к порогу, протянула руку, чтобы ее погладить, и вдруг поняла, что все еще сжимаю кулон, вложенный мне в ладонь Амарантой. Калитка скрипнула, и я выронила кулон, который с мелодичным звоном скатился по ступенькам в траву.

Во двор вошла старая ведьма. Вода стекала по ее лохмотьям, седые волосы повисли вдоль худого лица серыми плетями. Она перехватила удобнее изогнутую клюку и живенько похромала к нам. Вода хлюпала в деревянных башмаках, на тропинке оставались мокрые следы.

— Брюс! Еще одна! — крикнула Юлька, однако тяпка уже уползла к грядкам.

Я метнулась в дом, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

Скрипнули ступени, тяжелые башмаки стукнули у самого порога. Сиплое дыхание ведьмы послышалось прямо за дверью.

— Мэдхен, — хрипло произнесла она. — Оффен.

— Хрена с два, — ответила Юлька. — Не открывай, Вася.

За дверью раздался какой-то свист, стук, бульканье.

— Все в порядке, — глухо прозвучал голос Еремы. — Не бойтесь.

Я осторожно приоткрыла дверь, сдвинув клюку, валяющуюся у ног, выглянула в щелочку. Ерема стоял у крыльца, его меч был черный, будто он сунул его в мазут. Густые капли медленно стекали на траву. Тело ведьмы лежало под кустом, башмаки вывернулись стоптанными каблуками к небу. Последнее, что я увидела перед тем, как упасть в обморок, — это голова старой ведьмы на тыквенной грядке.

После шабаша я заболела. Не знаю, что было тому виной. Может, жертвенный алтарь был слишком холодным и сырым, или меня продуло, когда я на всех парах удираю от вражеских ведьм, или же, скорее всего, впускать в свое тело злобных призраков, даже на пару мгновений, чревато последствиями. Я неделю провалилась в кровати, меня бросало в жар, от которого плавилось тело, а потом я просыпалась с криками и в холодном поту. Юлька бегала вокруг меня то с компрессами, то с малиновым чаем. Я безропотно выпивала все таблетки и сиропы, которые она мне подсовывала, и проваливалась в кошмары.

Однако через неделю болезнь ушла. Меня слегка шатало, и мимо своего отражения в зеркале я прошмыгнула, зажмурившись, но лихорадка отступила. Я тщательно вымыла волосы, растерла все тело жесткой мочалкой. Кажется, я заметно похудела. Жаль, запатентовать диету вряд ли удастся: принимайте злобный призрак внутрь по чайной ложке — и минус пять килограммов за неделю вам обеспечено. Бонус — красочные яркие сны. Завернувшись в любимый халат и закрутив мокрые волосы в чалму из полотенца, я спустилась вниз. Заглянула к Амфибрахию, который тут же подгрел под бледное пузо выкатившуюся монетку и воззрился на меня с явной тревогой. Потом зашла на кухню.

Юлька топталась у плиты возле дымящегося кофейника, свеженькая, как подснежник, в голубой пижаме и белом переднике, светлые волосы небрежно заплетены в косу. Юлька обернулась на мои шаги и удивленно воскликнула:

— Зачем спустилась? Я бы отнесла тебе все наверх!

— Надоело болеть, — ответила я, усаживаясь на стул и пододвигая к себе чашку, в которую Юлька осторожно налила обжигающий кофе. — У нас есть чего поесть?

— Может, супчика куриного? Я вчера сварила. А вот пирог, попробуй, вкуснотища!

Я критически посмотрела на крохотный треугольник пирога на большом блюде. Отломила ложкой кусочек.

— Понятно, почему так мало осталось, — сказала я, прожевав.

— А то, — улыбнулась Юлька, усаживаясь рядом. — Ты не представляешь, каких волевых усилий мне стоило не доест последний кусок. И никогда не угадаешь, откуда он вообще взялся.

— Хотя не от Амаранты угощение? — замерла я с ложкой у рта.

— Нет. Перейду сразу к делу: Ерема влюбился! — выпалила Юлька.

— Да ладно! — Я едва не поперхнулась пирогом. — В кого? В тебя?

— Чур меня! — отшатнулась подруга. — К тебе мельничиха снова приходила. Требовала приворотного зелья и мужика. Возмущалась тут, шумела. Я Ерему попросила, чтобы он ее уговорил. Ну и вот. Теперь она нам пироги носит и булочки, с пылу с жару. Я за неделю два кило набрала.

— Боже мой! — Я расплылась в улыбке. — Представляю, как она о нем говорит, в этой своей манере: одноглазый, но злобный. Агрессивный, зато молчун.

— Ерема расцвел, как майская роза. Стал спокойнее, радостнее. Я случайно подслушала, как они прощались: он говорил, что повязку носит, чтобы не ослепнуть от ее красоты. — Юлька сентиментально вздохнула, а я нахмурила брови, пытаясь вызвать в памяти образ мельничихи. Помню, красоты там было очень много, не меньше сдобного центнера, припорошенного мукой.

— Совет им да любовь, — вынесла я вердикт. — А как же они... Ерема пост оставляет?

— Нет, — покраснела Юлька. — Они далеко не отходят.

— Хм, октябрь заканчивается, впереди холода, — задумалась я. — А впрочем, это их проблемы. Я Ерему не держу.

— Но согласишься, он нам очень пригодился, — осторожно заметила Юлька.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Голова старой ведьмы, лежащая рядом с тыквой, и темные капли, стекающие на траву, уверенно держали лидерство в моих кошмарах. Главным конкурентом был только призрак бабули, скалящий зубы мне в лицо.

— Ведьму он похоронил где-то в лесу, — продолжала подруга. — Глория окопалась в своей пещере и пару дней не выходила. Наверное, стыдно было. Я ее тренирую: показываю фотки волков и детей, учу сдерживаться. Результаты пока так себе... Амфибрахия и кот я кормила-поила, Грех, кстати, постоянно возле тебя лежал, пока ты болела.

Я недоверчиво посмотрела на Юльку.

— А Брюс очень переживал по поводу тыкв, растоптанных ведьмами, — говорила подруга. — Ползал туда-сюда, иероглифы рисовал. Сейчас вроде успокоился. Я посчитала — осталось сорок пять тыкв, с запасом.

Я кивнула. Тыквы — следующий пункт программы. Шабаш можно вычеркнуть. Разок поучаствовала — и хватит. Больше меня туда и пирогами мельничихи не заманишь. Я с сожалением посмотрела на опустевшую тарелку, подобрала пальцем крошки.

— А вот еще! — Юлька вынула из кармана белого, как облако,

передника черный кулон ведьмы, положила его на стол. — Нашла в траве, представляешь? Вот было бы обидно, если бы он потерялся.

— О да, — протянула я, глядя в мерцающую искорками глубину. — Наверное, теперь и я должна тебе кое-что рассказать.

После того как я поведала в деталях о том, что произошло на шабаше, мы с Юлькой молча уставились на кулон.

— Может, выкинуть его? — предложила подруга.

— А вдруг он попадет в руки кому не следует?

— Выпустить бабулю, чтоб упокоилась с миром?

— У нее отсрочка от ада на год, помнишь договор с инкубом? Нам еще злобного призрака тут не хватало, в компанию к темному богу.

— Похоже, ты уже решила, что с ним делать. — Юлька кивнула на кулон.

— Да, — сказала я. — Ничего.

Юлька вскочила со стула, принялась ходить туда-сюда по кухне.

— А внезапная доброта Амаранты? Как ты ее объяснишь?

— Никак.

— Может, она просто хотела насолить сестре? Да и вообще, зачем ей этот заговор? Она и так неплохо устроилась. А вот за твое спасение было бы неплохо ее отблагодарить, — задумалась Юлька.

— Я бы не спешила записывать ее в подружки, — сказала я. — Она ведьма, теперь это очевидно. К тому же очень старая и хитрая.

— И что ты предлагаешь? — Юлька остановилась посреди кухни. — Что теперь?

— Пора собирать урожай. — Я потянулась, стащила с головы полотенце, разобрала влажные волосы пальцами на пряди. — Займемся тыквами. У меня есть подробная инструкция, что с ними надо делать в последнюю ночь октября, и у нас осталось не так много времени.

За последнюю неделю ощутимо похолодало. Ветер кружил желтые листья, утиный клин потянулся над лесом. Грех распушил шерстку и сидел на заборе, нахохлившись, как старая ворона.

Брюс выкапывал подсохшие стебли, ловко поддевая их зубчиками, Ерема откатывал тыквы к крыльцу, на обычно непроницаемом лице охранника то и дело мелькала улыбка, стоило ему бросить взгляд на тропинку к деревне. Мы с Юлькой устроились на ступеньках с острыми ножиками в руках. По инструкции, найденной в книжке-чудеснице, мы должны были освободить тыквы от мякоти, оставив в коже небольшие

прорези. Я орудовала ножом как мясник, не заботясь о художественной стороне дела. Куски тыквы рачительно складывала на деревянный поддон, сколоченный Еремой. Узнав, что мы собираемся выбрасывать мякоть, он предложил отдать ее мельничихе.

— У Любомилы все найдет применение, — сказал он и снова быстро глянул за забор.

Я попыталась выдать не очень пошлую шутку, но, по-видимому, болезнь не прошла бесследно, так что я просто кивнула.

Тыквы уродились не крупные, зато оранжевые, как апельсины. Я выскребала внутренности, стараясь не слишком повредить внешнюю оболочку, и складывала пустые тыквы сбоку от крыльца. Юлька же творила. Из-под ее ножа на тыквах появлялись лица, и все со своим характером: задорная девочка-тыковка с круглыми глазками, улыбкой и ямочками на щечках; тыквенный гном с бородой и мохнатыми бровями; злобная тыква, распахнувшая рот в оскале...

— Узнаешь? — Юлька повернула ко мне очередную тыкву с носом-картошкой и повязкой на одном глазу.

Я хмыкнула и положила тыкву-Ерему к остальным. Брюс ползал по грядке, сгребая сухие стебли и листья, разравнивая почву. Похоже, он стал совсем самостоятельным, научился принимать решения, не ожидая моих команд. Глория выкатилась из-за дома, осторожно понюхала тыквы, резиновый нос сморщился складками, как голенище старого сапога. Она ткнула мордой мне в плечо, и я вынула из кармана припасенную конфетку.

— Ты ее балуешь, — недовольно заметила Юлька.

— Имею право, — ответила я. — Она в некотором роде моя племянница.

— Страшноватая племяшка, — усмехнулась Юлька, погладив дракона по шершавой макушке.

— Так и тетя тоже... — Я помолчала, собираясь с духом. — Юлька, а тебя не напрягает, что, если верить Амаранте, я — ведьма с большим потенциалом?

— Нет, не напрягает, — спокойно ответила подруга. — В твоём потенциале я никогда не сомневалась.

— Но все же во мне есть страшное зло, темная сторона...

— Ой, сколько пафоса! — фыркнула подруга. — Тоже мне, темный властелин! Слушай, Вася, в каждом человеке есть черная сторона, совсем беленьких нет, или очень-очень мало. Ты один из самых добрых людей, которых я знаю, и я верю, что ты сможешь держать свою ведьму в узде.

Если уж Глория учится самоконтролю, то в тебе всяко больше способности к обучению. Смотри.

Она вытащила из-под попы пачку распечаток, сунула одну дракону под нос. Глория отшатнулась, хвост мелко задрожал.

— Видишь? — Юлька повернула ко мне лист, на котором оказалась фотография толстого веселого младенца. — А раньше бежала и в пещере пряталась. Прогресс налицо.

— Очень вдохновляющий пример, — буркнула я.

— Ладно... — Юлька положила еще одну пустую тыкву в гору к остальным. Раскосые глаза и веселый рот напоминали японских ведьм. — Мы три дня угрожали на это, без сомнения, очень интересное и творческое занятие, что теперь?

Мы установили тыквы в два параллельных ряда от корявой сосны, торчащей позади пещеры Глории, до следующего холма. Здесь был практически единственный ровный участок — рывины и холмы за моим домом напоминали поле боя. Возможно, так оно и было. Если когда-то в этом самом месте провели ритуал, разделивший миры, это должно было оставить след. Юлька возилась с рулеткой, замеряя расстояние между тыквами.

— Было бы проще, если бы ведьмы использовали метрическую систему мер, — заявила она, складывая рулетку. — Готово. Везде по два аршина, между рядами — четыре.

— Теперь расставляем свечи.

Мы засунули по свече в каждую тыкву. Я старалась не комплексовать, но мои тыквы казались нелепым убожеством по сравнению с творениями Юльки.

Над Запорами опустились сумерки, в туче, сгустившейся над лесом, мелькали всполохи молний. Я поежилась и натянула капюшон пуховика.

— А зачем это все? — спросила Юлька.

— Да кто его знает! — Я зажигала свечи, и в темноте постепенно вырастали две полосы огней. — Наверное, ведьмовская традиция. Видать, Хеллоуин пришел к нам из этого мира.

Я зажгла последнюю свечу, спрятала спички в карман и отошла к подруге, чтобы полюбоваться нашим творением. Огненные тыквы мягко светились в темноте — теплая дорожка посреди холодной осенней ночи. Начал накрапывать мелкий дождик, и я было забеспокоилась, как бы свечи не погасли, но если мы все сделали правильно, то сверху свечи защищены от влаги. Что ж, это условие Маргариты тоже можно считать выполненным.

— Красиво, — подал голос Ерема, прячущийся под карнизом

крыши. — Для кого эта дорога?

— Вася, а ведь это на самом деле похоже на дорогу. В твоей инструкции больше ничего не указано? — заволновалась Юлька.

— Ни слова, — ответила я, внутренне напрягаясь. — Думаешь, очередная бабкина подлянка?

— А чего еще от нее ждать? — справедливо заметила Юля. — Знаешь на что это еще похоже? На взлетную полосу!

Я посмотрела вверх. В небе, затянутом облаками, зажглись две красные звездочки. Или это чьи-то глаза? Сгусток тьмы в небе приобрел очертания, захлопал крыльями.

— Бежим! — крикнула я и, схватив Юльку за руку, потащила в дом.

Я захлопнула дверь с такой силой, что та задрожала. После шабаша я расслабилась, решила, что все страшное позади — и вот на тебе, очередной подарочек бабули.

— Вася, кто это? Я видела крылья. Это дракон? — спросила Юлька, а я в очередной раз порадовалась, что рядом со мной есть подруга. Все же вдвоем не так страшно.

— Понятия не имею, — ответила я. — Может, привиделось?

— Марго-о-о! — Голос, прозвучавший из-за двери был низким и бархатистым, обволакивающим, словно теплый плед. — Марго, любовь моя, открой!

— Ее здесь нет, — пискнула я.

После паузы в дверь аккуратно постучали. Три ровных одинаковых удара.

— Как хорошо, что дом под защитой, — прошептала Юлька. — Это реально спасение.

После этих слов дверь с треском сорвало с петель, и она отлетела в сторону, осыпаясь щенками. На пороге, заслоняя дверной проем плечами, стоял мужчина: черные влажные кудри разметались по плечам, ноздри тонкого носа с горбинкой раздувались. Несколько портили впечатление красные горящие глаза да клыки, выступающие за губы сверху и снизу, как у дикого кабана. Черные крылья, сложенные за спиной, волочились по ступенькам, как плащ.

— Нельзя! — взвизгнула я. — Сюда нельзя!

— Вот тебе и темный властелин, — прошептала Юлька, сползая по стеночке.

Холодный воздух ворвался в дом, брызнул в лицо холодными каплями дождя, приводя в чувство.

— Маргариты здесь нет, — собрав всю смелость, ответила я. — Она умерла.

— Я знаю, — ответил мужчина. — Марго должна была вернуться. Но ты — не она...

Красные глаза вспыхнули вместе с молнией над лесом.

— Раз мы все выяснили — до свиданья! — На этих словах мне бы хотелось захлопнуть дверь, но она валялась у забора. Силищи у этого воплощения тьмы не занимать.

Мужчина протянул руку, палец с острым серым ногтем отпружинил от защиты дома. Действует, слава богу, действует!

— Впусти меня, — сказал он. Бархатный голос проникал в голову, превращая мозг в вязкое липкое желе.

— Мы даже не знакомы, — пробормотала я и ущипнула себя за руку, пытаюсь избавиться от наваждения. Еще один демон?

— О нет, я не демон, — усмехнулся мужчина. Он и мысли читает? — Меня зовут Гриффер, для тебя, юная ведьма, можно просто Грифф.

Красные глаза сузились, потемнели, приобретая спокойный шоколадный цвет.

— Вася, — пробормотала я. — Василиса.

— Маргарита выбрала прекрасное тело. — Теплые глаза прошлись по мне оценивающим взглядом. — Жаль, что ее план не до конца удался. Иначе я бы уже пробовал твою кровь на вкус. Тебе бы понравилось.

— Ты — вампир? — спросила я.

— Кто же еще, — удивился Грифф. — Впусти меня.

Его голос отражался эхом от стенок моей головы, гулкой, словно пустая больничная палата.

— Тебе надо выполнить еще одно условие Маргариты, — продолжал нашептывать голос. — Впусти меня, и я пройду в ваш мир. Я не человек, не животное, я подхожу, впусти меня, Василиса.

Он просвистел мое имя, как змей, кончик языка скользнул по клыкам.

— Нет, — пробормотала я, отодвигаясь вглубь дома и оттаскивая за собой Юльку, которая валялась у стеночки в полуобморочном состоянии.

В дверном проеме, загороженном вампиром, мелькнула тень. Молния вспыхнула на мече Еремы, я ахнула, но вампир быстро взметнул руку и перехватил клинок. Он поднял его в воздух, Ерема, не отпускающий рукоять, взмыл следом, ноги оторвались от земли.

— Я чувю приближение теплокровного за версту, — произнес Грифф. Он сжал второй рукой горло Еремы, сдавил пальцы. Глаз охранника, не скрытый повязкой, выпучился. — Даю тебе второй шанс, Василиса. Впусти

меня. Тебе дорог этот человек?

Грифф обнюхал Ерему, глаза вампира снова вспыхнули красным. Он вдавил когти в шею сильнее, алые струйки потекли по пальцам. Грифф зажмурил глаза и с наслаждением слизал кровь длинным мясистым языком. Я молчала, зубы стучали, будто в припадке. Пустить его? И что дальше? Ерема хрипел, лицо его багровело, меч вывалился на траву. Я увидела розовую ручку Брюса на ступеньках. Прыжок, свист — и зубчики воткнулись в плечо вампира. Грифф с досадой выдернул тятку, осмотрел и с силой швырнул куда-то вдаль. Хорошо, если не до Китая. У них тут есть Китай? Раз уж наши миры территориально схожи... Глупые мысли скакали в голове, как буйные пациенты на пружинных кроватях. Если я его впущу, скорей всего, он прикончит нас всех. А может, это план «бэ» Маргариты, на случай, если с шабашем не выйдет. Тогда вампир убьет моих друзей, а в меня вселит бабку-ведьму, найдет способ. Глаз Еремы закатился.

— Я выпью всю его кровь. А потом пойду в деревню и осушу ее до капли. — Вампир улыбнулся, кровь стекала по его подбородку.

Злость ошпарила горячей волной, в воздухе запахло азотом. Лицо вампира удивленно вытянулось, хватка ослабла, и Ерема с хрипом вздохнул.

— Так вот ты какая, — протянул Грифф, не сводя с меня пылающих глаз. — Может, нам с тобой и не нужна Маргарита, как считаешь?

По рукам словно пробежал электрический разряд, тело пульсировало от энергии. Волосы разметались, как от порыва ветра. Я сама не знала, на что сейчас способна.

И вдруг я услышала странный звук. Воркование голубей? Осенью? Из-за плеча вампира выросла Глория. Она выгнула шею, точно лебедь, красующийся перед подругой, из глиняной груди рвалось то самое урчание. Прикрытые глаза вспыхнули светом фар, вампир резко обернулся, но было уже поздно — грабли Глории обхватили его и притянули к себе. Вампир захрипел, рука, сжимавшая Ерему, разжалась. Мой охранник упал на ступеньки, закашлялся, засипел. А дракоша уже прижимала вампира к себе, второй граблей поглаживая его кожистые крылья. Грифф дернулся, с размаху вонзил клыки Глории в шею.

— Уруру. — Кажется, в этом звуке я уловила восхищение и нежность. Глория высунула черный шершавый язык и облизала вампиру и тонкий хищный нос, и окровавленный подбородок с ямочкой. Вампир дернулся снова, пытаясь вырваться из крепких объятий, но Глория лишь прижала его теснее. — Ха-рро-шы-ы.

Она развернулась и покатила к озеру. Черные крылья вампира

подрагивали, пытаюсь расправиться, ноги в щеголеватых черных сапогах с золотыми шпорами сучили, не доставая до земли.

— Это Гриффер, первый вампир, — откашлявшись, просипел Ерема. — Я слышал о нем. После разделения миров его посадили в какую-то магическую тюрьму. Отпускают раз в году.

Бледная Юлька встала с пола, оперлась на мою руку.

— У меня такое чувство, будто он мне все мозги высосал! Отчего ж его не казнили?

— Соглашение с высокими о сохранении видов. Из-за этого соглашения и Сумеречный лес не вырубili, как давно надо бы сделать. Я не очень разбираюсь в дипломатии. Вы лучше у воеводы спросите, как вернется.

— Надо убить вампира, — сказала я, глядя вслед удаляющемуся силуэту дракона. Кажется, Глория решила полюбоваться грозой у озера. Такого сильного, клыкастого да еще и крылатого мужчины ей раньше не попадалось. Можно надеяться, что она его долго не отпустит.

— Эй, полегче, — встряла Юлька. — Спрячь свою ведьму поглубже.

— Ты его слышала? Это чудовище похлеще моей бабули. Его нельзя оставлять в живых. Не сегодня, так через год он найдет способ нам отомстить. Или ты хочешь превратить Большие Запоры в Мертвые?

— Да нет, я целиком поддерживаю твоё предложение, — пожалала плечами Юлька. — Но тебе ведь надо быть хорошей, чтобы бабуля не могла подселиться в твоё прекрасное тело сорок второго размера. Так что давай притворимся, что идея исходила от меня. Надо убить вампира!

Мы повернулись к Ереме:

— Как его прикончить?

— Я точно не знаю, — задумался Ерема. — Вроде серебряные пули его берут, кол в сердце из кладбищенской осины. Ну и солнце, конечно.

— Солнце подходит, — кивнула я.

— Надо дать Глории четкие инструкции. — Юлька застегнула молнию на куртке, натянула капюшон. — Пошли?

Мы втроем спустились к озеру. Глория заняла своё излюбленное место на берегу, бормоча и воркуя, как тетерев на току. Вампир все еще не сдавался. Он пытался вырваться, вгрызлся в резиновую шею Глории, царапал шпорами шины, но, кажется, еще больше распалял страсть дракона.

— Глория, девочка моя, — ласково позвала ее Юлька. — Ты его держи крепко, не отпускай.

Глория повернула на нас фары, заставляя зажмуриться от света,

кивнула, улыбнулась капканом зубов. Хвост обмотал ноги вампира, стянулся тугими кольцами.

— Пока солнышко не покажется, — добавила я.

Пусть высокие вычеркивают его из Красной книги. А то ишь как хорошо устроились! Сами-то небось не отбиваются от сумертов и прочих чудовищ, сидят себе в своем высоком мире, а сюда и носа не кажут.

— Это просто ужасно, — выглянул из воды Кореней. — Это катастрофа! — Его картавое «р» сегодня звучало особенно трагично. — Этот крылатый прохиндей снова тут? Не говори, Василиса, что он и тебя пленил так же, как и Марго.

— Да тут у нас любовный треугольник, — сообразила Юлька.

— Если бы не он, Марго была бы моей! Так нет, явился, крылья распустил, песен ей напел, петух клыкастый, внушил дурацкие планы по покорению мира.

— Постой, Кореней, так ты был в курсе заговора? — удивилась я.

— Да какой там заговор, тоже мне, заговорщики, — отмахнулся водяной. — Но женщины любят революционеров. Предпочитают их настоящим семейным мужчинам.

Он выглядел таким печальным, сидя в холодном озере под дождем, осыпаемый к тому же брызгами гейзера, что мне его стало до боли жаль.

— Послушай, Кореней, как насчет вечеринки? — выпалила я быстро, пока не передумала.

— Сразу — да, — ответил водяной, двигаясь к берегу. — Я на подъем легкий.

— Что ты задумала, Вася? — спросила Юлька.

— Сегодня Хеллоуин, — ответила я. — Повсюду карнавалы, ряженные. Мы проведем Кореней в наш мир и выполним последнее условие бабули. Значит, так. Я звоню Онисию — брату домового, и зову его сюда, для равновесия. Ты гуглишь, где дискотека с карнавалом. Потом переодеваемся и идем на танцы!

— Танцы! Обожаю! — Водяной подпрыгнул и хлопнул ластами в воздухе.

Юля с сомнением посмотрела на светящееся радостью зеленое лицо.

— Он еще возьмет приз за лучший костюм, вот увидишь, — уверила я ее. — Ерема, — повернулась я к охраннику, который все еще держался рукой за шею и дышал с явным трудом. — Мы сегодня в ваш мир больше не пойдем. Так что иди-ка ты к Любомиле, полечись. На тебя смотреть больно.

Ерема посмотрел на меня с благодарностью, кивнул.

— А ты, кровосос, наслаждайся романтикой. Твоя последняя ночь. Тебе наверняка есть о чем подумать.

Хорошо, что Грифф не мог испепелять взглядом. Глаза его яростно полыхнули:

— Я вас...

Дракоша нежно уткнула вампира себе в грудь, не дав договорить, и смачно облизала черную как смоль макушку.

Я проснулась от равномерного стука. И тут же закрыла глаза. Не буду открывать, задолбали. Не знаю, кого там еще принесла нелегкая, но пусть катится к чертовой бабушке. Стук продолжался. Тихий, равномерный, ненавязчивый, он даже убаюкивал. Но куда стучат-то? Дверь вчера вампир выломал. Теплая подушка под моей щекой чуть шевельнулась, и я, вздрогнув, открыла глаза. Воевода ласково отвел прядь волос мне за ухо, поерзал, устраиваясь удобнее, и я опустила голову ему на грудь. Сердце под моим ухом снова застучало.

— Расскажешь, что тут у вас было?

Я внутренне застонала. Вспомнить бы самой. Начало вечера помню хорошо. Мы встретили Онисия, провели его в сказочный мир прямо в объятия его брата, домового. Нарядили водяного в мою толстовку с капюшоном и спортивные штаны. Он сиял, как новогодний шарик, и искрился весельем. Юлька вырядилась Золушкой, вопреки моим намекам на Красную Шапочку, я прихватила метлу и не стала причесываться — вуаля, фейс-контроль на входе в клуб мы прошли на ура. Охранники даже похвалили наши костюмы. В клубе мы с Юлькой взяли бутылку шампанского и отметили каждый пункт ведьминых условий. За тыквы и вампира выпили не чокаясь. Трижды. Потом воспоминания становятся прерывистыми, как вспышки светомузыки.

Вспышка.

Корней танцует у пилон. Его зеленая плешь светится в лучах прожекторов.

— Водяной такой гибкий, — удивляется Юлька, серебристая туфелька, расшитая пайетками, качается на носке ее ноги. — И обаятельный.

— Так, давай закусывай, — говорю я, протягивая ей шоколадку.

— Оставлю для нашей девочки. — Юлька прячет шоколад в сумочку.

Вспышка.

Корней позирует для фото в компании девчонок, разодетых кикиморами, русалками и ведьмами.

— Они все отстой, — говорит Юлька. — Вот ты — реально ведьма.

— Спасибо. А Кореней, похоже, станет звездой Инстаграма.

Вспышка.

Водяной целуется с полнотелой русалкой, покачиваясь в медляке. Перепончатые лапы прилипли к круглой заднице, обтянутой чешуйчатой юбкой, к которой приклеен хвост из фольги.

Юлька танцует с зомби.

— За счет заведения. — Бармен пододвигает мне зеленый коктейль, играя ямочками на щеках.

— Вам бы пошла борода, — говорю я, соломинка никак не попадает в рот. — Борода — это круто.

Вспышка.

Коренею дают приз за лучший костюм — бутылку мартини. Дальше — большой пробел, и вот мы уже дома. Потом произошло что-то ужасное, трагическое, от этого воспоминания сердце сжалось от боли.

— Амфибрахий умер!

Юлька рыдает, я рыдаю, водяной липнет носом к террариуму, потом орет на нас, срываясь на фальцет:

— Дуры! Он впал в зимнюю спячку!

Теперь мы рыдаем от облегчения. Водяной баюкает жабу на груди, укутав ее в мою толстовку.

Вспышка.

Онисий и Степан Аркадьич таскают друг друга за бороды на нашем дворе. Неуверенный осенний рассвет заливает небо мутным золотом. Я сметаю пепел, оставшийся от вампира, или скорее размазываю его тонким слоем по берегу озера. Юлька с Глорией задумчиво едят шоколадку, честно ее располовинив...

— Что случилось с дверью? — прерывает мои воспоминания воевода.

— Ах дверь, — вспомнила я. — Знаешь, давай я расскажу тебе все с самого начала.

Честно говоря, был большой соблазн утаить от воеводы и шабаш, и историю с вампиром. Сердце точил червячок сомнения, что вряд ли он спокойно воспримет все эти события. Но мне не хотелось от него ничего утаивать. Тем более врать я никогда не умела. Начнешь, потом запутаешься в показаниях, сама же забудешь, что говорила, и правда все равно выплывет. Воевода слушал мой рассказ, поглаживая меня по плечам, спине. Его сердце иногда ускорялось, особенно в момент рассказа о жертвенном камне, призраке бабули и погоне. Несколько раз ритм и вовсе замирал, чтобы потом снова застучать под моим ухом. Его прикосновения были легкими, руки теплыми, я млела в объятиях Яра, даже голова перестала

болеть. Вот оно, настоящее чудо — лучше живой воды.

— Василиса, — сказал он, и я едва не замурлыкала от ласки в его голосе, — ты просто невозможна.

— Я ведьма, — улыбнулась я, скатившись с его груди и потянувшись. — Теперь я — настоящая наследница Маргариты.

— Зачем тебе это? — спросил Яр, его рука опустилась мне на грудь, аккуратно погладила. Он вытянулся рядом, легонько поцеловал. Такой красивый, настоящий, сильный. Мои руки сами потянулись к его плечам, огладили выступающие мышцы, прошлись по рельефному прессу.

— Яр, это ведь так здорово — иметь возможность жить в двух мирах!

— Однажды тебе придется сделать выбор.

— Почему это? Я так поняла, ведьмы пост не покидают. Разве что в случае кончины.

— Ладно. А твои дети? В каком мире они будут жить?

Я села в кровати, отодвинувшись от воеводы.

— Так далеко я не заглядывала.

— По ты ведь захочешь детей однажды?

— Наверное. Когда-нибудь. Послушай, Яр, ты слишком спешишь. То замуж, то теперь дети.

— Василиса, не будь такой упрямой эгоисткой. — В голосе воеводы послышался металл. — Подумай, если ты забеременеешь, а это вполне вероятно, несмотря на мои отлучки, то детям всяко лучше будет расти в полной семье, и с мамой — благопристойной женщиной, а не ведьмой. Нам хорошо вместе, я готов идти на разумные уступки. И жду от тебя разумности.

Я хмыкнула. В голове вспыхнуло и разорвалось еще одно воспоминание — мы с Юлькой танцуем, обнявшись, на барной стойке.

— Яр, я пока не готова идти на такие... — с языка чуть не сорвалось «жертвы», но я вовремя одумалась, — такие решительные меры.

— Василиса, я не могу жить во грехе, меня это терзает. Я хочу приходить домой к жене, к детям, в уютный дом, а не находить двери в огороде и с замиранием сердца подниматься по лестнице, молясь всем светлым богам, чтобы моя любимая была жива. Разве тебе плохо со мной? Ты так говоришь, будто выйти замуж за меня — это невесть какое одолжение с твоей стороны! — Кажется, теперь воевода рассердился, а я чуть не растаяла, — он впервые назвал меня любимой. Или не меня, а гипотетическую жену? А ведьма такого почетного звания не заслуживает?

— Да, ты можешь быть милым и заботливым, но чего ты в итоге хочешь? Засадить меня в дом, наделать кучу детишек и потом свысока

отдавать приказы? Ты не одобряешь мои курсы китайского, мой стиль одежды, мой мир. Подчеркиваешь, что я ведьма, как будто сам делаешь одолжение, встречаясь со мной! И ни на какие уступки не готов! — выпалила я. Похмельная боль снова постучала изнутри черепушки.

— Я предлагаю руку и сердце ведьме. Я! Воевода! Разве это не достаточная уступка?

— Ах вот как? — Теперь и я рассердилась. — Понятно, почему ведьмы решили выпустить темного бога! Это же дискриминация! Отношение к ведьмам как к существам второго сорта! Может, мне тоже стоит примкнуть к рядам заговорщиков? Говорят, потенциал у меня что надо!

— Василиса! — Светлые глаза воеводы потемнели. — Подумай, что ты говоришь.

— Подумала, — кивнула я и, встав с кровати, четко произнесла: — Я запрещаю тебе заходить в мой дом, Яр.

Воеводу выбросило из кровати словно ураганом, протащило по лестнице, я услышала глухой удар, зажмурилась. Кажется, когда он вошел в дом, то прислонил за собой дверь, закрыв проем.

— Василиса! — Гневный крик звучал вполне бодро. Значит, ничего себе не сломал.

Я снова легла в кровать, укуталась в одеяло и положила на голову подушку. Боль сдавила виски. Наверное, это от похмелья. Слезы скатились по щекам, влажные пятна расплылись по простыне.

Вскоре крики во дворе прекратились, потом по коридору прошлепали Юлькины тапки, и я решила тоже вставать. Подругу я нашла на кухне.

— Поругались с воеводой? — вместо приветствия спросила она.

— Угу, — подтвердила я. — А что это ты такое ешь? Тебя, часом, водяной вчера не укусил?

— Не помню, — страдальчески простонала Юлька. — Может, и кусал. Это морская капуста — очень полезно, малокалорийно, а с похмелья вообще на ура заходит, соленькая.

Я с сомнением покосилась на темно-зеленые водоросли, скрутившиеся в гнездо на Юлькиной тарелке.

— Так чего поругались?

Я сгребла в пригоршню морскую капусту, приложила ее к подбородку на манер зеленой бороды, вторую руку патетически выпростала вперед.

— Я воевода, а ты — земляной червь! Возрадуйся, что снизошел до тебя, и омой слезами благоговения мои стопы!

Юлька задумчиво смотрела на меня.

— Вообще ее внутрь рекомендуют, но как маска, наверное, тоже

полезно. Так что случилось?

— Яр завел речь о детях. Мол, не пристало будущей матери быть ведьмой. Слово за слово...

Юлька вздохнула.

— Ну что? — не выдержала я, бросая капусту в чистую тарелку. — Сама ведь говорила: подумай, нужен ли он тебе, объездит, как кобылу, и все такое.

— Говорила, — согласилась Юля. — Но воевода — классный мужик. Другая на твоём месте ухватилась бы за него руками и ногами. Он хочет семью, детей, за таким ты была бы не то что за каменной стеной — за крепостью.

— Послушай, а ведь именно такого мужика ты и хотела. — Я осторожно понюхала водоросли, подцепила вилочкой длинную зеленую полоску.

— Не-не-не, — замотала головой Юлька и снова тихо застонала, схватившись за лоб. — Твои мужчины для меня табу.

— Ну а мне крепость не нужна, — ответила я, жуя морскую капусту. — Мне нужны двери в наш мир. А если я выйду за Ярополка, уеду из дома, то потеряю выход в наш мир и тебя.

— Это не вариант, — согласилась Юля. — Просто, когда ты с ним, ты светишься, Вася.

Я едва не подавилась капустой и возмущенно посмотрела на подругу. Это нечестно — вот так менять мнение!

— Эй, есть кто дома?

В проеме, наполовину загороженном дверьми, показался Ерема.

— Привет! — махнула я рукой.

— Я двери пришел чинить, и это... воевода освободил меня от службы, но сказал приглядывать за тобой, Василиса.

— Это как? — не поняла Юлька. — Что конкретно он сказал?

— Что он сказал, я повторять не буду, — насупился Ерема, — не для женских то ушей.

— Ну ладно, приглядывай, — согласилась я. То, что Яр все же оставил Ерему, почему-то меня обрадовало.

Пока мой охранник раскладывал на крыльце инструменты, я вышла на порог, поежилась от холода. Тяжелые тучи плыли из-за леса, цепляясь набрякшими животами за елочные верхушки.

— А еще воевода забрал Глорию. Сказал, полетит на границы, там снова волнения, — добавил Ерема.

Вот как, значит, улетел. Надолго? Появится ли он тут снова? Зачем

Юлька растравила душу сомнениями?

Тучи вдруг прорвало снегом, словно кто-то расстегнул молнию, и все содержимое повалило вниз, как из мешка. Крупные белые хлопья укрывали мой двор, забытые тыквы на поддоне. Грех вскочил на забор, взмахнул лапой, пытаясь поймать пушистых белых мух. Брюс выполз на крыльцо, ткнулся мне в ноги. Вчера я наказала ему оставаться дома, чтобы не заржаветь от влаги. Похоже, для тятки настали долгие каникулы. Брюс спрыгнул на свежий снег, провел ровные полосы, замер.

— Иди домой! — заволновалась я.

— Пусть поиграет, — возразил Ерема. — Это его первый снег.

Я посмотрела, как бодро скачет Брюс, оставляя пунктирные следы, и согласилась. Вреда не будет. Потом протру средством от ржавчины, я специально прикупила на такой случай.

— Снежок! — радостно воскликнула Юлька из-за спины. — Ну-ка, Вася, одевайся потеплее!

— Что ты задумала?

— Ты посмотри, какая шикарная горка!

Мы надели пуховики, натянули шапки и варежки. Юлька выкатила из кладовки шину, которая оказалась лишней при создании Глории. Я с сомнением посмотрела на крутой спуск.

— Мы не убьемся?

— Нет, — не слишком уверенно ответила Юлька. — Но перед озером резко поворачиваем вправо. Купание сегодня не входит в мои планы.

Мы выкатили шину через калитку под недоуменным взглядом Еремы, погрузились в нее и, оттолкнувшись, помчались вниз, набирая скорость и визжа на все Запоры.

Зима в сказочном мире выдалась суровая. Если бы Ерема не чистил регулярно снег, весь мой дом превратился бы в огромный сугроб. В Новый год, отметив бой курантов шампанским, мы с Юлькой вышли во двор. Привычно скатившись на шине к озеру, мы установили первую ракету, подожгли фитиль и отбежали в сторону. Фейерверк разорвался над Запорами разноцветными залпами.

— Думаешь, селяне оценят? — спросила Юлька.

— Вряд ли, — сказала я, устанавливая в снег вторую ракету, — но пусть не расслабляются.

Я отвлеклась, заметив крупные собачьи следы, и едва успела отбежать, когда ракета взлетела.

— Жаль, водяной в спячке! Ему бы точно понравилось, — сказала

Юлька.

— Ага, — машинально согласилась я и, повернувшись назад, увидела на укатанной снежной дорожке крупного волка. На бурую шерсть на брюхе налип снег, из-под верхней губы торчали длинные желтоватые клыки, изогнутые полумесяцами.

— Юля, — прошептала я, — ты только не делай резких движений...

Волк кувырнулся, и на дорожке выпрямился Лютый.

— Тьфу, — сплюнула я в сердцах. — Напугал, зараза!

— Чего боишься, ведьма? — удивился Лютый, переступая босыми ногами по снегу. — Ваш дракон всех волков повывел. А кто уцелел, в Запоры и носа не кажет.

— А ты чего явился?

Лютый помялся, бросил быстрый взгляд на Юльку, которая, насупившись, устанавливала последнюю ракету, демонстративно не замечая оборотня.

— Так я знал, что дракон в лес улетел. Я за вашим домом давно слежу. — Лютый убрал пятерней волосы, падающие ему на глаза, но, спохватившись, прикрылся руками ниже пояса. — Юля, я соскучился.

Я глянула на Юльку и, сразу уловив ее замысел, отошла подальше. Ракета опасно наклонилась в сторону оборотня. Не перестаралась ли подруга? У него, конечно, регенерация хорошая... Ракета со свистом пролетела над головой Лютого. От неожиданности он сел в сугроб, закрыл голову руками. А мы с Юлькой направились к дому под взрывы фейерверка.

— Не понимаю, Юля, что ты в нем нашла, — нарочито громко сказала я и пристально посмотрела оборотню ниже пояса. — Вообще ничего выдающегося.

— Это из-за мороза! Просто очень холодно, — поспешил оправдаться Лютый, выбираясь из сугроба. Он пошел за нами, но я захлопнула перед его наглой мордой дверь.

— А ведь я загадала встретить своего единственного, — призналась Юлька, стягивая куртку и возвращаясь к столу. Она сердито бухнула в тарелку целую гору оливье. — Надеюсь, что им все же окажется не это блудливое животное.

— Надо было конкретнее загадывать, перечислить все важные характеристики, — назидательно сказала я.

— Ага, — согласилась Юлька. — Только всего не предугадаешь. Вот взять, к примеру, тебя. Ты хотела решить жилищную проблему. Теперь у тебя есть шикарный двухэтажный дом в центре города. Да только тебя из-за

него чуть не убили несколько раз, а в подвале сидит злой бог.

— Согласись, этого я предугадать никак не могла.

Я в полночь мысленно пожелала, чтобы все было хорошо. Вот такое обтекаемое желание. Надеюсь, в небесной канцелярии сами решат, что мне надо, потому что я и сама не знаю. У меня есть дом, о котором я так долго мечтала, но отчего-то я не чувствую себя в нем счастливой.

В нашем мире весна пришла как деликатный гость: сначала постучала капелью тающих сосулек, вытерла ноги у порога, обнажая полосы прошлогодней травы, поздоровалась птичьим гомоном. А на моем заднем дворе снег растаял за день и стек по холму в озеро бурными ручьями. На следующее утро из земли уже проклюнулись свежие лучики травы, а еще через день солнце палило так, хоть загорай.

Ерема скупно делился вестями из Сумеречного леса: Глория растопила какое-то невиданное снежное чудовище, победила очередную стаю сумертов. Парнаса тоже призвали в войско, специально для него придумали должность — кормилец дракона. Представляю, как он меня ненавидит: вместо уютной зимовки рядом с теплым камином и ласковой женщиной он проваландался по холодному лесу, а единственные объятия, которые ему перепалили, были резиновыми.

У нас воевода не появлялся.

Вместе с Брюсом мы разбили возле дома клумбы, посадили на свежевскопанных грядках клубнику и редиску. Тяпка работала, не покладая розовой ручки, устав за зиму от безделья. Кот подначивал Брюса, нападал сзади, бил лапой, но тот не поддавался на провокации.

Амфибрахий проснулся только в конце апреля, когда я всерьез начала волноваться. Он сипло заклекотал, выплюнул пять монет и жалостливо посмотрел в пустую миску. Я тут же метнулась за сарай, и через пару минут десять свеженьких червей уже копошились на тарелке.

В общем, жизнь потекла своим чередом, на моем любимом крыльце снова стало тепло, сирень набухла темными гроздьями, а Ерема молча носил нам от мельничихи пирожки и булки.

— Я чувствую себя сутенером, — пожаловалась Юлька, откусывая от очередной булочки.

— Ты сутенер, я ведьма. — Я достала старый договор и теперь перечитывала его еще раз. — Добро пожаловать в семью. Между прочим, завтра мой испытательный срок истекает, и я стану полноправной владелицей дома.

— Поздравляю. Может, тебе надо будет навестить нотариуса?

Получить какие-нибудь документы. Или еще один списочек условий.

— Сплюнь! — испугалась я и пошла открывать двери, в которые кто-то постучал. На пороге было пусто. — Странно, — удивилась я. Стук снова повторился.

— Вася, это с нашей стороны стучат!

Мы переглянулись. Я подошла к двери в наш мир, осторожно приоткрыла. На пороге стояла Эльвира Протосовна: вся в белом, рыжие локоны отросли почти до лопаток и свисают одинаковыми спиральками, карие глаза смотрят на меня без всякого выражения.

— Добрый день, Василиса Егоровна, — сказала она, и я едва не озябла от холода в ее голосе. — Я должна проверить выполнение условий договора.

— Проходите. — Я посторонилась, пропуская незваную гостью. Эльвира скользнула в зал бесшумно, как лиса. Странное дело, туфли на шпильках, а не цокают. У уголка подвальной двери, выступающего из-под ковра, она чуть замешкалась.

Юлька вышла навстречу, замерла с булкой во рту.

— Это моя подруга, Юлия. Юля, познакомься, Эльвира Протосовна, — церемонно представила их друг другу.

Нотариус едва удостоила Юльку взглядом, но подруга подавилась, закашлялась, убежала назад на кухню попить водички.

— Как раз перечитывала договор, — кивнула я на листы бумаги, разложенные на столе.

Эльвира Протосовна посмотрела на смятые листы, на одном из которых виднелся коричневый полукруг от чашки чая, и вынула из плоской сумки лист.

— Спасибо, у меня есть копия. Приступим?

Я хмыкнула и демонстративно сгребла листки со стола. Мало ли что у нее за копия, вдруг дописала пару пунктов. Строчки на моем договоре вдруг вспыхнули, подсветились красным, смазанный и засохший отпечаток пальца заалел, запульсировал. Эльвира повернулась ко мне, в карих глазах заплясали уже знакомые белые искорки.

— Прежде всего должна сказать, что рада видеть вас, Василиса. — Она подчеркнула «вас», в ее голосе даже послышалась некоторая теплота. — На такой благоприятный исход я и не надеялась.

Я приободрилась. Похоже, нотариус на моей стороне. А что, небось у нее не так много клиентов, которые могут расплатиться уникальными жабьими монетами. Она вдруг оказалась так близко, что едва не коснулась меня идеально отглаженными отворотами белого пиджака. От Эльвиры

пахло горячим песком и раскаленными камнями. Воздух над ней едва заметно дрожал, будто над пустыней. В карих глазах завертелись белые спирали, и я поспешно зажмурилась.

— Мы это уже проходили! — запротестовала я.

— Это стандартная процедура, — сообщила Эльвира. — Не беспокойтесь, я уже узнала всю необходимую информацию.

Я осторожно открыла один глаз, посмотрела на список бабули, в котором одна за другой таяли строки.

— Тыквы есть, инкуб — готово, я не буду спрашивать, как вам это удалось, кот и жаба накормлены, хорошо, шабаш... Неужели? — Эльвира повернулась ко мне. Готова поклясться, даже непроницаемому сфинксу стало любопытно. — Что ж, неплохо, Василиса Егоровна, однако два пункта остались невыполненными.

— Как? — завопила Юлька, выскакивая из кухни.

— Заработать тридцать золотых колдовством и провести в мир три сущности. — На листке в моей руке остались пламенеть лишь две строки.

— Мне же царица заплатила за дракона, — неуверенно пролепетала я.

Глаза нотариуса вдруг жутко закатились, обнажив белки.

— Да, — согласилась она, возвращая привычный вид. — Однако дракона создали и оживили не вы, а ваша подруга. Вам заплатили за чужое колдовство.

Я как в замедленной съемке увидела кадр: я протягиваю бутылку с живой водой Юльке, капля надаёт на резиновый лоб Глории...

— Это конец, — прошептала Юля.

— А сущности? Я же провела оборотня, берсерка и водяного! — возмутилась я, чувствуя, как щеки начинают гореть от несправедливости.

— Оборотень — да, водяной — считается, больше никого не вижу, — невозмутимо ответила Эльвира.

— Ну как же! Воевода — берсерк, Ярополк Всеволодович.

— Он обычный человек, — ответил бессердечный нотариус. — Сильный, храбрый мужчина, настоящий воин, однако просто человек. На нем есть защитная магия, но не его собственная.

Почему-то от ее слов сердце наполнилось болезненной нежностью. Оказывается, несокрушимый воевода на самом деле простой смертный.

— У вас еще есть время до полуночи, — сообщила Эльвира Протосовна. — Я могу подождать во дворе? Сто лет не была в этом мире.

Я лишь кивнула, потом спохватилась:

— А равновесие между мирами не нарушится?

— Я и есть равновесие. — Нотариус переступила через порог, и у меня

не было сил ее останавливать.

Юлька шагнула ко мне, сжала плечо.

— Вась, еще не все потеряно.

— Seriously? Где мне взять тридцать золотых? — Я запустила пальцы в волосы, взъерошила и без того лохматую прическу. Как Эльвира добивается таких аккуратных локонов? Просто смотрит на себя в зеркало суровым взглядом, и волосы сами послушно закручиваются в тугие гладкие спиральки?

— Я так понимаю, это крупная сумма по здешним меркам.

— Да по любым меркам. К тому же я не собираюсь колдовать.

— А если стробовать за уже совершенное колдовство?

— За расколдованное озеро? — поняла я. — Амфибрахий принадлежал раньше водяному. У Кореня запросто могут быть запасы золота!

Я задумалась, нервно постукивая ногой. Потом вышла во двор, где Эльвира Протосовна застыла под сиренью.

— Здесь другой воздух, — сказала она, не поворачиваясь.

Ароматы сказочного мира, к которым я уже привыкла, окутали меня, будто в первый раз. Сквозь густую сладость сирени пробивалось нежное благоухание ландышей, выглядывающих из травы у забора, с озера доносился запах водорослей с ноткой хвои. Грех сидел на заборе, медитируя на проплывающие облака, Брюс подполз к моим ногам, вопросительно поднял зубчики. На грядке ровными рядками зеленели хвостики редиски. Я могу все это потерять уже сегодня.

— Если я получу деньги за уже совершенное колдовство, это будет считаться?

— Если оно до этого не было оплачено. — Эльвира подтянула к себе распутившуюся кисть сирени, понюхала.

Значит, водяной отпадает. Он мне уже заплатил.

— Есть еще вариант, — не сдавалась Юля. — Ты лечила воинов после боя, помнишь? Ты израсходовала на них всю живую воду, а за это тебе ни грошика не перепало.

— Ерема! — кликнула я охранника, который заворуженно разглядывал нотариуса. — Ты не знаешь, где сейчас воевода?

— В Сумеречном лесу. Надобно что?

— Тридцать золотых! — Меня разбирала истерика. Воевода не успеет вернуться, никак. Есть только один вариант. — Вы тут погуляйте пока, почувствуйте себя как дома, — сказала я Эльвире. — А я ненадолго отлучусь.

— Куда ты еще собралась? — Юлька не отставала от меня ни на шаг.

— На аудиенцию к царю или, вернее сказать, к царице.
— Я с тобой!
— Нет. Ты идешь к домовому. Нам нужно третье магическое существо, помнишь?

— Вот на обратном пути к нему и завернем.

Я посмотрела на подругу: упертый взгляд, поджатые губы и сдвинутые в одну линию брови — ясно, спорить бесполезно.

Мы приземлились прямо на башню Амаранты. Плоская площадка на крыше была выложена шероховатой плиткой с белым рисунком в форме круга, словно специально для ступы. Впрочем, так оно и было. Ступа Амаранты хранилась тут же, под навесом. Очень удобно для ведьмы иметь под рукой транспорт.

Сбоку площадки в полу нашлась деревянная дверь. Я наклонилась, постучала, подождала минуту, потом пару раз топнула по ней ногой. Присела, подергала за медное кольцо.

— Давай-ка вместе, тянем-потянем... — Юля присела рядом, схватилась за кольцо, дверь дрогнула и открылась внутрь. Мы едва не упали на Амаранту, на лице которой проступило искреннее удивление.

— Василиса? — Она посторонилась, машинально погладила алый кулон на груди. — Этого следовало ожидать. Только у тебя могло хватить смелости и не хватить ума явиться в мои апартаменты.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я, спускаясь по ступеням.

— Ы-ы-ы-ы, — сказала Юлька.

Я глянула на ее умильно-восторженное выражение лица и вздохнула. Вот какой смысл был ее брать с собой? Похоже, магия Амаранты по-прежнему на нее действует.

Царица уселась в кресло, похожее на трон, расправила золотые юбки, вопросительно на меня посмотрела. Стены в спальне Амаранты, куда я так нагло вломилась, были обтянуты голубым шелком. Царица, с ее страстью к золотой одежде, могла бы выглядеть сверкающим солнцем в небе. Вот только я теперь ясно видела ее истинный облик: сухая и древняя, как скала, сотни лет обдуваемая всеми ветрами. Однако язык не поворачивался назвать Амаранту старухой — столько внутренней силы в ней ощущалось. Я потопталась на ворсистом ковре цвета сливок, глянула по сторонам. Присесть мне не предложили, можно подтянуть поближе оттоманку, обитую бархатом, или устроиться прямо на краю кровати, под балдахин с задернутыми занавесями. Кажется, в ней кто-то спит. Борода, могучие плечи. Сам царь? Хотя чему я удивляюсь, они ведь женаты.

— Он нам не помешает, — уловила мое смущение царица. — Говори.

— Я по делу, — выпалила я. — Я наследую дом Маргариты только после выполнения нескольких условий.

Амаранта изогнула тонкую бровь. Я смяла край свитера, опомнившись, одернула, — не люблю просить, но другого варианта нет.

— Одно из условий — заработать колдовством тридцать золотых.

Царица чуть склонилась вперед, в маленьких темных глазах вспыхнул интерес.

— Но ведь ты не колдуешь, Василиса, — сказала она. — Я это точно вижу. Ведьма, прошедшая инициацию, выглядит по-другому: выражение глаз, осанка, изгиб губ.

— Да, — признала я, — не колдую.

— Я не понимаю твоего решения. — Амаранта откинулась на спинку кресла. — Это все равно что птице отказаться летать из идеологических соображений. Не понимаю, но принимаю. И даже уважаю. — Она задумалась. — Тебе наверняка было сложно не сорваться.

— Пару раз было такое, да, — призналась я и глянула на Юльку, которая когда-то спасла меня от опрометчивого шага.

Сейчас она теребила мой рукав и смотрела на царицу с искренним обожанием.

— Так чего ты хочешь от меня? — спросила Амаранта. — Я могла бы поколдовать за тебя, но Маргарита наверняка так составила договор, что обмануть не выйдет.

— Не надо за меня колдовать. — Я вдохнула побольше воздуха и выпалила: — Заплатите мне за уже совершенное колдовство! Я излечила воинов живой водой после сражения в Сумеречном лесу. Это считается.

Амаранта оперлась подбородком на сцепленные замком кисти рук. Запястья, сухие как веточки, выглядывали из слишком широких рукавов.

— А ведь я тебе уже платила, за дракона, — вспомнила она. — Воевода вытребовал. Явился весь такой суровый, всклокоченный, в дорожной пыли. Приводил какие-то аргументы. Впрочем, мне больше нравится смотреть на него, чем слушать. Видный мужчина. Жаль, мое колдовство его не берет.

— Дракон не считается, — мучительно покраснела я. — Я допустила оплошность. Его оживила моя подруга.

— Вот эта? — Амаранта впервые с интересом глянула на Юльку, и у той подкосились колени. Я едва удержала ее под локоть. — Ладно, я все поняла. Когда истекает срок договора?

— Сегодня последний день.

— Остальные условия выполнены?

— Осталась одна мелочь, — отмахнулась я.

Амаранта задумчиво подняла глаза к потолку, украшенному по периметру лепниной. Я стояла, ожидая ее решения. Царица посмотрела на меня, совсем по-доброму улыбнулась, и я чуть не рухнула на ковер от облегчения.

— Нет, — сказала она.

— Нет? — тупо повторила я.

— Ты не поймешь, Василиса, но так лучше для тебя. — Амаранта встала с кресла, пригладила юбки. — Я испытываю к тебе искреннее расположение. Помнишь, я однажды спасла тебе жизнь?

— Спасибо, — пробормотала я.

— Теперь я спасаю ее еще раз. Это не твой мир. Отправляйся назад, живи как прежде, забудь обо всем, что произошло за этот год.

— Легко сказать, — разозлилась я. — Вам что, жалко? Я ведь исцелила ваших подданных! Их жизнь чего-то да стоит!

— А твоя жизнь? Маргарита уже нашла упокоение?

— Нет.

— Ты сильно рискуешь, Василиса. Возвращайся домой.

— Но я сегодня его потеряю!

— Постройшь другой. Всё.

Царица отвернулась, и я почувствовала отчаянное желание кинуться на эту костлявую спину, вцепиться зубами в выступающие лопатки, сдавить тонкую шею так, чтобы позвонки хрустнули. Ведьмина суть захлестнула меня темной волной. Амаранта стремительно обернулась, поймала мой злобный взгляд.

— Знаешь, почему ты мне нравишься, Василиса?

— Ума не приложу, — буркнула я.

— Ты меня удивляешь, — призналась царица. — За сотни лет мало кому удавалось развлечь меня. А ты с этим легко справляешься. Прощай. Мне будет тебя не хватать.

Она легонько взмахнула кончиками пальцев, и меня подхватило, понесло вверх по лестнице.

— Царь! — завопила я, вцепившись в перила. — Иван! Проснись же!

Неведомая сила оторвала меня от лестницы, приложила об угол двери и вышвырнула на площадку башни. Юлька вылетела следом, упала на меня плашмя, едва не выбив мне зубы лбом. Дверь за нами с грохотом захлопнулась.

Я, кряхтя, столкнула с себя подругу, посмотрела на руки: вогнала

занозу в палец, два ногтя сломаны. Потрогала языком саднящую губу — точно, разбита крепким Юлькиным лбом. Не на такой итог аудиенции я рассчитывала.

— Царица так прекрасна, — мечтательно произнесла Юлька, и я повернула к ней голову.

— Я сейчас тебя стукну, — пригрозила я. — Приди в чувство!

Юля наморщила лоб, затуманенные глаза постепенно прояснились, отразили весеннее небо, по которому проплывали легкие как перышко облака.

— Ну что, полетели? — сказала она. — Нам еще надо успеть собрать чемоданы.

Я наскоро побросала вещи в сумки, прошла по комнатам. Я действовала машинально, но горло все равно то и дело сдавливали спазмы сдерживаемых рыданий. Поскольку я теряю право наследования, то не могу брать ничего из того, что принадлежало бабке, а также распоряжаться ее имуществом. Так что с Амфибрахием придется расстаться. Как и с Брюсом — его я поручила Ереме. В нашем мире такой тяпке нечего делать. Да и с Еремой у них связь куда крепче, чем со мной, несмотря на курсы китайского. С Глорией даже попрощаться не получится, а ведь я целый кухонный шкафчик забила шоколадными конфетами для своей «племяшки». Водяной, узнав новость, зарыдал как девчонка и, пользуясь случаем, облапил меня на прощанье.

Воевода... Может, со следующей ведьмой ему больше повезет — попадется нормальная колдунья, а не недоразумение вроде меня. Я порывалась написать ему письмо, но ничего путного в голову не лезло: жаль, что я не увижу тебя больше, что мои дети не будут на тебя похожи... Горло снова сдавило. Наверное, надо выпить чаю, успокоиться.

Я заварила чай, гневно размешала две ложки сахара, колотя по стенкам чашки, словно в колокол. На ступеньках моего крыльца было тепло, несмотря на сгустившуюся ночь. Над лесом рассыпались крупные бусины звезды. Белая фигура Эльвиры виднелась на берегу. Пошла навестить могилку клиентки? Отчего-то такая преданность Маргарите меня взбесила. Вот что ей стоило притвориться, будто и последние два условия выполнены? Я отхлебнула чаю, поморщилась — слишком крепкий получился.

Грех вышел на крыльцо, потянулся задними ногами. Я погладила его по загривку, кот едва слышно замурчал, и слезы все же вырвались, потекли по щекам.

— Эй, ведьма! — Лютый выглянул из-за калитки. — Зайти можно?

— Заходи уже, когда это ты разрешения спрашивал, — буркнула я, быстро вытирая слезы.

— Так кто тебя знает — то огнем зад подпалишь, то в снег уронишь! — Оборотень бочком протиснулся во двор, короткая рубашка с оторванным рукавом заканчивалась выше пупка, ниже пояса он обмотался каким-то мешком. — Не налезли штаны, — виновато сказал Лютый. — Очень больно давили.

— Давай без подробностей, — попросила я. — Чего хотел?

Оборотень подошел ближе, и я невольно наморщила нос: от него несло потом и псиной.

— Не кривись, Василиса, сам от запаха не в восторге, но я очень спешил. Мне Ерема рассказал, что тут у вас произошло.

— Попрощаться бежал? Похвально. Ладно, позову Юлю, раз такое дело. — Я поднялась, повернулась к двери.

— Нет, я к тебе. — Лютый перехватил мою руку повыше локтя, и в ладонь мне опустился влажный тяжелый мешочек, в котором едва слышно звякнул металл.

В горле мгновенно пересохло.

— Это... — Я не решалась произнести.

— Тут ровно тридцать золотых — за то, что ты меня расколдовала, — сказал оборотень и почесал за ухом. — Пришлось нестись в волчью общину, а она за три леса. Еще и с жожаками беседы вести. Боялся, не успею.

— Лютый, — просипела я и откашлялась. — Давай все проясним: я не стану влиять на Юлю. Ваши отношения от этого не изменятся.

— Я понимаю, — кивнул он, длинные волосы упали на глаза.

— А чего он мокрый? — пощупала я мешочек.

— Так в пасти нес, слюни...

Кажется, Лютый смутился. Надо будет купить ему с десяток резинок. И заколку! И ободок!

Перед кустом сирени вырос белый силуэт Эльвиры. Как она так быстро перемещается? Только что была у озера!

— Еще одно условие выполнено, — резюмировала она. — Очень своевременно.

— Лютый! — Я сжала пальцами крупную кисть оборотня. — Спасибо! Правда! Это очень благородно с твоей стороны!

— Да ладно... — Он склонился ближе, шепнул мне на ухо: — Это еще и за блох, Василиса. Я никогда не забуду твоей доброты.

— Не хочу прерывать вашу беседу, — произнесла Эльвира. — Однако у вас всего пять минут, а последнее условие вы так и не выполнили.

Я сжала слюнявый мешочек с монетами. Точно! Третья сущность. Возвращаясь от Амаранты, мы с Юлей молча решили не сворачивать к домовому — смысла не было. А теперь я не успею метнуться туда-обратно, и это если он еще дома будет. Что же делать?!

— Златоносная жаба! — выпалила я.

— Животное, — сказала Эльвира.

— Да ладно. Обычное животное?

— Очень редкое, но все равно не подходит. — Эльвира была невозмутима, как скала.

— Волшебная тляпка.

Глаза Эльвиры закатились, блеснув белками.

— Она из вашего мира, Китай, провинция Хунань, не подходит.

— Онисий! — крикнула я. — Точно! Я ведь провела его сюда, а потом обратно.

— В нем нет магии.

— Как нет? — возмутилась я. — Он ростом мне по колено!

— А вы не слишком-то корректны по отношению к маленьким людям, Василиса. — Эльвира шагнула на крыльцо. — Позвольте пройти.

— Не позволю! — вдруг сказала я, шагнув в дом и закрыв собой дверной проем. — Вы станете третьим существом, Эльвира Протосовна. Вы — точно не человек.

Нотариус замерла передо мной. Свежая как ландыш, а ведь она провела день под жарким солнцем. Все тот же запах песков иной планеты, нечеловеческие искорки в глазах.

— Да, я не человек, — согласилась она.

— И вы подходите для условий бабули?

— Бабули? — недоверчиво повторила она. — Пожалуй. Но я никуда не спешу. Мне и здесь хорошо.

— Правда? Вы готовы потерять вид из окна вашего кабинета?

— Он не меняется уже несколько тысяч лет.

— Ваш фикус засохнет без полива.

Мне показалось, или рыжие пряди чуть дрогнули?

— Я переживу.

— Вы не завершите начатое дело! — Это был мой последний аргумент. Для такой аккуратистки, как Эльвира, он должен стать решающим. — Вы ведь обязаны исполнить волю вашей клиентки? Как вы передадите договор следующей наследнице?

Рыжие локоны взметнулись вверх и снова легли на плечи, глаза зажглись белым огнем и тут же потухли, вернув привычный карий цвет. Эльвира тронула ноготком невидимую защиту дома.

— Ладно, вы меня убедили, Василиса. — Уголки ее губ чуть дрогнули. Наверное, именно так выглядит улыбка сфинкса. — Мне и правда хочется закрыть это дело. Позвольте мне пройти?

— С радостью проведу вас в наш мир, Эльвира Протосовна. — Я шагнула в сторону, освобождая проход.

Я шла по пятам нотариуса, едва сдерживаясь, чтобы не подогнать ее пинками. Время поджимает! Скорей!

Юлька свесилась с лестницы.

— Уже уходим?

— Подожди, — отмахнулась я от подруги, распахнула перед Эльвирой дверь в наш мир. Нотариус равнодушно ступила за порог, на крыльцо легли синеватые блики от окон соседних домов. Последняя строчка условий ведьмы на договоре мигнула и растаяла.

— Поздравляю, — сухо сказала Эльвира Протосовна. — Наследство ваше.

Я смотрела, как она идет по тропинке. Каблуки не проваливались в землю, влажную после дождя, и, кажется, вообще не оставляли следов.

— Вась, я все правильно поняла? — неуверенно спросила Юля. Я повернулась к подруге. В одной руке она держала чемодан, во второй — корзинку с булочками мельничихи.

— Да, — широко улыбнулась я. — Дом наш!

Я проснулась поутру, сладко потянулась в *своей* кровати. Приняв душ в *своей* ванной, я спустилась в свою кухню своего дома, улыбаясь, как идиотка. Я выполнила все условия коварной бабки и обошла все ее ловушки. Дом мой! Я просто супермолодец!

В дверь моего дома постучали, и я, помешивая сахар в кофе, пошла открывать.

На пороге стояла Амаранта.

Мои руки дрогнули, и я едва не выплеснула кофе на ее золотые юбки.

— Ты все еще здесь, Василиса.

— Вы очень наблюдательны, — съязвила я.

— Позволишь войти?

— Нет, — ответила я, на всякий случай отступая в дом.

Амаранта слегка улыбнулась, склонив голову набок, ласково на меня посмотрела, — от этого взгляда мой кофе должен был покрыться коркой

льда.

— Что ж, придется войти без приглашения, — сказала она. — Знаешь, Василиса, ведь это я когда-то ставила защиту на дом.

Она шагнула через порог, и ее юбки зашуршали, как сухие листья.

Я попятилась от царицы вглубь дома, споткнулась об Греха, который с шипением удрал во двор через распахнутые двери. Царица чувствовала себя как дома: заглянула на кухню, провела пальцем по блестящему боку котла, присела возле двери в подвал. Она откинула угол ковра, поцокала языком.

— Хуже, чем я думала, — сказала она. Обведя взглядом зал, добавила: — А где оборотень? Здесь чучело стояло.

— Не чучело, — ответила я. — Он живой был, только заколдованный.

Я попыталась придать себе смелый и независимый вид. В конце концов, я ведьма, практически такая же, как Амаранта, и это мой дом. Под пристальным взглядом царицы я отпила кофе, поставила чашку на стол.

— Я использовала его кровь для заклятий, — призналась царица, устроившись в кресле.

Я уселась напротив. Снова стоять, как школьница в кабинете директора, я не собиралась.

— Для каких? — любопытствовала я.

— В основном для омолаживающих эликсиров, у оборотней великолепная регенерация, знаешь ли. В моем возрасте приходится уделять внимание здоровью.

— Сколько же вам лет?

— Чуть более трехсот, — ответила Амаранта. — А еще кровь оборотня незаменима при создании личины. Ты — ведьма, и видишь меня такой, какая я есть. Для тех же, кто не защищен магией, я — писаная красавица.

— Для своего возраста вы прекрасно выглядите, — выдавила я. Кофе застрял в горле вязкой жижей.

— Спасибо. — Амаранта снова улыбнулась, и мне захотелось забиться под кресло. Зачем она пришла? Что ей нужно?

Юлька спустилась по лестнице, увидела нашу гостью и расплылась, как подтаявшее мороженое.

— Вы... вы здесь! — Она прижала руки к груди.

— Да, милочка, — снисходительно ответила царица. — Сделай-ка мне чаю, раз твоя подруга не догадалась.

— Сейчас! С радостью! — Юлька молнией метнулась на кухню. Я ревниво проследила за ней взглядом.

— Я расколдовала оборотня живой водой, — призналась я. — И это

он, кстати, заплатил мне тридцать золотых.

— Так вот как тебе удалось выполнить условия Маргариты, — кивнула Амаранта.

— Ага, — подтвердила я. — Повезло.

— Это как посмотреть, — задумалась царица. — Василиса, вчера я отказала тебе, а сегодня сама пришла с просьбой.

Я приободрилась. Теперь, значит, она в роли просительницы. О, я буду долго, очень долго думать, прежде чем ей отказать.

— Вам черный? Зеленый? — Юлька выскочила из кухни, глядя на Амаранту щенячьими глазами. — Я могу сбежать в магазин за каркаде.

— Зеленый, без сахара, — сказала царица и повернулась ко мне. — Отдай кулон с душой Маргариты.

Хм... Так вот какая просьба. Первым моим порывом было еще и приплатить, только бы она забрала кулон вместе со злобным призраком.

— Что вы собираетесь с ней сделать?

— Я хочу освободить ее, чтобы сестра наконец упокоилась.

Похоже, можно поторговаться. Амаранте наверняка была дорога ее сестра, какими бы злобными ведьмами они обе ни были.

— А ведь в глубине души вы добрая, — заметила я.

— Добрая? — Амаранта, кажется, удивилась.

— Ну, вы спасли мне жизнь и теперь хотите добра сестре. — Не думала, что придется объяснять.

— Добра? — задумалась царица. — Марго отправится прямиком в ад. Но и сейчас ей не лучше. Отделение души при этом заклинании происходит не полностью, связь с телом остается, пока душа не вернется назад или не найдет себе другое вместилище. Частично Марго все еще жива.

Я вспомнила сон, в котором лежала под могильным камнем, а корни растений медленно пронзали мое тело. Испарина выступила у меня на лбу.

— А что касается добра, — продолжила царица как ни в чем не бывало, — знаешь, грань между добром и злом очень тонка. К примеру, таким же заклинанием я заточила душу царя Ивана вот в этот кулон. — Амаранта прикоснулась к алому украшению, с которым она не расставалась. — Теперь он — пустая марионетка, выполняющая мои команды. Это зло? Пожалуй. Я получила возможность править Велирусью и делаю это дальновидно и мудро. Добро? Пожертвовать одним человеком ради счастья многих — приемлемо?

— Не уверена. У меня трояк по философии, — ответила я. — Хорошо, я отдам вам кулон. Он в моей комнате, наверно. Надеюсь, мне не надо

присутствовать при упокоении Маргариты? Мне она до сих пор в кошмарах снится.

— Не надо, — отмахнулась Амаранта. — Я всего лишь выпущу душу рядом с ее могилой. Если бы я знала, что все так выйдет, ни за что не стала бы ее убивать. Или тогда уже отделила бы голову от тела, чтобы колдовство не свершилось.

Наверное, шок отразился на моем лице, потому что Амаранта сочла нужным объяснить:

— Тогда мне это казалось самым разумным вариантом — убить Марго и предотвратить мятеж. Думаю, это тоже добрый поступок. Ведь если Лот вырвется на свободу, все миры поглотит хаос. Я была уверена, что сестра мертва. Но она оставила где-то заговоренный кулон, куда и устремилась ее душа.

— Она оставила кулон у нотариуса, — догадалась я.

Представляю, как это выглядело: в один совсем не прекрасный момент пустой хрустальный сосуд наполнился густой черной дымкой, Эльвира Протосовна закрутила крышку, взяла телефон, наверняка белого цвета, и набрала мой номер. Бабуля приготовилась к своей смерти заранее и детально продумала, как ей вернуться назад.

— Марго стояла во главе заговора. Однако сподвижников не остановила ее смерть. Они были в курсе ее плана. Наверное, сестра даже хотела, чтобы я убила ее. Она постоянно меня провоцировала. Она жаждала сама открыть дверь и выпустить Лота, наивно надеясь заслужить его благодарность и возвыситься. В своем теле она не могла этого сделать.

— Ей не хватало сил, — кивнула я, и Амаранта рассмеялась. Ее смех напоминал клекот старой птицы.

— Думаешь, ты очень сильная ведьма? О нет, Василиса, как ведьма ты весьма посредственна. Может, через пару сотен лет из тебя и вышло бы что путное... Твоя уникальность в другом: ты способна любить. Заклинание, которым заперли Лота, основано на крови. Обратное тоже потребует жертвы. Чтобы открыть дверь, ведьма должна убить того, кого действительно любит, принести в жертву самое светлое в своей душе. Представляешь, как бесилась Марго? Она пускалась во все тяжкие: путалась с водяным, инкубом, даже Гриффером — старым вампиром, с которого только что песок не сыпался, — бесполезно. Она и кота себе завела — без толку. Марго не могла любить, как ни старалась.

— Я встречала Гриффера, — ляпнула я, обдумывая слова царицы. Значит, я не могущественная ведьма, а зло в моей душе вполне среднестатистическое. Облом.

— И ты все еще жива? — искренне удивилась Амаранта. — Ты снова меня изумляешь.

— Вообще-то это он теперь мертв.

— Кол?

— Солнце.

— Может, конфеток? — Юлька появилась из кухни, придвинула к царице табуретку, поставила чашку с чаем, рядом пристроила еще и вазочку с кистью сирени. Сладковатый аромат поплыл по комнате.

— Спасибо, милая, не надо. Присядь. — Царица кивнула на стул в углу, и Юлька опустилась на самый краешек, будто ожидая новых команд.

— Ты — другое дело, Василиса. Твоя темная сторона сполна уравнивается светом. В тебе любви с излишком. Взять, к примеру, твою миленькую подружку, которая так легко поддается магии, — ты искренне любишь ее. А еще воеводу.

Я вспыхнула.

— Я вижу тебя насквозь. Хоть ты и заперла любовь к Ярополку надежнее, чем темницу Лота. Если бы Марго завладела твоим телом, задвинув душу в дальний уголок, она полила бы кровью одного из них эту дверь.

Амаранта встала и, склонившись, оттащила ковер в сторону.

— Расскажите про это заклинание, — попросила я. — О том, как заперли Лота. И как Маргарита собиралась его выпустить.

— Что ж... Давным-давно миры были едины. Однако зло, во главе с темным богом Лотом, все больше сеяло хаос и разрушения. Три человека, пострадавших больше, чем могли вытерпеть их сердца, отправились к богине справедливости за правосудием. Они воззвали к ней и получили ответ — ритуал, который должен был навеки запечатать Лота в ином мире.

— Это были люди? — удивилась я. — Не боги?

— Богами их назвали потом. Царица, воин и ведьма — вот кем они были. С помощью богини справедливости они провели ритуал. Однако не до конца. Ведьма должна была отречься от зла в своей душе, принести его в жертву. Как и стоило ожидать, она пошла на попятный. Миры были разделены, Лот заперт, но остались двери и ключи, которые невозможно уничтожить.

Я посмотрела на дверь: ржавчина тянулась к центру, металл вспузырился. Сердце сдавило предчувствие, тяжелое, как камень с могилы бабки.

— Маргарита бредила этими дверьми. — Амаранта села назад в кресло, отпила чай, благодарно кивнула Юльке, и та расцвела. — Лот —

прародитель ведьм, вампиров и прочей нечисти. Марго звала его папой и даже спала на дверях, чтобы быть ближе к нему. А ведь сестра была старше меня. С возрастом начинаешь ценить простые вещи, вроде удобной кровати и теплого мужского плеча рядом.

— Даже если это плечо марионетки? — не сдержалась я.

— Это была вынужденная мера. Мне едва удалось выйти замуж за Ивана. Стоило мне убить одну жену — он тут же находил следующую. А управлять им и вовсе было сложно, — посетовала Амаранта. — Твой Ярополк, кстати, тоже из этой твердолобой породы. Принципиальные, властные, упертые... Помаявшись пару месяцев замужества, я решила, что с меня хватит. Я могла и дальше быть шеей, но крутить головой, которая соображает медленнее, чем твоя, быстро надоедает. К тому же всегда оставался риск, что магия на крови оборотня перестанет действовать. Вряд ли бы Иван обрадовался, увидев мое настоящее лицо. Так что теплого плеча мне вполне хватает.

Амаранта поставила пустую чашку на блюде, кивнула Юльке, и та мигом унесла посуду на кухню.

— Марго годами исподволь подталкивала меня к мыслям о троне, раздувая огонь моего тщеславия. Я лишь недавно поняла — она вынашивала план освобождения Лота с детства и ей нужна была царица. Помню, когда она впервые рассказала мне о своей идее — открыть дверь, а я отказалась участвовать в этом безумии — о, какими только карами она мне не грозила! Потом сестра поутихла, и я решила, что она отказалась от своей мечты, но нет — она нашла какую-то ведьму в вашем мире, родственницу королей, седьмая вода на киселе. Ты видела ее на шабаше. Вряд ли бы у них что-нибудь получилось. Но кто знает? Я думала, что после смерти сестры дом по праву перейдет ко мне, но Маргарита и тут меня обхитрила: составила договор наследования, да не абы у кого... Конечно, я могу раз за разом убивать наследниц, пока они не закончатся, и дом все же не станет моим. Я ведь и тебя поначалу хотела убить.

— Я так и знала!

— Потом я решила убить тебя на шабаше, после того как Маргарита вселится в твое тело, покончив разом с вами обеими. Когда ты разрушила план сестры... Во имя великой тьмы! Это было прекрасно! Поэтому я и спасла тебя. Ты походя разрушила хитроумную комбинацию Маргариты, и было так приятно утереть нос мятежникам.

— Но вы не стали мне помогать, когда я пришла за помощью.

— Было бы разумнее дать тебе денег, — вздохнула Амаранта. — Вместо этого я дала тебе шанс исчезнуть.

— Спасибо, конечно, но я не собираюсь сбегать из своего дома.

— Сейчас я вижу, что лучшим решением будет довести дело до конца. Ведьма, участвующая в первом ритуале, была нашей с Марго прапрапрабабкой. Она должна была покончить с собой. Символический акт: зло, добровольно убивающее себя, чтобы запереть еще большее зло. Но она лишь пролила немного крови. Я проведу ритуал заново и завершу его, запечатаю Лота навеки и разделю миры.

— Вы собираетесь убить себя на дверях в моем доме? — изумилась я.

— О нет, — улыбнулась Амаранта, и холодный сквозняк поднял мне волосы на затылке. — Это сделаешь ты, Василиса. Ты завершишь свою жизнь самоубийством и запрешь Лота навсегда. Не такая большая жертва ради всеобщего блага.

Я замерла на секунду, а потом стрелой бросилась к двери. Бежать! Бежать от этой старой ведьмы! Прыгнуть в ступу — и пусть еще попробует меня догнать! Найду Яра, расскажу ему все. Он мне поможет...

Уже на пороге меня настиг тихий голос Амаранты:

— А ее бросишь?

Я будто наткнулась на невидимый щит дома, обернулась. Амаранта намотала светлые волосы Юльки на руку, притянула к себе. Кровь отхлынула от лица подруги, и сейчас они со старой ведьмой были одинаково бледные.

— Я ведь могу поступить по-другому, — сказала царица, — я убью всех, кто тебе дорог. Тогда Лот останется взаперти.

Она приподняла руку, и Юлька зашипела от боли, вставая на цыпочки.

— «Беги», — прочитала я по ее губам, но ноги будто приросли к полу.

— Хочешь посмотреть? — Амаранта повернулась к Юльке, тонкие губы царицы едва не касались щеки подруги. — Я знаю много разных способов. Я могу убить ее быстро, глазом моргнуть не успеешь, а могу растянуть это на годы.

Юлька пнула пяткой назад, метя царице по коленке, но пышные юбки смягчили удар.

— Да, я все больше склоняюсь к мысли, что это будет долго. — Другой рукой Амаранта перехватила Юлькину шею, сжала ее костлявыми пальцами.

— Отпусти ее, — сказала я. Голос стал хриплым, низким, как у Амаранты. Зрение обострилось — я видела даже черную шерстинку Греха, приставшую к золотой юбке царицы.

— Такой-то ты мне и нужна, — одобрительно проговорила

Амаранта. — Настоящая ведьма. Стань в центр двери, Василиса, — приказала она. — Не упрямься. Пойми, это великое деяние, ради которого стоит пожертвовать жизнью. Ты спасешь не только своих любимых, но и весь мир. Все миры! Двери продержались несколько тысяч лет, но Лот все это время подтачивал их с той стороны. Сколько они еще продержатся? Может, лет сто или двести, а может, они распахнутся уже завтра, выпуская такое зло, по сравнению с которым я покажусь тебе доброй феей. Пролей свою кровь — сама, и это наполнит абсолютным смыслом твою жизнь.

— И что, вот так просто? — решила я потянуть время. — Моей смерти будет достаточно?

— Потом я проведу ритуал заново, — сказала Амаранта, чуть ослабляя хватку на шее Юльки. — Я — царица, ведьму найду, есть еще такие, которые в своем уме, воином возьму Ярополка. Он наверняка станет убиваться по тебе, Василиса, но оценит, сколь велика была твоя жертва и благородны помыслы.

— А богиня? — вспомнила я.

— Я знаю, где ее искать. Она терпеть не может незавершенные дела, так что, уверена, с радостью мне поможет.

— Так чего спешить? Пусть сначала все соберутся...

— Ты сделаешь это сейчас, Василиса! — Амаранта снова сжала пальцы на шее Юльки. Перстень оцарапал ей кожу, и кровь тонкой струйкой потекла в вырез майки. — Сила крови действует три дня, времени будет достаточно. Хватит болтать языком. — Царица вытащила из складок платья нож, тот самый, которым она размахивала перед моим носом во время шабаша, бросила его на пол передо мной, прямо на двери.

Я присела, подняла нож за холодную рукоятку, потрогала пальцем лезвие и отдернула руку. На подушечке выступила капля крови.

— Осторожно, очень острый, — заботливо предупредила Амаранта. — Ты можешь всадить его себе в сердце. Но это сложно — нужен сильный и точный удар. Можно вспороть живот, но это долго и больно. Лучше перережь горло. Одно быстрое и резкое движение. Еще, Василиса, перед этим ты должна произнести «деля благого» — ради добра.

Я перехватила рукоятку поудобнее, она быстро нагрелась под моими пальцами и норовила выскользнуть из вспотевшей ладони. Посиневшая Юлька цеплялась за пальцы Амаранты, царица вперилась в меня взглядом. Глаза ее пылали, как кулон с душой царя Ивана.

— Давай же, — прошептала царица. — У тебя нет выбора. Или ты, или те, кого ты любишь. Пока ты жива, они не будут в безопасности, и у Лота останется шанс выбраться. Одно движение, Василиса, деля благого.

— Деля благого, — повторила я и бросилась на Амаранту.

Юлька отлетела в дальний угол, а царица, ускользнув от удара, оказалась у меня за спиной. Она вцепилась мне в кудри когтями, как летучая мышь, перехватила руку с ножом, приставила его к горлу, запрокинув мне голову. Амаранта подтолкнула меня так, что я снова шагнула на дверь, холодную и шершавую под босыми ногами.

— Я помогу тебе, — прошептала ведьма мне на ухо. — Не бойся. Раз — и готово.

Я видела, как в открытом дверном проеме бьется Ерема, словно муха о стекло. Полузадушенная Юлька ползла от стены к нам, цепляясь пальцами за доски пола. Биение сердца отдавалось в ушах, металл холодил шею. Навязчивая мысль крутилась в голове: я столько лет убила на йогу, лучше бы занялась единоборствами.

Розовая ручка Брюса пролетела через зал, как в замедленной съемке. Я успела рассмотреть и загнутый в драке с вампиром зубчик, и овальное клеймо с иероглифом «сделано в Китае». Раздался треск, словно зрелая тыква раскололась, железная хватка на моей шее ослабла. Я вывернулась, отскочила от Амаранты, нож выскользнул из моей руки, жалобно звякнув о дверь.

Амаранта шагнула назад, лицо ее изумленно вытянулось. Она схватилась за розовую ручку, выдернула тяпку. На лбу остались три одинаковые треугольные дырочки и одна царапина — от загнутого зубца. Царица пошатнулась, кровь потекла густыми струями, заливая лицо. Она открывала рот безмолвно, как рыба, и, наконец, прохрипела, глядя прямо мне в глаза:

— Деля благого!

И, воткнув Брюса себе в шею, рухнула на дверь.

Я сидела на полу, глядя на ноги Амаранты, торчащие из-под ковра, которым ее прикрыла Юлька. Туфли были из светлой кожи, на маленьком каблучке. На вид очень удобные. Юлька мне что-то говорила, но я не разбирала слов. Голову словно набили ватой. На ковре проступило маленькое темное пятно. Лицо Юльки снова появилось перед глазами, губы шевелились, произнося какие-то звуки. А я не могла оторвать взгляд от пятна, которое расплывалось по ковру уродливой кляксой. Юлька вдруг залепила мне пощечину, резкий хлопок разорвал тишину, и все вдруг стало на свои места.

— Мы завершим ритуал, — сказала я, прижав руку к горячей щеке.

Громкий стук заставил меня подпрыгнуть на месте. Я подошла к приоткрытой двери, выглянула.

— Я привез тридцать золотых, — с ходу обрадовал Яр, протягивая туго набитый мешочек. Во взъерошенных волосах торчали перья, всклокоченную бороду проще сбрить, чем расчесать. — Ерема прислал весть с почтовым голубем. Раз ты здесь, значит, я не опоздал. Царь решил отблагодарить тебя за верную службу.

Он подбросил в руке мешочек, и тот мелодично звякнул.

— Ты врешь, — хрипло сказала я. Горло саднило, будто его изнутри кошки драли. — Царь вообще ничего не решает.

— Деньги мои, — признался Ярополк, нисколько не смутившись. — Откладывал на дом. Думал, женюсь, заживу как человек. Да, видать, не судьба.

— Мне уже не нужны деньги, — ответила я, — оставь себе. Найдешь покладистую женщину, не ведьму, и все у тебя будет.

Я на миг представила себе гипотетическую жену воеводы: статная красавица с русой косой до пояса и ямочками на щеках, из-за юбки выглядывают дети — вот что ему надо, а не злобная лохматая ведьма с сиплым, как у мужика, голосом. Сердце обожгло обидой и едкой ревностью... Яр нахмурился, спрятал мешочек в карман.

— Что у тебя произошло, Василиса? — Он протянул руку, чтобы заправить прядь волос мне за ухо, совсем как раньше, но наткнулся на защиту дома, которая теперь его не пропускала.

Глория выросла у него за спиной.

— Мама, — промычала она, заведя Юльку.

Юлька, в перемазанной кровью майке, выбежала во двор, обвила руками шею дракона.

— Вы что, подрались? — удивился воевода.

— Типа того, — туманно ответила я, раздумывая, что ему сказать. По всему выходило, что без помощи Ярополка не обойтись. Труп царицы под моим ковром не рассосется, да и для ритуала нужен воин.

— У тебя все в порядке, Василиса? — Настойчивости Яру не занимать.

— Ну... — Я замялась. С чего же начать?

Ярополк бросил случайный взгляд мне за спину, и глаза его стали круглые, как блюдца.

— Позволь мне зайти, — тихо попросил он.

Я обернулась. Ноги Амаранты все так же торчали из-под ковра.

— Впусти меня, Василиса! — потребовал воевода.

Вздохнув, отступила в сторону.

— Заходи.

Воевода протиснулся мимо меня, и я машинально втянула его запах, прикрыв глаза. Опомнившись, пошла следом. Яр обогнул ржавые двери, присел на корточки.

Юлька, вернувшись в дом, сбивчиво рассказывала о случившемся, захлебываясь впечатлениями. Яр не перебивал ее, но все больше хмурился. Он откинул угол ковра, замер. Черты Амаранты заострились, кожа туго обтянула череп, светлые волосы стали абсолютно белыми, дырочки во лбу почернели.

— Мы проведем ритуал и запечатаем двери навсегда, — сказала я. Голос все еще хрипел, как у настоящей ведьмы.

— Вася, но если я правильно поняла, это полностью разделит миры, — сказала Юлька. — Проходы исчезнут. Мы потеряем дом, который только сегодня стал твоим, весь этот мир.

— Этот мир не наш.

Яр вскинул на меня голубые глаза, встал. Кажется, он собирался что-то сказать, и все во мне замерло в ожидании его слов, как вдруг дом содрогнулся. Кровь Амаранты на шестиугольной двери закипела. Утробный вой исторгся из подвала, сорвался на визг. Воевода сгреб меня в охапку, я прижалась к нему, зажимая уши ладонями. Дикий крик темного бога будил мою ведьмину сущность, звал, требовал подчинения, угрожал. Дверь вздрогнула так сильно, что тело Амаранты подпрыгнуло. Три параллельные полосы вспучились на металле, будто кто-то провел изнутри когтями. Стены дома зашатались, одно окно лопнуло, брызнув стеклом.

Я зажмурилась, уткнувшись в грудь воеводы, и стояла так, пока все не стихло.

— Ты права, Василиса. Надо закрыть эту дверь навсегда, — голос у воеводы дрогнул, — каких бы жертв это ни потребовало.

— Но как мы проведем ритуал? Мы ничего о нем не знаем! — возразила Юлька, выбираясь из-под стола.

— Мы спросим у Виры — богини справедливости, — ответила я, неловко отстраняясь от Ярополка. — Я знаю, где ее искать.

Смотреть в глаза Эльвире Протосовне — все равно что играть в гляделки с осьминогом. Она была совершенно иной, неземной, непостижимой. Я не могла даже предположить, о чем она думает.

— Да, раньше меня звали Вирой, — подтвердила она.

— И вы — богиня справедливости, — уточнила я. Я должна была догадаться сразу, как только увидела фрески в соборе: рыжие кудри, глаза,

полыхающие белым, чистые одеяния, дотошность и педантичность, возведенные в культ.

— Я предпочитаю слово «равновесие». Или порядок. Закон.

Она сидела за белым столом в кабинете, откуда все и началось.

— Я хочу завершить ритуал, — сказала я. — Разделить миры до конца. Но я не знаю, как это сделать. Мне нужна ваша помощь.

Эльвира молча сверлила меня взглядом.

— Пять золотых, — сказала она наконец.

— Что? — опешила я. Я ждала долгих рассуждений, торга. В конце концов, просьба покончить с собой и то звучала бы более предсказуемо.

— Пять золотых — стандартная такса. Не думаю, что это займет больше часа. Я приду в твой дом на третий день. Мне нужны трое — ведьма, царица и воин.

— Хорошо, — кивнула я, а после паузы добавила: — Но мне не надо будет себя убивать?

— Нет, ведьма уже добровольно пролила кровь. Хотя порядок ритуала сбился. — Эльвира встала, подошла к окну и приоткрыла жалюзи. Солнце над неведомой планетой опалило глаза, ветер швырнул в стекло горсть красного песка. — В моем мире царил идеальный порядок. Однако абсолютная гармония статична, а без движения нет жизни... — Эльвира закрыла жалюзи и повернулась ко мне. — Думаю, иногда хаос необходим. И если это так, то наше предприятие обречено на успех. Потому что ты — сплошной хаос, Василиса.

— Спасибо, — неуверенно улыбнулась я, хотя вряд ли это был комплимент.

По дороге домой я обдумывала дальнейшие действия. У меня всего три дня, и еще столько надо сделать. Яр погрузил Амаранту в телегу, одолженную у мельничихи, и повез в столицу, пообещав все уладить. Как он это сделает — ума не приложу. Скажет, что Амаранта поскользнулась и упала лбом на тяпку? Учитывая повышенную смертность среди цариц, может, никто и не удивится. Перед тем как он завернул ее тело в ковер, я стащила с цыплячьей шеи старой ведьмы пылающий кулон. Теперь он болтался у меня на груди, горячий и тяжелый, подпрыгивая при ходьбе. Вот он, секрет плавной походки Амаранты: не хочешь заработать синяки от драгоценного кулона — не делай резких движений.

Я привычно скользнула в арку за рыцарем, пошла по тропинке. Небо хмурилось, сгущались тучи. Холодный, совсем не майский ветер рванул за волосы. Грех жалобно взвыл, едва меня заведя, сбежал по ступенькам навстречу, запутался в ногах, так что я едва не споткнулась.

— Совсем про тебя забыла, — покаялась я, проходя в дом.

— Ну что? — Юлька заклеила царапину на шее пластырем, переделась. Если бы не подсохшая лужа крови посреди дома, можно было бы подумать, что ничего страшного не произошло.

— Все в порядке. — Я прошла на кухню и насыпала в пустую миску кошачьего корма. Грех жадно зачавкал, оттолкнув мою руку головой. — Эльвира Протосовна согласилась. Амаранта была права — наш нотариус терпеть не может незавершенных дел. Придется, правда, раскошелиться, но теперь у нас есть богиня. Еще нужны воин, ведьма и царица. И нам надо решить один важный вопрос.

Я повернулась к Юльке, вынула из кармана маленькую коробочку, откинула крышку. Два обручальных кольца сверкнули на алом бархате.

— Юля, ты выйдешь за царя Ивана?

— Вась, ты сдурела? — тактично поинтересовалась подруга, разглядывая кольца.

— А у нас есть выбор, Юля? — спросила я, захлопывая коробочку. — Где еще взять царицу за три дня? Даже за два. Эльвира сказала — придет на третий день.

Юлька напряженно молчала.

— Ради спасения мира! — патетически воскликнула я, разворачивая бумажный пакет с логотипом фастфуда и вынимая гамбургер. Выдавив под верхнюю половинку булочки щедрую кляксу кетчупа, добавила: — Война войной, а обед по расписанию.

— У нас в зале лужа крови, а твой аппетит не пострадал! — возмутилась подруга.

— Ага, — согласилась я. — Я ведьма, мне можно. И, кстати, ни в коем случае не вытирай кровь! Она должна остаться, для ритуала.

— Я и не собиралась.

Юля посмотрела на меня с укоризной, потом заглянула в пакет и вытащила второй гамбургер.

Некоторое время мы молча ели, изредка бросая друг на друга выразительные взгляды.

— Так что скажешь насчет Ивана? — спросила я, удовлетворенно откидываясь на спинку стула.

— Я даже не помню, как он выглядит — мутный бородатый тип.

Я бросила на стол золотой, и он подкатился к Юлькиному локтю.

— Можешь полюбоваться на его профиль. На монетах, которыми нас Лютый облагодетельствовал, везде царь.

— Я не пойму, у него носа нет? — удивилась подруга, рассматривая

золотой.

— Дай-ка гляну... — Я близоруко уткнулась в монету. — Есть вроде. Только стерся. Золото — металл мягкий.

— А Ивана ты не думала спросить, хочет ли он жениться?

— Нет. — Я вытащила из выреза майки сияющий кулон. — Нам сейчас риск ни к чему. Пока расколдуем, пока объясним, почему загнали тятку в лоб его крайней жене. И не факт, что он согласится. Нет, ты была бы прекрасной царицей, но Иван тебя не знает так, как я.

— Это да, — задумалась Юля. — Я бы тут навела шороху. Занялась бы развитием искусства, пересмотрела социальные программы...

— Но ты особо губы не раскатывай, — осадила я ее. — Нам надо будет вернуться в наш мир. Проходы закроются навсегда.

Во взгляде Юльки мелькнуло искреннее сочувствие, и я резко встала, спряталась за открытой дверцей холодильника. Однако когда я достала кефир, Юля все так же жалостливо смотрела на меня.

— Что? — не выдержала я.

— Вась, ты уверена, что хочешь вернуться в наш мир?

— Что за вопросы? — возмутилась я. — Конечно, хочу! Да, тут красиво, природа и экология, но даже туалетной бумаги не купишь.

— А Ярополк? — в лоб спросила Юля.

— А что Ярополк, — помрачнела я. — Он сам сказал — дверь надо закрыть навсегда. Он и не пытался меня удерживать.

— Ладно, — сказала Юлька после паузы. — Я выйду за Ивана. Хотя можно было бы и без колец обойтись. Или подешевле купить.

— Это все Онисий. Я забежала к нему, чтобы оставить в сейфе наши накопленные богатства. То да се, слово за слово, в общем, рассказала, что у вас с Иваном свадьба намечается. У гнома глаза загорелись, борода распушилась, он мне эти кольца чуть не насильно вручил.

— Ему, наверное, для рекламы хорошо.

— Ага. Кстати, несмотря на то, что обменный курс золотых Лютого куда ниже, чем у монет Амфибрахия, у нас накопилась приличная сумма, плюс еще те тридцать золотых, что мы за дракона получили. Если бы еще жаба не продрыхла всю зиму в спячке...

— И куда потратим эти деньги?

— Рванем в отпуск! — предложила я. — Мы тут год сидели как припильенные, пора и развеемся.

— Ты хочешь сказать, тебе было скучно? — удивилась Юля. — Но вообще я — за. Хотя и не предполагала, что проведу медовый месяц с тобой.

— Я думала, ты будешь дольше упираться насчет свадьбы, — призналась я. — Приготовилась соблазнять тебя короной и плащом со значком супергероя.

— Два плаща таких купим, раз уж мы вознамерились спасти мир. — Юлька встала, не доев гамбургер, открыла дверь во двор. — У нас действительно нет выбора. Мы должны закрыть чертову дверь. Иди посмотри на это, Вася!

Я подошла к порогу и замерла. Тучи тянулись со всех сторон неба, подползая к моему дому. Холодный ветер гнул к земле траву, обрывал лепестки сирени. На забор тяжело плюхнулась сова-зомби, перевела на меня мутные глаза. Брюс мелькнул розовой молнией — и сова опрокинулась в траву. Ерема подошел, выдернул тяпку из птицы, вытер тряпицей зубчики. Взмах топора — и за забором взлетело облачко пестрых перьев.

— Это уже третья, Василиса, — сказал Ерема. — Что-то плохое грядет.

Я вспомнила дикий крик подвального бога, от которого все темное в моей душе всколыхнулось, словно муть со дна озера. Бог почуял жертвенную кровь, понял, что его тюрьма может стать вечной. Он звал на помощь. Кто еще услышал его зов? Я поежилась, обняла себя за плечи, но холод словно шел изнутри.

Пора приниматься за дело. Мне предстояло совершить поступок, от которого ведьма внутри меня выла от злости.

— Ты уверена? — Юлька смотрела на крупный сверток из одеяла в моих руках с искренней жалостью.

Я переступила с ноги на ногу, вода в озере осторожно тронула босые пальцы. Уже теплая, еще пару дней — и можно было бы купаться.

— Водяной! — крикнула я. — Выходи, пока я не передумала!

Корней показался у камышей, быстро подгрел к нам, оставляя за собой белый след, словно катер.

— Что происходит, Василиса? — озабоченно спросил он. — Рыба вся попряталась, лягушки затихли.

— Некогда объяснять, — сказала я. — Но ты тоже схоронись и в ближайшие три дня не показывайся. И вот еще... — Я протянула сверток в его перепончатые лапы.

Корней откинул уголок одеяла и едва не выронил подарок.

— Я возвращаю тебе Амфибрахия, — сухо сказала я. — Теперь я имею право им распоряжаться. Позаботься о нем.

— Василиса! Я... тебе... — Водяной позеленел еще больше, жабры на

шее затрепетали.

— Все. Пока.

— Ты снова прощаешься навсегда? — понял он, шагнул ко мне.

— Целоваться больше не будем. — Я остановила его вытянутой рукой. — Ты и в прошлый раз меня всю обслюнявил.

— Юлия! — воскликнул Корней, прижимая к себе жабу и поворачиваясь к подруге.

— Прощай! — Юлька всхлипнула, шагнула в озеро, забыв про сандалии, обняла водяного.

А я уже шла дальше. Как же мне не хотелось расставаться со златоносной жабой! Но, во-первых, я боялась, что в нашем мире ей может что-то не понравиться — влажность воздуха, температура, вид из окна — мало ли; а во-вторых, именно мое нежелание отдавать Амфибрахия меня пугало. Ведь сейчас я собиралась упокоить бабу-ведьму, и кто знает, может, моя жадность и страсть к халявному золоту дала бы ей ключик от моей души.

Остановившись у валуна, я вытащила из кармана кулон с душой бабули. Красные искорки едва мелькали в черной глубине. Маргарита должна была умереть больше года назад, но все это время у нее оставалась связь души с телом, гниющим в сырой земле. Юлька подошла, отерла рукавом лицо.

— Надеюсь, Вася, больше с водяным прощаться не придется.

Я попыталась повернуть крышку кулона, но Амаранта слишком плотно ее закрутила.

— Дай я, — предложила Юлька, глядя на мои потуги. — Или давай его об камень разобьем!

— Он не бьется, — пропыхтела я, сражаясь с крышкой.

Обхватив кулон краем майки, чтобы рука не скользила, я крутнула изо всех сил, и пробка поддалась, выпала на желтый песок. Тонкая струйка дыма потянулась из хрусталя и снова спряталась внутри.

— Бабуле неохота покидать место жительства, — заметила подруга.

Я перевернула кулон, потрясла его над могилой. Черная душа Маргариты вылетела, сгустилась в клубок, в котором на мгновение проступили человеческие черты, а потом ее будто пылесосом втянуло под камень. Песок под моими ногами дрогнул, валун покачнулся и осел глубже.

— Вот и все, — сказала я. — Покойся с миром. Знаешь, Юлька, я тут думала на досуге над условиями бабки. Они вроде как должны были открыть темную сторону моей души: я стала бы развратной, удовлетворяя инкуба, жадной, пользуясь золотом Амфибрахия, злее в целом, если бы

колдовала. Ну, гости, приходящие в наш мир, ослабили бы грань между мирами, а тыквы нужны были любовнику Марго для посадки. Но одно условие выбивается из общего списка: кормить кота. Оно имеет смысл только в том случае, если старая ведьма была привязана к тощему засранцу. Что, если искорка любви все же горела в ее душе? Что, если вся эта интрига с подселением души в чужое тело была задумана ради того, чтобы не пришлось приносить в жертву любимца?

Юлька насупленно помолчала и потянула меня за рукав к холму. Тучи нависли над домом, едва не цепляясь за черепичную крышу. Дождь пошел внезапно, будто повернули вентиль. Тугие струи воды обдали нас холодным душем, и мы с Юлькой, взвизгнув, побежали к дому.

Ярополк прискакал ближе к ночи. Поначалу я приняла стук в дверь за шум непогоды — ветер разбушевался не на шутку: завывал диким зверем, царапал крышу ветками деревьев.

— Все улажено, — сказал Яр, снимая мокрый плащ. Тряхнул головой, как пес после прогулки. — Амаранту положили в фамильный склеп. Народ уже потянулся прощаться с царицей. Рану прикрыли короной, слухов удалось избежать. Однако пошли волнения.

— Не диво, — заметила Юлька. — Четвертая царица померла. Там уже небось склеп переполнен, некуда гробы ставить. На что ты меня толкаешь, Вася? Ты видишь, как опасно быть царицей?

— Их всех Амаранта убивала, — ответила я, — которая сейчас лежит в том же склепе. Так что тебе ничего не грозит.

— Вы о чем сейчас, девушки? — нахмурился воевода.

— Для того чтобы замуровать Лота, нам нужна богиня — с ней я уже договорилась, ведьма — это я, воин — ты, и царица. Ею будет Юлька.

Я вынула из морозилки три пачки эскимо. Одну забрала Юлька, вторую я всучила Яру, который устроился на табуретке, заняв длинными ногами полкухни, а третью пачку оставила себе.

— Иван ни за что не женится без любви, — сказал Яр, с интересом разглядывая мороженое.

— Да ладно! Я думала, у него браки по расчету были. — Я развернула обертку и лизнула шоколадную глазурь.

— Я видел Ивана. Он сидит в комнате Амаранты, не отвечает на вопросы, ни на что не реагирует, как кукла. Все решили, что он не в себе от горя.

— Ничего. Женится, и я его сразу расколдую, — обрадовала я воеводу.

— Ты сумеешь, Василиса? — Ярополк посмотрел на меня снизу вверх,

глаза казались темными, как вечернее небо.

— Конечно, я же ведьма, — фыркнула я. — Ты сам мне это постоянно говоришь. Я попробую управлять царем с помощью кулона Амаранты. И заставлю его пойти к алтарю с Юлькой. Нам позарез нужна царица. А где еще ее взять за два дня? У тебя есть другие идеи?

Яр отвел взгляд и откусил мороженое. Он замер на мгновение, осторожно распробовал, повертел в руках палочку.

— Чудная штука, — сказал он. — Когда ты расколдуешь Ивана, он будет вне себя от ярости.

— Значит, расколдуем — и быстренько делаем ноги. В конце концов, царь для ритуала нам не нужен. Потом мы с Юлькой вернемся в наш мир, а царь сможет расторгнуть брак.

— Расторгнуть? — Яр слизнул подтаявшую капельку мороженого. — У нас так не делается. Только пока смерть не разлучит.

— А у нас этот брак и вовсе не будет считаться действительным, — заявила Юлька. — Правда же, Вася?

— Правда, — подтвердила я. — Яр, так ты сможешь организовать свадьбу?

— Уже завтра? — задумался воевода. — Проведем простой обряд в дворцовой часовне. Да, думаю, смогу. Если царь выразит желание снова жениться, никто ему не посмеет перечить.

— Выразит, — сказала я, хотя уверенности у меня не было никакой. В книжке-чудеснице я не нашла информации, как управлять бездушной оболочкой. По-видимому, это заклинание не для начинающей ведьмы. Но Амаранте достаточно было кулона на шее, так, может, и у меня получится.

— Ладно, утро вечера мудренее, я — спать. — Юлька бросила обертку от мороженого в ведро и ушла, оставив нас с Ярополком наедине.

— Я останусь у тебя, Василиса, — сказал Яр. — Снаружи творится непонятно что, да и в доме небезопасно.

— Думаешь, если Лот выберется из темницы, ты сможешь его остановить?

— Я хотя бы попытаюсь его задержать.

— Что ж, принесу тебе одеяло.

Уголок рта Яра чуть дернулся, но он ничего не ответил, только кивнул.

Когда я спустилась вниз с одеялом в руках, огонь в камине весело потрескивал, в комнате пахло смолой и хвоей. Яр не стал включать свет, и кровь на иолу почти не была заметна. Он повесил на спинку стула мокрую рубашку и стоял в свете пламени, красивый как бог. Блики играли на мускулах, огонь отражался в глазах. Дорожка волос, убегающая под

ремень, казалась золотой.

Я молча сунула одеяло ему в руки и удрала вверх по лестнице, закрыла за собой дверь дрожащими руками. Я сползла на пол, спрятала лицо в ладонях. Не знаю, сколько так просидела, пытаюсь успокоить бьющееся сердце. В коридоре послышался скрип, и я вскочила на ноги, прижала ладонь к двери. Ведьмина кровь вспыхнула, помчалась по венам, обостряя чувства. Ярополк стоял там, я слышала его дыхание, биение сердца, даже тепло его ладони с той стороны двери. Никогда еще я не хотела его так сильно, никогда мне не было так больно. Если я сейчас ему открою, уйти в свой мир будет куда сложнее. Яр шагнул назад, половица жалобно скрипнула под его ногой.

Жар в крови схлынул, я на ослабевших ногах подошла к кровати и рухнула на покрывало. Амаранта была права: я люблю Ярополка. Но если он не может ради меня поступиться своими принципами, то я тем более не готова променять на него целый мир.

Юлька с утра убежала на работу — вести семинары у студентов, пообещав не опоздать на свою собственную свадьбу. Я вышла во двор с чашкой кофе, уселась на ступеньки, чуть влажные после вчерашнего дождя. Солнце выглянуло между тучами, окрашивая их края золотом. Внизу сверкал гейзер, две радуги перекрещивались над ним полосатыми арками. Грех вышел на крыльцо, ступил лапой на мокрую траву и тут же брезгливо ее отдернул.

Ярополк вместе с Еремой обтесывали какие-то колья. Брюс скакал рядом, обдирая с бревен кору.

— Что вы делаете? — не выдержала я.

Ярополк обернулся, улыбнулся мне так ласково, что сердце сжалось.

— Василиса, доброе утро!

— Доброе, — ответила я, глядя, как он приближается ко мне. Высокий, красивый, выгоревшие концы волос чуть выются, рукава рубахи закатаны, обнажая сильные руки.

— Я поутру встретил Лютого, он снова у вас ошивается?

— Подбивает клинья к Юльке, — подтвердила я.

— Он сказал, что слышал крик темного бога. И, похоже, все существа с примесью темной крови его слышали. Лот звал на помощь.

— Да, я тоже почувствовала что-то такое, — подтвердила я.

— Вот я и решил соорудить укрепление, на всякий случай, — сказал Яр, поворачиваясь к забору. — Да и не спалось мне, если честно.

— А я спала как младенец, — соврала я.

Яр пристально посмотрел на меня.

— Василиса...

— Ярополк Всеволодович, ходь сюда! — перебил его Ерема, и воевода отошел к забору.

Может, и к лучшему. Слишком поздно выяснять отношения.

— Сделай мне кофе, пожалуйста, — крикнул Яр. — Так пристрастился к этому напитку. Чую, жить без него не смогу.

Вот гад! — думала я, наливая воду в турку. Без кофе он, значит, жить не сможет, а без меня — запросто. Сволочь бородатая! Выставив кофе прямо на ступеньки, я вернулась в дом и принялась собирать вещи. В день истечения договора я успела побросать в чемоданы большую часть, но всякие мелочи валялись по дому то там, то тут: Юлькина заколка для волос, одинокий носок, флакончик лака для ногтей. Устроившись в своей комнате, я сделала маникюр, покрыв ногти кроваво-алым лаком, в тон кулону Амаранты, который я теперь носила не снимая. Пошарив в шкатулке с драгоценностями, нацепила на палец перстень с изумрудом, подаренный царицей, когда я присягала на верность. Глядишь, пригодится, когда Иван придет в себя.

Юлька пришла домой к обеду. Стукнула дверьми, загремела посудой на кухне. Я спустилась вниз и обнаружила в прихожей две огромные бобины ниток и пухлый пакет с чем-то белым.

— Юля, это то, что я думаю?

— Купила нитки для Глории. Моей девочке так нравится вязать. Надо попросить Яра, чтобы позаботился о ней. Прямо сердце разрывается, как подумаю, что придется ее оставить...

— Я не про нитки сейчас.

— А, да... — Юлька вышла из кухни, пнула ногой шуршащий пакет. — Я шла мимо салона, а там акция. Два платья напрокат по цене одного. Я и тебе взяла. Устроим фотосессию на память.

Когда мы с Юлькой вышли на крыльцо, у Ярополка и Еремы рты открылись. Себе Юлька выбрала свадебное платье цвета шампанского, с провокационными кружевными вставками на талии и бедрах, а мне — ярко-красное, шелковое, облегающее, с разрезом вдоль всей ноги. Сияющий кулон с душой Ивана смотрелся в глубоком вырезе идеально.

— Айда жениться! — сказала Юлька. — Пока я не передумала.

Я подошла к царской ступе, которая так и осталась стоять в моем дворе. Выглядела она покруче, чем моя: из темного дерева, покрытого лаком, изнутри обита мягкой бежевой кожей.

— Думаешь, ты справишься с управлением? — спросила Юля.

— Не попробуешь — не узнаешь, — ответила я. — Гляди-ка, тут и дверца есть!

— Дверца решает, — согласилась Юля, заходя в ступу. — Мини-бар еще поищи.

Яр уместился позади, прикрыл за собой дверку, которая захлопнулась с мягким щелчком.

— Ерема, заканчивай частокол, — приказал он охраннику. — Ежели увидишь что опасное — прячься в дом.

— Я не могу в него зайти, — ответил Ерема, устанавливая длинное заостренное бревно в землю. — Ведьма дозволения не давала.

Яр так выразительно на меня посмотрел, что мне чуть не стало стыдно.

— Можешь заходить, разрешаю, — позволила я. И скомандовала: — Аер взяти!

Ступа Амаранты поднялась плавно в воздух, окружила нас коконом, защищающим от ветра. Нежно запахло цветами, тихо заиграла скрипичная музыка.

— Знаешь, а ты не так уж была не права насчет мини-бара, — сказала я Юльке. — Может, он тут действительно есть.

— Амаранта знала толк в комфорте, — кивнула подруга, перекидывая распущенные волосы через плечо.

Ступа набрала высоту и понеслась к столице. Мы мигом пролетели над Запорами с крохотными, словно игрушечными домиками. Сверкнул знакомый флюгер на крыше таверны. Черная полоска реки раздвоилась, как змеиный язык, огибая остров с белым жертвенным камнем. Вот его я буду рада больше никогда не увидеть. Зубчатые стены Кижеча выросли впереди, и я жалела, что не полетела на своей ступе. Пусть в ней велик риск врезаться в пролетающую утку, и прическа после полета напоминает стог сена, зато я дольше бы чувствовала дыхание Ярополка на шее и тепло его тела позади себя.

Мы приземлились на крышу башни Амаранты мягко, как на подушку. Яр подал руку, помогая спуститься Юльке, а потом и мне. Он чуть задержал мою руку в своей, но я решительно ее выдернула. Вот зачем он это делает?

Дверка в полу не выдержала натиска воеводы и распахнулась, впуская нас в покои царицы. Служанки испуганно заверещали, бросились врассыпную, как мыши.

— А ну, стоять! — зычно прикрикнул на них воевода.

— Ах, Ярополк Всеволодович, это ты, слава светлым, — слезливо запричитала старшая, со сбитым набекрень чепчиком, из-под которого

выбивались седые пряди. — Не знаем, что делать. Уже и доктора звали, и бояр, и скоморохов — ни на кого царь не реагирует. Даже собак его любимых приводили — сидит пень пнем.

— А собаки тоже к нему не ластятся, — заунывным трагическим тоном подхватила еще одна служанка, смуглая и румяная, как яблочко. — Не признают царя. Ой, нечисто тут...

— Что делать, Ярополк Всеволодович? — спросила старшая.

— Значит, так... — Яр подошел к царю, положил руку ему на плечо. — Принесите царю лучшую одежду, полный комплект. Достаньте из хранилища все регалии власти. И главное — корону царицы.

— А зачем это? — Глазки смуглянки загорелись любопытством.

— Выполнять! — гаркнул Яр, и служанки вмиг исчезли за порогом комнаты. — Ну что, Василиса, командуй.

Я подошла к царю, погладила кончиками пальцев горячий кулон. Мой расчет состоял в том, что Амаранта не делала никаких магических пассов, а царь ее слушался. У тела есть связь с душой, которая сейчас у меня. Попробую приказать.

— Иван, встань!

Колени царя с хрустом распрямились, и Иван встал, как истукан.

— Впечатляет! — Юлька подошла ближе, заглянула царю в глаза. — А он ничего, и нос в наличии.

Иван возвышался над нами, уставившись пустыми глазами перед собой, словно пугало в огороде.

— Иван, иди!

Царь послушно пошел вперед, по пути снес изящный стульчик, с грохотом опрокинувшийся на пол, уперся лбом в окно.

— Стой! Стой! — крикнула я.

Царь замер, точно кукла.

— Василиса, — сказал Ярополк. — Может, ты его все же сначала расколдуешь?

— Это создаст дополнительные проблемы, — ответила я. — Объясни, убеди... это рискованно.

— А если кто-нибудь услышит, как ты отдаешь царю команды, словно псу, тебя могут отправить прямиком на костер. Да и свадьба сорвется.

— Амаранта приказывала Ивану без слов, — вспомнила Юлька. — Попробуй и ты, силой мысли.

Я наморщила лоб, посылая царю приказ. Ничего — стоит, не шелохнется. Подошла ближе...

— Сработало! — радостно воскликнула я, когда Иван запрыгал на

одной ногое.

— А говорить он умеет? — засомневалась Юля.

— Зачем ты купила мне платье, под которое даже трусы не наденешь? — ровным баритоном озвучил мои мысли царь.

Взгляд Ярополка устремился на мою попу.

— Ладно, вы потренируйтесь, — сказал он, — а я найду служителя и прикажу готовить часовню. И вот еще что, Василиса... не садись на холодное, — добавил он, скрываясь за дверью.

Яр ушел, а мы с Юлькой устроились на царской кровати и принялись изгаляться над царем. Опытным путем мы выяснили, что Иван улавливает мои команды с расстояния не больше двух метров, прекрасно удерживает равновесие на одной ноге и неплохо танцует стриптиз.

— Все, Василиса, перестань, — попросила Юля, когда я раздела царя до нижних панталон.

— Должна же ты знать, за кого выходишь замуж, — возразила я. — К тому же сейчас принесут свадебные одежды, так что его по любому пришлось бы раздеть.

— Да, но необязательно, чтобы он при этом крутил бедрами и подмигивал.

— Юля! Я тренируюсь концентрироваться! Знаешь, как это сложно? — сказала я, снимая танец царя на видео.

— У Амаранты прекрасно получалось. И убери телефон.

— Ладно, больше не буду, — согласилась я, — у меня и так память в телефоне забита.

Царь завлекательно провел руками по рельефному прессу.

— Это было в последний раз! — сказала я в ответ на гневный взгляд Юльки. — Кстати, царь в отличной форме. Смотри, какие бицепсы.

Я подошла, пощупала мышцы царя.

— Так, руки убрала от моего будущего мужа, — скомандовала Юля, встав с кровати. — Дай мне потрогать. И правда твердые. А какие кубики...

Две служанки вошли в комнату, таща за собой вешалки с роскошными одеждами, и замерли, сраженные зрелищем полуголого царя в окружении развратных девиц, то бишь нас с Юлькой.

— Наряд оставить! — гаркнул царь. — Сами вон!

— Ожил! Царь-батюшка ожил! — воскликнула старшая, всплеснув руками.

— А с глазами-то у тебя что? Может, лекаря позвать? — настороженно предложила младшая.

— Вася, а и правда, что у него с глазами? — шепотом спросила

Юлька. — Они у него сейчас из орбит вылезут.

— Он ими гневно вращает, — так же шепотом объяснила я.

— Вон! А то уволю! — крикнул царь и топнул ногой.

Служанки бросились из комнаты, а Юлька рухнула на кровать, поджимая к себе колено.

— Прямо на палец, — зашипела она от боли.

— Прости, — покаянно попросила я. — Ну что, давай одевать жениха?

Когда Яр вернулся, царь уже был готов: в светлом кафтане, украшенном золотыми лентами, белых атласных штанах. Юлька даже расчесала ему слегка свалывшуюся бороду и побрызгала своими духами.

— Вы не так меч прицепили. — Яр подошел, подтянул ремень туже, перевесил меч на другую сторону. Приколол к груди царя какой-то орден размером с тарелку, завязал на шее золотой бант. На голову водрузил корону, сдув с нее пыль.

— Красавец, — одобрила я жениха, втайне любуясь Ярополком. Он тоже переоделся, будто нарочно выбрав красный кафтан, в тон моему платью.

— А это для царицы. — Яр чуть поклонился Юльке, и та, сделав изящный реверанс в ответ, забрала у него сияющую камнями корону.

— Тяжелая, — пожаловалась она, примерив ее перед зеркалом.

— Тебе ее недолго носить, — ответила я, валяясь на царской кровати.

— И вот еще. — Яр протянул Юльке прозрачную фату, расшитую золотыми нитками. — У нас так принято.

Он накинул фату прямо поверх короны, невесомая ткань зацепилась за зубцы, окутала подругу нежным облаком.

— Как я выгляжу? — спросила Юлька, покрутившись передо мной. — Похожа на невесту?

Иван, стоявший столбом возле кровати, вдруг рухнул как подкошенный.

— Что это с ним? — испугалась Юля.

— Упасть — не встать. Вот что я подумала о том, как ты выглядишь, — пояснила я. — Встань, Иван, это не команда была.

Юлька расцвела, а Яр подошел к царю и, ощупав ему голову, отцепил от груди гигантский орден и прижал его к затылку.

— Василиса, постарайся контролировать свои мысли, нам еще надо доставить Ивана в часовню в целости и сохранности, — попросил Ярополк.

Он вышел из комнаты, приказав нам оставаться на месте, и вскоре мы

услышали его голос:

— Принесите в царскую опочивальню яств, да посытнее, царь желает прогуляться, а после отобедать. Немедля! — Он заглянул в комнату и прошептал: — Путь свободен.

По лестнице башни Яр стащил царя, перекинув через плечо, не доверяя моему чуткому руководству. Я не спорила. Контролировать свои мысли оказалось непростым делом, это вроде как «не думай про белую обезьяну». Я старалась не думать лишнего, но Иван то и дело дергал ногой, шевелил пальцами на руках или косил глазом. Юлька злобно сопела и кидала гневные взгляды в мою сторону, уверенная в том, что я издеваюсь над беззащитным царем.

У подножия лестницы Ярополк сгрузил царя на пол, поправил пышный бант на его шее. Юлька глубоко вдохнула, нервно разгладила юбку на бедрах.

— Я был дружкой жениха на всех свадьбах царя, — сказал воевода. — Но никогда еще его невеста не была так прекрасна.

Юлька благодарно ему улыбнулась, а я с тоской подумала, что если кто здесь и бессовестно хорош, так это воевода. Я успела сто раз пожалеть о том, что не открыла ему дверь сегодня ночью. Хотелось еще хоть разочек прижаться к его груди, растаять от нежности в сильных руках...

— О чем ты думаешь, Василиса? — спросил вдруг Яр.

— Не твое дело, — огрызнулась я.

— Как раз таки мое, — не согласился воевода. — Почему царь гладит меня по заду?

— Давайте покончим с этим поскорее, — смутилась я и заставила царя вытянуть руки по швам.

Яр согласно кивнул и открыл перед нами резные двери часовни.

Внутри было тихо и сумрачно. Свет лился от канделябров со свечами, сладко пахло розами и чуть-чуть — ладаном. Стены, расписанные цветочными узорами, поднимались арками, собираясь в купол с круглым отверстием в центре. Луч солнца столбом проходил внутрь часовни, опираясь на мозаичное изображение соединенных рук.

У алтаря нас ожидала седовласая женщина в ярком цветастом платье, приветливая улыбка сменилась застывшим оскалом, когда она увидела, кто перед ней.

— У вас что, священники — женщины? — удивилась я. Шепот отразился от стен часовни, и эхо трижды повторило мою фразу под куполом. — Не то чтобы я против. Наоборот.

— Обряд брака совершается служительницей светлой Лусии, —

объяснил Яр. — Приступим?

Женщина сглотнула, посмотрела на царя, пытаясь поймать его взгляд, — напрасно, глазами оказалось сложнее всего управлять, поэтому я заставила Ивана повернуться к Юльке. Ни у кого не вызвало бы подозрений, что жених не сводит глаз с молодой невесты. А то что при этом он не моргает, так это видит одна лишь Юля. Впрочем, кроме жрицы светлой Лусии, в часовне никого не было.

— Как же так, Ярополк Всеволодович, только вчера Амаранту похоронили, — дрожащим голосом произнесла жрица, сжимая цветочные венки. Морщинки жалобно оттянули вниз уголки ее губ. — Да и негоже царю жениться тишком. Я думала, за себя радеешь, давно уж слухи ходят, что любовь у тебя с молодой ведьмой...

— Не смей перечить царю! — неожиданно гаркнул Иван, не сводя глаз с Юлии.

Жрица вздрогнула и мелко-мелко закивала. Она надела венки на шею Юльке, встав на цыпочки, нацепила второй Ивану. Подвела молодую пару в столб света. Вернее, Юлька сама подошла, а я направила царя. На полпути он замер с поднятой ногой, и мне пришлось спешно подойти ближе, чтобы Иван смог уловить мои команды.

— Светлые Лусия, Анна, Вира и Кристоф, благословите этот союз, — начала жрица хорошо поставленным мелодичным голосом.

Мы с Ярополком стали позади новобрачных, и я невольно скосила на воеводу глаза. Оказалось, он тоже смотрит на меня.

— Василиса, — прошептал Яр. — Ты дважды мне отказала и один раз спустила с лестницы. И, верно, я идиот. Но если ты согласишься, если скажешь хоть слово... — Он прерывисто вздохнул. — Я женюсь на тебе сейчас же.

— Да! — воскликнул царь.

— Рано, Вася, — прошипела Юля из-за фаты.

— Да? — Радость вспыхнула на лице Ярополка, и меня ошпарило волной вины.

— Нет, — буркнула я. — Мы закроем проходы уже завтра, Яр. Слишком поздно.

— Продолжайте! — Голосом воеводы можно было бы реки замораживать. Он отвернулся от меня, глядя прямо в затылок царю, где наливалась багровая шишка. Хорошо он об пол приложился...

Я не вслушивалась в слова обряда. Там говорилось про любовь и верность, счастье в доме и здоровых детей. Однако для Юли и оболочки царя это все не имело смысла. Фарс, а не древний обряд. Если бы на месте

новобрачных стояли мы с Ярополком, все могло быть по-настоящему.

Я подала кольца жрице, когда она попросила. Юлька надела золотой ободок Ивану, царь сумел взять второе кольцо, но промахнулся мимо руки невесты. Юлька сама попала пальцем в колечко, мило улыбнулась жрице.

— Можете поцеловаться, — произнесла та.

Царь вдруг обернулся и страстно прижался к губам воеводы, обхватив его затылок широкой ладонью.

— Стой, не того! — в панике воскликнула я. Царь отшатнулся, повернулся к Юльке. Она бросила на меня полыхающий взгляд и чмокнула склонившегося царя в губы. Воевода в это время отплевывался и оттирался рукавом.

— Поздравляю, — прошептала жрица, оседая на ступеньки алтаря. — Отныне вы муж и жена.

— Знаешь, Вася... — Юля сдернула с шеи цветочный венок, как только мы вышли из часовни. — Я эту свадьбу никогда не забуду!

— Еще бы, — легкомысленно ответила я, вынимая из сумочки телефон. — Ты слишком молода, чтобы страдать провалами в памяти. — Слепив ее вспышкой, добавила: — Интересно, вспомнит ли что-нибудь жених.

— Очень надеюсь, что нет, — мрачно ответил Яр, брезгливо вытирая губы. — Давай скорей его расколдовывай, Василиса.

Мы поднялись по узкой винтовой лестнице в комнату Амаранты. Я успела порадоваться нелюдимости ведьмы — если бы на нашем пути попались фрейлины, или кем там обычно окружают себя царицы, было бы очень сложно объяснить, почему воевода тащит царя на плече, словно свернутый ковер после чистки.

Яр уронил царя на кровать, тот упал плашмя, раскинув руки. Глаза уставились в нависающий балдахин.

— Твори свое колдовство, ведьма, — буркнул воевода, отвернувшись к низкому столику, уставленному исходящими паром яствами. Я заметила там запеченную с картофелем птицу, тарелку с фруктами, какие-то рулеты. Яр поддел тонкий кусок вяленого мяса и целиком засунул его в рот.

С трудом отведя глаза от стола, я сняла с шеи кулон, повернула крышку. Яркая душа царя вырвалась на свободу и алым вихрем устремилась в безжизненное тело.

Мы замерли, ожидая какого-нибудь результата — ничего: все так же лежит, любит балдахином.

— Иван, просыпайся! — Воевода подошел ближе, потормошил его за плечо. — Василиса, не сработало!

— Как же так, — заволновалась я. — Может, ему искусственное дыхание сделать?

— Чур не я, — отказался Яр. — Я с ним сегодня уже целовался, спасибо. Знаешь, Василиса, твои претензии по поводу бороды не беспочвенны — колется.

— Дай я! — Юлька оттолкнула воеводу, склонилась над царем, прижалась губами к его рту, вдыхая воздух. Грудь царя вдруг приподнялась, атласные ленты на кафтане натянулись, рука сама нашла Юлькино бедро. Юлька отпрыгнула, а царь сел, тряхнул головой, поморщился, будто бы от боли.

— Яр, что ты здесь делаешь? Какой странный сон я видел...

Мы с Юлькой, не сговариваясь, попятились к лестнице на крышу.

— А что тебе снилось? — спросил воевода, загораживая нас плечами.

— Ох, всего не упомянуть. Такой долгий, странный сон... Под конец снились две девицы, горячие — ух! Беленькая сладенькая, что сахарок, а черненькая с глазами, как у кошки. А потом — часовня, свадьба... Старею, наверное, раньше такие сны не свадьбой кончались... Пстой, у меня на груди свадебный венок?! — прорычал царь.

Мы пулей взлетели на крышу, запрыгнули в ступу и взмыли над Кижечем.

— Хочешь? — Я протянула Юльке тарелку с рулетиками, прихваченную со свадебного стола.

— Ага, — согласилась подруга, взяв ломтик. Она сдернула фату, стащила корону, от которой на лбу осталась тонкая красная полоска. — Вася, ты сегодня знатно спалилась.

— Ты о чем? — сделала вид, что не понимаю.

— Сама знаешь. Ты любишь Яра. Царь прыгнул на него прямо в церкви. А чьи мысли им управляли?

Я насупилась, уставилась на закат, пылающий над сказочным миром. Дворец стремительно удалялся, я заметила на крыше царской башни двух человек...

— Если ты его любишь — оставайся в этом мире, — тихо сказала Юлька. — Здесь ты можешь быть счастлива. Тебе муж-командир вроде Яра только на пользу — целее будешь.

— Тогда и ты оставайся, — предложила я. — У тебя уже муж есть. И, судя по всему, тоже не подкаблучник.

— Да уж... Не думала не гадала, что мой брак продлится всего

день. — Юлька потянула колечко. — Черт, не снимается.

— Дома с мылом попробуешь, — посоветовала я, глядя на тщетные попытки подружки избавиться от кольца.

— Оно какое-то странное, — пожаловалась Юлька. — Гляди: вроде свободно на пальце крутится, а не снимается.

Я взглянула на обручальное колечко: аккуратный ободок с круглым бриллиантом. Действительно, совсем не туго обхватывает палец, а стоит его потянуть, как будто сужается.

— Вася! — В голосе Юльки послышалась тревога. — Что за кольца ты нам подсунула?

Я, запихав в рот целый рулетик, чтобы у меня было время на обдумывание ответа, лихорадочно вспоминала, что говорил об этих кольцах Онисий. Кажется, что-то о вечной любви и верности, но я решила, что это такой оборот речи.

— Сходим в ювелирку и все узнаем, — миролюбиво предложила я.

Юлька сердито на меня посмотрела и тоже взяла с тарелки ломтик.

Домой мы вернулись уже вечером, по пути Юлька наелась, подобрела и смогла взглянуть на ситуацию со своим обычным оптимизмом и рассудительностью.

— В принципе ничего страшного, — сказала она, сидя на кухне и любясь сияющим камешком. — В крайнем случае придется искать следующего мужа среди католиков. На левой руке у меня все пальцы свободны.

— Хочешь чаю? — предложила я, набирая в чайник воду.

— Ага, я пока пойду переоденусь.

Юлька ушла к себе снимать свадебный наряд, а я заварила чай, в приступе вдохновения настрогала бутербродов с сыром, поставила все на поднос и добавила на тарелочку конфет. Страхнув с крыльца пестрые совиные перья, устроилась на ступеньках, отпила чай, грея руки о чашку, и приготовилась любоваться видом. Однако небо плотно заволокло тучами, в долине клочьями клубился туман, а высокий частокол, ощерившийся, словно волчья пасть, перекрывал мне весь обзор на озеро.

— Добрый вечер, ведьма! — Лютый появился за калиткой, одернул рубаху с чужого плеча, откинул пятерней длинную челку. Я запоздало вспомнила, что так и не купила ему резинки для волос.

— Легок на помине, — ответила я, откусывая бутерброд.

Юлька появилась на пороге, фыркнула, увидев оборотня, и, подхватив по пути конфетку, завернула за угол дома.

— Куда спешишь, сладкая? — ухмыльнулся Лютый ей вслед.

Легкая неприязнь всколыхнулась в душе — терпеть не могу, когда он так ее называет.

— Я гляжу, она никак меня не забудет, — осклабился волк, устраиваясь на ступеньках рядом со мной. — Как увидит — вспыхивает, что лучина. Конечно, с оборотнем ни один мужик не сравнится. Ох, сложно ей будет. Помается, побегаёт от меня, а там, глядишь, и сама назад попросится. От ненависти до любви...

Он стащил бутерброд, откусил половину.

— Ты рассказала ей, что это я вас спас тридцатью золотыми? — поинтересовался он с набитым ртом.

— Рассказала, — коротко ответила я, переставив тарелку с бутербродами по другую сторону.

— И как она это восприняла? Так непривычно чувствовать себя героем.

— Да ты знаешь, Лютый, мы это особо не обсуждали, — призналась я, глядя на него честными глазами, — не до того было.

— Чем же вы таким заняты? — хохотнул он и кивнул на частокол. — Забор, вижу, отгрохали — никакая собака не перепрыгнет.

— Так ты не в курсе, — задумчиво протянула я. — Юля вышла замуж.

Я с наслаждением следила за тем, как самодовольная мина сползает с его наглой морды, сменяясь растерянностью.

— За царя, — припечатала я.

— Как же...

— И знаешь, вряд ли она станет от тебя убегать. Ни к чему матери дракона бегать.

— Дракон здесь? — Лютый вскочил на ноги.

— Ага, — кивнула я, запивая бутерброд чаем. — Юлька как раз к Глории пошла. Может, проведать, конфеток занести, а может...

Я не успела договорить. Оборотень превратился в волка, одним махом перелетел частокол и скрылся с глаз.

— Ушел? — выглянула из-за угла Юлька.

— Ушел, — подтвердила я.

Она села рядом, взяла чай.

— За царицу, — сказала я, и мы чокнулись чашками.

Проснувшись я, как обычно, от яростного стука. Спустившись по лестнице, распахнула дверь и инстинктивно отпрянула назад. На пороге стоял царь. Вот только теперь он ни капли не напоминал ту безвольную куклу, которую мы с Юлькой вчера щупали. Карие глаза Ивана пылали,

широкие плечи развернулись, ноздри раздувались от гнева, темная борода грозно торчала вперед. Царя будто расправили, надули, как воздушный шарик. Он протянул руку, чтобы схватить меня за шиворот, но напоролся на защиту дома.

— Ведьма, удавлю! — пообещал он.

Хорошенькое начало дня.

— Не пускай его, Василиса! — Яр поднялся по ступенькам, вошел в дом и заслонил меня от бушующего Ивана. — Я вчера ему объяснял-объяснял, в склеп к Амаранте водил — как об стенку горох.

— Вы обманом заставили меня жениться! — яростно выкрикнул Иван.

— Это ради спасения мира, — ответила я, выглянув из-за плеча воеводы. — Ты бы предпочел, чтобы у тебя под столицей разверзлись ворота в ад?

— Покажите мне эту дрянь! Эту обманщицу! Воспользовалась временной немощью царя, чтобы опутать его ложными узами! Да еще и кольцо истинной любви мне напялила.

— Кольцо — это мой косяк, — повинилась я. — Ошибочка.

— Где эта ведьма?! — не унимался Иван.

— Она не ведьма, ведьма — это я, — терпеливо объяснила я царю, но он, кажется, меня не слушал. Он устоялся куда-то вглубь дома и затих, не отрывая глаз. Я уж было подумала, что его снова околдовали, но, повернувшись назад, увидела Юльку.

Она прибежала на шум в одной сорочке и стояла возле лестницы. На пирогах мельничихи Юлька еще больше округлилась, но в очень правильных местах, растрепанные после сна волосы окутали плечи. Она выглядела такой нежной, мягкой, словно свежая булочка, а голубые глаза смотрели на царя твердо, с вызовом. Тишина между молодоженами накалилась, сгустилась, как туча перед грозой.

— Пойми, Иван, — решила я прервать затянувшуюся паузу, — у нас не было другого выбора...

Царь выдохнул, с шумом втянул воздух. Он что, все это время не дышал?

— Я бы хотел консумировать брак, — сказал он.

Юлька подошла к дверному проему вплотную, ее и царя разделяло не больше пяти сантиметров да невидимая защита дома, которая почти искрила от напряжения. Я вдруг остро почувствовала себя лишней.

— А больше ты ничего не хотел? — ровно поинтересовалась Юля.

— Что с вами не так, девушки? — вполголоса пробормотал воевода за

моей спиной. — Одна не хочет замуж, но с радостью предается плотской любви, другая уже замужем, но отвергает утехы плоти.

Иван тряхнул головой, будто отбрасывая наваждение.

— Это все кольцо, — сказал он. Глаза его стали черными от расширившихся зрачков. — Ты надела мне кольцо истинной любви — древний артефакт, когда-то принадлежащий светлой Лусии и ее супругу — царю Ивану Шестому. Частичка их любви осталась в кольцах, и те, кто их надевает, испытывают друг к другу сильнейшую тягу.

— Не знаю, — пожалла плечиком Юлька, тонкая бретелька сорочки сползла, и подруга медленно ее поправила, вызвав судорожный вздох царя, — я ничего такого не чувствую.

— Твое лицо под фатой, глаза, губы — это самое яркое воспоминание, которое осталось от того периода, когда я был заколдован, — произнес Иван прерывающимся голосом. — Я думал, это наваждение, яркая фантазия...

— Ты все помнишь? — полюбопытствовала я.

— Нет, — задумался царь, — сны и воспоминания смешались, и я не могу определить, где правда, а где вымысел. Некоторые воспоминания — точно бред. — Царь бросил быстрый взгляд на Ярополка, который стоял с каменным лицом. — Я понял — это заговор! Вся женитьба с заколдованными кольцами — подлая уловка, чтобы влюбить меня в себя, а потом вертеть, как марионеткой.

— Выдыхай, Иван, — посоветовала я. — Амаранта тобой уже довольно покомандовала. К тому же ты прошляпил действительно крутой заговор у себя под носом. Если бы не мы с Юлькой, тут бы уже армагеддец настал. И на тебя лично никто не претендует — мы проведем ритуал и исчезнем уже сегодня.

— Как? — растерялся царь. — Я останусь женат, но без жены? А как, скажите на милость, мне заводить наследников?

— Для начала заведешь новую жену, тебе не привыкать, — ответила я.

— А может, судьба неспроста нас связала! — Царь, как маньяк, не отрывал взгляд от Юльки, это начинало напрягать.

Я поежилась, и воевода придвинулся, обнял меня сзади, согревая. Погодка сегодня выдалась не майская. Туман, плавающий вчера в долине, добрался и до моего холма. От промозглой сырости кожа покрылась мурашками. Я заметила у калитки Ерему, подбрасывающего Брюса, позади частокола в тумане мелькали блестящие шлемы воинов. Похоже, царь прибыл с охраной.

— Пустить царя в дом? — спросила я воеводу. — Сыро на дворе.

— Пусть охолонет, — тихо ответил Яр. — Кажется, он еще не в себе...

— Так это ты типа царь?! — Оборотень легко перепрыгнул через калитку, вызвав переполох среди охраны, хищной походкой подошел к крыльцу. Ладонь воеводы легла на мои глаза, но я раздвинула его пальцы, выглядывая. Сегодня оборотень не стал обременять себя поиском одежды. На фоне густомолочного тумана он выглядел золотым, мышцы перекачивались под кожей.

— Это моя женщина, — заявил Лютый. Лицо его частично трансформировалось: челюсти выдвинулись вперед, глаза сверкнули желтым огнем.

Иван возмущенно повернулся к Юльке:

— Ты что, спала с оборотнем?

— А ты — с трехсотлетней ведьмой, — не смутилась подруга. — Какие претензии?

Лютый грудью толкнул царя, сгреб его в охапку, но в смуглую ямку меж ключиц тут же уперся блестящий меч воеводы.

— Лапы убери, — посоветовал Яр.

— Без своих воинов ты ничто! — Лютый клацнул зубами, едва не прикусив бороду царя. — Слюняй. Соплежуй. Нюня, — выплевывал он в лицо царю. — Давай, зови свою охрану, поплачь, как маленький мальчик.

Лучники окружили оборотня, ощерились стрелами.

— Я сам, — сказал царь охране. Улыбнувшись, отодвинул меч воеводы. — Давай решим это как мужчина с женщиной. Если ты понимаешь, о чем я. Не кусаться и не царапаться, честный бой.

Он стащил кафтан, повел плечами. Губы растянулась в ухмылке, словно он предвкушал удовольствие от драки.

— Моя царица, подаришь ленту своему мужу? — обратился Иван к Юльке.

— Я бы с радостью, — ответила Юля. — Очень уж хочется посмотреть, как бьют морду этому бабнику. Но... — Она растерянно осмотрела свою сорочку, потом махнула рукой и аккуратно стащила с себя трусики, не поднимая подол.

Лютый глухо зарычал, глядя, как белые стринги перекачывают в руку царя.

Я бросилась в комнату и, вернувшись, всучила оборотню розовую резинку для волос, стараясь не смотреть ниже пояса. Лютый благодарно кивнул, забрал волосы надо лбом в короткий хвостик. Противники разошлись на пару метров, охранники царя образовали круг.

— Ты, я так понимаю, ставишь на царя? — спросила я у Юли. — Тебя

с кольца так кроет или решила проявить супружескую солидарность?

— Нет, — ответила подруга. — Ничего такого. Просто Лютого побесить захотелось. Я, честно говоря, думаю, что у Ивана нет шансов.

А я, глядя как противники кружат во дворе, засомневалась. Царь был тоньше в кости, чем оборотень, выглядел более хрупким, но двигался гибко, плавно, как кот. Крепкие мышцы перекачивались под белой рубахой. Я помнила, как обжигала кожу душа Ивана, запертая в кулон, и как ярко она сияла — хоть на елку вешай вместо новогодней звезды. Нет, легкой победы Лютому не видать.

— Может, ты хоть штаны наденешь? — предложил оборотню воевода, который тоже спустился во двор. — Или это вроде психологической атаки?

Оборотень оскалится и с рыком бросился на царя, но тот ловко увернулся, пропустил волка под рукой, да еще и придал Лютому ускорения ногой по пятой точке.

— Искусство рукопашного боя светлого Кристофа, — сказал царь, приосанившись. — Единство ума и тела плюс равновесие духа...

Оборотень сшиб его с ног и навалился сверху. С победным рыком он вытащил из кармана Ивана Юлькины стринги, зажал их в кулаке, но царь, пользуясь этим отвлекающим фактором, сумел опрокинуть Лютого на траву, а сам уселся сверху. Кулаки молотили по щетинистой физиономии оборотня, как поршни. Когда царь сделал паузу, оборотень сплюнул кровью в траву и прохрипел:

— От тебя так сладко пахнет. Ее запах.

Его свободная рука взметнулась, схватила царя за бороду, резко вздернула голову к небу.

— Атака с воздуха! — вдруг завопил царь.

Светящийся шар рухнул в примятую траву, где только что лежал Лютый.

В плотных облаках мелькнула ступа, еще один шар взорвался у забора, пламя охватило сиреневый куст.

— Ведьмы в небе! — крикнула я.

Из-за угла вырулила Глория, мерно постукивая вязальными копиями, длинный путаный шарф волочился следом. Она замерла, раздувая ноздри, вязание упало на влажную траву.

— Стой! — крикнула Юлька, угадав намерения дракона.

Глория разинула пасть и устремилась за Лютым, который, вскочив на ноги, на бегу превращался в волка.

— Не туда! — Юлька помчалась следом, ухватила за шею Глории, запрыгнула на спину, сверкнув белым бедром. — Вверх!

Дракон растопырил алые крылья и взлетел, скрывшись в облаках. Царь поднял с травы скомканные Юлькины трусики, оброненные Лютым во время превращения, зачарованно посмотрел в небо.

— Какая женщина, — прошептал он.

Воевода схватил царя за шкурку и зашвырнул на крыльцо, охранники ломанулись следом.

Ерема подбежал к нам, сверкая новым глазом. Без повязки он выглядел как-то непривычно, а Брюс висел на его плече, вцепившись зубьями в рубаху.

— Воевода, в небе три ведьмы, — отрапортовал он.

— Все в дом! — скомандовал Ярополк. — Василиса, пропусти.

— Ладно, — буркнула я. — Заходи, заходи, заходи, — пропускала я каждого охранника царя, насчитав дюжину человек.

Через калитку перелетел волк, оставил в траве глубокую траншею следов и умчался за дом. Глория появилась из тумана, сверкая фарами, в открытой пасти клокотало пламя.

— Вверх, кому сказала! — Юлька обхватила руками резиновую шею, голова дракона дернулась вверх, и Глория снова взмыла в небеса, чиркнув колесами по земле.

Огненный залп разрезал облака, за частокол рухнула дымящаяся ступа.

— Минус одна, — сказал Ерема.

Лютый появился из-за угла уже в человеческом облике, ногой подтянул забытое вязание Глории и завернулся в него, как в римскую тогу. Он поправил съехавший хвостик в волосах и прокрался к крыльцу, прижимаясь спиной к стене.

— Василиса,пусти, а?

— Ладно, — ответила, — прячься.

Лютый перешагнул через порог и уперся в царя. Через мгновение воевода уже стоял между ними.

— Будете драться — выгоню, — бросила я через плечо.

Светящийся шар бухнул прямо мне под ноги, щепки разлетелись, осыпались у порога, не сумев пробить защиту. Я тупо посмотрела на обугленную дыру в моем любимом крыльце, перевела взгляд на часы. Хоть бы Эльвира не передумала.

Еще одна огненная полоса перечеркнула небо надвое.

— Минус две! — Ерема стоял рядом со мной, наблюдая за небесным сражением. Зеленый глаз сиял, как сигнал светофора. Брюс нервно перебирал зубчиками на его плече. — Одна осталась, рыжая.

Глория заложила вираж прямо у земли, едва не зацепив крыльями

частокол, взвилась свечкой в небо.

— Уф, — выдохнул Ерема.

— Что там? — Я приплясывала на месте от нетерпения и любопытства.

— Юлия чуть не свалилась. Хорошо, что в облаках ее плохо видно. Негоже царице в таком виде перед людьми появляться.

Облака действительно были плотные, низкие, они едва не сливались с туманом, ватой окутавшим мой дом. Очень странный туман. Осенью Запоры часто укрывало дымкой, но мой холм всегда торчал сверху. И свет почти не проникает, темно, как в сумерках... Нехорошее предчувствие царапнуло по сердцу.

— Темные твари не любят дневной свет, да? — тихо спросила я Ерему. Охранник сразу понял, чего я опасюсь, вперился взглядом вдаль.

— Пока все спокойно, Василиса. И Глория возвращается. Похоже, третьей ведьме удалось сбежать.

— Да и пес с ней, — отмахнулась я. — К тому же в доме нам нечего бояться. Мы под защитой...

Резкий визг из подвала пронзил барабанные перепонки. Стекла в окнах вылетели, стены завибрировали.

Я рухнула на пол, прижимая руки к ушам, зажмурила глаза. Ведьмина кровь вспыхнула, побежала лавой по венам. Я затрясла головой, вжалась в стену. Взрывная волна пронеслась через меня, подняв волосы дыбом, — и все стихло.

Осторожно открыв глаза, я увидела прямо перед собой Яра. Он отвел прядь волос мне за ухо, погладил кончиками пальцев по щеке.

— Все в порядке? — спросил он.

— Ага... — Голос звучал глухо, сипло.

Холодный ветер пробежал по моим ногам, швырнул на колени сиреневый лепесток. А раньше мусор и пыль оставались у порога...

— Нет, не в порядке, Яр, — поправила я, стряхнув лепесток.

Я поднялась, ткнула в него пальцем:

— Вон из моего дома!

Яр быстро вжал голову в плечи, прикрыл руками. Видать, прошлый раз, когда я его выгоняла, хорошо запомнился.

— Видишь, ничего не происходит, — успокоила я его. — А плохая новость: Лот взорвал защиту дома.

Воевода посмотрел на меня с укоризной и заглянул в зал. Дверь посреди комнаты вздыбилась, корка запекшейся крови растрескалась, как сухая земля.

— Что ж, тогда смысла прятаться нет. Дружина — во двор, смотреть в оба, — скомандовал Яр, и воины радостно двинулись из моего гостеприимного дома, толкаясь и застревая в дверном проеме.

Во дворе приземлилась Глория, развернула шины, чуть присела. Юлька спрыгнула на траву, одернула сорочку и вошла в дом, переступив через обгорелую дыру.

— Ничего не натерла? — шепотом озаботилась я.

— Нормально, — ответила Юлька.

Лютый и царь выросли перед ней, отталкивая друг друга плечами. Оборотень подтянул вязание дракона, царь быстро спрятал трусики, которые все еще сжимал в руке, в карман.

— Моя царица! — Иван шагнул вперед, поймал ее руку и, изящно склонившись, поцеловал кончики пальцев.

— Юль, — буркнул Лютый. — Ну, ты это... прости.

— Я пойду переоденусь. — Подруга обогнула кавалеров и быстрым шагом поспешила к лестнице.

— Сопроводить тебя в опочивальню? — Царь устремился следом, но Лютый ухватил его за рубаху, ткань затрещала.

— Я тебе провожу!

— Да что ты возомнил, пес смердящий? — Царь придвинулся к оборотню вплотную, так что они едва не соприкасались носами. — Она моя жена. Царица Велируси. Только попробуй еще раз слюни пустить в ее сторону — шкуру спущу. И это не фигура речи.

— Слышь, тебе корона мозги не натерла? — Клыки Лютого опасно удлинились. — Я не твой подданный. Я — темное отродье. Кажется, так оборотней называют. Прав у меня никаких, но и обязанностей тоже. Так что вертел я твои угрозы на... — волк быстро глянул в мою сторону, — на хвосте.

В дверь постучали, и я радостно побежала открывать. Слава всем светлым — Эльвира! Поскорей бы разделить миры и оставить этот дурдом.

Нотариус всплыла в прихожую, как белый айсберг. Царь сипло вздохнул, прижал руку к груди. Хвостик надо лбом волка вздыбился, как у Чиполлино.

— Светлая Вира, — прошептал Иван.

— Так, посторонним покинуть помещение, — приказала нотариус. — Василиса, плата вперед.

Я отсчитала Вире пять золотых, которые тут же скрылись в белой сумочке богини. Она присела у двери, отскребла ногтем засохшую кровь, понюхала, лизнула... Я отвернулась, справляясь с подступившей тошнотой.

Царь с оборотнем, пятась, вышли во двор, воевода задумчиво проследил за ними взглядом, склонился ко мне.

— Василиса, ты, как лучшая подруга Юлии, можешь повлиять на нее, чтобы она сделала правильный выбор.

— За Ивана волнуешься?

Царь с Лютым разошлись в разные стороны, окатив друг друга неприязненными взглядами, словно помоями.

— Я присягал ему на верность, — сказал Яр. — Как и ты, кстати.

Я покрутила на пальце перстенок с изумрудом.

— Во-первых, Иван — отличный мужик. Да, он немного не выдержан, излишне горяч, — поспешил оправдать царя воевода, заметив мой скептический взгляд, — дипломатия не его конек. Но, похоже, он искренне в нее влюбился. У него это так и происходит — раз и навсегда. А во-вторых, как думаешь, кого бы выбрала Юльке в мужа ее мать?

— Кого-то третьего? — предположила я. — К чему эти споры, Яр? Сейчас Вира еще немножко облизнет двери, проведет ритуал, и мы с Юлькой уйдем в наш мир.

— Василиса! — От его бархатного голоса у меня чуть коленки не задрожали. — Ты говорила, что я излишне патриархален, командую тобой.

— Ага.

Сейчас небось начнет обещания лепить: изменюсь, расстелюсь ковриком. Только поздно пить боржоми.

— Ты права, я такой и есть, — признал Яр. — И я не отпущу тебя.

Его рука сжала мои пальцы мягко, но надежно — не вывернешься.

— Яр! — вспыхнула я. — Ты не можешь!

— Могу, — кивнул воевода. — Я сильнее. И я так и сделаю. Извинюсь потом. По крайней мере, у меня будет такая возможность.

— Зачем тебе это? Ты сидел в своем лесу полгода, ко мне даже не заглядывал!

— Я знал, что в Запорах, в доме на холме живет несносная, вредная, невероятно красивая ведьма, и мне становилось теплей на душе. Да что там, от одних только мыслей о тебе я горю, как солома! Я злился на тебя, я и сейчас злюсь. Но ты моя единственная, и я не отпущу тебя.

— Взялись за руки? Правильно, — одобрила Эльвира Протосовна. — Образуйте замкнутый круг. Где царица?

— Я за нее! — Юлька, громыхая чемоданами, спустилась с лестницы. — Я сейчас, только вещи за порог поставлю, мало ли...

Невозмутимое лицо богини слегка дрогнуло. Она наблюдала, как новоиспеченная царица выставляет багаж за дверь, идет к нам, вытирая

ладони о джинсы. Юлька надела черную водолазку, волосы завязала в хвост — по-видимому, чтобы привлекать поменьше назойливого мужского внимания.

— Царица тоже останется здесь, — прошептал Яр.

— Приказ Ивана? — Я внутренне кипела.

— Самоуправство воеводы.

— Подойдите сюда, — сказала Эльвира. — Ключи от дома?

Юлька, спохватившись, бросилась в прихожую за сумочкой, подала связку богине.

— Простите, можно вопрос? — Мне хотелось поднять руку, как школьнице на уроке, но Яр крепко держал мою ладонь. — Я так поняла, ведьма должна была пролить кровь после ритуала, а у нас заранее это получилось...

— Ты хочешь потом убить себя? — спросила богиня.

Я смотрела в ее ничего не выражающее лицо, и только через минуту спохватилась — она в самом деле ждала ответа на этот вопрос.

— Нет, не хочу.

— Значит, попробуем так.

Мы, взявшись за руки, окружили Виру, стоящую на двери. Богиня подняла руки вверх, рыжие локоны взмыли над головой кудрявым облаком, карие глаза вспыхнули белым светом, а дверь под нашими ногами загудела, будто пол в вагоне поезда. Она разделилась на три сектора. Два угла у ног Яра подсветились синим, с моей стороны зажегся красный, с Юлькиной стороны, после томительного ожидания, во время которого наши ладони успели вспотеть, дверь замерцала золотом.

— Слава те господи, — прошептала Юлька. — Я уж испугалась, что брак действительно придется консумировать.

— А помнишь свой обет, — хихикнула я, — никакого секса до свадьбы? Так теперь можно!

— Замолчите! — Белые глаза Эльвиры обдали нас холодом, и мы заткнулись.

Цвета на двери закрутились в спираль, замерцали звездами. Зрелище завораживало, у моих ног словно оживала вселенная. Белые туфельки Эльвиры парили над дверью, не задевая ее тонкими каблуками.

Рев бога из преисподней сотряс дом до самой крыши, волосы встали дыбом по всему телу. Лот звал тьму из моей души, и я вцепилась в ладони воеводы и Юльки, впиваясь ногтями.

— Начнем! — Голос Виры зазвучал гулко, как колокол, перекрывая даже вой Лота. — Сме отделит добре от злеho!

Она нараспев произносила непонятные слова, а я едва держалась на ногах. Хотелось упасть на колени, склонить голову перед зовущей темной силой, мощь которой невозможно даже вообразить.

— Сумерты! — Со двора донеслись встревоженные крики, на крыльцо взбежал Ерема, в одной руке меч, в другой — Брюс.

— Охраняй дверь! — крикнул воевода. — Никто не должен помешать.

Дверной проем заволокло густым туманом, в нем мелькали тени, вырисовывались силуэты. Раз я успела заметить красные светящиеся глаза и длинную морду — помесь волка с крокодилом. Столб пламени упал с неба, алые крылья на мгновение заслонили дверной проем.

А бог все звал и звал темных тварей со своей кровью. Лютый, поскуливая, вполз на порог, цепляясь когтями за доски.

— Василиса, сил моих нет, — пожаловался он и яростно зарычал на Виру, скаля загнутые серпами клыки.

— Выруби его, — приказала я охраннику. Все-таки отличная реакция у Еремы, никаких раздумий, никакой лишней рефлексии — р-раз рукояткой меча по темечку, аккурат позади хвостика, — и оборотень валяется в отключке.

Юлька сжала мою руку сильнее, я поймала ее сочувственный взгляд.

— Все нормально, — прохрипела я.

Рев Лота зазвучал сильнее, в нем слышалось торжество. Люди во дворе отчаянно закричали. Я старалась рассмотреть через открытую дверь, что там происходит, но из-за Еремы, заслонившего весь обзор, и тумана не могла ничего толком понять. Вдруг прямо перед дверью выросло дерево — толстое, в два обхвата, с черным мохнатым стволом. Ерема отступил на шаг, и я увидела четыре желтых загнутых когтя.

Лапа.

Крик Лота смолк, сменившись ровным урчанием. Крыша над прихожей затрещала, доски треснули, осыпаясь щепками. В дыре мелькнули длинные зубы в два ряда, красный глаз. Я пыталась понять, что происходит. Огромный волк откусил кусок моего дома? Воевода отпустил мою ладонь, бросился к крыльцу, длинный меч уже горел в его руке.

— Яр! — Вопль произвольно вырвался из моей груди.

— Не бойся, Василиса, я берсерк! — крикнул он в ответ. — Я практически неуязвим!

Я открыла рот, чтобы сказать, что это не так, но Юлька с силой дернула меня за руку.

— Не надо, Вася. У него больше шансов победить, если он верит в это.

— Ерема, замени меня, — на ходу приказал воевода. — И не отпускай

их в иной мир.

— Что-о? — возмутилась Юля. Но Ерема уже замкнул круг, взяв нас за руки. Синий сектор воеводы, который стал было потухать, полыхнул с новой силой.

Вира покачала головой, воздела руки к осыпающейся щепками крыше, белый свет из ее глаз заливал весь дом. А я глядела в дверной проем, поперек которого валялся Лютый. Брюс переполз через поверженного оборотня и скрылся в тумане. Мельтешение тел, вспышки огня, белая рубаха паря, изгвазданная чем-то черным... Сияющий меч воеводы пронесся короткой вспышкой, и сердце замерло от радости и страха. Огромная лапа снесла всю прихожую, завалив Лютого бревнами. Клыкастая пасть размером с багажник дохнула на нас гнилью.

— Мама, — прошептала Юлька. По контрасту с черной водолазкой ее лицо казалось белее сумочки Виры.

Гигантский волк недовольно дернул мордой, захлопнув пасть, нитка слюны протянулась до пола, доски зашипели, почернели. Чудовище трянуло башкой, и я увидела на его загривке Яра. Он вонзил меч в мохнатую шею, а потом все скрылось в пламени. Глория пролетела над дырой в крыше, заваливаясь на бок. Одно алое крыло было разодрано едва не до тела, болтаясь бахромой на ветру.

Завоняло паленой шерстью, вопль раненого волка на мгновение перекрыл голос Виры, но заклинания продолжали звенеть в голове, отзываясь эхом. Рука Еремы казалась мне куском льда, ладонь Юльки — горящим углем. Энергия текла из моего тела, сливаясь с белым потоком Виры. Дверь под ногами затряслась, выгнулась горбом. Царапины резали металл изнутри. Кровь Амаранты закипела, запузырилась.

Я повернулась, высматривая Яра в тумане. Но вместо него на крыльцо осел царь. Стоя на коленях, он вдруг резко выставил меч вперед, испарывая туман. Серое мохнатое тело рухнуло на ступени к его ногам, красные глаза сверкнули и потухли. Брюс подполз к царю, развернулся зубцами во двор — охранник.

— Амено! — воскликнула Вира.

Столб белого света пронзил крышу, раскалил дверь под нашими ногами, выжигая кровь ведьмы. Стены дома заходили ходуном. Потолочная балка рухнула, едва не задев Юльку. Камин осыпался крошкой, чихнул золой.

— Девушки, советую вам поторопиться. — Эльвира Протосовна пригладила рыжие кудри, надела на плечо белую сумочку. — Проходы между мирами вот-вот закроются.

Она бросила на сияющую дверь связку ключей и ровной походкой пошла к выходу.

Я посмотрела на свою руку, лежавшую в широкой ладони Еремы, потом глянула ему в глаза.

— Поступай, как знаешь, Василиса, — буркнул он, и рука его разжалась.

Юлька бросилась к двери, перепрыгнула через перевернутый стул. Я порывисто обняла Ерему и побежала следом. Дом разваливался на глазах. Лот заревел в последний раз, его крик угасал, отдалялся. Я выскочила следом за Юлей в наш мир, отерла со лба пот, смешанный с пылью. Витраж над входной дверью осыпался разноцветными осколками. Юлька облегченно вздохнула, взяла меня за руку.

И вдруг жалобный писк донесся из дома.

— Грех!

Я снова бросилась внутрь, заметалась по дому, пытаюсь понять, откуда шел звук. Желтые глаза сверкнули под креслом, и я с облегчением запустила туда руку и вытащила за шкурку кота. Прижимая к груди запорошенное пылью и побелкой тельце, я побежала к двери, распахнула ее и замерла на пороге. Передо мной простирались продольные холмы, затянутые туманной дымкой. Пещера Глории, украшенная новым вязаным ковром, никак не могла существовать в моем мире.

— Нет, — прошептала я. — Нет! Нет! Нет!

Я захлопнула дверь и открыла ее снова, еще и еще. Бревна трещали, штукатурка осыпалась ломтями.

— Василиса! — Я повернулась на голос Яра. Он жив, слава светлым! Опомнившись, бросилась к шестиугольной двери. Она все еще сияла, связка ключей погружалась в оплавленный металл. Я схватилась за ключи, но они рассыпались в моих руках. Остался лишь самый простой — тот, что напоминал ключ от одежного шкафа моей мамы. Круглая головка покривилась, но стержень с плоским хвостиком был цел. Я побежала к двери, толкнула ее еще раз... и выпала прямо в объятия Юльки.

— Вася! — Она стиснула меня так, что Грех, которого я прижимала к груди, протестующе мяукнул.

Дом позади меня в последний раз содрогнулся и осел. Мы отбежали к арке, повернулись назад. Облако пыли поднялось в колодце из стен высоток, скрыв солнце. Наверное, мне показалось, но я будто снова услышала свое имя, произнесенное бархатным голосом воеводы.

Мы улетели в Италию через два дня — у Юльки как раз образовался

небольшой отпуск. Кота оставили Онисию, который сдал нам неплохую двушку над своей мастерской и обещал кормить Греха. Волшебное кольцо оказалось репликой, копией артефакта истинной любви. Гном заявил, что он меня, конечно, очень уважает, но не стал бы дарить бесценный артефакт. А что не снимается — так там простенькое заклятие, чтобы кольцо не потерялось.

Италия встретила нас жарким солнцем, вкусной едой и красивыми мужчинами. Мы бродили по туристическим маршрутам, отъедались пиццей, а вот улыбки и комплименты игнорировали. Первые пару дней после ритуала мы с Юлькой вообще были непривычно молчаливы. Наверное, впечатления должны были утрястись, и требовалось время, чтобы осознать непоправимость событий. Я потеряла дом, любимого, крутую тятку и целый мир. Юлька оставила дракона, к которому была нежно привязана, и двух обожателей.

Сказочный мир не хотел нас отпускать: в статуях бородатых героев, натканных в Риме на каждом углу, мне чудился Ярополк, а Юлька подозрительно долго стояла в луче света, падающего через круглое отверстие в крыше Пантеона. В конце концов, мы решили бороться с тоской самым действенным методом и с головой окунулись в шопинг.

— Знаешь, Вася, жизнь налаживается, — заявила Юлька, перебирая пакеты с фирменными логотипами. — Хватит на нашу долю и одного мира, с такими-то шикарными скидками.

— Ты не скучаешь?

— Скучаю, — призналась Юлька.

— По царю или Лютому?

— По ванне, которую водяной отгрохал. — Юлька забралась с ногами на кровать гостиничного номера. — И по Глории, конечно. Надеюсь, моей девочке починили крыло. Она ведь с характером, не каждого к себе подпустит.

— А если кого подпустит, так долго не выпустит, — подхватила я.

— А ты как? — спросила Юля.

Я покрутила в руках маленький ключик с тусклым кривым колечком, который теперь носила на цепочке, не снимая.

— Плохо, — призналась я, шмыгнув носом. — Яр мне снится каждую ночь...

Юлька пересела ко мне на кровать, обняла.

— И я все думаю, что больше никогда его не увижу. И что я потеряла его из-за своей дурацкой гордости. И, может быть, я бы хотела, чтобы он заставил меня остаться.

Юлька положила голову мне на плечо, мы помолчали.

— Слушай, а ты не удалила видео с царем? — спросила она.

— Не-а. Хочешь посмотреть?

Я вынула телефон из сумочки, нашла в галерее нужный файл. На маленьком экране появился Иван, лихо закрутил бедрами в панталонах, и улыбка появилась на моем лице.

— Вот мы все-таки отожгли, — сказала Юля. — Будет что внукам рассказать.

— Ага, если хочешь потом лечиться от деменции... Нет уж, Юля, это останется только нашим воспоминанием.

Остаток отпуска мы не умолкали, снова и снова обсуждая события прошлого года. Мы вспоминали ловкого Брюса и сурового Ерему, неоднозначную Амаранту и мою упокоившуюся бабу, спорили, кто был бы для Юльки лучшим вариантом — Лютый или царь. Когда мы вернулись из Италии, я решила окончательно отпустить прошлое и еще раз проститься с домом, вернее, с его руинами.

Бросив чемоданы в прихожей и погладив Греха, который снисходительно подставил под ладонь черную башку с порванным ухом, я крикнула Юльке, что скоро вернусь, и пошла в Чертополоховый переулок, иногда дотрагиваясь до ключа на груди. Перед аркой я остановилась, выравнивая дыхание. Переулок все еще был здесь — скрытый для других, но видимый для меня, ведьмы. Шагнув вперед, я оказалась в прямоугольном дворе, и уныние охватило меня. Поваленные бревна, пустые окна, цветные осколки витража в траве — куча строительного мусора, а не мой дом. Я обошла двор, поддела ногой обломок доски. Дверь покосилась, но устояла, подпертая куском уцелевшей стены, и я машинально потянула за ручку. Запах свежеспиленной древесины, нагретой солнцем, окатил меня теплой волной. Я зачарованно открыла дверь и шагнула в тамбур, выложенный из светлого бруса.

Яр стругал что-то посреди просторной комнаты. Солнце ярко светило, лаская бликами обнаженную спину, сверкая в бисеринках пота. Воевода досадливо отбросил мешающие пряди волос, вынул из кармана резинку и завязал на макушке короткий хвостик. Я стояла в дверях, затаив дыхание, сердце бухало, как кузнечный молот, отдаваясь в висках. Яр повернулся, замер.

— Ты побрился? — удивилась я. Гладкий подбородок с ямочкой украшали мелкие порезы, свежие и уже поджившие.

— Ты настоящая? — выдохнул он. И бросился ко мне, опрокинув столярный стол.

Жаркие губы, сильные руки, так горячо, что невозможно дышать. Мы целовались, упиваясь друг другом в доме без крыши, со стенами едва в метр высотой. Я стащила дурацкую резинку, запустила пальцы в его волосы.

— Василиса, я дважды звал тебя замуж, а ведь так и не сказал...

— Что?

— Я люблю тебя.

— Любишь ведьму?

— В тебе достаточно силы и любви, чтобы держать эту дверь закрытой, — прошептал Яр, покрывая мое лицо поцелуями.

— А мудрости? — вспомнила я еще одно качество, воплощаемое светлыми богами.

Вместо ответа Яр поцеловал меня. Так нечестно! Он второй раз уходит от ответа, используя запрещенный прием. Я хотела возмутиться, но вскоре решила оставить это на потом.

На пиру Юлька сидела по правую руку от царя. Я — справа от нее, а рядом со мной — воевода. Вроде как это было нарушением порядка, и воевода должен был сидеть слева от царского трона, но он держал меня за руку, не отпуская, не сводил с меня глаз, и все церемониальные нюансы были забыты.

Длинные столы, заставленные угощениями, уходили в конец зала. С дальнего угла Лютый помахал нам куриной ножкой. Поначалу я была обескуражена, что царь позвал его на пир, но вскоре поняла его коварный план. Оборотень, уже оправившийся после битвы, ел с волчьим аппетитом, вытирая лапы о скатерть и запуская глаза в декольте соседок. Бьюсь об заклад, царь специально распорядился посадить к нему самых обильных прелестями дам.

Еще одним сюрпризом оказался водяной. Он долго слюнявил мне руку при встрече, а потом похвалился золотой медалью, сияющей на груди. Оказалось, что Кореней был героем памятного боя. Когда Глория подпалила огромному сумерту шкуру, тот бросился в озеро, а водяной, управляя течениями, утопил чудище. Череп гигантского волка теперь пылится где-то в царском музее.

— И ведь это еще не все, Василиса! — прошепелявил Кореней. — Слава о моей доблести пронеслась по всем ручьям, и ко мне приплыли русалки! Три штуки. Одна рыженькая, одна с синими волосами, а моя любимая — черненькая, кудрявая. И когда мы...

— Все, я не хочу больше ничего знать, — перебила я Коренея,

демонстративно заткнув уши пальцами, и тот прошлепал на свое место за столом, откуда продолжал многозначительно мне подмигивать.

— Как думаешь, Юля, почему проход все-таки не закрылся? — спросила я подругу. Служанка подлила нам вина в хрустальные бокалы, и я благосклонно кивнула ей.

— Понятно почему, — ответила Юлька. — Потому что для истинной любви нет преград.

— Это ты сейчас о ком говоришь? — осторожно спросила я.

— О нас с тобой, ясен пень, — возмутилась моей недогадливости подруга. — Когда дверь захлопнулась, а ты осталась в доме, я думала, помру прямо у порога.

Царь выделил Юльке личных портних, неограниченный бюджет, и выглядела она сногшибательно: платье цвета небесной лазури с переходом в темно-синий вызвало у придворных дам вздохи восхищения и зависти. От короны Юлька отказалась. Я же выбрала старое зеленое платье, в котором ходила на свидание с Яром, причем из-за воеводы мне пришлось надевать его трижды, и каждый раз я вновь оказывалась голой.

— Либо же мы с тобой, как обычно, где-то накосячили, — продолжала Юлька. — Сама посуди: ты ведьма, которая не колдует, у воинов была замена посреди ритуала, а какая из меня царица?

— Обворожительная! Я все же склонен верить, что это нас судьба решила вновь свести! — Царь осторожно погладил Юлькину ручку, наблюдая за реакцией. Подруга руку не отняла, но, прожевав кусочек куропатки, ответила:

— Иван, хорошо, что ты напомнил. Наши кольца — не древний артефакт, это подделка. Ты сам накрутил себя всей этой историей про истинную любовь. Чтобы их снять, нам обоим надо сказать «раз, два, три, горшочек, не вари». Да, странный пароль, но это чтобы исключить случайную потерю кольца.

Они хором произнесли заговор, кольца соскользнули с пальцев. Юлька пожалала плечами, мило улыбнулась царю и наколола на вилку ломтик ананаса.

— Ничего не изменилось, — сказал царь, лаская Юльку теплыми карими глазами, и снова надел кольцо на безымянный палец. Юля, помешкав, натянула свое, скрыв белую незагорелую полоску на пальце.

Рык оборотня мы слышали даже с другого конца зала — оказывается, он успевал не только поглощать мясо, но и следить за тем, что происходит за нашим столом.

— Чтоб не потерялось — красивое оно, да и привыкла, — пояснила

Юля радостному царю. — Я удивлена, что ты пригласил Лютого.

— Я собираюсь выиграть честно. — Иван улыбнулся уголками губ. — К тому же на пиру все участники битвы, которую запомнят в веках.

— С Глорией все понятно, Брюс остался на хозяйстве... — Тяпка порадовала меня иероглифом «с возвращением, любимая хозяйка» и грядкой морковки, посаженной вместо вытоптанной редиски. Я повертела головой: — Не вижу Ерему.

— Я разжаловал его. — Воевода стиснул челюсти так, что желваки заходили.

— Как ты мог? — возмутилась я.

— Да я едва сдержался, чтоб не убить его на месте, Ерема не выполнил самый важный мой приказ! А он, представляешь, заявил, что и сам хотел в отставку. Женился на мельничихе через день. Вроде бы затяжелела она, — добавил он шепотом.

Радость за друга окатила меня теплой волной.

— А кого мы тогда еще ждем? — Я показала на пустые места по левую руку царя.

— Послов из высокого мира, — скривился Иван. — Мы, по правде сказать, нарушили пару-тройку межмировых соглашений. Но, похоже, они решили не приходить...

Двери в зал распахнулись.

— Посол высокого мира достопрекрасный лэр Эгиль ла Пасоль!

В зал стремительно вошел высокий блондин. Синий плащ с серебристым подбоем взметнулся вокруг его ладной фигуры волнами, когда он склонился в коротком поклоне. Длинный платиновый хвост перевесился через плечо. Иван встал с трона, лично сопровождал посла к месту по левую руку царя, из чего я сделала вывод, что дело пахнет жареным — как бы не досталось нам за самостоятельность от высоких гостей.

— Вась, это эльф? — прошептала Юля.

— Да кто его разберет. Уши вроде обычные. Что мы там нарушили? — тихо спросила я воеводу.

— Соглашение о равновесии миров, закон о проведении магических ритуалов, декрет о сохранении редких видов. К тому же царь последним указом уравнил темных существ в правах с людьми, что тоже надо было согласовать с высокими.

— О, так я теперь не изгой общества?

— Это не самый популярный указ Ивана, — неопределенно ответил воевода, — не все общество с ним согласно, причем темная его часть тоже. Вместе с правами появились и обязанности; к примеру, оборотни совсем не

в восторге от обязательной воинской службы. А еще домик феи, через который осуществляется выход в высокий мир, чуть не развалился. Теперь непонятно, какие взыскания предъявят белобрысые...

— Я счастлив увидеть двух женщин, чья храбрость спасла наши миры. — Эгиль склонился над столом, ловя наши взгляды.

Он произносил слова слишком правильно, но в этом было особое очарование. Впрочем, такому красавчику можно было бы простить даже шепелявость водяного, — золотистые брови вразлет, раскосые зеленые очи, четко очерченные губы. Юлька не сводила с него глаз, пальцы правой руки машинально двигались. Готова поклясться, она мысленно рисует его портрет.

— Я вижу, что ваша несравненная красота не была преувеличением, — галантно добавил посол.

— Спасибо, — мило улыбнулась Юля. — Но не стоит всю честь за спасение мира и ответственность, — она выделила последнее слово, — класть на наши хрупкие плечи.

— Я побывал на месте битвы, — посол положил на тарелку салат из свежих овощей, ломтик красной рыбы, — и видел дракона. Говорят, что это вы, царица, создали его. Я поражен. Я сам на досуге занимаюсь скульптурой и знаю, что высшей наградой для творца являются слова, что его произведение живое. Но ваш дракон и в самом деле живой!

— Да, Глория — моя девочка, — довольно подтвердила Юля. — Вы, значит, уже познакомились с ней?

— Ближе, чем хотелось бы. — Эгиль лукаво улыбнулся. — Поэтому я и опоздал. Над озером прекрасные закаты, вы знали?

Юля расхохоталась, откинувшись на спинку кресла. А царь нахмурился и выпрямился, чтобы загородить послу обзор. Лютый привстал со своего места в углу и, кажется, рассматривал нежданного гостя, а может, выискивал еще ломоть мяса.

— Что ж вы прибыли один? — сухо поинтересовался царь. — Мы ждали троих.

— Мои спутники также познакомились с драконом, однако не пришлись ему по нраву.

— Так они, наверное, пьяные были! — догадалась я. — Глория не переносит алкоголь, — добавила чуть тише.

— Они и в самом деле выпили в дороге по бокалу, — согласился Эгиль. — Теперь они отправились назад в высокий мир, лечиться, — от рева Глории сделались больны.

— Слабаки, — прошептал воевода мне на ухо.

— Я поздравляю вас с браком, — сказал посол царю, снова уставившись на Юльку. — Вы приобрели истинное сокровище.

— Вообще-то брак не был... — Юля замялась. — Ну, мы не совсем...

— Благодарю, — перебил ее Иван. — Я намерен беречь свое сокровище как зеницу ока.

Посол с любопытством глянул на Юлю, на меня, поднял бокал:

— От лица моих правителей я приглашаю вас в высокий мир.

Короткая борода Ивана дернулась, щеки порозовели.

— Никто из правителей вашего мира не устаивался такой великой чести, — кивнул посол. — Пред вами открываются уникальные возможности сотрудничества!

Царь осушил свой бокал до дна, только кадык дернулся на шее.

— И я надеюсь, что сиятельная царица и ее прекрасная подруга будут в составе делегации, — добавил посол, орудуя ножом и вилкой с точностью хирурга. — Вам у нас понравится. — Он снова улыбнулся Юле. — Искусства в нашем мире поднялись на недостижимую высоту.

— Юлия... — Царь склонился к подруге и заговорщицки прошептал: — У меня уникальная коллекция предметов искусства, которая, я уверен, произведет на тебя неизгладимое впечатление. Я бы особо хотел показать тебе один экспонат...

— А еще наши вина сладкие и нежные, как сама любовь. — По знаку Эгиля нам наполнили бокалы.

— Боже мой, это амброзия! — воскликнула я, пригубив вино. — Когда выезжаем?

— Я готов сопровождать вас хоть сейчас.

— У нас пока и тут есть незавершенные дела, — буркнул царь, поглаживая ручку Юльки.

Правду Яр говорил — нелады у Ивана с дипломатией. Как бы он без чуткого руководства Амаранты войну не развязал.

— Проход через дом феи будет открыт для делегации из вашего мира до осени, — официальным тоном уведомил посол.

Иван махнул рукой, и грянула музыка, освободив его от обязанности вести переговоры.

Мы вернулись домой на ступе уже ночью. Юлька, вопреки уговорам царя, отправилась с нами и, попрощавшись с воеводой и хитро подмигнув мне, ушла ночевать в наш мир. А мы с Яром устроились в доме, расстелив на полу одно одеяло и укрывшись вторым. Над нами горели звезды, пригоршнями разбросанные по небу, стрекотали сверчки. Из-за низких стен

доносился еле слышный перестук вязальных копий Глории. Ночь в сказочном мире выдалась теплой, щедро напоенной ароматами трав и обещанием любви.

— Василиса, — Яр накручивал пряди моих волос на пальцы, а я лежала на его груди, слушая биение сердца, — я строю этот дом для тебя.

— Правда? — обрадовалась я, оглядывая бревенчатые стены.

— Когда ты ушла в свой мир, я будто потерял часть себя. Я видел тебя повсюду: мне мерещились твои зеленые глаза, ты снилась мне каждую ночь. Я даже брился каждый день, как будто это могло помочь мне тебя вернуть.

— Мне нравится. — Я погладила ямочку на подбородке. — Хотя без бороды непривычно.

— Я не могу потерять тебя еще раз. Живи здесь, Василиса. Я не стану ничего требовать. Мне достаточно уже того, что ты есть — такая, какая ты есть. И я не буду больше звать тебя замуж.

Я чуть напряглась, и воевода, почувствовав это, погладил меня по спине.

— Я подожду, пока ты сама меня позовешь.

— И тогда ты согласишься? — спросила я, целуя подбородок, колющий от короткой щетины.

— Даже не знаю, — задумался Яр, закинув руки за голову.

Я рассмеялась и прикусила его нижнюю губу.

— Ай, ведьма! — вскрикнул Яр и, перекатившись, прижал меня всем телом. — Я соглашусь, — серьезно сказал он.

— Яр, ты женишься на мне? — тихо спросила я.

Он замер, вглядываясь в мое лицо, словно боясь, что я шучу, но я была серьезна как никогда.

— Да! Да! — выпалил он и поцеловал меня.

Мы занимались любовью в нашем новом доме, и пусть у него пока не было крыши, я была абсолютно счастлива.